РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

2

МАРТ–АПРЕЛЬ

"НАУКА"

МОСКВА - 1996

СОДЕРЖАНИЕ

А.Е. Кибрик (Москва). О международной конференции "Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы" ... 3
И.М. Кобозева (Москва). Обзор проблематики конференции ... 6

ОБЩАЯ ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

П.Б. Паршин (Москва). Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века ... 19
Ф.Дж. Ньюмейер (Сиэтл). Спор о формализме и функционализме в лингвистике и его разрешение ... 43
Р.М. Фрумкина (Москва). "Теории среднего уровня" в современной лингвистике.. 55

ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ЛИНГВИСТИКИ

А. Ченки (Атланта). Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях ... 68
Т.М. Николаева (Москва). Теории происхождения языка и его эволюции – новое направление в современном языкознании ... 79
Ф. Планк (Констанц). Коллекция утверждений о корреляции звука и значимой формы ... 90
З.М. Шаляпина (Москва). Автоматический перевод: эволюция и современные тенденции ... 105

"ГОРЯЧИЕ ТОЧКИ" В ЛИНГВИСТИКЕ

Д. Гил (Сингапур). Знание грамматики, знание языка ... 118
Д. Лухьенбрурс (Мельбурн). Дискурсивный анализ и схематическая структура.. 141
К. Бибок (Сегед). Проблема концептуальной семантики русского и венгерского языков ... 156
А.-М. ди Шиулло (Монреаль). Модульность ... 166
К. Леман (Билефельд). Документация языков, находящихся под угрозой вымирания (Первоочередная задача лингвистики) ... 180

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Ю.Д. Апресян, А.В. Бондарко, В.Г. Гак, В.З. Демьянков, В.М. Живов, А.Ф. Журавлев, Е.А. Земская, Ю.Н. Караулов, А.Е. Кибрик, Г.А. Климов (отв. секретарь), *Т.М. Николаева, Ю.В. Откупщиков, В.В. Петров, В.М. Солнцев, Н.И. Толстой* (главный редактор), *О.Н. Трубачев* (зам. главного редактора), *А.М. Щербак*

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2
Институт русского языка, редакция журнала "Вопросы языкознания"

Тел. 201-74-42

Зав. редакцией *Н.В. Ганнус*

© Российская академия наук,
Отделение литературы и языка РАН, 1996 г.

№ 2 1996

© 1996 г. О МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ "ЛИНГВИСТИКА НА ИСХОДЕ XX ВЕКА: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ"

Читателям журнала предлагается в известной мере необычный номер. Он целиком посвящен материалам еще более необычной конференции, проведенной в начале прошлого года филологическим факультетом МГУ.

Думается, что идея провести представительную международную конференцию по лингвистике была вполне закономерной. Ушли в прошлое ограничения на международные контакты, когда такого рода немногочисленные встречи проводились как элитарные закрытые мероприятия, однако, к сожалению, такие контакты теперь приобрели преимущественно односторонний "экспортный" характер, будучи доступными по-прежнему для немногих. Возможность принять дома зарубежных коллег интересна не только для российских лингвистов, но и для потенциальных гостей: можно было прогнозировать достаточно высокий уровень интереса к российской лингвистике (и вообще к России) за рубежом и позитивный отклик оттуда на организацию совместной научной сессии. Что касается ее российской стороны, то в нашей научной жизни, к большому сожалению, сложилась за последнее время весьма неблагоприятная ситуация: столь популярные когда-то массовые научные сборы в периферийных центрах стали практически невозможными по прозаическим экономическим соображениям, а столицы, куда добраться всегда проще, не спешили окунуться в многохлопотную организационную деятельность. Поэтому такое мероприятие могло бы как-то восполнить нехватку контактов и научного общения и, следовательно, собрать достаточно большое число российских участников.

Итак, сверхзадачей организаторов конференции было в некоторой степени удовлетворить потребность в массовом научном форуме, способным собрать коллег обширного постсоветского пространства, и в то же время объединить на российской почве отечественных ученых и их зарубежных коллег, познакомить друг с другом, дать возможность взаимно сравнить сферы интересов, точки зрения, технику аргументации и вообще традиции.

Оставалось принять решение, какая тема могла бы успешно выполнить эту объединяющую функцию. Отдавая должное безусловно оптимальному жанру узкоориентированной конференции, сплачивающей пламенных единомышленников, нельзя не признать, что в данном случае такой выбор жестко ограничил бы состав ее участников. Поэтому тема конференции была сформулирована проблемно и в то же время максимально общо – о тенденциях развития лингвистической мысли:

– какой путь прошла наша наука в нынешнем веке,
– какие проблемы наиболее всего волнуют нас сегодня и
– что будет волновать наших преемников завтра.

Таким образом, проблематика конференции не ограничивалась теми или иными разделами лингвистики или теми или иными ее методами. Предлагалось лишь рассматривать любую лингвистическую проблему в ее значимостном ракурсе.

Действительно, конференция получилась весьма представительной как по составу участников, так и по проблематике. В программу конференции было включено более 370 докладов, из которых подавляющее большинство (290) состоялось. Вопреки некоторым опасениям, ее нашли возможность посетить языковеды из всех уголков России (точнее – из 51 города) и сопредельного ближнего зарубежья, а также из более

чем двадцати далеких стран, включая Австралию и Сингапур (не говоря уже о Германии, США, Великобритании...). Не менее представительной оказалась конференция и по составу секций и докладов: трудно назвать область языкознания, которая не была бы на ней представлена. Более того, благодаря многочисленности участников многие секции стали по существу мини-конференциями профессионалов соответствующей области, а конференция в целом напоминала международный мини-конгресс лингвистов.

Конечно, многое на этой конференции не было оптимальным, многое не удалось: так, некоторых необходимых докладов и имен на конференции не было, а без иных докладов можно было бы и обойтись. Но что так будет, организаторам было известно наперед. Важно, тем не менее, другое: сверхзадача была выполнена, представители самых различных школ, направлений, географических ареалов, наконец, – они собрались, собрались не где-нибудь, а у нас, в Москве, и это был, в своих лучших образцах, праздник лингвистических идей, гипотез и находок. Не буду пытаться их перечислять – полный, при всей его компактности, обзор докладов конференции содержится в публикуемой ниже статье И.М. Кобозевой. Остановлюсь далее лишь на вопросе о публикации материалов конференции.

Благодаря усилиям администрации и коллектива филологического факультета, а также финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда к открытию конференции было осуществлено двухтомное издание тезисов (Лингвистика на исходе XX века: Итоги и перспективы. Тезисы международной конференции. М., 1995, 606 стр.) тиражом 1000 экз. В этом издании собраны в тезисной форме все представленные 370 докладов.

Редколлегия журнала "Вопросы языкознания" также сочла целесообразным отразить на его страницах проблематику конференции и посвятить ей специальный выпуск. Предлагаемая читателям подборка, конечно, не отражает всего разнообразия авторов, школ и проблем, содержащихся в программе конференции. Это лишь малая толика того, что на ней прозвучало. Однако в своем камерном варианте эта подборка отражает структуру конференции, разнообразие тематики и географию авторов, представляющих соответствующие традиции. Определенное предпочтение отдано при этом нашим зарубежным гостям, которых, прямо скажем, нечасто можно почитать по-русски.

В данном номере, исключая настоящее введение и обзор И.М. Кобозевой, три раздела. В первом разделе речь идет об общей динамике развития лингвистической теории. Наиболее глобально проблема рассматривается в статье П.Б. Паршина "Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века". Это авторский и, возможно, спорный анализ весьма бурной истории смены научных парадигм в лингвистике и (не очень оптимистический) прогноз ее будущего.

Вообще надо отметить, что концептуальные аналитические доклады глобального историографического плана в основном были представлены отечественными лингвистами. Определенным исключением из правила был публикуемый ниже доклад американского ученого Ф.Дж. Ньюмейера "Спор о формализме и функционализме в лингвистике и его разрешение". Речь в нем идет о существующем в мировой лингвистике в течение последней четверти века противостоянии "формальной" хомскианской лингвистики и зародившейся в ее недрах оппозиции, сомкнувшейся с многонациональным "функциональным" направлением. (Оба "лагеря" представлены ниже, см. статьи А.-М. ди Шиулло и А. Ченки). Автор, явно симпатизируя "формалистам", занимает тем не менее примирительную позицию и находит "место под солнцем" для тех и других. Завершает раздел также весьма оригинальная и острая статья Р.М. Фрумкиной "Теории "среднего уровня" в современной лингвистике". Это еще один взгляд на иерархию ценностей в нашей науке, высказанный бескомпромиссно и страстно.

Во втором разделе рассматривается ретроспектива отдельных лингвистических направлений. Так, А. Ченки (США) в статье "Современные когнитивные подходы к

семантике: сходства и различия в теориях и целях" анализирует позиции трех ведущих представителей современной когнитивной семантики (Р. Лангакера, Дж. Лакоффа и Р. Джакендоффа), которые не образуют единой "команды", но двигаются в сходном направлении. Автору удалось выделить главное в рассматриваемых концепциях и изложить это в краткой форме статьи[1]. Т.М. Николаева в статье "Теории происхождения языка и его эволюции – новое направление в современном языкознании" подробно и увлекательно развивает тему, которой она в своем докладе коснулась лишь мельком: о мало у нас известном, но очень плодовитом направлении, возрождающем вечный вопрос о происхождении языка. Автором поднят громадный пласт литературы по данному вопросу и обобщены основные результаты. Ф. Планк (Германия) исследует историю вопроса о возможных корреляциях между звуковой оболочкой и значением в статье "Коллекция утверждений о корреляции звука и значимой формы". Это исследование затрагивает проблематику импликативной типологии. З.М. Шаляпина дает аналитический обзор состояния дел в одной из наиболее нашумевших областей прикладной лингвистики ("Автоматический перевод: эволюция и современные тенденции") с момента возникновения идеи машинного перевода до разработок наших дней, разумеется, с авторской расстановкой акцентов.

Третий раздел включает четыре статьи, посвященные проблемным областям современной теории. Д. Гил (Сингапур–Израиль) в статье "Знание грамматики, знание языка" на материале анализа выкриков тагальских торговцев поднимает принципиальный вопрос о том, можно ли описать языковое поведение говорящих в автономных грамматических терминах, и приходит к парадоксальному, на первый взгляд, выводу, что такое описание является неадекватным и что языковые явления частично определяются неязыковыми когнитивными сферами, то есть что языковая структура принципиально гетерогенна.

Актуальной проблематике в области дискурса посвящена статья Дж. Лухьенбрурс (Австралия) "Дискурсивный анализ и его схематическая структура". Она интересна также техничностью исполнения лингвистического исследования, поскольку в этой новой области лингвистики необходимо разрабатывать специальные процедуры исследования и представления результатов. К. Бибок (Венгрия) знакомит с идеологией и методикой так называемой концептуальной семантики ("Проблемы семантики русского и венгерского языка"), развитого за рубежом направления лексической семантики, предлагающего свой способ выявления и репрезентации инвариантного значения. А.-М. ди Шиулло (Канада) статьей "Модульность" демонстрирует проблематику мало известной у нас современной стадии "хомскианской" парадигмы в лингвистике, рассматривая проблему модулей (компонентов лингвистического описания языка) и предлагая модифицировать так называемую минималистскую теорию[2]. К. Леман (Германия) поднимает вопрос о приоритетах в лингвистике ("Документация языков, находящихся под угрозой вымирания: первоочередная задача лингвистики") и убедительно аргументирует точку зрения о безотлагательности изучения исчезающих языков. Одновременно автор предлагает и формат документации.

Настоящим номером не ограничивается публикация материалов конференции. Так, не вошли в него статьи В.С. Храковского и В.Г. Гака, отражающие содержание представленных на конференцию докладов (из-за отсутствия авторов доклады не были зачитаны на конференции). Эти статьи будут опубликованы в журнале "Вопросы языкознания".

---

[1] Когнитивная семантика является частью общего когнитивного подхода к языку, принципы которого, кстати, изложены в обзоре: Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // ВЯ. 1994. № 5.

[2] Желающие ознакомиться с современными взглядами лидера данного направления Н. Хомского могут обратиться к переводу одной из его недавних работ, ориентированных на неподготовленного читателя: Хомский Н. Язык и проблемы знания // Вестник МГУ. Филология, 1995. № 4. В духе этой теории написана также изданная в нашем журнале работа: Бэбби Л. Нестандартные стратегии выбора падежа, задаваемого синтаксическим контекстом // ВЯ. 1994. № 2.

Кроме того, в ряде номеров журнала "Вестник МГУ. Филология" публикуются следующие материалы конференции: Алпатов В.М. "Предварительные итоги лингвистики XX века" (№ 5, 1995); Кибрик А.Е. "Куда идет современная лингвистика?" (№ 5, 1995); Косарик М.А. "Ренессансная и современная лингвистическая парадигмы – связь эпох" (№ 5, 1995); Пинто де Лима Ж. (Португалия) "Новый подход к прототипам: прагматический взгляд" (№ 5, 1995); Хэйраартс Д. (Бельгия) "Принципы прагматической ономасеологии" (№ 5, 1995); Дуличенко А.Д. (Эстония) "Некоторые соображения о перспективах лингвистики после XX века" (№ 6, 1995); Браун Д. (Великобритания) "Сетевая морфология и русский глагол" (№ 6, 1995); Ван Валин Р.Д. (США) "Взаимодействие синтаксиса, семантики и прагматики в рамках грамматической системы" (№ 1, 1996); Комри Б. (США) "Типология падежного маркирования предикатных имен" (№ 1, 1996); Корбетт Г.Г. (Великобритания) "Вычислительная лингвистика и типология" (№ 1, 1996); Серьо П. (Швейцария) "Россия и Запад: языкознание в 20-е и 30-е годы XX века" (№ 2, 1996). Наконец, статья Б. Парти (США) "Formal semantics and theories of context" публикуется в "Московском лингвистическом журнале" за 1995 г., т. 2, статья Е.В. Падучевой "В.В. Виноградов и наука о языке художественной литературы" – в журнале "Известия ОЛЯ. Серия литературы и языка" (№ 3, 1995).

Возможно, что и многие другие доклады, прочитанные на конференции, впоследствии увидят свет в той или иной форме. Однако и публикация перечисленных выше статей дает достаточно наглядное представление о данной конференции[3].

А.Е. Кибрик

© 1996 г. И.М. КОБОЗЕВА

ОБЗОР ПРОБЛЕМАТИКИ КОНФЕРЕНЦИИ

С 1 по 4 февраля 1995 г. филологическим факультетом МГУ им. М.В. Ломоносова была организована Международная конференция "Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы". В конференции, целью которой было дать развернутую ретроспективу лингвистики последнего столетия, обсудить "горячие точки" в современной лингвистике и наметить перспективы развития лингвистической теории в XXI веке, приняли участие 290 человек (среди них 43 иностранных участника из стран Европы, Азии, Америки, Африки и Австралии и 10 – из стран ближнего зарубежья). Россия была представлена 237 участниками. Сотрудниками и аспирантами филологического факультета МГУ был прочитан 41 доклад.

В ходе подготовки конференции в различные научные центры было разослано письмо, которое мы частично процитируем ниже:

«На конференции предполагается обсудить следующие проблемы:

1. РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ЛИНГВИСТИКУ ПОСЛЕДНЕГО СТОЛЕТИЯ

1.1. Преемственность, лингвистические традиции, смена научных парадигм; основные этапы развития лингвистической мысли в России и в мире.

1.2. Основные идеи, повлиявшие на развитие лингвистики XX века, например: структурализм, трансформационная порождающая грамматика, функционализм, формализация лингвистики и т.п.

1.3. Наиболее существенные результаты в различных лингвистических направлениях, например: общая теория языка (например, лексикон и грамматика, языковые уровни, языковые единицы, языковые правила и т.п.), описательная лингвистика (например, русистика, романистика, востоковедение, африканистика и т.п.; описание малых языков),

[3] Хотелось бы в заключение поблагодарить всех переводчиков от имени зарубежных авторов и от себя лично как редактора этих переводов за добросовестный и практически безвозмездный труд.

компаративистика (индоевропейское и неиндоевропейское языкознание, ностратика), типология, психолингвистика, социолингвистика, прикладная лингвистика, компьютерная лингвистика, и т.п.

2. "ГОРЯЧИЕ ТОЧКИ" В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Предполагается обсудить наиболее существенные проблемы, играющие принципиальную роль для дальнейшего развития лингвистики, например: когнитивный/дискурсный подход к языку, дискретное VS континуальное в языке, таксономический VS объяснительный подход к языку, границы языковых уровней и их взаимодействие, компьютер и лингвистика, смежные науки и лингвистика, и т.п.

3. ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ПРОГНОЗ НА XXI ВЕК)

Эту проблему предлагается обсудить в дискуссионной форме круглого стола».

Предполагалось, что предложенные для обсуждения темы станут основой для формирования секций. Нельзя сказать, что все присланные тезисы прямо отвечали замыслу конференции. Тем не менее оргкомитет (председатель – проф. М.Л. Ремнева, зам. председателя – проф. А.Е. Кибрик) при отборе тезисов занял максимально "мягкую" позицию, включая в программу доклады, посвященные даже весьма частным вопросам, если их авторы хотя бы пытались рассматривать изучаемый феномен в свете проблем, представляющих общий интерес на данном этапе развития науки о языке.

В итоге работа конференции была организована следующим образом. На четырех пленарных заседаниях прозвучало 19 докладов, представляющих общий интерес. Кроме того, на конференции работали 19 секций: 1) Лингвистическая историография; II) Общие проблемы языкознания; III) Лингвистика XXI века; IV) Фонетика и фонология; V) Морфология; VI) Словообразование и морфемика; VII) Синтаксис; VIII) Семантика; IX) Лексикология и лексикография; X) Лингвистика текста и структура дискурса; XI) Прагматика; XII) Когнитивная лингвистика; XIII) Компаративистика и типология; XIV) Психолингвистика; XV) Социолингвистика; XVI) Этнолингвистика; XVII) "Малые" языки; XVIII) Компьютерная лингвистика; XIX) Лингводидактика. В силу того, что секции выделены по разным основаниям (одни – по традиционно сложившимся линвистическим дисциплинам, например IV–IX, другие – по современным междисциплинарным областям исследования, например XIV–XVI, третьи – по актуальным направлениям, например XII) отнесение темы к конкретной секции часто представляло собой нетривиальную задачу. И не всегда мнение оргкомитета совпадало с мнением докладчика, хотя подобные случаи были весьма редки. Ниже обзор пленарных докладов будет включен в общий обзор работы секций, к которым они относятся тематически (хотя опять-таки в ряде случаев на один и тот же пленарный доклад с полным правом могли бы претендовать две, а то и три секции).

Работу секции I "Лингвистическая историография" открыл пленарный доклад П. Серьо (P. S e r i o t, Швейцария)*, в котором на основе сопоставления российского и западного языкознания 20-х и 30-х годов XX века опровергалось мнение ряда русских лингвистов о существовании особой русской или евразийской науки и доказывалось, что как марризм, так и евразийство по основным своим признакам не отличались от других течений европейской науки того же времени. В.М. А л п а т о в (Москва)* в своем пленарном докладе подвел предварительные итоги лингвистики XX в.: восстановление в правах синхронной лингвистики; переход, начиная со второй половины XX в., от изучения структуры языка к изучению его функционирования, от "эмансипации" лингвистики к связям с другими науками, от жестко алгоритмического подхода к реабилитации интуиции; становление семантики; сближение с практикой, расширение эмпирической базы лингвистических исследований и вызванное этим значительное уменьшение степени европоцентризма в исследованиях и при этом превращение европейско-американской лингвистической традиции в мировую и нивелировка национальных школ и традиций. Под углом зрения смены парадигм рассматривалось развитие лингвистики в XX в. в пленарном докладе Е.С. К у б р я к о в о й (Москва), по мнению которой облик современной

* Здесь и далее знаком* помечены доклады, которые будут опубликованы или уже опубликованы в журнале "Вестник МГУ. Филология", начиная с № 5 1995 года, а знаком** доклады, публикуемые в этом номере журнала "Вопросы языкознания".

лингвистики определяется сближением позиций двух ее главных противопоставленных парадигм (когнитивной и коммуникативной) и формированием единой системы допущений, определяющейся тенденциями к экспансионизму, антропоцентризму, функционализму и экспланаторности. Г.П. Мельников (Москва) говорил об истоках и состоянии современной системной лингвистики, которая, по его мнению, скоро станет общепризнанным фундаментом всех продуктивных языковедческих направлений. Взгляд на язык как на сложную адаптивную систему, постоянно балансирующую на грани хаоса, развивал в своем докладе М. Беланже (M. Bélanger, Канада), указавший в этой связи на актуальность психомеханики Г. Гийома для будущего лингвистики. Этапы развития динамической лингвистики в XX веке и различные формы ее реализации в России охарактеризовал в своем докладе Л.Н. Мурзин (Пермь). К изучению истории лингвистических технологий призвали Н. Бокадорова и С. Ору (S. Auroux, Франция), чей доклад зачитал П. Серьо. О важности в свете этой задачи переосмысления "Грамматики английских грамматик" Г. Брауна как энциклопедии грамматических технологий говорили в своем докладе Н.Ю. Бокадорова и Н.В. Рогова (Москва). Были также прочитаны доклады о вкладе чехословацкой лингвистики в мировую (А.Г. Широкова, Москва), о настоящем и будущем лингвоиспанистики в России (В.С. Виноградов, Москва), о значении для лингвистики XX века фонологических исследований П.К. Услара, Н.Ф. Яковлева и Н.С. Трубецкого по кавказским языкам (З.М. Габуниа, Нальчик), об идейных источниках семантической теории Дж. Ферса (А.А. Зарайский, Саратов). По-видимому, к данной секции можно отнести и пленарный доклад Й. Ван дер Аувэйра (J. Van der Awvera, Бельгия), который на примере истории изучения одного семантического явления (осмысления условных предложений как выражающих не только достаточное, но и необходимое условие) проанализировал факторы, действующие в рамках западного лингвистического сообщества и определяющие судьбу идей.

Секция II "Общие проблемы языкознания" объединяла доклады по вопросам теории и методологии лингвистики.

Доклады общеметодологического содержания имели явно выраженную критическую направленность. Р.М. Фрумкина (Москва)** в своем пленарном докладе говорила об отсутствии в лингвистике собственной эпистемологии и развитой внутринаучной рефлексии. П.Б. Паршин (Москва)** дал далеко не лестную оценку собственно методологических (в противовес чисто теоретическим) достижений таких "влиятельных" направлений, как когнитивная и прагматическая лингвистика. Р.Г. Пиотровский (С.-Петербург), рассматривая прикладное языкознание (в частности, разные формы автоматической переработки текста) как полигон, где проверяется состоятельность теоретических построений, констатировал, что теоретическое языкознание сегодня не может дать ответа на насущные для прикладного вопросы об устройстве синергетических механизмов, обеспечивающих самоорганизацию и приспособление к динамике среды, и предсказал на этом основании центральное место проблемы синергетики языка и речи в лингвистике XXI века.

В центре внимания многих выступавших оказалось понятие грамматики. Д. Гил (D. Gil, Сингапур)** посвятил свой пленарный доклад обсуждению вопроса о том, как соотносятся знание грамматики и знание языка, и пытался показать, что явления, которые принято относить к компетенции грамматики, в частности позиция Вакернагеля, на деле обусловлены взаимодействием грамматики с автономной, не собственно языковой ментальной способностью – просодией. К. де Хроот (C. de Groot, Нидерланды) охарактеризовал современное состояние разработки функциональной грамматики под руководством С. Дика. В двух пленарных докладах были представлены авторские модели грамматик. А. Мустайоки (A. Mustajoki, Финляндия) изложил свой проект функциональной грамматики на семантической основе. Р. ван Валин (R. van Valin, США)*, считающий, что адекватная модель грамматики должна оперировать не только синтаксической и семантической, но и дискурсно-прагматической информацией, рассказал, как эти три типа информации репрезентируются в разрабатываемой им референциально-ролевой грамматике. Проблемы организации грамматики обсуждались и в других докладах. Так, в докладе Е.В. Клобукова (Москва) обосновывалась правомерность выделения функциональной морфологии как составной части функциональной грамматики языка, опирающейся на синтез/декодирование дискурса, рассматриваемого в качестве базовой единицы такой грамматики. Доклады генеративистов, в которых поднимались сходные проблемы, прозвучали на секции VII "Синтаксис" (см. ниже).

Большинство докладов секции были так или иначе связаны с конкуренцией научных парадигм. Д. П а й а р (D. P a i l l a r d, Франция) противопоставил существующим взглядам на задачи лингвистики концепцию А. Кюлиоли, активным пропонентом которой он является, и рассмотрел в рамках этой концепции проблему разнообразия языков. Ф.Дж. Н ь ю м е й е р (F.J. N e w m e y e r, США)** в своем пленарном докладе, проанализировав принципы формализма (хомскианского толка) и функционализма, сделал вывод о возможности синтеза этих направлений в рамках модели, включающей ментально-репрезентированную формальную грамматику, свойства которой получают в основном функциональную мотивировку. О перспективах создания интегральной лингвистической теории, синтезирующей структурный и функциональный подходы к языку, шла речь и в докладе И.Г. Н о с е н к о и Ли Г и Ю н а (Южная Корея). В докладе Л.О. Ч е р н е й к о (Москва) был дан лингвофилософский анализ самого термина "парадигма" и осмысление соотношения структуралистской и деятельностной парадигм в лингвистике на основе принципа дополнительности Н. Бора. М.А. К о с а р и к (Москва)* говорила о межпарадигматических периодах в науке о языке, имевших место в прошлом, когда значительно расширяется предмет исследования и множатся подходы и методы, и о значении изучения таких периодов для прогнозирования тенденций развития лингвистической науки в настоящем. Бурную реакцию аудитории вызвал предложенный в докладе О.Л. К а м е н с к о й (Москва) прогноз грядущей лингвистической парадигмы, связанной с формированием так называемой "экранной культуры", которая берет на вооружение достижения новых радиоэлектронных, аудиовизуальных технологий, способных значительно изменить такие привычные понятия, как текст, речевая коммуникация, коммуникативная среда. Реальные трудности в прогнозировании доминирующих и менее влиятельных теорий были описаны в докладе В.З. Д е м ь я н к о в а (Москва). Опираясь на данные созданного им компьютерного каталога лингвистических теорий, концепций и гипотез, автор дал список идей, определяющих теоретический ландшафт современной лингвистики. По общему мнению многочисленных слушателей, весьма желательно более широкое знакомство научной общественности с полученными выводами. Коллеги из Санкт-Петербурга (В.В. Б о г д а н о в, М.К. С а б а н е е в а), дав глубокий анализ эволюции семантико-центрических идей в лингвистике от глубокой древности до сегодяшнего дня, пришли к заключению, что идея о первичности содержания и вторичности выражения стала в мировой лингвистике основополагающей, причем триумфу семантики во многом способствовала усиленно развивающаяся когнитивная лингвистика.

На секции обсуждались также проблемы экологии языка (Е.С. Л е б е д е в а, Тамбов), изучения межъязыкового сходства (А. Б а р т о ш е в и ч, Польша), общей онтолого-лингвистической проблемы тождеств и различий (Н.Н. Х о л о д о в, Иваново) и другие вопросы общего языкознания.

Секция III "Лингвистика XXI века" была самой малочисленной: далеко не всякий решится выступать в роли предсказателя. В пленарном докладе Т.М. Н и к о л а е в о й (Москва)** был дан развернутый прогноз развития лингвистики в XXI веке: будучи антропоцентричной, она будет иметь широко понимаемую функциональную ориентацию, что проявится и в создании новой таксономии и новой типологии языков – коммуникативной, и в большем внимании к роли социального и историко-социального фактора в языковых изменениях. Размышляя о том, куда идет современная лингвистика А.Е. К и б р и к (Москва)* выделил следующие тенденции ее будущего развития: переход из числа "второстепенных" в разряд "главных, престижных" наук; примат объяснения над таксономией; замена дискретной лингвистики недискретной; переход от специализации лингвистического знания к его интеграции; выдвижение на первый план среди видов конкретной деятельности детального исследования и документации языков мира и создания международных сетей языковых баз данных; переход от однонаправленных к обратимым связям со смежными науками; бурный рост био(/нейро) лингвистики. Мнение А.Д. Д у л и ч е н к о (Эстония)* о перспективах лингвистики после XX века во многом перекликалось с мнениями, представленными выше: неизбежность комплексного изучения объекта; усиление внимания к нечетким структурам в языке; приоритетность проблемы лингвистической интерпретации человека, проблем глоттогенеза, лингвоностратики, идиоэтнического и универсального в языках мира, проблем социальной управляемости языка, лингвистической технологии и социолингвистических стратегий, устранения "белых пятен" с языковой карты мира. А.Т. К р и в о н о с о в (Москва) предсказал усиление союза языкознания и логики, а А.А. К р е т о в (Воронеж) – появление особой дисциплины –

лингвистической прогностики, продемонстрировав на конкретном материале суть и реальные возможности лингвистического прогнозирования.

Секция IV "Фонетика и фонология" была представлена восемью докладами. Ряд заявленных докладов, к сожалению, не состоялся, что несколько сузило тематический спектр и географическое представительство проводимых исследований звуковой стороны языка. Так, в частности, не был прочитан доклад Л.В. Бондарко (С.-Петербург) "Человек в системе фонем и система фонем в человеке", где автор подчеркивает, что на смену статической, описательной фонологии, создание которой явилось одним из крупнейших достижений лингвистики двадцатого века, должна придти динамическая, объяснительная фонология, ориентированная на моделирование реальных процессов порождения и восприятия связной речи, а также на объяснение эволюции и вариативного функционирования звуковой системы языка. Проблемы, затронутые авторами прочитанных докладов, служат хорошей иллюстрацией этого прогноза. Создание адекватных методов решения различных фонологических задач, в том числе и достаточно традиционных (М.В. Раевский, Москва), более глубокий анализ соотношения между фонетическими и семантико-синтаксическими свойствами слова (Л.Г. Зубкова, Москва), конкретно-языковая специфика использования антропофонических способностей человека (С.В. Кодзасов, Москва) – все это требует предоления целого ряда ограничений, свойственных статическому таксономическому подходу в фонологии. Необходимость системного коммуникативно-динамического подхода в еще большей степени очевидна для понимания просодической организации речи и определяющих ее механизмов. На это было обращено внимание в докладах Г.И. Бубновой (Москва), Л.В. Златоустовой (Москва), С.В. Кодзасова (Москва), О.Ф. Кривновой (Москва), К. Саппока (Германия) и В.В. Люблинской (С.-Петербург), Л.Д. Лебедевой (Москва).

На заседаниях секции V "Морфология" обсуждался широкий круг проблем грамматики слова, актуальных для лингвистики рубежа столетий. Вопросам теории частей речи было в основном посвящено первое заседание секции, на котором были заслушаны доклады О.А. Руделевой (Тамбов), В.Н. Шмелева (Орехово-Зуево), Б.Я. Островского (Москва), А.Л. Шарандина (Тамбов). Второе заседание секции было полностью посвящено обсуждению проблем глагольной морфологии: доклады Е.В. Петрухиной (Москва), М.Ю. Чертковой (Москва), Е.Н. Ремчуковой (Москва) и Ю.П. Князева (Новгород) были посвящены спорным проблемам аспектологии; Л.М. Локштанова (Москва) рассмотрела в своем докладе проблему темпорально-дейктических подсистем текста с позиции категориальной грамматики; Ф. Фичи Джусти (F. Fici Giusti, Италия) заострила внимание собравшихся на некоторых вопросах теории диатез, а А.Н. Ливанова (С.-Петербург) поставила вопрос об интенсивности как особой категории функциональной грамматики. Глагольная проблематика была в центре внимания докладчиков и на третьем заседании морфологической секции. Различные аспекты морфологической классификации глаголов обсуждали в своих докладах Н.Н. Болдырев (Тамбов), С.П. Лопушанская (Волгоград), Д. Браун (D. Brown, Великобритания)*; вопросы функциональной грамматики (прежде всего на материале категорий глагола, как правило в контексте высказывания и текста) рассматривались в докладах С. Синьорини (S. Signorini, Италия) и Н.А. Тупиковой (Волгоград). Именная морфология стала основным предметом обсуждения на четвертом заседании секции. Синтагматический аспект грамматической оформленности слов в его связи со словоизменительными показателями грамматических значений рассматривался в докладах Н.Д. Кручинкиной (Саранск), и А.Б. Копелиовича (Владимир). В докладе М.Н. Везеровой и Е.Г. Сиверином (Самара) была предложена новая классификация морфологических синонимов. В.Г. Кульпина (Москва) заострила внимание на нерешенных проблемах морфологии местоимений. А. Фона (A. Fona, Албания) сообщил об одном из возможных направлений разработки проблем сопоставительной и функциональной морфологии на материале русского и албанского языков. Заседания секций показали, что активно обсуждавшаяся в первой половине XX века проблема конкуренции морфемы и слова как базовых единиц морфологического описания (см. труды представителей пражского функционализма и американского дескриптивизма) к концу столетия решена "в пользу" слова: предмет морфологии составляет, по мнению выступавших, изучение грамматических свойств слова (проблемы же грамматики и семантики морфемы рассматривались на конференции в рамках отдельной секции "Морфемика и словообразование"). Еще одним итогом развития морфологии в течение века явилось смещение акцентов в сфере

итогом развития морфологии в течение века явилось смещение акцентов в сфере исследовательских интересов и переход от формально-грамматических классификаций слов и словоформ к изучению их содержательных характеристик, причем все чаще в функциональном плане, с точки зрения участия той или иной категории в формировании смысла высказывания и дискурса.

В центре внимания многих докладов **на секции VI "Морфемика и словообразование"** стояли следующие принципиальные проблемы: соотношение морфемики и словообразования [И.Т. Вепрева (Екатеринбург), В.Н. Немченко (Нижний Новгород), Г.А. Николаев (Казань) и др.]; соотношение между словообразованием и словоизменением Э. Хипписли (A. Hippisley, Великобритания); возможности формального описания и моделирования словообразовательных структур с помощью ЭВМ [А.А. Кретов, И.Е. Воронина (Воронеж)]; квантитативное описание соотношения слов различных категорий в языке [Л.А. Кузьмин (Смоленск)] и др. Особую дискуссию как наиболее перспективная вызвала проблема соотношения между синхронным и историческим словообразованием и возможность создания целостной лингвистической теории порождения слов, затронутая в докладах Р.В. Железновой (Елец), А.А. Кретова и И.Е. Ворониной, О.И. Блиновой (Томск), в выступлениях Е.С. Кубряковой и др.

Секция VII "Синтаксис" была самой многочисленной, что и неудивительно, так как XX век стал свидетелем подлинного прорыва прежде всего в данной области лингвистики. И если в начале века Ф. де Соссюр говорил о слове как о единице, центральной во всем механизме языка, то позднее теоретический акцент переместился на предложение, которое, в отличие от воспроизводимого слова, воплощает в себе прежде всего творческий аспект языка. Синтаксическая проблематика освещалась с позиций различных теорий и на разнообразном языковом материале.

Этапам развития и проблемам исторического синтаксиса русского языка был посвящен доклад С.А. Рылова (Нижний Новгород). Проблемы связи синтаксической структуры предложения с его коммуникативной организацией решались в докладе Т.Е. Янко (Москва) на материале русских вопросов, а в докладе Т.Б. Агранат (Москва) – на примере истории венгерских послеложных конструкций. Сложное предложение как таковое, отдельные его типы, средства связи его частей под углом зрения общетеоретических проблем анализировали в своих докладах Л.А. Сергиевская (Рязань), Л.Е. Осипова (Тверь), Р.Д. Кузнецова (Тверь), Я.Г. Биренбаум (Киров), Э. Фава (E. Fava, Италия), Л.В. Правикова и В.В. Лазарев (Пятигорск), А.М. Смирнова и И.Д. Степанова (Иваново) и др. О возможности синтаксической типологии на семантической основе говорил Е.Л. Григорьян (Ростов-на-Дону). В ряде докладов речь шла об отдельных синтаксических процессах или явлениях конкретных языков: синтаксисе русских причастий (Т.Г. Волынец, Белоруссия); грамматических, психологических и стилистических аспектах английского отрицания (Т.А. Комова, Москва) и синтаксизации имени в английском языке (А.А. Джиоева, Москва); сравнительных конструкциях в немецком (С.В. Постникова, Нижний Новгород), составных предикатах с безлично-предикативными словами в сербохорватском (С.А. Кабанова, Саранск); морфосинтаксических особенностях резьянского диалекта (Р. Бенаккьо (R. Benaccio, Италия)). Проблема отношения между синтаксической сочетаемостью глагола и его семантикой с диаметрально противоположных позиций рассматривалась в докладах Л.И. Богдановой (Белоруссия) и А.Е. Власовой (Москва).

Впервые в нашей стране целой подсекцией был представлен генеративный синтаксис, что обусловило повышенный интерес к ее работе. К сожалению, многолетнее отсутствие диалога с представителями одного из ведущих направлений современного синтаксиса помешало слушателям активно включиться в обсуждение проблем, поднимавшихся в докладах. Но даже при неполном понимании метаязыка и концептуального аппарата современного генеративизма было ясно видно, что в рамках "теории принципов и параметров" синтаксис приближается к идеалу точной науки: тот или иной вариант анализа принимается только тогда, когда он может быть доказан, как математическая теорема, т.е. выведен из общетеоретических аксиом и ранее доказанных теорем. К.В. Чвани (C.V. Chvany, США) в своем докладе поставила вопрос об универсальном наборе грамматических признаков, указав, что интерес к его выявлению роднит генеративную грамматику и пражскую семиотику (в лице Р.О. Якобсона). В докладе

А.-М. д и Ш и у л л о (A.-M. Di Sciullo, Канада)**, зачитанном Дж. Грубером, выдвигался новый принцип построения генеративной грамматики – принцип модульности исчисляемых пространств, который отличается от других принятых в данной теории версий модульного строения грамматики тем, что трактует модульность динамически и тем, что он единообразно определяет структуру как синтаксических объектов (словосочетаний и предложений), так и морфологических (слово). Основное внимание в докладе было уделено исчислению морфологических объектов, причем было показано, как структура слова может быть описана в терминах генеративного синтаксиса: слово рассматривается как проекция (расширение) своего деривационного аффикса; в структуре слова можно выделить два типа конфигураций – "ядро – комплемент" (приблизительно соответствует отношению подчинения), усматриваемая у слов с суффиксами, меняющими лексикограмматическую категорию производящего слова (напр., англ. *-able*), и "ядро – адъюнкт" (приблизительно соответствует отношению согласования), усматриваемую у слов с префиксами. Особый интерфейс, называемый морфологической формой, связывает фразовую структуру с таким аспектом семантической подсистемы, как концептуальное значение, по аналогии с логической формой – интерфейсом, связывающим фразовую структуру с референциально-истинностным аспектом семантической подсистемы. Дж.С. Г р у б е р (J.S. G r u b e r, Канада) посвятил свой пленарный доклад кардинальному для всякой грамматической теории вопросу об описании соотношения между семантическими ролями аргументов предиката и их синтаксическими позициями. Новейший вариант генеративной грамматики – минималистская теория – сближается в решении этого вопроса с порождающей семантикой 60–70-х годов (кстати, автор, принадлежа в те годы к этому направлению, был одним из главных авторитетов по данному вопросу), признавая, что семантические роли должны репрезентироваться на уровне логической формы, т.е. относиться к компетенции синтаксиса. Отличие состоит в том, на каком этапе деривации и каким образом происходит отображение абстрактных конфигураций семантических ролей на наблюдаемые лексические формы. Существенную роль при этом играет отражение в логической форме структуры описываемого предикатом события: отношения между "звеньями" события отображаются в усложненной структуре глагольной группы так, что на этой основе получает объяснение множественность семантических ролей, "проецируемых" предикатом на свои аргументы. К сожалению, неудачная форма подачи доклада: быстрое чтение сложного текста, несмотря на то, что он в полном виде был роздан всем присутствовавшим и повторен на экране, привела к тому, что столь животрепещущая тема не вызвала отклика не только у слушателей, далеких от генеративизма, но и у самих генеративистов. Правда те, кто сохранил текст доклада, получили возможность обдумать и объективно оценить это безусловно заслуживающее внимания выступление. К.У а й л д е р (Ch. W i l d e r, Германия) анализировал явление клаузальной экстрапозиции, иллюстрируемое предложениями типа *We talked about ner threat yesterday that Mary might leave*, где придаточные предложения как бы выносятся за пределы соответствующей им НС. Предлагается трактовать это явление не как передвижение придаточного вправо, а как стирание (отсутствие фонетической реализации) придаточного, повторяющегося дважды в исходной структуре. Такая трактовка согласуется с активно обсуждаемой в современном генеративизме гипотезой Кейна об антисимметрии, в соответствии с которой передвижение составляющих возможно только влево, и тем самым достигается существенная минимизация базовых синтаксических процессов. В докладе М. Я д р о в а (США) в терминах минималистской теории рассматривалось влияние вида на заполнение объектной позиции в русском языке. Используя идеи Рейхенбаха для репрезентации морфологической категории вида в синтаксической структуре, автор дал семантико-синтаксическое объяснение факту несочетаемости СВ с произвольным (контекстно-независимым) "нулевым" объектом (ср. *Он писал и *Он написал* в отсутствии контекстной поддержки). Доклад А. К а р д и н а л е т т и (A. C a r d i n a l e t t i, Италия) и М. С т а р к е (M. S t a r k e, Швейцария) был посвящен демонстрации преимуществ генеративной грамматики на примере типологии местоимений: на основе этой грамматической теории удается объяснить разноуровневые особенности поведения группы местоимений, которые нельзя отнести ни к сильным (ударным), ни к слабым (клитикам), и которые следует рассматривать как особый, третий класс в типологии местоимений.

Состав участников и тематический спектр **секции VIII "Семантика"** отражал многообразие школ и направлений исследования в рамках данной области. Тематически к этой секции относятся три пленарных доклада. В докладе Б.Х. П а р т и (B.H. P a r t e e,

США), *всемирно известного представителя* школы формальной семантики, берущей свое начало от работ философа-логика Р. Монтэгю, прослеживалось развитие этого подхода к семантике в сторону включения в описание все большего количества контекстуальных факторов, перехода от статических теорий к динамическим. Главные вопросы при этом: как формализовать зависимость семантической интерпретации от контекста, не смешивая лингвистические принципы с экстралингвистическими механизмами. Было показано, каким образом изучение так называемых квантифицированных контекстов помогает наметить *пути ответа* на этот вопрос. С позиций когнитивной лингвистики проблемы семасиологии и ономасиологии освещал в своем докладе Д. Х э й р а а р т с (D. G e e r a e r t s, Бельгия)*, основываясь на эмпирических данных широкомасштабного лексикологического исследования, проведенного под его руководством, в котором последние достижения в области лексической семантики (теория прототипов) были впервые использованы в ономасиологическом ракурсе в сочетании с изучением контекстной вариативности, как это принято в социолингвистике и прагматике. Ж. П и н т о д е Л и м а (J. P i n t o d e L i m a, Португалия) в своем докладе также рассматривал центральное для когнитивной семантики понятие прототипа, но с иных теоретических позиций. Менталистскому взгляду на прототип он противопоставил восходящий к идеям Л. Витгенштейна прагматический подход к прототипу как образцу, эталону, используемому говорящим при объяснении значения слова.

В докладе В.В. Г у р е в и ч а (Москва) прослеживались основные этапы развития семантики в XX веке. А.В. Бондарко (С.-Петербург) посвятил свой доклад проблеме интенциональности, которую он трактует как отношение между значением языковых средств и смысловым содержанием высказывания, тем, что имеет в виду говорящий, отражаемое в правилах следующего типа: "Если говорящий хочет выразить..., он должен употребить..." В докладе И.Б. Ш а т у н о в с к о г о (Дубна) рассматривалось соотношение между описанием и объяснением в семантике. Автор выделил два типа объяснений в лингвистике: внеязыковые и внутриязыковые, показал, что возможность того или иного объяснения зависит от семантического типа слов и доказывал, что логический круг в семантическом описании не только неизбежен, но и необходим. В.Б. Б о р щ е в (Москва) в своем докладе также затрагивал проблему адекватности семантических описаний, отстаивая преимущества семантической теории, базирующейся на понятии семантического типа (или типа реалий) в противовес теориям, основанным на понятии атома смысла (семы и т.п.). В.Б. Борщев зачитал также доклад безвременно ушедшей из жизни Л.В. К н о р и н о й (Москва) "Металексика: попытка выделения", посвященный категории слов, которые задают наиболее обобщенную модель действительности и попытки толковать которые закономерно приводят к порочным кругам. В докладе И.Г. О л ь ш а н с к о г о (Москва) отмечена тенденция к концентрации внимания семасиологов на изучении простых (непроизводных) слов и на материале исследования развития лексической полисемии у простых слов немецкого языка сделаны выводы о зависимости ее от типа и характера семантики слова. В докладе К. Б и б о к а (K. B i b o k, Венгрия)** на примере анализа семантики русских и венгерских слов демонстрировались возможности концептуальной семантики М. Бирвиша, оперирующей понятиями концептуального перемещения и концептуальной дифференциации значений.

Другие доклады секции были посвящены более частным вопросам семантики. В докладе Е.М. Ч е к а л и н о й (Москва) было дано систематическое описание многозначных временных форм глаголов шведского языка. В.С. Л и (Казахстан) рассмотрел различные возможности интерпретации понятий "событие", "факт", "мероприятие" и т.д. на материале русского языка. С.В. Ч е р н о в а (Киров) коснулась проблемы описания функционально-семантического поля, связанного с понятийной цепочкой "от замысла к его осуществлению". В докладе О.А. М и х а й л о в о й (Екатеринбург) содержались интересные наблюдения над семантическими соотношениями между глаголами орудийного действия и валентностью этих глаголов. Е.М. Ф о т ь я н о в а (Москва) затронула ряд важных особенностей выражения семантических связей между частями бессоюзного сложного предложения в письменном тексте. Кроме того, в работе секции участвовали Н.Б. П и м е н о в а (Красногорск), М.В. П и м е н о в а (С.-Петербург) и др.

В целом тематика докладов на секции характеризуется достаточно широким охватом проблем семантического описания на разных языковых уровнях – морфологическом, синтаксическом и функционально-семантическом.

На секции IX "Лексикология и лексикография" прозвучал доклад А.В. А н д р е е в с к о й, А.Н. Б а р а н о в а и д р. (Москва) о принципах построения русского тезауруса, над созданием которого авторы работают. Другие доклады были посвящены фундаме-

нтальным вопросам семантики лексических единиц: соотношению в ней дискретного и континуального (А.Г. Лыков, Краснодар; А.А. Ховалкина, Симферополь), статического и динамического аспектов ее организации (И.В. Сентенберг, Волгоград). Моделированию механизмов эволюции лексической системы языка и системы языка в целом был посвящен доклад А.А. Поликарпова (Москва). Рассматривались и более частные проблемы развития лексических систем: причины архаизации слов (Е.В. Ковалева, Курган), типология лексических инноваций (Е.В. Сенько, Владикавказ) и их место в процессе развития языка (Е. Иванова, А.В. Иванов, Пермь). Теоретические аспекты сопоставительного исследования лексики рассматривались в докладе А.Н. Злобина (Саранск) на материале немецкого и английского, а в докладе Я.-Ф. Носовича (Польша) на материале русского и польского языков. Понятие лексической функции уточнилось в докладе Д. Вирта (D. Wirth, Германия).

Одно из заседаний секции почти полностью было посвящено терминологии и лексике различных специальных подъязыков. В докладе С.Д. Шелова (Москва) был предложен способ количественной оценки степени терминологичности слова. С.П. Кушнерук (Волгоград) говорил о новом классе задач, возникающих при динамическом подходе к терминосистемам, при котором в центре внимания оказываются встречнонаправленные процессы перехода термина из сферы фиксации в сферу функционирования и обратно. К изучению терминологии как продукта особой разновидности номинативной деятельности – терминологической номинации – призывала в своем докладе М.Н. Володина (Москва). Л.Л. Шестакова (Москва) поделилась своими наблюдениями над лексикой русского политического языка. А.Т. Липатов (Йошкар-Ола) выдвинул ряд предложений по совершенствованию метаязыка лингвистики, основанных на общих принципах систематизации и стандартизации терминов.

Еще одно заседание было целиком посвящено фразеологии. В докладе Н.Ф. Алефиренко (Волгоград) был дан общий обзор достижений, поисков и перспектив современной фразеологии. Т.З. Черданцева (Москва) рассматривала фразеологию как средство речевого воздействия. В докладе И.А. Бутенко (Москва) разговорная фразеология была представлена как важный источник для исследования обыденной культуры (popular culture). Новгородцы В.Г. Дидковская, О.Ю. Машина, А.В. Жуков обсуждали проблемы, связанные со спецификой фразеологических сочетаний как особого типа единиц языковой системы. А.А. Хуснутдинов (Иваново) в своем докладе провел мысль о том, что фразеологические единицы образуют особую подсистему, противопоставленную лексической и требующую отдельного парадигматического семантического анализа. Понятию афоризма был посвящен доклад Е.Е. Иванова (Белоруссия). В.А. Кузьменкова (Москва) рассматривала особенности русских описательных предикатов (типа *производить посадку*).

В докладах участников **секции X "Лингвистика текста и структура дискурса"** рассматривался широкий круг вопросов, связанных с изучением текста, разных аспектов его существования и функционирования. Много внимания уделялось докладчиками взаимоотношениям лингвистики текста с другими разделами языкознания – стилистикой, лингвистической прагматикой, лингвопоэтикой. Удивительно широким был охват материала: в круг рассмотрения включались разнообразные тексты, принадлежащие различным стилям и регистрам. Особый интерес вызвал доклад Е.В. Падучевой (Москва) "Лингвистика для литературоведов: отвечая на вызов М.М. Бахтина". В докладе рассматривался вопрос о соотношении голоса автора и голоса персонажа в составе художественного произведения. Была предложена классификация эгоцентрических элементов языка: дейксис, модальность, вводные слова, показатели коммуникативного намерения. С интересом был воспринят доклад коллеги из Польши С. Сятковского "Традиции и области современной стилистики", в котором докладчик проанализировал особенности наиболее известных школ стилистики. В докладе В. Ло Кашо (V. LoCascio, Нидерланды) "Модальность аргументации и процесс вывода"* вниманию аудитории предлагалась синтаксически ориентированная текстовая грамматика. При этом было выделено восемь аргументативных категорий, обязательных и факультативных для текста. Н.Г. Комлев (Москва) в докладе "Лингвистика на страницах Библии" рассмотрел некоторые вопросы текстологии библейского текста. В.В. Красных (Москва) в ее докладе "Микротекст в дискурсе" показала роль и функции вопросно-ответных единств в составе контекста. О.В. Александрова (Москва) в докладе "Лингвистическая прагматика и лингвопоэтическое изучение текстов художественной литературы" исследовала взаимодействие различных подходов к

изучению текста, что позволяет наиболее глубоко проникнуть в особенности его построения. Обобщающим можно считать доклад С.И. Гиндина (Москва) "Первые полстолетия лингвистики текста: историко-научные и методологические уроки", где было дано обобщение основных направлений, в которых развивалась лингвистика текста, оценивалась ее роль для развития языкознания в целом, рассматривались четыре этапа в развитии этого направления в науке о языке.

В секции XI "Прагматика" масштаб вопросов, рассматривавшихся в докладах, варьировал в весьма широких пределах: от постановки общетеоретических проблем до описания конкретных прагмалексем. И.П. Сусов (Тверь) говорил о прагматике как об одном из векторов развития новейшей лингвистики, охарактеризовав ее предмет, причины возникновения, связи с другими направлениями исследований и наметил перспективы ее дальнейшего развития. О смене акцентов в рамках прагматической парадигмы говорила в своем докладе В. Заболтикина (Калининград): если в 80-е годы на первом плане был коммуникативный аспект, то в 90-е он уступает место когнитивному, а будущее прагматики – это когнитивно-ориентированное изучение культурно-специфических форм коммуникации. В ряде докладов было показано, как меняется модель (грамматика, описание) языка, когда она строится на прагматической (коммуникативной, функциональной и т.п.) основе. Так, М.В. Всеволодова (Москва) изложила концепцию функционально-коммуникативной грамматики (ФКГ), разрабатываемой ею и ее коллегами для целей обучения русскому языку как неродному. В отличие от традиционной грамматики ФКГ интересует не классификация форм и моделей, а их взаимоотнесенность и роль в передаче коммуникативных установок говорящего. Ф.А. Литвин (Орел) в своем докладе показал, как по-разному трактуется важнейшая синтаксическая категория предикативности в зависимости от того, рассматривается ли она в рамках лингвистики языка или лингвистики речи (еще один синоним прагмалингвистики). В докладе Г.П. Нещименко (Москва) прагматический (в терминологии автора коммуникативный) подход выдвигался в противовес таксономическому применительно к социолингвистической проблеме функциональной стратификации этнического языка: вместо общепринятой моноцентрической модели функционального членения языка автор предложил бицентрическую, учитывающую зависимость распределения идиомов в речи от коммуникативных протребностей и позволяющей более адекватно прогнозировать развитие языковой ситуации. М. Л. Макаров (Тверь) привлек внимание аудитории к "азиатской" составляющей прагматических исследований в двух аспектах: недостаточное развитие прагмалингвистики в самой Азии и недостаточное внимание мировой лингвистики к изучению азиатских лингвокультур, специфика которых совершенно не улавливается категориальным аппаратом современной прагматики. Остальные доклады были посвящены конкретным проблемам прагматики: изучению оценочного дискурса (Н.Н. Миронова, Самара); прагматической характеристике ролевых проявлений говорящего в диалоге (А.А. Романов, Тверь); моделированию оптимального речевого поведения в сфере делового общения на основе теории речевых жанров (К.В. Киуру, Челябинск); коммуникативно-прагматической характеристике высказываний, представленных сложными предложениями (З.И. Митрофанова, Чебоксары); семантико-прагматическому эффекту замены генерического *he* на *he/she* (В.М. Аринштейн, С.-Петербург); коммуникативным модальным частицам в исследованиях испанских лингвистов (О.Б. Чибисова, Москва); проблеме вывода косвенных смыслов (С.В. Алексеева, Пермь).

В секции XII "Когнитивная лингвистика" были прочитаны девять докладов. А. Ченки (A. Cienki, США)** представил краткий обзор современных направлений когнитивной лингвистики (в американском понимании этого термина). Автор остановился на основных идеях концепций Дж. Лакоффа – М. Джонсона, Р. Лангакера, а также отчасти Л. Талми и Р. Джакендоффа. Дж. Лухьенбрурс (J. Luchjenbroers, Гонконг)** рассматривала явление "распространения активации" от ядерного элемента высказывания к более периферийным, опираясь на теорию схем и теорию ментальных пространств Фоконье. Материалом работы послужили записи заседаний австралийского суда. Ю.Г. Панкрац (Белоруссия) в целом характеризовал специфику когнитивного подхода к языку: внимание к субъекту языка, структуре знания, объяснению языковых явлений. Когнитивный подход, по словам автора, знаменует новую научную парадигму. А.А. Кибрик (Москва)* рассматривал когнитивные корреляты анафорической прономинализации и подлежащности: активацию и фокусирование внимания, соответственно. Между этими когнитив-

ными состояниями имеется односторонняя каузальная связь, иконически отображаемая в языке. И.Б. Штерн (Украина)* говорила о некоторых лингвистических проблемах структуры энциклопедий и энциклопедического знания. Когнитивный подход в области лексической семантики продемонстрировал М. Монелья (M. Moneglia, Италия)*. В своем докладе он выделил две категории глагольных предикатов – прототипические (*есть, пить, бежать* и т.п.) и непрототипические (напр., *открывать, вешать, поворачивать*), которые противопоставлены друг другу по следующим свойствам: 1) основа их выбора (для прототипических – сличение с прототипом, для непрототипических – проверка необходимых и достаточных условий; 2) размытость/определенность границ; 3) наличие/отсутствие соответствующего образа; 4) независимость/зависимость от культурного контекста. Когнитивный подход в области грамматической семантики был продемонстрирован в докладе В.А. Плунгяна и Е.В. Рахилиной (Москва). Анализируя зависимость категории числа от семантики именной лексемы, авторы выявили глубинную когнитивную тенденцию: множество объектов интерпретируется в зависимости от типа единичного объекта и характера его использования. В докладе И.М. Кобозевой и А.Р. Армеевой (Москва) доказывалось, что адекватное когнитивное моделирование речевой деятельности, требует выхода за рамки изучения отдельных высказываний и обращения к анализу реального дискурса: анализ текстов-описаний пространства, полученных от информантов, показывает, что приписывание объектам когнитивных статусов фона и фигуры определяется не только свойствами самих объектов, но и дискурсивной стратегией, избираемой говорящим. В докладе Л.И. Гришаевой (Воронеж) была сделана попытка связать валентные свойства глаголов с когнитивными закономерностями обработки и хранения информации.

К секции XIII "Компаративистика и типология" тематически относились 4 пленарных доклада. Вопросам типологии в разных ее аспектах посвятили свои доклады: Г.Г. Корбетт (G.G. Corbett, Великобритания)*, показавший на примере категории рода и явления грамматического синкретизма плодотворность применения методов компьютерной лингвистики при решении типологических задач, Ф. Планк (F. Plank, Германия)**, обсуждавший взаимозависимость между фонологической и морфосинтаксической типологией и Б. Комри (B. Comrie, США)*, давший типологию падежного маркирования именной части сказуемого. О взаимодействии синхронии и диахронии в процессах грамматикализации на примере эволюции местоимения *ille* говорил Л. Ренци (L. Renzi, Италия). Проблемам индоевропейского и сравнительно-исторического языковедения был посвящен доклад К.Г. Красухина (Москва). Докладчик изложил свою концепцию динамики перехода общеиндоевропейской системы бинарного противопоставления двух родов-классов (активность/неактивность, одушевленность/неодушевленность или эмфатичность/неэмфатичность) к тернарной системе. Проблемам реконструкции семантики категории числа на основании ср.-ист. анализа русской морфологии был посвящен доклад В.И. Дегтярева (Ростов-на-Дону). Обсуждение этих докладов привело к постановке общей проблемы вариативности в языковой эволюции. О чем на основе конкретного анализа русского языка говорила Л.А. Глинкина (Челябинск). И.-е. ср.-ист. реконструкции строятся на основе предварительного компаративного изучения разных ветвей и.-е. языковой семьи. В.И. Томашпольский (Екатеринбург) сделал доклад о реконструкции диалектных морфологических изоглосс в общероманском праязыке (вульгарной латыни). Вопросам выявления системных характеристик латинской лексики по ср.-ист. данным романских языков был посвящен доклад М.Е. Капитана (Москва). Ср.-ист. реконструкция не мыслима без тщательного анализа древних текстов. Общему обзору итогов германской исторической текстологии и проблемам пересмотра некоторых "неразрешимых" вопросов нефонетических чередований на основе анализа франкских и саксонских памятников был посвящен доклад Е.Р. Сквайрс (Москва). Изучение динамики реконструкции выводит компаративиста к решению общих методологических задач типологии, чему был посвящен зачитанный на секции доклад В.С. Храковского и доклад Н.А. Козинцевой (оба из С.-Петербурга). При типологических исследованиях важно четкое выделение критериев классификации, чему был посвящен доклад А.В. Широковой (Москва), показавшей, что еще в начале уходящего века в Московской формальной школе разрабатывались методы типологической классификации языков на основе морфемной структуры слова. Этот подход в типологии был продолжен, с одной стороны, группой прямых последователей школы Ф.Ф. Фортунатова в Москве (Петерсон, Кузнецов и др.), с другой стороны, – в

типологических исследованиях Поливанова. Типологическому и ср.-ист. изучению финноугорских языков был посвящен доклад А.Н. Куклина (Йошкар-Ола) "Топонимическая типология как самостоятельный раздел ономастики".

Секция XIV "Психолингвистика" работала три дня. В первый день обсуждались общие проблемы психолингвистики: отношение психолингвистики к психологии (В.П. Белянин, Москва), статус психолингвистики как самостоятельной дисциплины в системе смежных наук (Н.И. Лепская, Москва), проблемы и перспективы развития трансперсональной лингвистики, цель которой – изучение языковой способности и речевой деятельности в измененных состояниях сознания (Д.Л. Спивак, С.-Петербург). Второй день работы секции был посвящен проблемам межполушарной асимметрии. Теоретические основы этого направления, которое носит название нейролингвистика, были сформулированы в докладе Т.Г. Визель (Москва). Л.В. Забродина (Москва) показала влияние межполушарной асимметрии на жестовое поведение людей, а Л.В. Сахарный (С.-Петербург) подробно проанализировал функции правого полушария в развитии речевой и интеллектуальной деятельности. Л.Н. Мурзин и И.Ю. Черепанова (Пермь) отмечали важность нового направления в психолингвистике – суггестивной лингвистики, подчеркивая, что суггестивные механизмы имеют правополушарную локализацию. В заключительный день работы секции рассматривались проблемы речевого онтогенеза. Доклады носили более частный характер и были посвящены отдельным конкретным вопросам. Т.В. Базжина (Москва) показала возможность использования некоторых психолингвистических методов при обучении родному языку; С.Н. Цейтлин (С.-Петербург) анализировала категорию пассивности в онтогенезе, а Н.Г. Мосейчук (Москва) – типы внутрифразовых повторов в детской речи. Все три дня шла оживленная дискуссия.

Доклады на **секции XV "Социолингвистика"** группировались преимущественно вокруг проблем интерференции, культурных контактов и маргинальных и/или нестандартных языковых образований (арго, диалекты, а также "малые" языки, судьбе которых, впрочем, была посвящена и отдельная секция). Большой интерес вызвал, в частности, материал, иллюстрирующий русско-английскую интерференцию в речи недавних русских эмигрантов в США (доклад М.А. Брейтер, Москва). Л.Н. Чумак (Белоруссия) в своем докладе предложил в качестве нового направления в языкознании сопоставительно-культурогенный синтаксис, в рамках которого синтаксические единицы языка изучаются в контексте культуры. Предметом обсуждения в докладе А.Г. Гюльмагомедова (Махачкала) была острая проблема ущербного двуязычия. В.Я. Порхомовский (Москва) рассматривал литературный язык как область межкультурных контактов. Кроме того, на секции прозвучали доклады Т.А. Фесенко (Тамбов) и С.И. Дубинина (Самара), в которых социолингвистические проблемы рассматривались на материале немецкого языка.

В **секции XVI "Этнолингвистика"**, работавшей два дня, было прочитано 11 докладов. В ряде докладов речь шла о лексике, рассматриваемой в рамках концепции языковой личности и языковой картины мира [доклады Л.Г. Бабенко (Екатеринбург), В.В. Химика (С.-Петербург), О.В. Никитина (Москва), А.А. Пушкаревой (Калуга), Л.С. Андреевой (Казань)]. В докладах Р.А. Комаровой (Саратов) и И.П. Шишкиной (С.-Петербург) анализировались антропонимы и их роль в современном языкознании. Н.И. Сукаленко (Украина) и Л.Ю. Гусев (Курск) говорили о метафоризации как особой животворящей силе, участвующей в создании языка. В докладе М.А. Кронгауза (Москва), посвященном гипотезе Сепира–Уорфа, точнее всей совокупности идей, касающейся взамосвязи языка, мышления и культуры, говорилось о разного рода попытках изменения языка в XX веке. В выступлении С.Е. Никитиной (Москва) рассматривались конфессиональные группы с позиций лингвиста.

В **секции XVII "Малые языки"** было заслушано восемь докладов. В своем пленарном докладе К. Леман (Ch. Lehmann, Германия)** заострил внимание аудитории на документировании исчезающих языков как первоочередной задаче лингвистики. Он предложил модель полного документирования языка, обладающую такими преимуществами, как всеобъемлющий характер, универсальность, равное внимание к формальным и функциональным аспектам в их взаимосвязи, ориентированность на начинающего полевого лингвиста, компьютеризованность. Два доклада – Т.В. Клюевой (Москва) и О.В. Раевской (Москва) – были посвящены влиянию языковой политики на развитие литературных языков малых народов Западной Европы и проблемам, возникающим в этой связи. В докладе Д.И. Эдельман (Москва) говорилось о значении исследования малых

языков Индии для реконструкции индоевропейского праязыка. Доклад А.И. Фалилеева (С.-Петербург) был посвящен итогам и перспективам изучения древневаллийских глосс. Полевые исследования малых языков Непала были освещены в докладе В.Винтера (W. Winter, Германия). Общетеоретические проблемы изучения исторического развития бесписьменных и младописьменных языков были поставлены в докладе А.И. Кузнецовой (Москва). В докладе О.А. Казакевич (Москва) оценивалось использование ЭВМ для исследования малых языков. Работа секции продемонстрировала важность изучения малых языков для развития лингвистики.

Небольшая **секция XVIII "Компьютерная лингвистика"**, не была, к сожалению, достаточно представительной для этой бурно развивающейся области. Если не считать фундаментального доклада З.М. Шаляпиной (Москва)** об эволюции и современных тенденциях машинного перевода, доклада Л.И. Колодяжной (Москва), обобщавшего теоретические и практические результаты многолетней работы автора в области компьютерной лексикографии, и доклада О.В. Загоровской (Воронеж) об итогах и перспективах русской диалектной лексикографии, на секции в основном обсуждалось текущее состояние разрабатываемых авторами систем. С.В. Лесников (Сыктывкар) рассказал об использовании FORTH-технологии, позволяющей обращаться к ЭВМ на русском языке. Е.Б. Козеренко (Москва) рассказала о принципах лингвистического обеспечения многоязычных экспертных, консультационных и других систем, создаваемых в институте проблем информатики РАН. А.А. Набебин и В.В. Жильцова (Москва) рассказали в совместном докладе о разработанном ими алгоритме и написанных на языке ПРОЛОГ программах, с помощью которых были выделены словарные комплексы с дефисами в поэзии Цветаевой, подвергнутые затем тщательному анализу.

Заседание **секции XIX – "Лингводидактика"**, собравшее преподавателей иностранных языков (в том числе и русского как иностранного) показало связь чисто прикладных вопросов преподавания с такими наиболее динамично развивающимися направлениями лингвистики, как этнолингвистика (о связи преподавания языка с изучением культуры говорила А.И. Нечаева из Ульяновска), как семиотика (этому был посвящен очень интересный доклад Т.Б. Назаровой из Москвы), сопоставительная лингвистика (доклад А.А. Аминовой и Э.И. Солодухо из Казани). Помимо практических проблем, затронутых в докладе о коммуникативном тестировании О.Г. Полякова (Тамбов), делались попытки решения и теоретических проблем, в частности, исчисления парадигматических связей слов в докладе М.И. Задорожного (Орехово-Зуево). Вопросам представления языка в преподавании было посвящено выступление И.М. Магидовой (Москва), а Е.Г. Борисова (Москва) попыталась отметить, что внесли прикладные "преподавательские" описания языка в теоретическую лингвистику***.

*** Автор обзора считает своим долгом выразить благодарность коллегам – организаторам, участникам и гостям конференции, которые, предоставив свои материалы, оказали тем самым неоценимую помощь в его подготовке: О.В. Александровой, Е.Г. Борисовой, О.А. Казакевич, А.А. Кибрику, Т.А. Комовой, О.Ф. Кривновой, Е.В. Клобукову, А.И. Кузнецовой, Н.И. Лепской, В.А. Плунгяну, А.А. Поликарпову, О.С. Широкову.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 2 1996

ОБЩАЯ ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

© 1996 г. П.Б. ПАРШИН

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПЕРЕВОРОТЫ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ МЯТЕЖ В ЛИНГВИСТИКЕ XX ВЕКА

Если взять на себя смелость отделять историю научной дисциплины от ее – путь богатой гениальными прозрениями и незаурядными локальными достижениями – предыстории[1], то в случае науки о языке окажется, что собственно история ее укладывается всего лишь в два столетия. Поэтому подведение итогов XX века в лингвистике – это размышление о доброй половине пути ее развития. К тому же в силу некоторой исторической случайности лингвистике довелось не просто числить века своего существования более или менее целыми столетиями христианского летоисчисления, но и начать свой второй век с самой значительной в своей истории научной революции, связанной со становлением структурного подхода к изучению языка[2]. Таким образом, близящееся к концу второе столетие лингвистики – это не только "юбилейный квант", но и вполне органично вычленяющийся п е р и о д в ее развитии.

В течение этого периода наука о языке пережила больше идейных трансформаций, чем за первое свое столетие. Как известно, развитие науки в завершающемся столетии вообще сильно ускорилось, однако утверждать, что, скажем, физика или

[1] История научной дисциплины начинается с формирования соответствующего профессионального сообщества, осознания им себя в таковом качестве (что обычно предполагает обретение дисциплиной своего названия) и последующей его институционализации (появления журналов, научных обществ, кафедр, университетских курсов, профессорских должностей, дипломов и ученых степеней по данной дисциплине и т.п.; для наук с подлинно долгой историей первые профессиональные сообщества были не только и не столько научными – например, жрецы). Критерий отделения истории от предыстории, таким образом, носит не внутринаучный, а внешний характер и поэтому нисколько не принижает предысторию в интеллектуальном плане.

[2] Предвидя возможные возражения, связанные с указанием на то, что "в лингвистике (и вообще в гуманитарных науках) парадигмы не сменяют друг друга, но накладываются одна на другую и сосуществуют в одно и то же время, игнорируя друг друга" ([Серио 1993: 52], цитируется по [Кубрякова 1993: 7]), замечу, что с этим последним тезисом никто особенно и не спорит, напротив, утверждение о том, что "сосуществование конкурирующих наборов направляющих предпосылок [термин, обобщающий куновское понятие парадигмы и его эквиваленты в других теориях – *П. П.*] в науке является скорее правилом, чем исключением" присутствует под номером 10 как раз в перечне позиций с о г л а с и я между различными теориями научных изменений [Laudan a.o. 1986: 155]. Тем не менее, отрицать существование научных революций можно лишь в порядке упражнения в парадоксах. Принципиально важно здесь то, что революция – хотя бы и в науке – категория не интеллектуальная, а с о ц и а л ь н а я, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Посему совершенно обоснованной кажется также упоминаемая (в порядке полемики) в [Кубрякова 1993: 11] точка зрения Ф. Ньюмейера, согласно которой новая парадигма в науке – это то, с чем нельзя не считаться, или, по чуть более мягкой трактовке Дж. МакКоли, использующего для интерпретации парадигмы аналогию с маркированностью/немаркированностью в грамматике – то, пренебрежение чем не возбраняется, но предполагает "уплату более высокой цены" по сравнению со следованием парадигме [McCawley 1985: 24].

химия в XX веке развивались динамичнее, чем первая из этих дисциплин в XVII или вторая – в XIX веках, можно лишь с очень серьезными оговорками; для лингвистики же – применительно к ее двум векам – это именно так. Более того, по всеобщему мнению, с середины 70-х гг. процесс преобразований в науке о языке обрел некую новую динамику, описываемую как "выход за пределы предложения", "формирование прагматической парадигмы", "когнитивная революция", "коммуникативно-дискурсный подход" и т.п. Обилие подобного рода констатаций[3] должно было бы наводить на приличествующую "юбилейному" контексту мысль о том, что в третий свой век лингвистика вновь вступит радикально преображенной. Может быть; однако у меня на этот счет имеются некоторые сомнения, или, скорее, уточнения, которые и составляют предмет настоящей статьи.

Господствующая тенденция в осмыслении происходящих в настоящее время в лингвистике изменений заключается в рассмотрении их как некоторого единого комплекса. Такая точка зрения имеет под собой неоднократно проговаривавшиеся основания. Я не только не отрицаю серьезности этих оснований, но и намерен предложить некоторое свое (на мой взгляд, не противоречащее предложенным и до известной степени обобщающее их) видение общего вектора развития. В то же время, мне представляется более уместным сосредоточиться на демонстрации как раз того, что комплекс современных трансформаций не вполне однороден и по крайней мере некоторые его составляющие принадлежат по крайней мере двум различным эволюционным рядам, развитие внутри которых далеко от синхронизации. С целью такой демонстрации я намерен обратиться к характеристике как современного состояния лингвистической науки, так и ее истории в терминах таких категорий, как "теория" и "метод".

Сразу хочу оговориться, что в рамках такого рассмотрения будут делаться утверждения большой степени общности и к тому же в ряде случаев не лишенные полемичности. Очевидно, что при переходе к частностям многие из них могут быть оспорены; тем не менее, я полагаю, что такое описание некоторой общей тенденции, которое предлагается ниже, имеет право на существование.

1. ЛИНГВИСТИКА XX ВЕКА: "ОБЩИЙ ВЕКТОР" РАЗВИТИЯ И ЕГО РАЗЛИЧНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Никоим образом не претендуя на оригинальность (более того, с точки зрения философии, истории искусства или критической теории изрекая сущий трюизм), позволю себе сделать утверждение о том, что история лингвистики XX века достаточно отчетливо вписывается в общую динамику социального, культурного и интеллектуального развития завершающегося столетия, описываемую триадой "**традиция – модерн – постмодерн**".

В принципе, это вполне стандартная диалектическая триада (тезис – антитезис – синтез), но мнения относительно того, какая именно в содержательном отношении диалектика определяла историю лингвистики XX века, могут быть различными. Соответственно, данная триада (равно как и отдельные ее элементы, особенно последний, преимущественно меня здесь и интересующий[4]) может интерпретироваться разными способами. В их числе можно упомянуть, например, утверждение о переходе от "декартовской" (разум пассивен) к "гегелевской" (разум активен) парадигме в изучении языка [Marková 1982; Герасимов 1985]; изложенные в [Алпатов 1993] соображения о диалектике "системоцентричного" и "антропоцентричного" под-

[3] В качестве примера приведу одну из самых недавних: "Принципиальный сдвиг в современной лингвистике, колоссальное расширение ее возможностей произошло тогда, когда лингвистика стала изучать высказывание в коммуникативной ситуации" [Падучева 1995: 227].

[4] Более того, я принимаю упрек, в соответствии с которым излагаемая точка зрения отмечена некоторой аберрацией, сводящейся к тому, что XX век оказывается излишне отождествляемым со своей второй половиной.

ходов[5]; достаточно давнюю уже программу построения "гуманистической лингвистики" [Yngve 1975]; "экспериенциализм" и идеи "телесного разума" (работы Дж. Лакоффа, в частности [Lakoff 1987]; см. также [Varela a.o. 1993]) и др. Пафос этих экспликаций в общем плане сводится к указанию на своего рода "антропологизацию" (в этимологическом смысле) лингвистики. Такая антропологизация, несомненно, имеет место, однако придание ей статуса основной движущей силы развития науки о языке в XX веке не кажется мне правомерным. Во-первых, антропологизация никак не описывает предшествующего развития, приходящегося на первые две трети XX века и осуществлявшего под влиянием противоположных антропоцентрическому комплексу установок [Алпатов 1993], то есть приходится говорить (что, вообще-то, вполне допустимо) о маятниковом движении. Во-вторых, есть основания считать, что сама антропологизация производна от более общих и вполне однонаправленных факторов.

Мне представляется, что движение по триаде "традиция – модерн – постмодерн" сопряжено с различными стадиями осознания диалектики **альтернативности / неальтернативности мира и способов его освоения человеком.** Поясню сказанное на примерах как из лингвистики, так и из иных сфер.

А. В рамках **традиции** реальный мир, его компоненты и используемые при его интеллектуальном освоении категории (когнитивные артефакты, по терминологии М. Вартофского [Вартофский 1988]) рассматриваются как естественные в силу того, что не возникает реальной необходимости задаваться вопросом о том, почему они устроены так, а не иначе; более того, сама мысль о возможности иного их устройства остается практически не востребованной. Рефлексия, конечно, имеет место ("возможные миры", обсуждавшиеся и до Г. Лейбница), но скорее как некоторая роскошь – в основном на стыке философии и теологии. В практическом же плане действует система категорий, которая вполне адекватно обслуживает человеческую деятельность, в силу чего задумываться над тем, что на самом-то деле в них заложены результаты колоссального количества альтернативных[6] выборов, не возникает нужды.

В своем традиционном облике науки, в особенности гуманитарные, заключают в себе более или менее явный прескриптивный компонент, и отклонения от некоторых стандартов рассматривают как выход за рамки естественного положения вещей, в лучшем случае не представляющий интерес, в худшем подлежащий искоренению. Хорошим примером здесь может служить логика, претендовавшая в традиции на то, что она – в виде классической силлогистики – описывает "законы правильного мышления"; отклонения же от этих законов есть "нелогичность", т.е. нарушение логики как таковой. В аналогичном смысле "естественны" (и до поры до времени комфортны) установления традиционного общества, в котором, как неоднократно было замечено (особенно на примере необычайно длительной китайской социокультурной традиции), самоценно представление о правильности (а не целесообразности) человеческого поведения; категории традиционной (в основе своей античной) грамматики; каноны искусства; представления о роли языка как средства передачи информации и т.п.[7].

Б. Модерн при таком понимании – это этап развития, обусловленный прежде всего осознанием альтернативности традиции, т.е. того, что мир и описывающие его категории вообще-то могут быть устроены иным, чем зафиксированный в традиции, способом. Так, приходит понимание того, что аристотелевская силлогистика описывает лишь один из многих не только принципиально возможных, но и реально используемых человеком способов рассуждений[8] (или, по устному замечанию С.И. Гиндина, является теорией одного единственного из многих существующих видов текстов). Обращаясь к другим примерам, мы видим, что в обществе модерн характеризуется развитием некоторого комплекса социальных процессов, которые так просто и называются "модернизацией" (определенная атомизация

---

[5] Сами термины, как замечает автор, позаимствованы из [Рахилина 1989].

[6] Я позволю себе следовать употреблению термина "альтернатива" и производных от него для обозначения выбора из многих вариантов, пренебрегая этимологией латинского слова, обозначавшего дуалистический выбор.

[7] В список сознательно включено не только качественно разнородные, но и не обязательно синхронизированные примеры. Хотя триада "традиция – модерн – постмодерн" (или, во всяком случае, осознание развития в терминах этой триады) характерны в целом именно для XX века, в каждый конкретный (в том числе и в настоящий) момент осознание разных компонентов мира и разных категорий может находиться на разных этапах движения по данной триаде (ср. ниже о категории истины); кроме того, с формированием новой традиции движение может воспроизводиться заново.

[8] См., например, [Поспелов 1989].

общества и последующее формирование новых, контрактных в своей основе отношений[9]). В лингвистике – стараниями прежде всего американских дескриптивистов – обнаруживается, что сетка категорий античной грамматики является не только не единственно возможной, но даже и вовсе малопригодной для описания языков, далеких от "среднеевропейского стандарта" [Алпатов 1993]; в искусстве формируются совершенно новые и отчетливо полемические по отношению к традиции принципы изображения действительности; обнаруживается, что функция передачи информации может не без основания рассматриваться как лишь одна (и не очевидно, что главная) из функций языка [Виноград, Флорес 1995]; понятие истинности/ложности предстает как характеристика типологически весьма узкого класса языковых высказываний [Левин 1994] – и т.д.

В прагматическом плане переход к модерну всегда бывает обусловлен обнаружением о г р а н и ч е н н о с т и традиции[10], хотя причины и формы такого обнаружения (в частности, радикальность отталкивания от традиции) могут быть различными – достаточно сравнить более или менее органическое вырастание новых задач (как, скажем, в логике) с драматическим крахом традиции перед лицом темпорально новой реальности (так оно в общем было в искусстве; ср. знаменитый тезис о невозможности рифмы после Освенцима[11]) или с достаточно резким переосмыслением предыдущего этапа в результате выхода за пределы традиционного культурно-географического круга (возникновение дескриптивизма).

Подробно рассмотренный в [Алпатов 1993] на примере истории лингвистики переход от "уютного" традиционного антропоцентризма к "холодному" модернистскому системоцентризму[12], сопровождаемый ревизией и деконструкцией[13] традиционных категорий, является, на мой взгляд, о р г а н и ч н ы м с л е д с т в и е м модернизации как осознания альтернативности: коль скоро объекты и артефакты, с которыми имеет дело человек, утрачивают единственность/естественность, включаются в некоторый парадигматический ряд и становятся предметом сравнительной оценки, то внимание познающего субъекта концентрируется на своеобразии элементов данного ряда и, следовательно, на их у с т р о й с т в е. В лингвистике, например, этому соответствует провозглашение в качестве основного объекта описания языка каков он есть, а не каков он должен быть ("переход от прескриптивности" к "дескриптивности"; кстати, данная формулировка довольно универсального для гуманитарных наук принципа развития как будто бы предложена именно в лингвистике, причем еще в XIX в., хотя отчетливое закрепление в качестве ценностного обязательства и даже основания для самоназывания этот принцип получил в американском дескриптивизме).

В. В силу полемических причин (они могут быть дополнены идеологическими и политическими, но последние две группы могут и отсутствовать) переход к модерну в той или иной степени сопровождается д и с к р е д и т а ц и е й традиции. **Постмодерн** е е р е а б и л и т и р у е т – либо уравнивая в правах

---

[9] В XX веке эти процессы в ускоренном и вторичном (а потому наглядном) вариантах развивались за пределами "первого мира" и послужили объектом теоретической рефлексии.

[10] Напрашивается весьма уместная "масс-культовая" цитата: "Твой двор – держава, но как-то утром / Ты понимаешь – мала держава" (Р. Рождественский).

[11] Реально модернистское искусство началось много раньше, но стимул был в общем-то тем же, я бы сослался здесь на раннюю военную прозу А. Бирса, осмыслявшую опыт Гражданской войны в США.

[12] Э. Сепир [1993: 478] противопоставлял "теплые объятия [традиционной – *П.П.*] культуры" "ледяной воде фрагментарного существования", имея в виду антропологию; однако его метафора применима и к другим сферам рассматриваемого нами развития, включая научные изменения.

[13] Здесь необходимо сделать важную оговорку. Термин "деконструкция" с легкой руки французских теоретиков (Ж. Лакана, Ж. Дерриды) превратился в некотором комплексе гуманитарных наук в один из вербальных опознавательных знаков именно постмодернизма и постструктурализма [Вайнштейн 1992; Терминология 1992]. Лингвистика, однако, соотносилась и соотносится с этим комплексом весьма специфическим образом [вроде бы рядом и на виду, но на самом деле за стеной из пуленепробиваемого стекла], так что по моему ориентированному все же на лингвистическую практику разумению внутренняя форма термина "деконструкция" гораздо больше соответствует именно тому, что в истории лингвистики делалось структурализмом, постмодернизм же скорее по своему р е-конструктивен. Более того, я полагаю, что это касается не только лингвистики. В оправдание, пусть косвенное, такого понимания сошлюсь на тезис ветеранов тартуского структурализма, утверждающих, что во всяком случае отечественной структурализм с его острым осознанием альтернативности структур как раз соответствовал "французскому" представлению о постструктурализме: "У Лотмана в основе семиозиса лежит столкновение двух взаимонепереводимых, непримиримых языков. Какая уж тут структура! Борьба разных структур. Это и есть постструктурализм ... Безусловно, в русской семиотике ... тон задавали те, кого на Западе должны были бы назвать постструктуралистами" [Пятигорский и Смирнов 1995]. Со своей стороны, я скорее бы проинтерпретировал это как свидетельство вполне органической преемственности структурализма и постструктурализма (ср. ниже).

с другими альтернативами ("Anything goes" – возьмем на этот раз пример из науковедения [Фейерабенд 1986], благо наше обсуждение постепенно приближается к соответствующей проблематике, хотя вообще-то в наиболее чистом виде этот вариант постмодерна представлен в искусстве и отрефлектирован в искусствоведении), либо – что более интересно – пытаясь понять, не стояло ли за традицией нечто более существенное, чем просто некая "косность". Как правило, raison d'être обнаруживается, и сводится он в общем к тому, что "традиционная альтернатива" (неважно, объективной или концептуальной природы) была так или иначе задействована в удовлетворительном (не обязательно оптимальном, как утверждал Г. Лейбниц в своей теодицее – ср. обсуждение соотношения оптимальности и удовлетворительности в [Simon 1976]) способе согласования человеческой деятельности с конкретными ее условиями. В силу этого реабилитация традиции имеет своим опять же вполне естественным следствием перенос внимания на человека как субъекта удовлетворения/неудовлетворения, т.е. постмодерн вновь, как и традиция, оказывается антропоцентричным, выполняя тем самым в диалектической триаде синтетическую роль. Модерн приносит осознание альтернативности; постмодерн способен к оправданию альтернативы, выделенной традицией.

Особенно отчетливо такое оправдание проявляется в естественных науках, рано осознавших (в данном конкретном примере этап модерна фактически отсутствовал), что мир таков, каков он есть (в частности, пригоден для жизни, но на самом деле и даже в неорганической своей части возможен) в силу того, что относительно небольшой набор мировых констант имеет такое, какое есть, а не какое-либо иное значение (в 60-е гг. это обстоятельство активно обсуждалось, в частности, в научно-популярной литературе).

Практическое оправдание традиции, конечно, имеет смысл лишь в той мере, в какой сохраняются условия, с которыми согласована выделенная альтернатива. Модернизация в принципе может быть необратимой даже с диалектической (в смысле "двойного отрицания") точки зрения; тем более излишне повторять общеизвестные тезисы о "спиралевидности" развития и о том, что традиционные ценности при реабилитации в общем случае переосмысляются, что описываемое развитие движимо не только диалектикой альтернативности/неальтернативности, но и диалектикой адаптационных процессов и т.п.

Для меня в контексте данной статьи существенно то, что постмодернистское оправдание традиции обеспечивает должную перспективу в оценке традиционного этапа и позволяет показать, почему традиционная альтернатива хотя бы была в свое время выделенной. Если вернуться к тем же примерам, что и в предшествующих пунктах, то мы увидим, что традиционная силлогистика, например, была выделенной среди логических систем в силу своей задействованности в важной во многих обществах юридической практике. Традиционное искусство занимало центральное положение в силу утилизации им ряда очень мощных и "органичных" инструментов эмоционального воздействия[14]. Традиционная лингвистика была такой, какой она была, поскольку до определенного периода круг ее задач не предполагал детальной, полной и непротиворечивой рефлексии языковой системы [Алпатов 1993][15], зато требовал адаптации идей и методов науки о языке к человеческим возможностям и опирался в этом на категории, заведомо психологически релевантные для языков "среднеевропейского стандарта" (а с другими в Европе имели дело лишь в очень ограниченной степени – иврит, арабский, степень "экзотичности" которых все же куда меньше по сравнению с языками североамериканских индейцев или Юго-Восточной Азии). Традиционные общества существовали в относительной изоляции и своего рода гармонии с широко понимаемой окружающей средой (гармонии, неоднократно и много кем прочувственно описанной), трепетное отношение к понятию истины веками поддерживалось со стороны как теологии, так и, с некоторого момента, естествознания[16] ("раскачивает" же его развитие социальных наук) и т.п.

Следует заметить, что сохранение условий, создающее предпосылку не только для теоретической, но и для практической реабилитации традиции, имеет место не так уж и редко – так, в [Алпатов 1993] были упомянуты лингвистические задачи, при решении которых целесообразной остается опора на традиционный антропоцентризм, а в [Коппл и др. 1992] была более подробна обсуждена действенность традиции в решении одной из этих задач – преподавании иностранных языков. Важно, однако, то уже оговоренное

---

[14] Ограничимся примером литературы (вербальное искусство все-таки, а речь в настоящей статье в конечном итоге идет о науке о языке), в которой одним из основных объектов модернистской дискредитации был традиционный сюжет; между тем, современные нарратология и когнитивная наука, а отчасти и философия истории вполне убедительно показывают, сколь значимы повествовательные принципы в организации как человеческих знаний о мире, так и эмоциональной сферы человека – см., например [Gallie 1964; Alker a.o. 1985; Олкер 1987; Цымбурский 1993].

[15] Исключение составляет создание письменностей, особенно алфавитных – сугубо структуралистское, как известно, занятие.

[16] О роли своего рода союзнических отношений между ними в генезисе науки Нового времени см. [Визгин 1995].

обстоятельство, что осознанный и "выстраданный" выбор традиционной альтернативы – если оказывается, что ее есть-таки за что выбирать – представляет собой шаг вперед по сравнению с неосознанным нахождением внутри нее. Даже воинствующий, традиционализм альтернативен и интеллектуально не девственен (хотя в наиболее агрессивных, фундаменталистских формах и стремится девственность восстановить и навязать). Традиционализма внутри неосознанной традиции не бывает по определению.

Итак, наличие некоторого единого вектора в развитии лингвистической науки и, более того, почти всех гуманитарных наук и, шире, способов гуманитарного познания в XX веке не вызывает сомнения. При этом, однако, следует понимать, что развитие их осуществляется в достаточной мере асинхронно, в том числе и в пределах каждой научной дисциплины. Какие-то разделы могут находиться на постмодернистском этапе (тем самым давая основания для приписывания соответствующего статуса и дисциплине в целом), какие-то – наслаждаться модернистской (sic!) деконструкцией, а какие-то и вовсе пребывать внутри неосознаваемой в своем альтернативном качестве традиции.

Развитие от традиции к постмодерну через модернистскую стадию представлено (причем по очевидным причинам далеко не в последнюю очередь) и в науке о науке. В силу этого, провозгласив свое намерение проставить акцент на хотя бы отчасти дифференциальном рассмотрении истории и современного состояния лингвистики и вознамерившись продемонстрировать своеобразие отношений между теоретическим и методологическим ее развитием, я не могу не отметить того обстоятельства, что категории теории и метода сами по себе тоже подверглись модернистской деконструкции. В науковедении последнего тридцатилетия ("пост-куновском") введение таких категорий, как "парадигма", "исследовательская программа" (И. Лакатос), "исследовательская традиция" (Л. Лаудан), "тема" (Дж. Холтон), "глобальная теория" (П. Фейерабенд) означало, помимо прочего, и снижение статуса традиционно базовых для методологии науки и гносеологии вообще понятий "просто" теории и метода. Так, в наиболее дробном и "экстенсионально" полном из известных мне перечне соответствующих феноменов, предложенном Х. Олкером под длинным названием "Схематическая рамка для обсуждения развивающихся исследовательских парадигмальных комплексов" [Alker 1979], упоминание метода вообще отсутствует, что же касается понятия теории, то в числе элементов исследовательского комплекса упомянуты лишь "вспомогательные измерительные теории". Место традиционных категорий теории и метода занимают гораздо более специальные или, по крайней мере, технически легче определяемые (по крайней мере, в рассматриваемом аспекте) понятия онтологий, космологий и аналогий; эвристик; убеждений; примеров и парадигмальных образцов; стандартов; ценностных обязательств; моделей; идеальных типов; формализмов и т.п.

У подобного рода декомпозиции имеется более чем достаточно оснований, и она, несомненно, позволяет дать весьма детализированное описание структуры, процессов порождения и контекста бытования научного знания. Мне, однако, представляется, что традиционные понятия теории и метода также могут быть подвергнуты не только модернистской деконструкции, но и постмодернистской реабилитации[17]. Во-первых, они обладают несомненной психологической и прагматической реальностью. Во-вторых, и это главное, они позволяют сделать некоторые обобщения относительно истории лингвистики XX века. Поэтому, вполне осознавая неэлементарный характер категорий "теория" и "метод", я, однако, обращаюсь в дальнейшем именно к ним.

[17] Опять же приходится оговориться, что в некоторых отношениях науковедение "от Куна и после" само по себе является постмодернистским по отношению к модернизму позитивистской и неопозитивистской традиции, а П. Фейерабенд, например, и вовсе включается в число столпов постмодернизма (уже за один свой воспроизведенный выше знаменитый лозунг).

2. ТЕОРИЯ И МЕТОД В ЛИНГВИСТИКЕ XX ВЕКА: ОБЩИЙ ВЗГЛЯД

В соответствии со сказанным выше, понятия теории и метода будут далее рассматриваться как преимущественно традиционные и существенным образом антропоцентричные (хотя, как будет показано ниже, сами по себе они тоже задают своего рода мини-шкалу системоцентричности/антропоцентричности, модерна/традиции и т.д.), что дает мне основание – не отвергая результатов их модернистского рафинирования, более того, принимая их во внимание – опираться на **интуитивно-прагматическое** понимание этих категорий. Это интуитивно-прагматическое понимание, в отличие от его логико-гносеологической концептуализации, акцентирует внимание не на связи теории и метода (каковая, конечно же, имеет место; любой метод опирается не некоторую теорию, пусть даже слабо проартикулированную), а на различной роли их в процессе познания.

Итак, с интуитивно-прагматической точки зрения **теория** – это прежде всего некоторая когнитивная модель объекта, по мере возможности удовлетворяющая определенным "внешним" (верифицируемость/фальсифицируемость, описательная и объяснительная адекватность) и "внутренним" (эксплицитность и самосогласованность[18], полнота) критериям совокупность представлений о том, к а к устроен и функционирует объект (**описание**), обычно дополняемая представлениями о том, п о ч е м у они устроены и функционируют именно так (**объяснение**)[19]. По-видимому, идеализированная когнитивная модель теории фиксирует требование объяснительности; представление о чисто описательной теории уже представляет собой некоторое насилие над интуицией. Впрочем, при этом следует учитывать, что понятие объяснения опять же носит в сильнейшей степени прагматический характер[20] и способно интерпретироваться многими разными способами.

Интуитивно-прагматическое представление о методе, которому я буду следовать, формулируется с большей долей полемичности. А именно, **метод** – это достаточно общепризнанный способ получать ответы на некоторый фиксированный набор вопросов о конкретных объектах из охватываемого теорией класса ("решение головоломок" в "нормальной науке"). Очень существенно, что наборы вопросов и стандартных способов их решения я в л я ю т с я в а ж н о й с о с т а в н о й ч а с т ь ю н а у ч н о й п а р а д и г м ы. Утрируя, позволю себе утверждать, что в социально-психологическом плане овладение научным методом означает приобретение знания (sic! – ср. ниже) о том, каким образом в широком классе исследовательских ситуаций можно, что называется, "трясти, а не думать", не рискуя при этом своей научной репутацией. Иначе говоря, метод должен отвечать двум принципиально важным критериям. В социологическом (чтобы не сказать этологическом) плане он должен обладать свойством общепризнанности (диссиденты не в счет, они есть всегда, что, видимо, обусловлено биологически). В психологическом – тем, что, переосмысливая рок-терминологию, хочется назвать "операциональным драйвом": метод должен хоть в какой-то мере "заводить" исследователя.

В лингвистике XX в. и особенно последних его десятилетий класс ситуаций "трясения" оказывается относительно з а у ж е н н ы м. Существует множество иссле-

---

[18] В частном случае – непротиворечивость; однако теория противоречивого объекта (например, некоторых систем убеждений) может быть и противоречивой – ср., например [Левин 1970: 69].

[19] Позволю себе не вдаваться в обсуждение не существенных для меня здесь отношений между категориями теории, модели, гипотезы и репрезентации.

[20] В принципе, к нему может быть применена та же схема неформального и как бы даже несерьезного определения, которая была когда-то предложена в одной из лекций В.А. Успенского для понятия доказательства: объяснение (как и доказательство) – это текст, ознакомившись с которым человек готов идти к другому человеку и использовать этот текст для объяснения (доказывания).

довательских ситуаций, в которых конкретный метод исследования приходится р а з р а б а т ы в а т ь – либо откровенно ad hoc, либо с претензией на ту или иную степень универсальности; аппеляция же к существующим методам и/или их адаптация к конкретным задачам сплошь и рядом считается зазорной[21].

Интерпретировать такое положение дел можно по-разному. Весьма распространено, в частности, настроение, с большим чувством выраженное в следующей пространной цитате: "Для творчески ориентированного ученого и/или школы такие образцы [образцы исследовательской практики, зафиксированные в научной парадигме – *П.П.*] вряд ли вообще существуют, а инакомыслие расценивается в научных кругах скорее положительно, нежели отрицательно. Точно так же зрелая наука, конечно же, должна располагать определенной системой фундаментальных сведений о своем объекте и даже логических норм исследования, но она все же никак не должна предлагать готовых рецептов познания объекта. В куновской формуле[22] мы согласны с существованием в науке определенной модели *постановки* проблемы, но не модели *решений*" ([Кубрякова 1993: 9]; курсив оригинала – *П.П.*).

Профессиональная гордость, сквозящая в этих словах, более чем понятна, и способность достаточно легко адаптироваться к ситуации "поди туда, не знаю куда; принеси то, не знаю что" несомненно должна быть признана сильной стороной профессиональной компетенции лингвиста образца последней трети XX века. Тем не менее, рискуя предстать "нетворчески ориентированным ученым", я бы осмелился предположить, что лингвистике как дисциплине гордиться тут нечем: выраженное в цитате чувство должно рассматриваться как компенсаторное камуфлирование ("зелен виноград") м е т о д о л о г и ч е с к о й у щ е р б н о с т и современного лингвистического знания. Т. Гивон, известный своей склонностью к подчеркнуто новаторским решениям, когда-то писал, что необходимость извиняться за каждый выводной скачок и выдвижение идеи, фактуальные и дедуктивные основания которой гарантированы с менее чем стопроцентной надежностью, в любой научной дисциплине является данью ее интеллектуальной нищете" [Givón 1979: 311). Если такое говорится применительно к новаторской теории, то уж обращение к подлинно общепринятому методу тем более не должно бы вызывать неприятия. Никакой инженер не стыдится использования формул сопромата[23]; наличие же у лингвиста душевного дискомфорта при обращении к методологическому инструментарию своей науки заставляет подозревать, что если не с методами, то по крайней мере с их рефлексией в этой науке что-то не совсем в порядке.

---

[21] Не хотелось бы популяризовать подобного рода лексику, но в данном случае трудно не признать, что по-русски последнее обстоятельство социологически (и этологически) точнее всего описывает пресловутое уголовно-жаргонное выражение "западло". Впрочем, в [Лакофф и Джонсон 1987: 129–133] уже достаточно давно и элегантно было продемонстрировано, что в рациональном споре – и в научной дискуссии как его предположительно высшем проявлении – в полной мере, хотя и в завуалированной форме зафиксирован весь набор вообще-то признаваемых неблаговидными приемов воздействия на оппонента (запугивание, угроза, лесть, ссылка на авторитет и т.д.), причем это обстоятельство обычно не осознается, а поэтому избавиться от таких приемов достаточно трудно: человек социален, а ученому не чужды человеческие проявления. Собственно, в демонстрации этого последнего обстоятельства и заключается основной пафос науковедения "от Куна и далее".

[22] "Под парадигмами я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений" [Кун 1977: 11].

[23] Можно возразить, что инженерное дело не есть наука. Пусть так (хотя у ч е н ы е степени по техническим н а у к а м присуждаются, причем у ч е н ы м и советами); однако и во многих более однозначно признаваемых научными видах деятельности опора на готовые методы весьма существенна и социально одобряема; в качестве примера можно привести, скажем, экспериментальную психологию или химию – в общем, те науки, в которых особенно важна роль воплощенного в методологию накопленного знания (когнитивных ресурсов).

Экскурс. На самом-то деле воспроизведенный выше тезис о принципиальной нестесненности научного знания, безотносительно к оценке его в терминах "хорошо–плохо", далеко не бесспорен и в эпистемологическом плане – и в силу этого чрезвычайно показателен и заслуживает специального комментария. А именно, утверждение об отсутствии фиксации в "настоящей науке" образцов решения находится все же в разительном противоречии с тем, что пишут по этому поводу практически все современные науковеды. Они, конечно, не во всем согласны с Т. Куном, однако утверждение о том, что «оценка направляющих предпосылок [обобщающий термин для категорий "парадигма", "исследовательская традиция" и др. – см. выше – *П.П*] столь же зависит от суждений об их потенциале, сколь и от достижений в их применении (records of performance), и первое не сводимо ко второму» фигурирует (под номером 5) как раз в упоминавшемся выше списке позиций с о г л а с и я между современными науковедческими теориями [Laudan a.o. 1986: 155]. Аналогичным образом, различного рода технические образцы, позитивные эвристики, свидетельства образцовых успехов и т.д. занимают весьма почтенное место в уже упоминавшейся схеме развивающегося исследовательского парадигмального комплекса [Alker 1979]. Таким образом, идеал "подлинно творческой" науки в оговоренном в приведенной цитате смысле оказывается весьма далеким от реальной исследовательской практики – и замечательным образом глубоко модернистским. Инакомыслие, бесспорно, было сверхценностью науки первых двух третей XX века (достаточно сослаться на знаменитое замечание Н. Бора о теории, "недостаточно безумной, чтобы быть истинной") и обусловило многие ее выдающиеся достижения. Сохраняет ли, однако, эта сверхценность свой нетленный характер на исходе века – вопрос с неочевидным ответом.

Достаточно интересно, что размывание модернистского идеала хорошо интерпретируется с точки зрения идейного развития искусственного интеллекта и когнитивной науки (когнитологии[24]) как дисциплин, изучающих человеческое мышление, в том числе и научное. Как известно, разделение этих дисциплин (=рождение когнитологии) в концептуальном плане было связано (помимо желания разграничить теоретическую и инженерную дисциплины) с отказом от доктрины универсального абстрактного интеллекта [Сергеев 1984] и с признанием того, что интеллектуальное поведение человека принципиально (а тем более практически) несводимо к применению некоторых "универсальных законов мышления": интеллектуальная деятельность связана с операциями над з н а н и я м и, т.е., вопреки известной максиме, "мудрость" все-таки отчасти производна от "многознания". Следствием этого признания было возникновение инженерии знаний, бурное развитие экспертных систем и т.д. Таким образом, тезис, утверждающий самоценность инакомыслия и резко ограничивающий право науки опираться на некоторые образцовые схемы именно р е ш е н и я проблем (т.е. на некоторый немаловажный пласт именно знаний) оказывается не только фактически неверным, но и парадоксальным образом вдвойне анахроничным: в идейном плане он принадлежит в общем и целом пройденному (по крайней мере единожды) модернистскому этапу, а в плане своей явно прескриптивной модальности – так и вовсе этапу девственной традиционности.

Вернемся, однако, к проблеме метода в лингвистике XX века. На мой взгляд, история лингвистики XX в. – это история перманентного **методологического мятежа** (который, по известной формулировке Р. Бернса – С. Маршака, "не может кончиться удачей – в противном случае его зовут иначе"), протекающего на фоне, а в значительной степени – и в форме последовательных **теоретических переворотов.**

В основе мятежа, несомненно, лежит сформулированное еще В. Гумбольдтом стремление перейти в изучении языка от "эргона" к "энергейе". Лингвистика XIX в. явно и открыто изучала "эргон" и разработала адекватный этой задаче "большой метод" (своего рода аналог "большого стиля") – **сравнительный**, в условиях господства историцистской познавательной установки оформившийся как **сравнительно-исторический.** В дальнейшем этот метод развивался к у м у л я т и в н о; интеграция в сравнительно-историческое языкознание теоретических достижений XX века (в том числе и связанная с введением в компаративистику

[24] Из трех существующих в русском языке переводов английского cognitive science ("когнитивная наука", "когитология", "когнитология") последний как будто бы постепенно утверждается в качестве стандартного. Не приветствуя такой выбор, но считаясь с ним, я в дальнейшем использую именно этот вариант.

некоторых структурных принципов) к радикальному слому методологии, разработанной вот уже более столетия назад, не привела[25].

"Большого метода" для изучения "энергейи" не существует и поныне; частичным субститутом его служат теоретические инновации, вводящие в рассмотрение все новые **модельные конструкты.**

Первым (и поныне самым важным) таким конструктом было не что иное, как введенное Соссюром понятие **языковой системы,** принятие которого обусловило, соответственно, и самое значительное собственно методологическое достижение XX века – дистрибутивный анализ (с трансформационным ответвлением). Процедуры дистрибутивного анализа [Z. Harris 1951] во многом удовлетворяют оговоренному выше идеальному представлению о методе: вряд ли кому придет в голову упрекать их пользователя (особенно фонолога) в творческой несостоятельности. Однако применимость их ограничена в силу методологической ограниченности самого конструкта. По известной формулировке, восходящей к идеям Р. Якобсона, лингвистическая теория в ее привычном для XX в. виде занимается не чем иным, как **экспликацией интуиции** [Булыгина 1980а: 132; ср. Якобсон 1985: 362–363]. Вводя конструкт языковой системы, теоретическая лингвистика в методологическом плане защищала свое право на прямой "доступ к недоступному". Верификация качественных утверждений при такой методологии могла осуществляться путем **лингвистического эксперимента** (в том числе **интроспекции**) и не предполагала обращения к речевой эмпирии как таковой (обоснование такого понимания эксперимента было дано Л.В. Щербой [Щерба 1974]). Несколько парадоксальным образом В. Гумбольдт, провозгласив, что "язык есть не продукт деятельности, а деятельность", на следующей же (в русском переводе) странице объявил, что "в общей картине языка наше чувство с большей ясностью и убедительностью воспринимает его отдельные и преходящие элементы, но исследователю не удается с достаточной полнотой формулировать воспринятое в четких понятиях" [Гумбольдт 1984: 70, 71], косвенно признав тем самым, что таковое формулирование и составляет суть деятельности лингвиста. Гумбольдтовская "формулировка воспринятого в четких понятиях" – это "сворачивание" ментальных образований в компактные модели (причем компактность впоследствии стала рассматриваться как самостоятельное достоинство и даже верификационный принцип, ср. [Булыгина 1980а: 136–142; Кибрик 1992: 25–26]), адекватность которых можно проверить обращением к абсолютно недоступной в материальном плане и одновременно парадоксальным образом абсолютно доступной в интроспективной потенции языковой системе.

Обращение к "энергейе", речевой деятельности, **реальному дискурсу** (на мой взгляд, наиболее адекватное обозначение предмета так в общем-то и не возникшей пока "энергейя"-лингвистики) предполагает очень далеко идущее преобразование именно методологии (а не только и не столько модельной базы) лингвистического исследования. В идиллическую связку "Система – Модель" вторгается грубая эмпирия текстового корпуса и речевой деятельности, требующая выработки

[25] Это, конечно, не означает, что данный метод всегда хорошо работает. Он не слишком действенен при отсутствии фиксации достаточно древнего состояния родственных языков (а такая фиксация существует лишь для немногих языковых семей). Для таких случаев, как известно, М. Свадешом был разработан глоттохронологический метод, который, однако, отнюдь не рассматривается как альтернатива традиционной компаративистике. По некоторым предположениям, компаративистское исследование становится принципиально невозможным после полного прохождения родственными языками цикла "прагматика–синтаксис–морфология–фонетика–нуль–новая прагматика ..." [Givón 1979], поскольку при этом информация о материальном родстве необратимо теряется; по устному замечанию А.А. Зализняка, аналогичная гипотеза много раньше была высказана Ю.В. Кнорозовым. Весьма шаткой является семантическая составляющая сравнительно-исторического языкознания (хотя семантика и возникла первоначально как дисциплина историческая). Ни одно из этих обстоятельств, однако, не считается дискредитирующим сравнительно-исторический метод.

какого-то подхода к проблемам, от которых лингвистика, вводя дихотомии (Ф. де Соссюр, Л. Ельмслев, Н. Хомский – см. их суммарный анализ в [Звегинцев 1976: 7–12]) и трихотомии [Щерба 1974] своего объекта, обычно небезуспешно пыталась абстрагироваться. К числу таких проблем относятся, в частности, фактор реального времени, способы презентации больших объемов материала, воспроизводимость результатов, представительность выборки, достаточность опыта, статистические закономерности, особенности жанра и т.д.

Перечисленные проблемы очень различны; некоторые из них имеют, так сказать, естественнонаучный характер, другие, напротив, чрезмерно гуманитарны по меркам ныне действующего канона науки о языке. Все они, однако, схожи в том, что п р о т и в о с т о я т ряду базовых для последней "сворачивающих" эвристик, нацеленных на выявление возможно более абстрактных, компактных и универсальных структур.

Верификация утверждений, делаемых на основании анализа реального дискурса, также оказывается сопряженной с совершенно н е п р и в ы ч н ы м и для лингвиста подходами: воспроизведение описываемого феномена из относительно обозримой задачи интроспекции превращается либо в трудоемкую (и мало у кого вызывающую энтузиазм) задачу повторного анализа обширного материала, либо предъявляет несравненно более жесткие, чем это привычно для лингвистики, требования к проверке корректности уже не только исследовательских методов, но и процедур их применения.

3. ТЕОРИЯ И МЕТОД В ЛИНГВИСТИКЕ КОНЦА XX ВЕКА: СОСТАВЛЯЮЩИЕ "ОБЩЕГО ВЕКТОРА"

На основании сказанного можно сделать вывод о том, что комплекс изменений, претерпеваемых лингвистикой последних десятилетий, в н у т р е н н е н е о д н о р о д е н: часть из них, более эффектная, продолжает линию теоретических переворотов, тогда как другие, более скромные с точки зрения своего облика, хотя реально более фундаментальные с точки зрения устройства лингвистики как исследовательского начинания, должны рассматриваться в рамках методологического мятежа. Рассмотрим некоторые из принадлежащих каждой из этих категорий подвижек.

3.1. Эпизоды теоретических переворотов

3.1.1. Case study 1: когнитивная лингвистика. Одной из наиболее эффектных и радикальных по своим претензиям инноваций в лингвистике последней трети (реально даже четверти) XX века, несомненно, является когнитивная лингвистика (иногда называемая также когнитивной грамматикой). Возникла она тогда же, когда и когнитология, т.е. в первой половине 70-х гг. Этапы ее формирования и предъявления в русских переводах вкратце таковы (опять же, без предыстории и без учета лингвистически значимых результатов из когнитологии и искусственного интеллекта; о некоторых из их числа см. ниже). В 1975 г. термин "когнитивная грамматика" профигурировал в названии статьи [Lakoff, Thompson 1975]. В 1985 г. когнитивная грамматика была представлена отечественному читателю и в поныне наиболее удачном, хотя и сильно уже устаревшем обзоре [Герасимов 1985]; тогда же вышло из печати первое английское издание книги Ж. Фоконье [Fauconnier 1985] (французское – годом раньше), "погрузившего" в когнитивную среду традиционную логико-прагматическую проблематику. В 1987 г. были опубликованы первый том "Оснований когнитивной грамматики" Р. Лангакера[26] (благодаря своему названию и объему этот двухтомный труд – второй том появился в 1991 г. – сразу же приобрел "стандартно-

[26] Вообще-то фамилия этого исследователя произносится как Лэ́накер, однако неправильное русское воспроизведение уже стало отчасти общепринятым. Строго говоря, и давно известная отечественному читателю фамилия Дж. Лакоффа на самом деле произносится с дифтонгом [эй] в первом слоге.

референциальный статус" [Langacker 1987; 1991]), этапные для данного направления книги Дж. Лакоффа [Lakoff 1987] и М. Джонсона [Johnson 1987], а также положившая начало целой серии монографий Р. Джакендоффа книга [Jackendoff 1987][27]. В 1988 г. в СССР появился посвященный когнитивным аспектам языка том "Нового в зарубежной лингвистике" [НЗЛ XXIII 1988][28]. С 1990 г. началось издание журнала "Когнитивная лингвистика" ("Cognitivo linguistics"), что можно считать началом институционализации дисциплины[29]. "Немонографическими", но от этого не менее важными этапами развития когнитивной грамматики, были статьи Л. Талми (особенно [Talmy 1983; 1985; 1988a,b; 1995 a,b]), Ч. Филлмора [Филлмор 1988] и У. Чейфа (фактически одного из пионеров когнитивной лингвистики, во всяком случае, в моем понимании; см. [Chafe 1972; Чейф 1982; 1983][30]).

Хотя в реальной практике и приходится сталкиваться с выражениями типа "когнитивные методы", "методы когнитивной лингвистики" и т.п. (более того, мне и самому доводилось их использовать), "когнитивная революция" в лингвистике на самом деле может претендовать на методологическую новизну лишь при весьма либеральном понимании того, что есть методология. Обратившись к работам упомянутых выше признанных когнитивистов (а следует заметить, что на данном этапе развития когнитивной грамматики ее с наибольшим основанием можно рассматривать как совокупность индивидуальных исследовательских программ менее чем десятка широко известных авторов, так что дисциплина вполне адекватно поддается "экстенсиональному" определению), легко обнаружить, что в плане методов исследования как таковых ими в основном практикуется то, что можно назвать **"сверхглубинной" семантикой** – с привычной для семантического (даже сильнее – грамматического) исследования опорой на интроспекцию и суждения информанта, обычно самого исследователя, относительно приемлемости/неприемлемости тех или иных языковых форм. Знакомство, например, с "Книгой второй" в составе монографии [Lakoff 1987], монографиями Р. Джакендоффа [Jackendoff 1987; 1992 и др.], упомянутыми выше статьями Л. Талми[31] показывает, что их эмпирическим материалом являются в основном вполне привычные по "прагмантаксису" последних десятилетий авторские примеры (т.е. лингвистическая интуиция авторов), размеченные по степени их приемлемости (в частности, грамматичности).

Differentia specifica т а к о й когнитивной лингвистики – это не столько введение в исследовательский обиход какого-то нового инструментария и/или процедур[32], сколько с н я т и е з а п р е т а на введение в рассмотрение неких новых "далеких от поверхности" теоретических, модельных конструктов (ср. [Николаева 1979: 9]). В когнитивной грамматике – и это, по-моему, может считаться основой ее определения –

---

[27] Этот автор интересен своей небезуспешной попыткой эволюционного (по отношению к генеративизму), а не революционного формирования когнитивной грамматики.

[28] С современной точки зрения состав тома несколько перегружен логико-прагматическими и принадлежащими искусственному интеллекту работами, что является иллюстрацией сделанного в начале статьи утверждения о превалировании нерасчлененного рассмотрения современного развития.

[29] О завершении институционализации пока что говорить рано, да рассчитывать на суверенную институционализацию когнитивной грамматики "по полной форме" едва ли приходится в силу наличия объемлющей дисциплины (лингвистики) – в отличие от когнитивной науки, для которой такой объемлющей дисциплины все-таки не существует.

[30] Материал этих статей в переработанном виде вошел в появившуюся лишь недавно книгу [Chafe 1994].

[31] Последний в личной беседе с автором согласился с определением своего подхода как "сверхглубинной семантики".

[32] Показательно, что когнитология – по крайней мере в лице некоторых своих представителей – не чужда крайне скептического отношения к психолингвистическому, т.е. на самом деле психологическому эксперименту. Характерно в этом плане признание Р. Шенка: "Я не хотел проводить тщательно контролируемые эксперименты по запоминанию списков бессмысленных слогов. Я хотел знать, как люди общаются, как они порождают новые идеи и как они понимают идеи друг друга" [Schank, Childers 1984: x-xi]. С другой стороны, компьютерный эксперимент в стандартном "саймоновском" [Саймон 1972] смысле признается в когнитологии хотя и несомненной ценностью, но отнюдь не conditio sine qua non.

в качестве модельных конструктов выступают **когнитивные структуры и процессы**, будь то когнитивные структуры типа фрейма [(М. Минский), к нуждам лингвистики это понятие было адаптировано Ч. Филлмором], идеализированной когнитивной модели (Дж. Лакофф) или ментальных пространств (Ж. Фоконье); $2^1/_2$-мерного наброска (Р. Джакендофф); семантико-грамматических суперкатегорий[33] наподобие конфигурационной структуры, динамики сил, распределения внимания, "цепции" и т.д. (Л. Талми); комплексных многоаспектных языковых конструкций (в специальном значении этого термина, предложенном Ч. Филлмором и П. Кэем)[34]; когнитивных операции типа правил концептуального вывода [Шенк 1980] или же особого уровня изучения интеллектуальных систем – постулированного А. Ньюэллом отличного от символьного "уровня знаний" [Newell 1982][35]. Смена познавательных установок (в смысле Ю.А. Шрейдера [Шрейдер 1979] – от "Ограничивайся непосредственно данным" к "Стремись проникнуть вглубь") в когнитивной лингвистике, несомненно, имеет место, но в какой степени при этом говорить о новых методах исследования – вопрос дискуссионный.

Строго говоря, сделанные общие утверждения о когнитивной лингвистике нуждаются в оговорках. Индивидуальные исследовательские программы когнитивной грамматики (при том, что степень совместимости между ними выше, чем можно было бы ожидать априори[36]) далеко не тождественны; не одинакова и степень представленности в ней методологической составляющей. По крайней мере один метод, в сильной степени удовлетворяющий приведенному в предыдущем разделе прагматическому определению, в рамках когнитивной грамматики безусловно сложился – это **метафорический анализ** в варианте, предложенном Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [Лакофф, Джонсон 1987]. Не буду здесь останавливаться на характеристике теории, стоящей за этим методом (и постулирующей метафору в роли фундаментальной когнитивной операции, обеспечивающей перенос образных схем из одной концептуальной сферы в другую) – для меня существенно то, что сведéние разнообразных семантических отношений к достаточно элементарным (прежде всего пространственным) схемам, более того, во многих случаях схемам из заданного и уже исследованного списка[37], а также обнаружение коррелятов естественных для концептуальной сферы-источника следствий определенной ее организации в другой концептуальной сфере представляет собой весьма продуктивное, где-то даже захватывающее и при этом вполне респектабельное занятие. Вопрос о том, не является ли данная респектабельность преходящей (ибо лежащая в основе метафорического анализа теория не лишена доли дискуссионности), с синхронно-прагматической точки зрения не является принципиальным.

За данным единственным исключением в качестве "когнитивных методов" реально предстает апелляция к модельным конструктам – или же к методам иных наук (чаще всего психологии, а с недавних пор и нейронауки, ср. ниже). Не будем вдаваться в обсуждение междисциплинарного заимствования (здесь имеется ряд специфических

---

[33] Следует заметить, что в отечественной грамматической теории о возможности обнаружения/постулирования суперкатегорий еще в 1980 г. писала Т.В. Булыгина [Булыгина 1980б]; некоторая суперкатегория (впоследствии я обозначил ее как "сопоставительное выделение") была также рассмотрена мною в [Паршин 1984]. Очевидна также близость исследовательской программы Л. Талми и ленинградского (теперь петербургского?) варианта функциональной грамматики [ТФГ 1987 и др.].

[34] Их работа остается неопубликованной. Несколько модифицированная версия конструкционной грамматики представлена в [Goldberg 1995].

[35] В данный список включены представители (и, соответственно, идеи) не только когнитивной грамматики, но и искусственного интеллекта.

[36] Так, почти всем им присущ повышенный интерес к изучению языковых средств интерпретации пространственных отношений, причем результаты являются взаимно релевантными и взаимно признаются таковыми.

[37] Так, уже в 1989 г. для английского языка был составлен "Базовый список метафор" [Lakoff a.o. 1989], большинство из которых представлено, например, и в русском языке.

проблем), что же касается объяснения лингвистических феноменов когнитивными, то, со всеми возможными оговорками ("объяснение непонятного через неизвестное" и т.п., см., например, [R. Harris 1987]), оно представляется вполне продуктивным – и по-своему глубоко традиционным (достаточно вспомнить лингвистический психологизм конца XIX в.). Кстати, многие из возражений снимаются, если рассматривать программу когнитивной грамматики как и н в е р с и ю традиционной психолингвистики. Последняя представляет собой выяснение психологической реальности лингвистических гипотез, их психологическое обоснование; иначе говоря, это применение психологической методологии к лингвистической теории, психологическое упражнение (психолингвистика – это, конечно же, никакая не лингвистика, а чистейшей воды экспериментальная психология), теоретическую ответственность за которое, однако, несет наука о языке. Когнитивная лингвистика устроена р о в н о п р о т и в о п о л о ж н ы м образом: это выяснение лингвистической реальности психологических гипотез[38], их лингвистическое обоснование, т.е. применение лингвистической методологии к психологической теории, профессионально-лингвистическая деятельность, теоретическую ответственность за которую, однако, несет психология. За неизвестное, таким образом, отвечает "дядя": позиция небезукоризненная, но при явном ее обозначении во всяком случае честная.

3.1.2. Все сказанное mutatis mutandis верно и по отношению к "прагматической революции", "формированию коммуникативного подхода" и т.п. И здесь налицо – несомненно, незаурядное как по результатам, так и по потенциалу – преимущественно т е о р е т и ч е с к о е развитие, сопряженное с постулированием новых объяснительных конструктов. Отличие от когнитивной грамматики заключается лишь в том, что в их качестве выступают не когнитивные структуры и процессы, а **деятельностные категории** – речевые акты, намерения и цели говорящих, максимы П. Грайса[39] (и Дж. Лича – [Грайс 1985; Leech 1983]), постулаты речевой коммуникации, лицо (в смысле Э. Гоффмана – П. Браун – С. Левинсона [Goffmann 1967; Brown, Levinson 1987]) и т.д. И здесь приходится сталкиваться с выражениями типа "м е т о д ы т е о р и и речевых актов" [интересная внутренняя форма, не правда ли? – *П.П.*] или "методы лингвистической прагматики", за которыми реально скрываются не столько методические инновации (или вовсе не они), сколько опять же апелляция к модельным конструктам. Ближе всего к статусу метода в рамках лингвистической прагматики приближается пресуппозициональный анализ – но этим он обязан прежде всего наличию в нем логического, а вовсе не прагматического начала (если принять определение пресуппозиции как части смысла, инвариантной относительно отрицания, то на основании этого определения естественным образом выстраивается некий метод лингвистического анализа в оговоренном выше смысле; применимость этого метода, однако, оказывается весьма ограниченной, что стало ясно почти сразу). Собственно прагматическое же понимание пресуппозиции сильно выраженным "операциональным драйвом" не обладает.

Впрочем, при внимательном рассмотрении ситуация с лингвистической прагматикой оказывается более неоднозначной. Основанием взглянуть на нее более дифференцировано является, прежде всего, осуществленная на обширном языковом материале А. Вежбицкой [Wierzbicka 1991] впечатляющая демонстрация того обстоятельства, что претендующие на универсальность принципы прагматики языкового общения (те же максимы Грайса и др.) сплошь и рядом "сыплются" за пределами не то что сепировского "среднеевропейского" стандарта, но даже и при движении внутри него – при выходе за пределы англо-американского социокультурного круга. В принципе, с точки зрения излагаемых в настоящей статье взглядов это естественно интерпретировать как свидетельство пребывания лингвистической прагматики как

[38] На мой взгляд, парадигмальным образцом такого рода деятельности может послужить цикл работ У. Чейфа начала 70-х годов, в особенности "Язык и память" [Chafe 1972].

[39] Часто неверно называемого Г. Грайсом (он H.Paul Grice).

частной дисциплины на домодернистском этапе – хотя возникновение лингвистической прагматики в рамках науки о языке как целого было немаловажным компонентом модернизации последней. Так что с этой точки зрения ходячее выражение "методы лингвистической прагматики" не столь уж неоправдано: краткая история лингвистической прагматики, возможно, представляет собой микротрадицию, в рамках которой минимальные теоретические соображения успели переосмыслиться именно как база для некоей методологии.

3.1.3. Еще более показательным является пример **лингвистики текста**, призванной как будто бы реализовать лозунг "выхода за пределы предложения" или "лингвистики речи". И в данном случае, конечно, мне менее всего хотелось бы ставить под сомнение выдвинутые идеи или достигнутые результаты – они очень значительны. Здесь, однако, примат теории над методом проявляется, пожалуй, в наиболее отчетливом виде. Текст, которому до поры до времени вообще принято было отказывать в праве считаться объектом лингвистического изучения, изучается в текстлингвистике "ван дейковского" образца (а именно этот вариант в силу незаурядной организаторско-публикационной активности голландского ученого задает современный стандарт) путем сопоставления ему привычных для лингвиста объектов – компактных структур, причем при явном тяготении к возможно более формальным структурным закономерностям в противоположность содержательным[40]. В известной степени над лингвистикой текста тяготеет проппповское наследие, а в самом названии знаменитой книги ("Морфология сказки" – по современным меркам скорее синтаксис [Пропп 1969]) зафиксировано именно структурное, "сворачивающее", а отнюдь не "энергейное" видения объекта исследования[41]. Опять же, разработка набора структур может рассматриваться как создание аналитического метода, и даже весьма провокативного, однако это вполне традиционный для лингвистики анализ продукта деятельности и никак не продвижение к анализу "энергейи".

3.2. Эпизоды методологического мятежа

Параллельно теоретическим переворотам как недавнего прошлого, так и настоящего, но относительно независимо от них в науке о языке продолжается собственно методологический мятеж, удачно инициированный классическим структурализмом, но отнюдь еще не "кончившийся удачей", суть которого заключается в попытке разработать методы для "прямого анализа" того, что выше было предложено называть **реальным дискурсом**. Сразу следует сказать, что появление их во многом остается делом будущего, притом весьма смутного: уж очень плохо совмещаются новые требования с языковедческим менталитетом, как модернистским, так и традиционным (в явном виде примат изучения языка/системы/компетенции провозгласил принадлежащий эпохе модерна структурализм, но, как следует из уже процитированного высказывания В. Гумбольдта, "другую сторону" соответствующих дихотомий не были склонны изучать и ранее[42]).

---

[40] Показательно, что Т. ван Дейк аккуратно ввел два ряда терминов для обозначения соответственно формальных и содержательных глобальных текстовых структур (суперструктуры vs. макроструктуры, где "макроструктуры – это семантическое содержание категорий, входящих в суперструктурные схемы" [ван Дейк, Кинч 1989: 41]), однако в лингвистическом обиходе удержался лишь второй из этих двух терминов, причем чаще он применяется, пожалуй, как раз к формальной стороне текста.

[41] Нарративным сюжетам могут быть сопоставлены и качественно другие типы структур (наиболее известны эмоционально-сюжетные структуры В. Ленерт [Lehnert 1982]; более подробный обзор см. в [Баранов, Паршин 1990; Цымбурский 1990]). Тем более это верно для других, не-нарративных типов текстов; однако общий подход остается тем же.

[42] На самом-то деле можно составить очень длинный список подобного рода сетований, и их упорное воспроизведение все новыми и новыми поколениями лингвистов представляется далеко не случайным: стимулы к неудовлетворению явно никуда не деваются, а это означает, что за ними стоят какие-то очень мощные факторы.

3.2.1. Case study 2: понятие дискурса и подходы к его анализу. Выражение "реальный дискурс" было упомянуто выше с известной претензией на терминологичность, но без обсуждения. Между тем, категория дискурса занимает центральное место в большинстве современных эпизодов "методологического мятежа" и – не побоюсь такого сочетания – в дискурсе дискурс-анализа. Обсуждать здесь есть что.

У понятия "дискурс" довольно своеобразная история, в чем-то напоминающая историю понятия "парадигма" (кстати, и содержательно между ними имеется некоторая перекличка). Будучи изначально элементом понятийного аппарата лингвистики (З. Хэррис писал о дискурс-анализе – в некотором понимании, разумеется – более 40 лет назад [Z. Harris 1951]), оно приобрело по-настоящему широкую и слегка "туманную" (потому и широкую) популярность за пределами науки о языке – а именно, в некотором философско-социологическо-культурологическом облаке, клубящемся вокруг имени М. Фуко[43]. Ныне это понятие уже в виде дискурса$_2$ возвращается в лингвистику, где встречает своего тоже определенным образом изменившегося "двойника". При этом некоторые существенные элементы идеализированной когнитивной модели дискурса$_1$ и дискурса$_2$ совпадают, что делает отношения между двойниками весьма своеобразными.

Становление понятия дискурса$_1$ и его выделение из некоего нерасчлененного представления о тексте/дискурсе (изначально два последних в некоторых национальных языковедческих традициях употреблялись почти синонимически) весьма подробно рассмотрено в справочно-энциклопедической статье Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1990]. Суммируя ее соображения и накладывая их на изглагаемое в настоящей статье представление о "методологическом мятеже", можно сказать, что термин "дискурс" был востребован для обозначения некоторого очень своеобразного объекта – одновременно "более речевого, чем речь" (по изящной характеристике Н.Д. Арутюновой, «дискурс – это речь, "погруженная в жизнь"») и в то же время более "уловимого" и объективизируемого. Специально отмечая, что "анализ дискурса выполняется в основном описательными и экспериментальными методами" (sic! – при этом, как можно предположить, "описательные" методы противопоставляются "сворачивающим" структурным, а под "экспериментальными" явно понимается что угодно, только не лингвистический эксперимент в смысле Л.В. Щербы), Н.Д. Арутюнова фактически указывает на то, что анализ дискурса в том виде, который он приобретает с начала 80-х гг., озабочен не столько разработкой модельных конструктов (это прерогатива лингвистики текста и нарратологии, в т.ч. когнитивной нарратологии à la В. Ленерт), сколько методологическими поисками и попытками как-то понять, можно ли сделать более "прозрачным" способ извлечения обобщений из того в речевой деятельности, что доступно непосредственному наблюдению, и тем самым приблизиться к реальности (отсюда – мое желание терминологизировать понятие дискурса путем добавления атрибута "реальный") речевой деятельности, ослабив интуитивный компонент лингвистического исследования и приблизив методологию лингвистики к методологии естественных наук.

Экскурс. Автор крайне далек от того, чтобы утверждать, что такое приближение является безусловно желательным. Отнюдь не исключено, что оно принципиально невозможно, и ничего страшного в признании этого я не вижу – мало ли какие невозможности существуют в природе; вот, говорят, вечный двигатель построить невозможно. Тем не менее, ничего, что можно было бы считать доказательством такой невозможности, не существует, а при этом (в условиях, когда на эталон научности упорно претендует все-таки естественная наука, физика; статус математики своеобразен) некая абстрактная желательность доведения методов лингвистики до стандартов "точных" наук остается, причем имеются в виду не позитивистские "дедуктивные" стандарты (практика модерна показала, что довести лингвистическое знание

[43] Здесь не затрагивается хабермасовское понимание дискурса – его лингвистическая релевантность невелика. Дать конкретную ссылку на использование понятия "дискурс" у Фуко, как известно, практически невозможно; оно синтезируется из всего его творчества.

до весьма высокой степени формализации вполне возможно), а более поздние попперовские стандарты, регламентирующие не столько формальную строгость (она подразумевается), сколько корректность в отношениях теории к действительности.

В современной лингвистике представлено несколько направлений, для которых позитивная эвристика "Ближе к реальности" (могущая в общих чертах рассматриваться как композиция шрейдеровских [Шрейдер 1979] эвристик I "Ищи конкретное, частное, особенное, индивидуальное" и III "Ограничивайся непосредственно данным") является работающей.

3.2.2. Прежде всего, здесь необходимо упомянуть преимущественно британское начинание, именуемое "**корпусной лингвистикой**", или "лингвистикой корпуса" (corpus linguistics) и инициированное прежде всего И. Свартвиком и Дж. Личем. Суть его была элегантно охарактеризована Ч. Филлмором в виде противопоставления "корпусной" лингвистики традиционной (на данный момент) "диванной" лингвистике[44]. В случае возникновения диалога между "корпусным" (располагающим морем фактов и постоянно занятым подсчетом каких-то эмпирических закономерностей) и "диванным" (лежащим обхватив голову с закрытыми глазами и изредка подскакивающим с криком "Какой потрясный факт!") лингвистами, первый не без основания говорит второму: "Почему я должен считать, что то, что ты говоришь, верно?", а второй первому – "Почему я должен считать что то, что ты говоришь, представляет интерес?" [Fillmore 1992: 35]. Ч. Филлмор, определяющий себя как "диванного" лингвиста, который отказывается изменять своим привычкам, но находит пользу в использовании некоторых из ресурсов "корпусной" лингвистики, отмечает, что, во-первых, он не верит в существование корпуса – сколь бы велик он ни был – в котором можно было бы найти все потребные ему факты; во всяком случае, все известные ему реально существующие корпуса лингвистических данных неадекватны[45]. Во-вторых – что-то такое, что никак не удалось бы найти другим способом, обнаруживалось во всех корпусах, с которыми он имел дело.

Из этих наблюдений делается вывод о необходимости "жить дружно" (а еще лучше – каждому совмещать в себе "диванного" и "корпусного" лингвиста). Спорить, с этим выводом не приходится, однако хотелось дополнить его указанием на то, что в споре между "диванным" и "корпусным" лингвистами (resp. лингвистиками) на кон поставлен важнейший методологический принцип – так называемый **принцип достаточности опыта.** В работе Е.Л. Фейнберга [Фейнберг 1992] этот принцип подробно анализировался с целью демонстрации принципиально неустранимой интуитивности суждения о достаточности эмпирических данных для теоретических обобщений как в физике, так и в других областях познания, да и человеческой жизни вообще (например, в этике). Для физика такой пафос понятен и более чем правомерен. В лингвистике дело обстоит несколько иначе – она в XX веке (или уж во всяком случае во второй его половине) вдоволь наслаждалась роскошью интуитивных суждений, не так чтобы уж очень задумываясь о подкреплении их эмпирией. Конечно, если тезис о принципиальной интуитивности перехода к теоретическим обобщениям верен, а так оно, скорее всего, и есть, то в этом, возможно, заключается высшая мудрость (все равно интуиция – верховный судья[46]). Однако интуитивизм лингвистики XX века оказывается "не вполне выстраданным" (и в силу этого "дешевле стоящим"). Кроме того, ряд

---

[44] В оригинале – "кресельной", armchair linguistics, но на языке Обломова "диванная" звучит более естественно.

[45] Имеются в виду, так сказать, "актуальные", специально организованные базы данных (возможно и "потенциальное" понимание, при котором "корпус" превращается в теоретический конструкт примерно того же статуса, что и понятие языковой системы, ср. [Halliday 1992]) – типа Машинного фонда русского языка, бирмингемской базы данных COBUILD (Collins Birmingham University International Language Database) или DCI (Data Collection Initiative) Ассоциации вычислительной лингвистики.

[46] "В конце концов, – пишет Ч. Филлмор, – никакого способа избежать опоры на интуитивное знание просто нет" [Fillmore 1992: 38].

лингвистических обобщений оказывается возможным лишь при более значительной, чем это было принято на протяжении многих десятков лет, опоре на эмпирическую реальность дискурса.

3.2.3. В частности, это касается современных исследований **грамматикализации**, основное допущение которых – дискурсное происхождение по крайней мере части грамматических категорий – предполагает исследование реальных форм и, более того, количественных закономерностей организации дискурса. В настоящее время теория грамматикализации представлена достаточно многочисленными публикациями (см., например [Givón 1984; QSD 1985; Heine a.o. 1991; Approaches 1991; Hopper, Traugott 1993]). Некоторых из нынешних ее приверженцев, судя по их предшествующим работам, очень трудно было представить как-то связанными с "квантитативной лингвистикой", большую часть времени занимавшей в науке о языке ощутимо маргинальную позицию. Такова, например, С. Томпсон – соавтор знаменитого в 70-х гг. сугубо структурного варианта семантико-синтаксической типологии языков [Ли, Томпсон 1982]. Тем не менее, она же выступила соавтором и работы [Hopper, Thompson 1984], во многом и инициировавшей развитие данного направления (отдельный импульс исходил от Т. Гивона; справедливости ради замечу также, что многие из эксплуатируемых в исследованиях грамматикализации идей достаточно давно высказывались в отечественной лингвистике, прежде всего И.И. Мещаниновым [Мещанинов 1978]).

Нынешнее обращение исследователей с подобной научной биографией к количественным методам, как можно предположить, обусловлено стремлением не *применить* наличные методы к какой-либо проблеме, а *найти* методы для разрешения наличных проблем. Есть, кстати, основания полагать, что упомянутая выше маргинальность квантитативной лингвистики на протяжении большей части XX века (с некоторыми краткими вспышками интереса) и была обусловлена [помимо чисто психологической чуждости "счетоводства" вкусам и менталитету "диванного" большинства ("большинство" – моя оценка, возможно, ошибочная) лингвистического сообщества[47] (те, кому "счетоводство" не чуждо, обычно предпочитают иные сферы)] тем, что в ней как раз наблюдался ощутимый приоритет методов (к тому же достаточно отработанных за пределами лингвистики и оставляющих исследователю не очень много свободы) перед теорией[48]. С точки зрения "мейнстрима" лингвистической мысли XX века такое соотношение большую часть времени воспринималось как постановка телеги впереди лошади[49]. Наблюдаем ли мы в настоящий момент новый "отчаянный роман" или происходит более серьезное интеллектуальное преобразование – вопрос пока что открытый, однако все же складывается впечатление, что импульс на этот раз является более эндогенным.

В интенциональном плане исследования грамматикализации лежат вполне в русле теоретического развития лингвистики – это, как и в случае когнитивной лингвистики или лингвистической прагматики, усилия по *поиску объяснений* языковых феноменов, например, различия имен и глаголов как языковой универсалии [Hopper, Thompson 1984] или же сочетания в прилагательных (семантически – словах,

---

[47] Уместно в этой связи вспомнить о некогда предлагавшейся А.К. Поливановой (в устном выступлении) классификации наук на основании типов удовольствия, получаемых их представителями от профессиональной деятельности.

[48] Очень показательно, что в [ЛЭС 1990] соответствующий фрагмент языковедческой практики представлен в статье "Количественные *методы*".

[49] Между тем, классическое сравнительно-историческое языкознание – это, в общем-то, много метода ("сгустившегося" из общей интеллектуальной среды XIX века) и относительно немного теории, главным образом сводящейся к распространению на развитие языков организмической метафоры. Тогда, судя по всему, большинство сообщества этим не смущалось, в чем легко усматривается свидетельство общего изменения интеллектуального климата в двадцатом веке по сравнению с девятнадцатым. Разумеется, блестящие теоретики языка в XIX в. существовали, достаточно вновь упомянуть В. Гумбольдта, но их позиция была во многом обособленной.

обозначающих качества) именных и предикатных свойств – с преобладанием в различных языках морфологической и/или синтаксической фиксации первых или же вторых[50]. Однако то, что предлагается в данной теории (или по крайней мере в некоторых ее вариантах) в качестве объяснительного фактора, носит принципиально иной характер – это не идеальный модельный конструкт, а закономерности того же лингвистического корпуса и реальной языковой деятельности. Между тем, их изучение практически неизбежно оказывается завязанным на разработку и/или заимствование в существенной степени квантитативной методологии – или уж во всяком случае каких-то способов в большей и более явной степени, чем это было принято на протяжении практически всего XX века, опираться на эмпирические данные. В достаточно решительной форме этот тезис в рамках обсуждения разбиравшейся выше "корпусной лингвистики" был сформулирован М.А.К. Хэллидеем: "С того самого момента, когда я впервые попытался стать грамматистом, мне всегда казалось, что грамматика – это предмет, в котором слишком много теории и слишком мало данных. ... Мой собственный взгляд всегда заключался в том, что трактовка грамматики должна признавать ее ингерентно вероятностный характер и не допускать каких-то скрытых переменных" [Halliday 1992: 61, 65]. Ему вторит У.Чейф, сетующий на то, что "большая часть современной лингвистики сосредоточена на построении сложных теорий, основанных на мелких и спорных наблюдениях" (кстати, психологии он предъявляет претензию в ровно обратном дисбалансе между гипертрофированной методической стороной и убогими архаическими теориями) [Chafe 1994: 11].

Излишне повторять, что грамматика такого типа, который предлагается Хэллидеем, в случае, если ее удастся реализовать, будет в очень значительной степени отличаться как от традиционной, так и от модернистской грамматики. Не уверен, можно ли будет вообще назвать грамматикой то, что получится. В этой связи уместно упомянуть те исследовательские программы, в которых действительно предпринимается попытка непосредственно приблизиться к анализу реального дискурса.

3.2.4. Одна из этих программ так и обозначает себя как "**анализ дискурса**" (он же дискурс-анализ и дискурсивный анализ, англ. discourse analysis – не в хэррисовом смысле, разумеется) и в общем воспринимается как находящаяся пусть и на краю, но все-таки "в лингвистическом поле". Тем не менее, ее исследовательская практика производит слегка шокирующее (при всем сочувствии к ее целям и восхищении исследовательскими усилиями) впечатление: замечательным примером ее может послужить 600-страничный (!) объем монографии А. Гримшоу [Grimshaw 1989], посвященный анализу одной-единственной двенадцатиминутной беседы. С точки зрения привычного лингвистического менталитета это – кошмар, заставляющий преклоняться перед автором, но одновременно и подозревать, что либо "энергейя-лингвистика" (или "лингвистика речи") невозможна в принципе, либо она вряд ли будет восприниматься в качестве составной части науки о языке. Впрочем, тривиальным и безотказным средством смены менталитета является смена поколений...

3.2.5. Очень показательно, что другая "дискурсно ориентированная" исследовательская программа – **этнометодология** – так попросту и считается разделом социологии. Едва ли случайно, что посвященная последней статья присутствует не в лингвистическом, а именно в социологическом словаре [СЗС 1990], причем упомянутые-таки в словаре лингвистическом [ЛЭС 1990] ее видные представители, Г. Сакс и Э. Щеглов, представлены в индексе к нему в "неполноценной" форме, без указания биографических дат (чужие!). И это при том, что этнометодология работает с очень даже

[50] Так, по С. Томпсон [Thompson 1988], такие слова имеют больше общих черт с именами в индоевропейских языках (по крайней мере, в большинстве их, за что и именуются в традиции именами прилагательными), арабском, иврите и по крайней мере некоторых чадских (афразийская семья), языках банту, по крайней мере некоторых дравидийских, тагальском, кечуа, дьирбале и некот. др., тогда как в китайском, тайском, лакота (ветвь сиу американдийских языков), многих австронезийских и некот. др. (опускаю более экзотические языки из обоих списков) они ближе к глаголам.

лингвистическими данными, что прямо отмечается в [СЗС 1990: 421]: "Предмет Э – процедуры интерпретаций, скрытые, неосознаваемые, нерефлексированные механизмы социальной коммуникации между людьми. Все формы социальной коммуникации сводятся Э. к речевой коммуникации, к повседневной речи".

3.2.6. "И все же, все же..." – интерес к более эмпирическому анализу реального дискурса несомненно является составной частью динамики развития лингвистической мысли конца XX века. Отчасти, конечно, это связано просто с колебательными движениями эвристического маятника: как и всякий маятник, он, достигнув крайнего положения, начинает двигаться в противоположном направлении – от примата теории к известной перестановке акцента на метод и данные. Существует, однако, и некоторый класс вполне актуальных практических исследовательских задач, который подталкивает лингвистическую мысль в ту же сторону. Одной из них представляется задача **изучения политического дискурса**, настоятельно нуждающегося прежде всего именно в методологическом осмыслении. Некоторые соображения в этом направлении были предложены в [Kobozeva, Parshin 1993]; к сожалению, ограниченный объем настоящей статьи не позволяет мне остановиться на данной проблематике (а также на соотношении понятий дискурс$_1$ и дискурс$_2$ и производного от последнего понятия "идиополитического дискурса", который, по моему убеждению, и должен стать основным предметом "политической лингвистики"[51]) с той детальностью, которой они заслуживают.

4. Заключение: теория vs. метод с культурно-психологической точки зрения

Итак, находится ли в настоящее время наука о языке накануне трансформации, сравнимой по глубине и сфере действия с той, которую ей довелось пережить на предыдущем "переломе веков"? Хотелось бы ошибиться (в истории науки зафиксированы грандиозные ошибки подобного рода), но изложенные выше соображения говорят в пользу скорее негативного ответа на данный вопрос в краткосрочной и среднесрочной (20–30 лет) перспективе.

Научная революция в лингвистике начала века представляла собой практически тотальное (отдельный вопрос – насколько успешное) отторжение моделей, познавательных установок и методологии предшествующего периода. На исходе же XX века мы видим череду теоретических, "модельных" переворотов, осуществляемых со значительной легкостью, зачастую параллельно и, в общем-то, встречаемых хотя и не без сопротивления, но достаточно благосклонно. Это именно перевороты, "coup de théorie", назвать которые революциями, откровенно говоря, несколько затруднительно. Век научных революций не только ввел в обиход, но в значительной мере дискредитировал само это понятие, и не ясно, что же такое еще должно случиться, что заставило бы всех более или менее солидарно промолвить: "Се революция".

Конечно, по давнему замечанию Дж. Лакоффа [Lakoff 1976], "отсутствие фантазии ничего не доказывает". Сам Дж. Лакофф, кстати, полагает, что великая революция уже началась, и связана она со все более реальной перспективой непосредственного выхода в качестве объяснительного по отношению к лингвистическим фактам уровня на субсимволические нейронные структуры и их функционирование[52]. Подозреваю, однако, что в случае реализации такой возможности это будет "слишком великая" революция, результатом которой станет просто формирование науки, очень во многом несовместимой с образом науки о языке вообще[53] – поэтому, кстати, идеи субсим-

---

[51] Не слишком удачный термин; однако международная конференция именно с таким названием состоялась в декабре 1995 г. в Антверпене.

[52] Данные соображения изложены в основном в неопубликованных пока, насколько мне известно, работах, в частности, "The neurocognitive self: conceptual system research in the 21st century and the rethinking of what a person is" (US Berkeley, 1995). Ср. также [Lakoff 1995; Regier 1995].

[53] Может быть, эта наука и будет называться лингвистикой, но заниматься ей будет уже совершенно иное научное сообщество. Впрочем, несколько десятилетий – это и так срок, задающий значительную степень чисто биологического его обновления.

вольных (коннекционистских) объяснений вызывают внутри лингвистики и даже отчасти внутри когнитологии энергические возражения людей, отнюдь не выглядящих записными ретроградами. Например, В. Ленерт пишет, что "если коннекционизм когда-либо возобладает в искусственном интеллекте, то нам придется иметь дело со вполне реальной возможностью того, что мы будем в состоянии смоделировать нечто без приличного понимания того, что оно из себя представляет" ([Lehnert 1987: 3]; сочувственно цитируется в [Mey 1989]). Впрочем, это будет означать всего лишь реанимацию раннекибернетических подходов, и, кстати, упоминаемая Ленерт возможность давно уже была рассмотрена в рассказах А. Азимова[54].

Итак, в плане теории относительно обозримое будущее сулит либо субреволюции-перевороты, либо суперреволюцию, фактически уничтожающую свой объект. В плане методологии дело обстоит существенно иначе, но обстоит таким образом, что суммарная картина тоже никак не соответствует модели тотального и относительно синхронного преобразования. Методологическая революция в XX веке в общем-то захлебнулась, так что подлежащего отрицанию канона просто нет. В содержательном плане то, что наблюдается в настоящее время (если отвлечься от заимствования чужих методов), скорее выглядит как определенного рода возвращение назад, к большему эмпиризму; кстати, лозунгу большего эмпиризма отнюдь не противоречит и идея анализа субсимвольного уровня – это тоже более эмпирическое начинание по сравнению с интроспекцией языковой системы, только эмпирия в данном случае другая.

Девятнадцатый век в лингвистике был веком метода, двадцатый – веком теории. Революция затронула именно теоретическое развитие; задачи методологической революции остаются веку двадцать первому, и в настоящее время они выглядят достаточно самостоятельными по отношению к процессам порождения новых лингвистических моделей.

Такого рода историческое развитие совершенно естественным образом коррелирует с представлением о движении по триаде "традиция – модерн – постмодерн". Метод антропоцентричен, интегрален, традиционен и создает комфорт – возможность спокойно и самоуважительно "трясти". Теория системоцентрична, дифференциальна, модернова и холодна – она накладывает обязательство "думать". "Думать", однако, предполагается с целью "получить банан", а достигнуть этой цели исключительно силой мысли едва ли возможно*.

Post scriptum. Автор менее всего хотел бы выступить в роли человека, прескриптивно провозглашающего, что лингвистика должна перестроиться на таких-то и таких-то принципах – скажем, стать более эмпирической. Во-первых, я склонен согласиться с уже достаточно давним тезисом Ю.А. Шрейдера [Шрейдер 1979] о нахождении познавательных установок (в том числе и баланса теории и метода в науке) "по ту сторону истинности и ложности", что, кстати, лишний раз напоминает об ограниченной сфере применимости этих категорий. Субъективное отношение к этому балансу может быть лишь прагматическим и указывать на то, насколько его а к т у а л ь н о е с о с т о я н и е соответствует а к т у а л ь н ы м ж е з а д а ч а м. Очевидно, что это соответствие динамично, и любые лозунги, призывающие к его изменению, могут носить только сиюминутный характер, если, конечно, не формулировать их в чисто реляционных терминах "надлежащести", своей для каждого конкретного момента. Во-вторых, я просто не усматриваю за собой права провозглашать даже прагматические лозунги. В-третьих, я не усматриваю его вообще ни за кем: наука может быть кому-то что-то должна в социальном плане (и действительно

[54] Существует и более мягкий вариант рецепции идей коннекционизма в лингвистике, предполагающий возможность их сосуществования с традиционными, семиотическими в своей основе представлениями, однако и в этом случае право последних на существование уж никак не оспаривается.

* Автор хотел бы выразить признательность В.М. Алпатову, А.Н. Баранову и А.Е. Кибрику, прочитавшим данную работу в рукописи и сделавшим ряд существенных замечаний. В.М. Алпатов, в частности, обратил мое внимание на то, что под XX веком в статье реально имеется в виду в основном вторая половина XX века. Разумеется, ответственность за ошибки, недочеты и прочие недостатки статьи всецело лежат на мне.

находится с обществом и государством в отношениях социального контракта), но в интеллектуальном плане (допустим все-таки, что таковой может быть вычленен) она, кроме себя самой, не должна никому и ничего. Малоприятный принцип единства прав и обязанностей к этой сфере неприменим. Все, чего мне хотелось бы показать – это наличие в лингвистике XX века определенного дисбаланса между теорией и методом, историческое смещение этого дисбаланса, а также некоторые его причины (или хотя бы корреляты) и следствия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алпатов В.М. 1993 – Об антропоцентричном и системоцентричном подходе к языку // ВЯ. 1993. № 3.

Арутюнова Н.Д. 1990 – Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Баранов А.Н., Паршин П.Б. 1990 – Варианты и инварианты текстовых макроструктур (к формированию когнитивной теории дискурса) // Проблемы языкового варьирования. М., 1990.

Булыгина Т.В. 1980а – Синхронное описание и внеэмпирические критерии его оценки // Гипотеза в современной лингвистике. М., 1980.

Булыгина Т.В. 1980б – Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М., 1980.

Вайнштейн О.Б. 1992 – Деррида и Платон: деконструкция логоса // Мировое древо. 1992. № 1.

Вартофский М. 1988 – Модели: репрезентация и научное понимание. М., 1988.

Визгин Викт.П. 1995 – Эксперимент и чудо: религиозно-теологический фактор генезиса науки Нового времени // Вопросы истории естествознания и техники. 1995. № 3.

Виноград Т., Флорес Ф. 1995 – О понимании компьютеров и познания // Язык и интеллект. М., 1995.

Герасимов В.И. 1985 – К становлению "когнитивной грамматики" // Современные зарубежные грамматические теории. М., 1985.

Грайс Г.П. 1985 – Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. М., 1985.

Гумбольдт В. фон. 1984 – О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // В. фон. Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.

Дейк Т.А. ван, Кинч В. 1989 – Макростратеги // Т. А. ван Дейк. Язык, познание, коммуникация. М., 1989.

Звегинцев В.А. 1976 – Предложение и его отношение к языку и речи. М., 1976.

Кибрик А.Е. 1992 – Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.

Коппл Э., Латышева А.Н., Паршин П.Б. 1992 – Обучение иностранным языкам: лингвистика и методика (идеи, проблемы, перспективы) // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1992. № 2.

Кубрякова Е.С. 1993 – Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // ИАН СЛЯ 1993. № 2.

Кун Т. 1977 – Структура научных революций. М., 1977. изд. 2-е.

Лакофф Дж., Джонсон М. 1987 – Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.

Левин Ю.И. 1970 – Об одной группе союзов русского языка // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 13. М., 1970.

Левин Ю.И. 1994 – Истина в дискурсе // Семиотика и информатика. Вып. 34. 1994.

Ли Ч.Н., Томпсон С.А. 1982 – Подлежащее и топик: новая типология языков // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI: Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М., 1982.

ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Мещанинов И.И. 1978 – Члены предложения и части речи. Л., 1978.

Николаева Т.М. 1979 – Введение // Категория определенности – неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979.

НЗЛ XXIII 1988 – Новое в зарубежной лингвистике. Вып.: XXIII. Когнитивные аспекты языка. М., 1988.

Олкер Х.Р. 1987 – Волшебные сказки, трагедии и способы изложения мировой истории // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.

Падучева Е.В. 1995 – Лингвистика нарратива: коммуникация и неканонической коммуникативной ситуации // Диалог-95. Труды международного семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Казань, 1995.

Паршин П.Б. 1984 – Топик и "тоже": границы и интерпретация одной языковой оппозиции // Восточное языкознание: грамматическое и актуальное членение предложения. М., 1984.

Поспелов Д.А. 1989 – Моделирование рассуждений. М., 1989.

Пропп В.Я. 1969 – Морфология сказки. М., 1969. изд. 2-е.

Пятигорский А., Смирнов И. 1995 – О времени в себе: шестидесятые годы – от Афин до ахинеи // Независимая газета. 10 ноября 1995.

Рахилина Е.В. 1989 – О концептуальном анализе в лексикографии А. Вежбицкой // Язык и когнитивная деятельность // Под ред. Р.М. Фрумкиной. М., 1989.

Саймон Г.А. 1972 – Науки об искусственном. М., 1972.
Сепир Э. 1993 – Культура, подлинная и мнимая // Э. Сепир. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
Сергеев В.М. 1984 – "Искусственный интеллект" как метод изучения сложных систем // Системные исследования. Ежегодник 1984. М., 1984.
Серио П. 1993 – В поисках четвертой парадигмы // Философия языка: в границах и вне границ. Вып. 1. Харьков, 1993.
СЗС 1990 – Современная западная социология. Словарь. М., 1990.
Терминология 1992 – Терминология современного зарубежного литературоведения (страны Западной Европы и США). Вып. I. М., 1992.
ТФГ 1987 – Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
Фейнберг Е.Л. 1992 – Две культуры. Интуиция и логика в науке и искусстве. М., 1992.
Фейерабенд П. 1986 – Против методологического принуждения // П. Фейерабенд. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.
Филлмор Ч. 1988 – Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. М., 1988.
Цымбурский В.Л. 1990 – Макроструктура повествования и механизмы его социального воздействия // Когнитивные исследования за рубежом: идеи и методы искусственного интеллекта в изучении политического мышления. М., 1990.
Цымбурский В.Л. 1993 – Метаистория и теория трагедии: к поэтике политики // Общественные науки и современность. 1993. № 5, 6.
Чейф У.Л. 1982 – Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI: Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М., 1982.
Чейф У.Л. 1983 – Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII: Прикладная лингвистика. М., 1983.
Шенк Р. [и др.] 1980 – Обработка концептуальной информации. М., 1980.
Шрейдер Ю.А. 1979 – Эвристика, или 44 способа познать мир // Химия и жизнь. 1979. № 1.
Щерба Л.В. 1974 – О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
Якобсон Р. 1985 – О лингвистических аспектах перевода // Р. Якобсон. Избранные работы. М., 1985.
Alker H.R., Jr. 1979 – From information processing research to the science of human communication // Informatique et sciences humaines. 1979. № 40–41.
Alker H.R., Lehnert W.G., Schneider D.K. 1985 – Two reinterpretations of Toynbee's Jesus: explorations in computational hermeneutics // Artifical intelligence and text understanding (Quaderni di ricerca linguistica, 6) / Ed. by G. Tonfoni. Parma, 1985.
Approaches 1991 – Approaches to grammaticalization / Ed. by E.C Traugott, B. Heine. Amsterdam; Philadelphia, 1991.
Brown P., Levinson S. 1987 – Politeness: some universals in language usage. Cambridge, 1987.
Chafe W.L. 1973 – Language and memory // Language. 1973. V. 49.
Chafe W. 1994 – Discourse, consiousness, and time: the flow and displacement of conscious experience in speaking and writing. Chicago: L., 1994.
Fauconnier G. 1985 – Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language. Cambridge (Mass.; L., 1985).
Fillmore Ch.J. 1992 – "Corpus linguistics" or "computer-aided armchair linguistics" // Directions in corpus linguistics / Ed. by J. Svartvik. B., 1992.
Gallie W.B. 1964 – Philosophy and the historical understanding. L., 1964.
Givón T. 1979 – On understanding grammar. N.Y., 1979.
Givón T. 1984 – Syntax: a functional-typological introduction. V. 1. Amsterdam; Philadelphia, 1984.
Goffmann E. 1967 – Interaction ritual. N.Y., 1967.
Goldberg A.E. 1995 – Constructions: a construction grammar approach to argument structure. Chicago; L., 1995.
Grimshaw A.D. 1989 – Collegial discourse: professional conservation among peers. Norwood (N.J.), 1989.
Halliday M.A.K. 1992 – Language as system and language as instance : the corpus as a theoretical construct // Directions in corpus linguistics / Ed. by J. Svartvik. B., 1992.
Harris R. 1987 – The language machine. Ithaca, 1987.
Harris Z.S. 1951 – Methods in structural linguistics. Chicago, 1951.
Harris Z.S. 1952 – Discourse analysis // Language. 1952. V. 28. № 1.
Heine B. a.o. 1991 – Grammaticalization: a conceptual framework. Chicago; L., 1991.

Hopper P.J., Thompson S.A. 1984 – The discourse basis for lexical categories in universal grammar / Language. 1984. V. 60. № 3.

Hopper P., Traugott E.C. 1993 – Grammaticalization. Cambridge, 1993.

Jackendoff R. 1987 – Consciousness and the computational mind. Cambridge (Mass.), 1987.

Jackendoff R. 1992 – Languages of the mind: essays on mental representation. Cambridge (Mass.), 1992.

Johnson M. 1987 – The body in the mind: the bodily basis of meaning, reason and imagination. Chicago; L., 1987.

Kobozeva I.M., Parshin P.B. 1993 – An analysis of selected language categories in U.S. and Soviet national security discourse: have linguists anything to say? // Security discourse in the Cold War era (New School for Social Research. Working Paper № 180) / Ed. by W.G. Gamson, P.C. Stern. N.Y., 1993.

Lakoff G. 1976 – An interview with G. Lakoff // H. Parret. Discussing language. P., 1976.

Lakoff G. 1987 – Women, fire, and dangerous things: what categories reveal about the mind. Chicago; L., 1987.

Lakoff G. 1995 – Embodied minds and meanings // Speaking minds: interviews with twenty eminent cognitive scientists / Ed. by P. Baumgartner and S. Payr. Princeton, 1995.

Lakoff G., Thompson H. 1975 – Introducing cognitive grammar // Berkeley Linguistic Society. Proceedings of the First Annual Meeting. Berkeley, 1975.

Lakoff G., Espenson J., Goldberg A. 1989 – Master metaphor list. UC Berkeley mimeo, 1989.

Langacker R. 1987 – Foundations of cognitive grammar. V. 1. Theoretical prerequisites. Stanford, 1987.

Langacker R. 1991 – Foundations of cognitive grammar. V. 2. Descriptive applications. Stanford, 1991.

Laudan L. a.o. 1986 – Scientific change: philosophical models and historical research // Synthese. 1986. V. 69.

Leech G. 1983 – Principles of pragmatics. L., 1983.

Lehnert W.G. 1982 – Plot units: a narrative summarization strategy // Strategies for natural language processing. Hillsdale; N.Y., 1982.

Lehnert W.G. 1987 – Possible implications of connectionism // TINLAP-3: Theoretical issues in natural language processing / Ed. by Y. Wilks. Las Cruces (NM), 1987.

McCawley J.D. 1985 – Kuhnian paradigms as systems of markedness conventions // Linguistics and philosophy / Ed. by A. Makkai and A.K. Melby. Amsterdam; Philadelphia, 1985.

Marková I. 1982 – Paradigms, thought, and language. N.Y., 1982.

Mey J.L. 1989 – A pragmatic look at artifical intelligence or: The proper treatment of connectionism // Suomen kielitieteellinen yhdistis 1989. Helsinki, 1989.

Newell A. 1989 – The knowledge level // Artificial intelligence. 1982. V. 18. № 2.

QSD 1985 – Quantified studies in discourse (Text, 1985, V. 5, № 1/2) / Ed. by Givón T.

Regier T. 1995 – A model of the human capacity for categorizing spatial relations // Cognitive linguistics. 1995. V. 6. № 1.

Schank R.C., Childers P.G. 1984 – Cognitive computer. Reading (Mass.), 1984.

Simon H.A. 1976 – Administrative behavior. N.Y., 1976. 3d ed.

Talmy L. 1983 – How language structures space // Spatial orientation: theory, research, and application / Ed. by H.L. Pick, Jr., L. Acredolo. N.Y., 1983.

Talmy L. 1985 – Lexicalization patterns: semantic structures in lexical forms / Language typology and syntactic description. V. 3. / Ed. by T. Shopen. Cambridge, 1985.

Talmy L. 1988 – The relation of grammar to cognition // Topics in cognitive linguistics / Ed. by B. Rudzka-Ostyn. Amsterdam; Philadelphia, 1988.

Talmy L. 1988 – Force dynamics in language and cognition // Cognitive science. 1988. V. 2.

Talmy L. 1995a – The windowing of attention in language (в печати).

Talmy L. 1995b – Fictive motion in language and "ception" // Language and space / Ed. by P. Bloom et al. Cambridge (Mass.); L., 1995.

Thompson S.A. 1988 – A discourse approach to the cross-linguistic category "adjective" // Explaining language universals / Ed. by J.A. Hawkins. Oxford, 1988.

Varela F.J., Thompson E., Rosch E. 1993 – The embodied mind: cognitive science and human experience. Cambridge (Mass.); L., 1993.

Wierzbicka A. 1991 – Cross-cultural pragmatics: the semantics of human interaction. B., 1991.

Yngve V.H. 1975 – Toward a human linguistics // Chicago linguistic society. Papers from parasession on functionalism. Chicago, 1975.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 2 1996

© 1996 г. Ф.ДЖ. НЬЮМЕЙЕР

СПОР О ФОРМАЛИЗМЕ И ФУНКЦИОНАЛИЗМЕ В ЛИНГВИСТИКЕ И ЕГО РАЗРЕШЕНИЕ

Эту работу надлежало бы начать с извинения за амбициозность ее названия. Никакой краткий очерк не может претендовать на разрешение насчитывающего десятки, если не сотни лет спора между формалистским и функционалистским подходами к языку. Тем не менее мы попытаемся сосредоточиться на том, что разделяет эти два подхода, попробовав при этом отделить действительные различия между ними от различий в расстановке акцентов или же различий, определяемых той или иной краткосрочной исследовательской стратегией.

Контроверза, лежащая в основе дебатов, обусловлена тем обстоятельством, что разных грамматистов волнуют два весьма разных вопроса. Первый можно назвать Когнитивным Вопросом; им на протяжении десятилетий задавались Хомский и другие генеративисты [Chomsky 1986]. Это попросту вопрос "Что составляет знание языка?"

Второй вопрос можно назвать Типологическим Вопросом, а именно: "Чем обусловлены частота встречаемости и импликативные отношения тех или иных грамматических элементов в языках мира?" Из недавних работ, посвященных этому вопросу, можно упомянуть [Comrie 1989; Croft 1990].

Каждый из этих двух вопросов привел к очень разным ответам, которые, на первый взгляд, серьезно противоречат друг другу. В попытках ответить на Когнитивный Вопрос многие лингвисты пришли к постулированию того, что существует некоторое множество грамматических принципов-примитивов, не сводимых ни к семантическим, ни к дискурсным первоначалам. И более того, сложность, абстрактность и недоступность этих принципов для непосредственного узнавания приводят к выводу, что они, должно быть, являются в значительной степени врожденными.

Ответы же на Типологический Вопрос лишь изредка включают постулирование подобного рода автономных грамматических принципов и неизменно строятся вокруг понятия ф у н к ц и й языка, в частности его коммуникативной функции.

Таким образом, эти два вопроса приводят к разительно несхожим ответам. Действительно ли эти ответы противоречат друг другу? Является ли стандартный ответ на Когнитивный Вопрос несовместимым со стандартным ответом на Типологический Вопрос? Я бы сказал, что в п р и н ц и п е здесь не должно быть неразрешимого противоречия. В конце концов, попытка объяснить возникновение рака легких у Джона Смита отчасти генетической предрасположенностью (аналог Когнитивного Вопроса) не является несовместимой с попытками объяснить, почему 17% из числа заядлых курильщиков страдают от какого-либо легочного заболевания, тогда как среди некурящих таких только 3% (аналог Типологического Вопроса).

Взяв вполне банальный пример, предположим, что нас интересует относительное расположение в предложении подлежащего, дополнения и глагола-сказуемого[1]. Формалист, ориентируясь на Когнитивный Вопрос, возможно, укажет, взаимодействие каких параметризованных универсальных принципов допускают те или иные виды порядка

[1] В англоязычной традиции изучения порядка слов, как известно, принято говорить о подлежащем (subject), дополнении (object) и глаголе (verb), соответственно формулируя утверждения о порядке посредством формул типа SOV и т.п. (*Прим. перев.*).

слов в грамматике конкретного языка. Функционалист, отвечая на Типологический Вопрос и стремясь предсказать, какие порядки слов наиболее распространены в языках мира, возможно, станет апеллировать к принципам, связанным с дискурсными стратегиями, упаковкой информации и т.п. Конфликт между этими двумя подходами вовсе не является обязательным.

Видимая глазу несовместимость, однако, появляется тогда, когда объяснительные средства, используемые одним лагерем, начинают отвергаться (по прагматическим, методологическим или стратегическим причинам) представителями другого лагеря. Так, например, формалист Дж. Эмондс утверждает, что в грамматиках всех языков подлежащее предшествует сказуемому на наиболее исходном (most underlying) уровне ментальной репрезентации [Emonds 1980]. В 10% языков мира (в частности, в уэльском и самоанском) действует конкретно-языковое правило грамматики, "передвигающее" сказуемое в позицию перед подлежащим. Заметим, что ничто в программе функционалистов не запрещает такого развития – в принципе вполне возможно функционалистское объяснение того, почему в уэльском и самоанском возникло подобное правило передвижения, а в других языках нет. Но функционалисты, будучи увлечены Типологическим Вопросом, чрезвычайно неохотно признают "неповерхностные" правила грамматики, твердо полагая, что при условии полного понимания функциональных сил, действующих в языке, в таких правилах нет нужды.

Тем не менее хотелось бы думать, что приступая к функциональному анализу, никто не станет слепо отбрасывать "неповерхностные" уровни как нерелевантные для ответа на Типологический Вопрос. Хотя, конечно, с чисто эмпирической точки зрения доказательство их существования представляет значительные трудности, большинство классических функционалистов, насколько я понимаю их позицию, неизменно отвергают эмпиризм и склонны приписывать человеческому мышлению сложную структуру (даже если они отрицают необходимость в постулировании сложной и богатой структуры собственно грамматического характера). Так что проблема исходных уровней, можно надеяться, будет разрешаться на практике по мере углубления исследовательских программ в рамках обоих подходов.

Видимая несовместимость между этими двумя подходами углубляется далее в силу того, что формалисты апеллируют к врожденным принципам грамматики, единогласно отвергаемым функционалистами. Так, если взять положение Эмондса о том, что все языки на самом абстрактном уровне синтаксической репрезентации демонстрируют порядок SV, то, в силу различных соображений, следует заключить, что такое явление должно иметь какую-то природную подоплеку, быть как-то связано с геномом человека.

Однако тезис о врожденности, как мне кажется, может и вводить в заблуждение. Некоторые функционалисты, кажется, полагают, что в порождающей грамматике принципы, обнаруживающиеся через посредство грамматического анализа, всегда с необходимостью оказываются врожденными. Но это мнение абсолютно ошибочно. Тезис о врожденности – это вывод, а не посылка. Насколько мне известно, ни один лингвист-формалист не апеллировал к врожденности при формулировке какого-либо универсального принципа грамматики. Скорее, наоборот, тот или иной принцип формулируется на основе эмпирических данных, а тезис о его врожденности (коли таковая ему присуща) выводится из его абстрактности и недоступности для восприятия ребенка при изучении им языка.

Между прочим, стóит отметить,что функциональное объяснение не является полностью исключенным даже применительно к врожденным принципам грамматики (хотя оно вполне может быть и неправдоподобным). Ведь существует вполне понятный функциональный механизм биологической эволюции, а именно естественный отбор. И действительно, некоторые ученые уже рассматривали возможность того, что определенные аспекты наших грамматик могли давать преимущество в плане естественного отбора (см., например [Bickerton 1990; Pinker and Bloom 1990; Newmeyer 1991]).

Аналогично и некоторые формальные принципы вполне могут иметь функциональное объяснение. Правда, некоторые функционалисты твердо стоят на том, что порождающая грамматика в принципе и с к л ю ч а е т возможность функционального объяснения к а к и х - л и б о языковых явлений. Но те, кто придерживается подобного взгляда на порождающую грамматику, попросту ошибаются. Многие формалисты не отвергают возможности того, что принципы грамматики имеют в конечном счете функциональные объяснения. Например, в своей получившей развитие в дальнейшем работе "Условия, накладываемые на трансформации" Хомский [Chomsky 1973] предположил, что условие запрета субъекта (specified subject condition) и принцип "А над А" (A-over-A principle), возможно, объясняется потребностью сокращения неоднозначности высказывания, т.е. увеличением надежности стратегии, соотносящей соответствующие аргументы и предикаты. Применительно к современной теории это может означать, что аспекты теории связывания (binding theory) и теории ограничения (bounding theory) имеют функциональное объяснение. Действительно, в работе [Berwick and Weinberg 1984] утверждается, что принцип вассальности (principle of subjacency) имеет функциональное объяснение, а именно то, что он нужен для облегчения грамматического разбора. А в работе [Chomsky and Lasnik 1977] отмечается, что предлагаемые авторами фильтры, возможно, также имеют перцептуальную мотивировку. Поскольку большая часть этих фильтров вошли в Теорию падежа, можно заключить, что и данный модуль универсальной грамматики частично имеет функциональное объяснение.

Мною была выдвинута идея, что мотивированы функционально могут быть даже крупные разделы автономной формальной грамматики [Newmeyer 1991]. В частности, автономную грамматику осмысленно рассматривать как результат необходимого развития в процессе координации резко не совпадающих компонентов формы (звука) и значения. Кстати, первыми эту идею взялись обсуждать не генеративисты, а два экспериментальных фонетиста, опиравшихся на исследования свойств мозга и голосового тракта (см. [Mattingly 1972; Liberman 1974]). Точно так же я высказал предположение, что уровни глубинной структуры и логической формы развились в ответ на потребность языка в иконическом выражении предикатно-аргументных и кванторных отношений [Newmeyer 1992]. Если что-то из сказанного верно, то глубинные синтаксические уровни, действительно, мотивированы функционально.

Более того, генеративисты не являются – или по крайней мере не должны являться – догматиками в том, что касается сферы действия самой автономной грамматики. Теперь уже не существует "экстремистов от формализма", склонных упрямо втискивать в формальную грамматику все мыслимые языковые факты. Вопрос, тем самым, состоит в том, с к о л ь м н о г о е должно объясняться автономными синтаксическими принципами. В рамках порождающей грамматики выдвигались многие разные варианты тезиса об автономности. Хомский занимает вовсе не столь жесткую позицию, как думают многие. Прежде всего, из сферы действия этого тезиса он всегда исключал лексические единицы, утверждая, что лексическая семантика тесно переплетена со всем тем, что связано с фактами и убеждениями [Chomsky 1975]. А в последнее время он все больше признает грамматическую взаимосвязь между синтаксической и тематической (т.е. семантической[2]) информацией – взять хотя бы его желание вывести фреймы субкатегоризации из тематической информации [Chomsky 1986]. А некоторые генеративисты даже начинают выступать за семантическую трактовку синтаксических понятий контроля, предикации и связывания [Jackendoff 1990].

Короче, стандартный ответ на Когнитивный Вопрос не обязательно находится в противоречии со стандартным ответом на Типологический Вопрос. Поиск функциональных объяснений вполне совместим с представлением о существовании в сердце языка автономной грамматической системы.

---

[2] Тематическими, или тета-отношениями в генеративистской теории называется то, что в более привычной для отечественной традиции терминологии, восходящей к Филлмору, трактуется как семантические падежи – агенс, пациенс и т.п. (*прим. перев.*).

Теперь я хочу сделать несколько замечаний в защиту того, что, как мне кажется, является весьма дискуссионным тезисом. А именно, я намерен утверждать, что формальный анализ во временном и логическом отношении предшествует функциональному анализу. Короче говоря, если цель состоит в ответе на Типологический Вопрос, то сперва придется выработать какую-то формальную теорию.

В качестве первого шага в своих рассуждениях я остановлюсь на моменте, который представляется совершенно бесспорным. Любой функциональный анализ – это анализ, направленный на объяснение определенных формальных языковых особенностей и их дистрибуции. А чем же еще он мог бы быть? Из этого трюизма следует, что перед тем как приступать к функциональному анализу, необходимо проделать хоть какой-то формальный анализ. Поэтому проблема заключается только в том, какой объем формального анализа нужен как предпосылка для проведения анализа функционального. Мой ответ сводится к тому, что необходим намного бóльший объем формального анализа, чем согласны признать иные функционалисты.

Начнем с некоторых типологических универсалий, составляющих основу для многих функционалистских теоретизирований. Как я ранее заметил, стимулом для функционалистских изысканий в значительной мере послужил вопрос об относительном расположении подлежащего, дополнения и сказуемого в языках мира. Ну, и откуда нам знать в отношении каждого конкретного языка, что в этом языке является подлежащим, а что дополнением? Разумеется, нам не хотелось бы, чтобы подобная идентификация опиралась на семантические роли соответствующих элементов (т.е. на то, являются ли они агенсами, пациенсами или чем-либо еще) или же на их функции в дискурсе (т.е. на то, кодируют ли они топики или новых партиципантов). Питая надежду объяснить тот или иной порядок слов семантическими или дискурсными факторами, вряд ли следует давать семантические или дискурсные в основе своей определения подлежащего и дополнения, ибо такое рассуждение было бы равнозначно вращению в самом что ни на есть порочном круге.

Другими словами, нам нужна формальная характеристика подлежащего и дополнения. Так вот, как ни прискорбно, во многих языках и во многих конкретных случаях подлежащие и дополнения вовсе не бросаются в глаза с первого взгляда. Чаще всего для их идентификации требуется провести формальный грамматический анализ.

Позволю себе привести еще несколько примеров. В работе [Hall 1992] было предложено весьма привлекательное функциональное объяснение того, почему в языках мира суффиксы превалируют над префиксами. Холл предлагает объяснение, апеллирующее к процессам обработки: вкратце, префиксы предполагают гораздо большее умственное напряжение со стороны совершающего грамматический разбор, и поэтому они появляются реже, чем суффиксы. Как признает Холл, ни идентификация суффиксов и префиксов, ни подача их на вход парсера не могут быть достигнуты путем мимолетного наблюдения. Поэтому Холл посвящает несколько глав своей книги обзору и пересмотру, по мере необходимости, генеративных теорий словообразования, использующих понятия "префикс" и "суффикс" в качестве теоретических конструктов. Хотя основное объяснение у Холла носит функциональный характер, он вполне последовательно использует основные догматы генеративной теории – вплоть до того, что готов поддержать гипотезу, согласно которой репрезентация лексических единиц (в их словарной форме) является абстрактной и недостаточно специфицированной, как то и предполагается нотацией, принятой в современной генеративной фонологической теории.

Затем встает также проблема отнесенности к той или иной категории, т.е. вопрос о том, является ли конкретная единица именем, глаголом или чем-то еще. Десятки функционалистских публикаций посвящены доказательству того, что категориальная отнесенность может быть обусловлена семантически или дискурсно (см., например [Dixon 1977; Wierzbicka 1986; Thompson 1988]). Но опять же, если хотеть в подобных исследованиях избежать порочного круга, то надо учитывать, что идентификация синтаксических категорий и отнесение конкретных лексических единиц к той или иной ка-

тегории обязательно предполагают формальное определение набора категорий в языке.

Наконец, возьмем проблему поверхностных составляющих. Все функционалисты, кроме наиболее экстремистски настроенных, признают существование иерархической структуры составляющих. Действительно, НС-репрезентации используются в большинстве работ, опирающихся на понятие иконичности. К этому понятию, например, прибегали в попытках объяснить универсалии, касающиеся каузативных конструкций в языках мира [Haiman 1983]. Хорошо известно, что существует корреляция между степенью опосредованности каузации и близостью морфем, обозначающих каузацию и объект каузации. Теперь заметим, что в ряде языков морфема косвенной каузации представляет собой *самостоятельное слово*, а *морфема непосредственной* каузации является связанной. Физическое расстояние между этими морфемами и той, которая обозначает объект каузации, обычно одинаково в обоих случаях. Со структурной точки зрения, однако, это расстояние различно, поскольку в случае косвенного каузатива между морфемами лежит более ощутимая граница (граница слова). Отсюда мы заключаем, что любое объяснение, вовлекающее понятие иконичности, предполагает наличие теории, описывающей формальную структуру.

Но для установления структуры составляющих случайного наблюдения недостаточно. Как заметил Дж. Хокинс в своем интересном сравнении формалистского и функционалистского подходов, "только развернутая аргументация, привлекающая массу правил и структур данного языка, может предоставить решающие свидетельства относительно группировки слов во фразы. Простого наблюдения *поверхностных структур* здесь недостаточно" [Hawkins 1988: 93].

Есть еще одна причина того, почему формальный анализ предшествует функциональному. Сами типологические универсалии зачастую бывают более прочными, когда в основе их лежат не семантически или функционально, а формально определяемые категории. По замечанию М. Драйера, "после работы [Гринберг 1963] стандартной практикой в типологии порядка слов стало идентифицировать различные категории, полагаясь главным образом на семантические критерии" [Dryer 1992: 120]. Однако Драйер показал, что такая практика глубоко ошибочна. Многие относящиеся к порядку слов корреляции, объяснению которых он посвятил так много усилий, через семантические категории (такие как "слово-негатив" или "видо-временное слово") необъяснимы. Но если обобщения построены с опорой на ф о р м а л ь н ы е характеристики, то они с легкостью обретают свое место. В той же самой работе Драйер показал, что в основе предложенных Гринбергом корреляций порядка слов лежит именно направление ветвления (branching direction) – формальное понятие par excellence, – а не семантически или функционально обусловленные зависимостные отношения (head-dependency relations).

Похожее соображение можно высказать и касательно относительных предложений. В своей важной пионерской работе Б. Комри и Эд. Кинэн установили, что существует иерархия доступности для релятивизации: наиболее доступным является подлежащее, а наименее доступным – обстоятельство сравнения [Keenan and Comrie 1977]. Но им пришлось постулировать несколько разных стратегий релятивизации, действующих в конкретных языках, и признать существование очевидных исключений из данной иерархии. Я склонен считать, что эти осложнения – результат того, что в основу иерархии была положена функциональная категория "относительного предложения" (relative clause). Можно утверждать, что они исчезнут, если начать апеллировать к чисто структурным факторам – взаимодействию структуры составляющих конкретного языка и конкретному воплощению в нем принципов универсальной грамматики[3]; на самом деле, есть основания полагать, что сама данная иерархия является вторичной (эпифеноменальной).

[3] Имеется в виду, конечно, специальное понимание универсальной грамматики, разрабатываемое в генеративной грамматике (*прим. перев.*).

В упоминавшейся выше работе Драйера предлагается п а р с и н г о в о е объяснение типологических фактов языковой структуры. Но грамматический разбор (парсинг) – это процесс, при котором из сплошного речевого потока восстанавливается дискретная структура. Другими словами, мы видим, что функциональное объяснение par excellence решающим образом зависит от формальной структуры. Я думаю, правильным будет признать, что наиболее убедительные функциональные объяснения из доселе выдвигавшихся были именно парсинговыми объяснениями (см., например [Hawkins 1994]). Между тем, существуют серьезные основания считать, что парсинг предполагает обращение к абстрактным структурным уровням, а не просто к поверхностной структуре составляющих. Например, эксперименты по пониманию элиптичных предложений заставляют предполагать, что в грамматическом разборе предложения играют роль нулевые элементы – такие, как следы[4].

Что же касается уровней представления, то практически все функционально-типологические исследования порядка слов основывались на п о в е р х н о с т н о м порядке. Существуют, однако, исследования, показывающие, что типологические корреляции наиболее мощно проявляют себя как раз на и с х о д н о м (underlying) уровне. Например, в работе [Everett 1987], посвященной языку ягуа[5], доказывается, что на уровне исходной структуры этот язык характеризуется порядком SVO, а не VSO, хотя в реальном дискурсе порядок слов VSO является более частотным. И, как оказывается, гринберговские корреляции проявляются именно на глубинном уровне.

Существуют и другие резоны сконцентрироваться на формальном анализе, прежде чем обращаться к функциональному. Один из них является чисто методологическим – формальный анализ позволяет лучше конкретизировать подлежащие объяснению факты. Возьмем, например, многократно обсуждавшуюся проблему аглийского синтаксиса – тот факт, что предложение *Who did John read a book about?* "О ком Джон читал книгу?" является совершенно безукоризненным, однако *Who did John destroy a book about?* "О ком Джон порвал книгу?" звучит явно странно. Это обстоятельство обнаружилось как следствие интенсивного формального изучения процессов передвижения *wh*-составляющей и оголения предлогов (*wh*-movement and preposition stranding). Ранние попытки объяснить данное различие были по своей природе формальными – постулирующими действие ad hoc-ового правила экстрапозиции в процессе деривации предложения *Who did John read a book about?* [см. [Bach and Horn 1976]). В настоящее время корректным представляется функциональное объяснение странности предложения *Who did Jonh destroy a book about?* в духе соображений П. Дина [Deane 1988] и С. Куно [Kuno 1987]. Суть, однако, заключается в том, что само столкновение с подлежавшими объяснению фактами было прежде всего побочным продуктом формального анализа.

Вдумайтесь, какое множество интереснейших фактов, относящихся к множеству различных проблем – связыванию, контролю, извлечению, нулевым подлежащим, конфигурационности и т.д. – выявилось благодаря формальному анализу. Конечно, никто не может доказать, что они не были бы обнаружены в ходе исследований других типов, но факт остается фактом – именно через посредство формального анализа они были извлечены на свет.

Методологический приоритет, который я отдаю формальному анализу, дополнительно поддерживается тем обстоятельством, что во многих областях лингвистического исследования мы обнаруживаем, что форма "работает" независимо от значения и функции. Такое заключение, конечно, ведет к поиску формальных принципов per se. Позвольте мне начать с грамматических моделей. Ныне фактически ни один функционалист не отрицает существование в языке произвольных структур, т.е.

---

[4] Не имеющие поверхностного выражения термы, постулируемые теорией следов (одним из направлений исследований внутри генеративизма) на месте передвинутой или удаленной составляющей (*прим. перев.*).

[5] Распространен на границе Перу, Бразилии и Колумбии (*прим. перев.*).

таких, которые не имеют прозрачной функциональной мотивировки. Существенна, однако, с и с т е м а т и ч н о с т ь таких структур. Чем систематичней они, тем больше оснований для их независимой характеристики. А язык, между тем, систематически изобилует "произвольными" структурами. В свое время я опубликовал описание одного конкретного примера – английской конструкции с инверсией вспомогательного глагола, типа *Has she left?* "Она ушла?" Такая формальная инверсия ассоциирована с вопросами (только что приведенный пример), препозицией отрицательных наречий (*Never have I seen her so happy* "Никогда я не видел ее настолько счастливой"), некоторым подклассом субъюнктивных конструкций (*Had I known, I would have come earlier* "Знал бы я, пришел бы пораньше") и конструкциями с препозицией *so (John ate a frog. So did I* "Джон съел лягушку. Я тоже")[6]. При этом мало того, что перечисленные употребления инверсии как формального средства различны с семантической и формальной точек зрения – структурные условия каждого из случаев ее применения идентичны. И это обстоятельство заставляет очень серьезно отнестись к предположению о существовании некоторой формальной, структурной системы, которая позволяла бы охарактеризовать соответствующие обобщения (более подробное обсуждение см. в [Newmeyer 1991]).

Некоторые функционалисты были склонны преуменьшать или отрицать структурные закономерности в точности по той причине, что эти последние не являются отражением закономерностей семантических или же функциональных. Так, У. Крофт отказывал в какой-либо значимости тому факту, что в английском языке родовые именные группы и именные группы во множественном числе без детерминанта представляют одну и ту же структуру, просто на том основании, что в других языках такое тождество грамматических моделей места не имеет. По той же, в сущности, причине Б. Комри преуменьшал параллелизм внутренней структуры предложений и имен в английском языке. Такая аргументация поражает меня своим изрядным априоризмом. Грамматист должен приходить в в о с х и щ е н и е, обнаруживая и характеризуя обобщения тогда и там, когда и где они обнаруживаются. Если они допускают внешнее объяснение – отлично. Если нет, то в силу обнаружения этих обобщений мы, тем не менее, узнаем кое-что о том, как работает язык.

Рассматривая изменения языка мы – и это неудивительно – находим случаи, в которых изменения являются обусловленными чисто внутренне, т.е., как представляется, движимыми одними лишь структурными факторами. Собственно, идея о возможности таких изменений восходит по меньшей мере к А. Мартине [Martinet 1955], который апеллировал к необходимости сохранения симметрии в грамматических парадигмах как фактору языкового изменения. Позднее Д. Лайтфут [Lightfoot 1991] высказал гипотезу о том, что, приняв некоторые весьма сильные ограничения, относящиеся к срабатыванию механизмов овладения языком под влиянием опыта ребенка, можно объяснить ряд синтаксических изменений. Например, он предположил, что глубинный порядок слов в английском языке довольно-таки "обвальным" образом изменился от SOV к SVO в среднеанглийский период тогда, когда количество грамматических указаний на конечную позицию глагола в главном клаузе достигло некоторого порогового низкого значения.

Идея, согласно которой языковые изменения в существенной степени сводятся к функциональным факторам, приводящим в движение формальные, не подкрепляется историческими свидетельствами. Как заметила Дж. Николс в своей книге "Лингвистическое разнообразие в пространстве и времени" [Nichols 1992], часто как раз структура лимитирует содержание и функцию, и грамматические категории, которые традиционно рассматривались как сущностно семантические, на самом деле управляются структурными тенденциями и могут быть проанализированы как чисто формальные. Например, во многих случаях представляется, что за семантикой именных классов скрываются чисто формальные согласовательные признаки.

---

[6] Примеры добавлены переводчиком.

Пожалуй, наиболее впечатляющим свидетельством в пользу существования автономной систематической структуры, предоставляемым изучением языковых изменений, является феномен "почти слияний". В "Звуковой модели английского языка" Н. Хомский и М. Халле [Chomsky, Halle 1968] предположили, что различавшиеся в XVI в. произношения слов *mate* и *meat* в XVII в. совпали. Потом, несколькими поколениями позже, те слова (и только они), которые наследовали изначальному *mate*, сохранили свое новое произношение [meɪt]. Остальные же совпали с наследниками *meet* [произносятся [mɪ:t]). Над Хомским и Халле за эту гипотезу премного потешались из функционалистских соображений: как и почему язык мог бы сохранять в живых различие, которое не играет никакой роли в фонемном, а следовательно, и семантическом противопоставлении? Однако У. Лабов [Labov 1994] обнаружил, что феномен сохранения подсознательного фонемного различия реально зафиксирован в современном языке. В филадельфийском английском фонема [e] в позиции перед [r] сдвинулась в центральный ряд и совпала с [ə:], так что *merry* "веселый" и *murray* "багровый" одинаково произносятся как [mə:rɪ][7], *ferry* "паром" и *furry* "меховой" одинаково произносятся как [fə:rɪ] и т.д. Произношение кажется совершенно одинаковым даже для тренированного лингвиста, и филадельфийцы, конечно, отрицают, что они произносят слова из приведенных и им подобных пар по-разному. Однако они д е й с т в и т е л ь н о произносят их по-разному – чувствительная аппаратура оказывается в состоянии это различие зафиксировать. Как и на раннем этапе развития *современного английского языка, фонемное различие, не имеющее никакой функциональной* значимости, остается живым.

Суть сказанного при этом не в том, что языковое изменение никогда не бывает обусловлено функциональными факторами – или бывает обусловлено ими редко. Это не так; функциональная обусловленность, конечно, имеет место. Мой пафос заключается в том, что исторические факты того типа, в пользу существования которого свидетельствуют Лайтфут, Никольс и Лабов, могут быть объяснены т о л ь к о в том случае, если мы признаем существование в сердце языка некоторой структурной системы. Эта система может подвергаться внешнему функциональному воздействию – но также и действию чисто внутренних факторов, ведущих к ее перестройке.

Теперь вернемся к использованию языка. Никто не может отрицать, что говорящие эксплуатируют различные структурные возможности для передачи различных типов информации. Мы, например, не используем активный залог в тех же коммуникативных условиях, в которых используем пассивный. Говоря по-русски, мы варьируем порядок подлежащего, дополнений и сказуемого в соответствии с тем, какую информацию мы хотим передать. Является ли, однако, этот факт вызовом существованию автономной структурной системы? Конечно, нет. Он полностью согласуется с возможностью того, что мы овладеваем системой и обучаемся использовать ее в коммуникации. Но вот что п о д д е р ж и в а е т идею о существовании у нас интернализованной структурной системы, так это тот факт, что в конкретных случаях использование языка оказывается управляемым этой системой.

Так, например, Дж. Уайнер и У. Лабов [Weiner and Labov 1983] исследовали, в каких случаях использование пассивной конструкции является нормой. Стандартный функционалистский ответ на этот вопрос заключается в том, что пассив может использоваться для того, чтобы "затенить" агента действия, если он неизвестен или неважен, и в тоже самое время выразить топикальность не-агента. В свою очередь,

---

[7] По специальному разъяснению автора статьи, таково стандартное произношение второй из этих двух лексем в американском варианте английского языка. Зафиксированное в основных распространенных в России словарях британское произношение слова *murray* (равно как и топонима Murray) – [mʌrɪ]. Впрочем, это обстоятельство никак не влияет на логику аргументации, для которой важно не качество гласного, а структурное совпадение на уровне сознательного восприятия (*прим. перев.*).

такая расстановка акцентов используется для того, чтобы достичь максимальной эффективности информационного обмена в дискурсе.

Уайнер и Лабов пришли к выводу, что функционалистский ответ не является полностью неверным. Но они также обнаружили, что использование пассива является функцией его п р е д ш е с т в у ю щ е г о употребления в дискурсе. Другими словами, в реальной речи важным мотивирующим фактором употребления пассива является желание говорящих поддержать структурный параллелизм.

В других исследованиях выявились аналогичные связанные с параллелизмом эффекты в употреблении вопросов и конструкций с косвенным дополнением. Эти результаты не кажутся удивительными с учетом многочисленных ныне психолингвистических свидетельств того, что формальные черты языка обрабатываются в значительной степени независимо от его семантических и формальных черт. Что же касается психолингвистических результатов, как будто бы ставящих эту гипотезу о модулярности обработки под сомнение, то во многих случаях было показано, что в них упускался из внимания чрезвычайно краткий латентный период, предшествующий тому моменту, когда начинается вклад более интегральной стратегии обработки (см. обзор литературы в [Newmeyer 1988]).

Если бы в распространении языковых вариантов внутри языкового сообщества были бы задействованы факторы, связанные преимущественно с эффективностью передачи информации, то у функционалистов было бы серьезное оружие против гипотезы о стабильности и существенной иммунности грамматики взрослых носителей языка по отношению к функциональному влиянию на нее. Такие факторы, однако, не действуют. Как было показано в [Weinreich, Labov and Herzog 1968] и более поздних исследованиях, изменения распространяются через посредство социальных факторов – таких, как престиж и социальная идентичность, а отнюдь не в силу стремления к приданию грамматике формы, более эффективно обслуживающей потребности дискурса.

Подведу предварительный итог. Я утверждаю, что Когнитивный Вопрос и Типологический Вопрос могут получить совместимые ответы и что ответ на Типологический Вопрос предполагает немалый объем формального анализа. Но фактически на Типологический Вопрос предлагались и ответы, интегрировать которые с ответами на Когнитивный Вопрос кажется невозможным – и это привело некоторых функционалистов к утрате всякого интереса к характеристике знания языка.

Например, в некоторых примерах функционального анализа диахронная и синхронная информация смешиваются в одном и том же описательном утверждении. Очевидно, что такие утверждения не могут отражать знание языка – в качестве составной части такового ни у кого нет никакого представления о том, что было в прошлом. Другие функционалистские аналитические начинания ссылаются на типологические обобщения относительно языков мира – например, выясняется позиция каких-то аспектов конкретного языка относительно какой-то частной иерархии или выясняется, является ли какая-либо черта конкретного языка типологически редкой. Еще один тип грамматических описаний, подобных тем, в которых используются "вариативные правила" (variable rules), включает в себя обобщения о речевом сообществе в целом, которые немыслимо представить себе пребывающими в головах индивидных носителей языка.

Едва ли можно ожидать, что носитель необычного языка "знает", что его язык необычен. У носителей языка хишкарьяна[8] нет ни малейшего представления – явного или неявного – о том, что они говорят на одном из немногих известных в мире OVS языков. Равно и носителям языка дьирбал неведомо, что их язык необычен тем, что эргативность в нем наряду с морфологией проявляется и в синтаксисе.

Функционалист мог бы прийти к заключению, что формалистская приверженность характеристике знания языка сделала невозможной объяснение того, что и почему

[8] Крайне немногочисленный по числу носителей изолированный язык на севере Бразилии (*прим. перев.*).

делает языки хишкарьяна и дьирбал необычными. Как заметила по этому поводу (в личном разговоре) С. Томпсон, "А чем знание так уж особенно замечательно?" (*"What's great about knowledge?"*). Позиция многих функционалистов заключается в том, что если мы рассматриваем конкретные языки в изоляции (или, уместнее сказать, концентрируемся на извлечении грамматического знания индивидного носителя языка), то в каждом конкретном языке многое покажется произвольным и несистематическим. Но вот если мы изучим всю совокупность сил, влияющих на язык, т.е. если мы рассмотрим я з ы к и, то у нас появится надежда на объяснение того, что в языке является обычным, а что редким.

Приведу конкретный пример, используя материал своей статьи [Newmeyer 1992] и функционалистского ответа на нее [Croft 1994]. В [Sadock 1980; Mithun 1984] было обнаружено то, что выглядит как существование иерархии морфологической инкорпорируемости имени. Если мы взглянем на многие языки с инкорпорационными процессами, то окажется, что легче всего поддаются инкорпорации (т.е. занимают на шкале инкорпорируемости самую высокую позицию) нереферентные ИГ, за ними следуют ИГ, подвергшиеся трансформации понижения, за ними дискурсно данные ИГ, и на самом конце шкалы находятся полностью референтные ИГ[9]. Если в каком-либо языке ИГ, расположенная в какой-то точке шкалы, подлежит инкорпорации, то могут быть инкорпорированы и ИГ, расположенные на шкале инкорпорируемости выше нее.

Когда имена морфологически инкорпорированы в качестве частей более сложных слов, им присуща меньшая по сравнению с неинкорпорированными именами концептуальная независимость, измеряемая их способностью иметь независимую референцию, подвергаться фокусированию или нести ударение. Поэтому отношения между инкорпорируемостью и концептуальной независимостью выглядят иконическими – чем меньше независимость, тем выше инкорпорируемость. Я доказывал, что это отношение легко может быть установлено в порождающей грамматике и заметил, что в некоторых языках (например, тех, которые, как южный диалект языка тива[10], способны к инкорпорации ИГ, находящихся в самом низу иерархии) иконическое отношение формы и значения н е я в л я е т с я частью грамматики.

Возражение У. Крофта сводилось к двум пунктам. Первый заключался в том, что мой анализ некорректно представил южный диалект тива как "контрпример" по отношению к обобщению относительно иконического отношения между формой и значением, тогда как на самом деле он таковым отнюдь не является. Реально им просто представлена крайняя точка в иерархии. Второй пункт возражений Крофта сводился к тому, что мой упор на грамматики конкретных языков, противопоставленный рассмотрению языка как целого в типологической перспективе, делает недостижимым о б ъ я с н е н и е рассматриваемой иерархии. Грамматики, по его мнению, могут быть способны к произвольному установлению некоторого отношения между формой и значением, но определенно не к его объяснению. Получение такого объяснения предполагало бы выход за пределы грамматики как таковой, изучение

---

[9] Следует заметить, что переводя в "формалистские" термины иерархию М. Митан, в оригинале сформулированную в терминах коммуникативно-семантических ("функционалистских") и лишь специфицируемую путем указания на сопутствующие морфо-синтаксические явления, автор ощутимо смещает акценты и упрощает ее основные положения. Так, для характеристики максимальной инкорпорируемости у Митан используется апелляция не к нереферентности как таковой, а к тому, что обозначаемая путем инкорпорации деятельность прагматически вычленяема и значима и поэтому заслуживает специального обозначения (англ. *mountain-climbing* "скалолазание" vs. *ladder-climbing* "лестницелазание" – непонятно, зачем нужно это слово, разве что это такой спорт появился и т.п.; кстати, русские переводы, в отличие от английских оригиналов, соответствуют второй ступени иерархии); вторая ступень характеризуется как раз тем, что понижение является следствием инкорпорации, в низшей точке собственно инкорпорации подвергается родовое имя (как ограничитель сферы действия глагола), тогда как само референтное имя остается за пределами инкорпорированного комплекса и т.п. (*прим. перев.*).

[10] Ветвь тано ацтеко-таноанских языков; распространен в штате Нью-Мексико. Тива был описан Дж. Харрингтоном, на которого сослался (и тем привлек внимание к фактам данного языка) Э. Сепир в своей классической статье 1911 г. "Проблема именной инкорпорации в языках американских индейцев" [Сепир 1993] (*прим. перев.*).

всего множества причинных факторов, оказывающих на язык разнообразные виды воздействия (лишь одним из числа которых является стремление к иконичности), и их взаимодействия. Однако эти факторы не являются в узком смысле частью "знания языка".

Что касается первого пункта возражений Крофта, то он просто ошибается. Южный диалект тива д е й с т в и т е л ь н о я в л я е т с я контрпримером по отношению к любой претензии на то, что – в той мере, в какой речь идет об инкорпорации – между формой и значением имеется иконическое отношение. У носителей южного диалекта тива с очевидностью нет правила, сопрягающего в соответствующих конструкциях форму и значение иконическим образом. И уж, конечно, они знают о том, что их язык является контрпримером по отношению к принципу иконичности, ничуть не больше, чем о том, как расположен их язык относительно некоторой импликационной иерархии.

Теперь – как быть со вторым пунктом возражений Крофта, относящимся к объяснению самой разбираемой иерархии? Прежде всего, возможность того, что данная иерархия, фактически в прямом смысле, является частью нашего языка, с у щ е с т в у е т. Другими словами, могло бы существовать некоторое множество связанных импликационными отношениями установок параметров[11], относящихся к процессам инкорпорации в языке. Или, что более правдоподобно, фиксируемые иерархией факты могли бы вытекать из какого-либо другого набора установок параметров или множества таких наборов. В таком случае, предположительно, южный диалект тива представлял бы собой случай наиболее маркированной установки.

Предположим, однако, вместо этого, что в общих чертах функционалистское объяснение верно – и что иерархия инкорпорируемости отражает эффекты иконической мотивации лингвистической структуры. Полная модель языка, включающая в себя порождающую модель языковой компетенции, без труда способна включить в себя и такое объяснение. Если человеческие существа отчасти движимы стремлением к установлению иконического отношения между формой и значением, то как локус этого стремления, так и его эффекты должны манифестироваться в ребенке, овладевающем языком. Следовательно, при прочих равных, надо ожидать, что дети будут воспринимать предоставляемые им входные данные и переанализировать их таким образом, чтобы сконструировать грамматики, в которых отношения между формой и значением являются более иконическими, чем в тех грамматиках, факты которых им предоставляются.

Таким образом, часть нашего знания языка есть продукт внешнего функционального влияния. Однако никто никогда и не утверждал, что в с е грамматическое знание является врожденным – как бы оно могло быть таким? Разве функциональные факторы никак не задействованы в придании формы этому знанию?

Если мотивирующие языковую структуру факторы, подробно обсуждавшиеся в функционалистской литературе, могут быть локализованы в терминах их возможных воздействий на процесс овладения языком, тогда, мне кажется, главная позиция разногласий между формалистами и функционалистами просто улетучится. С учетом допущения о том, что грамматики взрослых носителей языка не подвергаются постоянному оформлению и переоформлению с целью удовлетворения внешних нужд, автономность грамматики не будет ставиться под сомнение. Однако многие из функциональных объяснений должны бы подвергнуться проверке на основании исследований речевого развития.

Подведу краткий итог. Язык имеет форму и выполняет некоторое множество функций. До известной степени – д о к а к о й и м е н н о, мы в настоящий момент с точностью указать не можем – форма языка является продуктом его функции. Однако

[11] Установка параметров (parameter setting) – понятие порождающей теории, используемое при описании грамматического разнообразия естественных языков в терминах процессов овладения языком (*прим. перев.*).

ясно одно. Если мы действительно заинтересованы в исследовании отношения между лингвистической формой и лингвистической функцией, нашей первой задачей должно быть построение формальной теории языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Сепир Э. 1993 – Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 385.

Bach E., and Horn G.M. 1976 – Remarks on conditions on transformations // Linguistic Inquiry 7. 1976.

Berwick R. and Weinberg A. 1984 – The grammatical basis of linguistic performance. Cambridge (Mass.). 1984.

Bickerton D. 1984 – Language and species. Chicago, 1990.

Chomsky N. 1973 – Conditions on transformations // Festschrift for Morris Halle / S. Anderson and P. Kiparsky (Eds.). N.Y., 1973.

Chomsky N. 1975 – Questions of form and interpretation // Linguistic Analysis 1: 1975.

Chomsky N. 1986 – Knowledge of language: Its nature, origin, and use. N.Y., 1986.

Chomsky N., Halle M. 1968 – Sound pattern of English. N.Y., 1968.

Chomsky N., Lasnik H. 1977 – Filters and control // Linguistic Inquiry 8, 1977.

Comrie B. 1989 – Language universals and linguistic typology: 2-nd edition. Chicago, 1989.

Croft W. 1990 – Typology and universals. Cambridge, 1990.

Croft W. 1994 – Autonomy and functionalist linguistics (в печати).

Deane P.D. 1988 – Which NPs are there unusual possibilities for extraction from? // Chicago linguistic society 24. 1988.

Dixon R.M.W. 1977 – Where have all the adjectives gone? // Studies in language 1. 1977.

Dryer M.S. 1992 – The Greenbergian word order correlations // Language 68. 1992.

Emonds J. 1980 – Word order in generative grammar // Journal of linguistic research 1. 1980.

Everett D.L. 1987 – Clitic doubling, reflexives, and word order alternations in Yagua // Language 65. 1987.

Haiman J. 1983 – Iconic and economic motivation // Language 59. 1983.

Hall Ch.J. 1992 – Morphology and mind: A unified approach to explanation in linguistics. London, 1992.

Hawkins J.A. 1988 – On generative and typological approaches to universal grammar // Lingua 74. 1988.

Hawkins J.A. 1994 – A performance theory of order and constituency. Cambridge, 1994.

Jackendoff R. 1990 – Semantic structures. Cambridge (Mass.). 1990.

Keenan E., Comrie B. 1977 – Noun phrase accessibility and universal grammar // Linguistic Inquiry 8. 1977.

Kuno S. 1987 – Functional syntax: Anaphora, discourse, and empathy. Chicago, 1987.

Labov W. 1994 – Principles of linguistic change. V. 1: Internal factors. Oxford, 1994.

Liberman A. 1974 – The specialization of the language hemisphere. The neurosciences: third study program / Ed. by F. Schmitt and F. Worden. Cambridge (Mass.). 1974.

Lightfoot D. 1991 – How to set parameters: Arguments from language change. Cambridge (Mass.). 1991.

Martinet A. 1955 – Économie des changements phonétiques. Bern, 1955.

Mattingly I. 1972 – Speech cues and sign stimuli // American scientist 60. 1972.

Mithun M. 1984 – The evolution of noun incorporation. Language 60. 1984.

Newmeyer F.J., Ed. 1988 – Linguistics: The Cambridge survey. V. 2. Linguistic theory: Extensions and implications. N.Y., 1988.

Newmeyer F.J. 1991 – Functional explanation in linguistics and the origins of language // Language and communication 11. 1991.

Newmeyer F.J. 1992 – Iconicity and generative grammar // Language. 68. 1992.

Nichols J. 1992 – Linguistic diversity in space and time. Chicago, 1992.

Pinker S., Bloom P. 1990 – Natural language and natural selection // Behavioral and brain sciences 13. 1990.

Sadock J.M. 1980 – Noun incorporation in Greenlandic: a case of syntactic word formation // Language. 56. 1980.

Thompson S. 1988 – A discourse approach to the crosslinguistic category "adjective" // Explaining language universals / Ed. by J. Hawkins. Oxford, 1988.

Weiner E., Labov J. and W. 1983 – Constraints on the agentless passive // Journal of linguistics, 1983.

Weinreich U., Labov W., et al. 1968 – Empirical foundations for a theory of language change // Directions for historical linguistics / Ed. by W. Lehmann and Y. Malkiel. Austin, 1968.

Wierzbicka A. 1986 – What's in a noun? (or: How do nouns differ in meaning adjectives?) // Studies in language 10. 1986.

Перевели с английского
Т.Л. Ветошкина и П.Б. Паршин

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 2 1996

© 1996 г. Р.М. ФРУМКИНА

"ТЕОРИИ СРЕДНЕГО УРОВНЯ" В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

1. СМЕНА ПАРАДИГМЫ КАК СТИМУЛ ДЛЯ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Крупные переломы в жизни науки обычно сопровождаются спорами о способах конструирования предмета данной науки, попытками пересмотра сложившихся понятий и осознанием потребности в новом метаязыке. В отечественной лингвистике эти процессы пришлись на 50-е годы. Старшее поколение работающих сейчас лингвистов принимало в них активное участие. Тогда и сложилась новая парадигма — направление, известное у нас как структурная лингвистика.

Надежным показателем устоявшейся парадигмы служит институционализация научного направления. Это проявляется, в частности, в создании учебных пособий и открытии соответствующих учебных заведений. Первый выпуск "структурных лингвистов" состоялся в 1965 году; в 1961 году вышла книга "О точных методах исследования языка" [Ахманова и др. 1961], в 1966 — книга Апресяна [Апресян 1966].

С тех пор прошло еще тридцать лет. За это время в лингвистике — в значительной мере незаметным образом — произошла практически полная смена парадигмы. Изменились способы конструирования предмета лигвистического исследования. Кардинально преобразился сам подход к выбору общих принципов и методов исследования, не говоря уже о частных моделях. Появились несколько конкурирующих метаязыков лингвистического описания.

Сам факт смены парадигмы представляется нам бесспорным и не нуждающимся в дополнительных обоснованиях или примерах. Иное дело — анализ и осмысление: что, как и когда изменилось, как называть новую парадигму, что конкретно позволяет говорить именно о смене парадигмы, а не об очередной моде и т.п. Это, однако, особая задача, которая выходит за рамки данной статьи.

Мы ограничимся далее лишь размышлениями о том, какие проблемы представляются нам особо актуальными в свете появления новой парадигмы. Ниже из соображений удобства мы (быть может, временно) назовем эту новую парадигму "когнитивной". К сожалению, термин "когнитивный" размыт и почти пуст. Мы все же воспользуемся им, но с единственной целью: противопоставить "когнитивную"парадигму собственно "структурализму" как его понимали лингвисты. (Возможно, уместнее было бы говорить об "отечественных лингвистах").

В любой науке смена парадигмы делает особо актуальной разработку общих и частных проблем эпистемологии. Для лингвистики это не менее справедливо, чем, например, для исторической науки. Однако, как нам представляется, в современной лингвистике собственная эпистомология пребывает в зачаточном состоянии. Это не кажется случайным. Можно указать, по меньшей мере, три причины такого положения вещей:

1) Эпистемология гуманитарных дисциплин вообще очень мало развита. Это, по-видимому, верно не только для России, хотя в данной статье мы будем говорить преимущественно об отечественной науке. Исключение, быть может, являет собой

цикл исторических наук, точнее подход, реализованный по преимуществу французской исторической школой "Анналов" (ср. [Блок 1973; Ле Гофф 1992]), а у нас — школой А.Я. Гуревича (см., например [Гуревич 1988; 1990; 1993]).

2) В силу специфики своего объекта современная лингвистика — в отличие, например, от лингвистики конца прошлого века, — имеет много п р е д м е т о в. Так, предмет типологических штудий и предмет, которым занят исследователь проблем представления знаний на естественном языке, имеют между собой мало общего. Предмет, который конструирует для себя исследователь лингвистики текста, практически не пересекается с тем, который сконструирован морфологом. Очевидно, что различие в предметах предполагает и различие в методах. Но сколь оно глубоко?

3) Мы относим лингвистику к "наукам о человеке". По умолчанию предполагается, что здесь имеется в виду иной аспект "человека", чем если бы мы, например, говорили о медицине или антропологии. В то же время всех лингвистов объединяет понимание лингвистики как науки о знаковых системах, т.е. части общей семиотики. Тогда как соотносятся характерные для разных "наук о человеке" методы — правдоподобные рассуждения, эксперимент, наблюдение?

Итак, сосуществуют достаточно разные представления о предметах лингвистики, ее целях и методах. Возможно разное понимание и пафоса лингвистики — т.е. ее ценностных ориентаций. Именно все это и составляет для каждой отдельной науки ее собственную эпистемологию — то, что известный американский социолог Р. Мертон (R. Merton) свое время назвал "теорией среднего уровня" (theory of middle range) [Merton 1968].

2. РОЛЬ "ТЕОРИЙ СРЕДНЕГО УРОВНЯ" В ЭПОХИ ПЕРЕЛОМА

Под "теорией" среднего уровня" Мертон понимал по преимуществу ч а с т н у ю э п и с т е м о л о г и ю о т д е л ь н о й н а у к и — будь то история, социология или культурная антропология.

В отличие от общей эпистемологии, частная эпистомология не занимается общефилософскими вопросами о природе познания, о верифицируемости или фальсифицируемости теорий, о том, какое место в познании занимают априорные категории и какое — чувственный опыт. Ее задачи более скромны. А именно, для некоторой конкретной науки частная эпистемология решает вопросы следующего типа:

1) Как выделить (сконструировать) объекты, которыми данная наука оперирует;

2) Какие методы познания выделенных таким образом объектов считаются допустимыми, а какие — нет;

3) Какие методы проверки правильности результатов и, соответственно, убеждения читателя в своей правоте ученый вправе использовать, а какие относятся к запрещенным приемам;

4) Как систематизировать основные понятия данной науки, чтобы обеспечить возможность взаимопонимания в пределах данной научной парадигмы;

5) Какие задачи в пределах данной науки следует считать действительно задачами, подлежащими решению;

6) Как транслировать результаты в научный социум.

(Этот перечень лишь приблизительно обрисовывает круг проблем.)

Разумеется, теории среднего уровня опираются на определенные общефилософские принципы. Важно, однако, что разрабатываются они именно для данной отрасли знания и учитывают ее специфику.

Вот что пишет об этом А.Я. Гуревич применительно к исторической науке: "...существует широкое поле собственной, специальной методологии истории; в него входят отнюдь не одни только самые общие теоретические предпосылки и постулаты, но и более непосредственно затрагивающие ремесло историка системы понятий и методов исследования" [Гуревич 1993: 144].

Неразработанность теорий среднего уровня в лингвистике до поры до времени не ощущалась как некий минус, что до известной степени естественно. Чтобы

почувствовать потребность в постановке и решении эпистемологических проблем, надо усомниться в очевидностях. Чтобы очевидности перестали быть таковыми, надо систематически размышлять о предмете своей науки, т.е. заниматься методологической рефлексией.

Методологическая рефлексия особенно важна в переломные периоды. Собственно, без подробной рефлексии смысл происходящих перемен не может быть осознан. Однако в гуманитарных науках и в лингвистике в том числе редкие авторы, независимо от весомости их научного вклада, берут на себя труд сформулировать общеметодологические основы своих построений. Речь идет не о том, что во многих частных случаях надо четко сформулировать исходную "аксиоматику" и указать необходимые следствия из нее. Скорее следовало бы говорить о том, что многие области лингвистики нуждаются в доопределении или переопределении своего предмета, ибо вообще неясно, какие построения в них следует уподобить (именно уподобить!) "аксиоматике".

З а м е ч а н и е. Хорошим примером того, к чему приводит отсутствие всякой "аксиоматики", могла бы послужить психолингвистика. Много лет лингвисты открыто отказывались от п о п ы т о к о п и с ы в а т ь я з ы к к а к п с и х и ч е с к и й ф е н о м е н. Психолингвистика, которая по определению и была замыслена как возмещающая этот недостаток, серьезными лингвистами (разумеется, убежденными структуралистами!) не считалась достойной частью лингвистики. (В США психолингвисты всегда были прежде всего психологами, интересовавшимися языком, поэтому вся ситуация там несколько иная.)

У нас психолингвистов терпели и слегка презирали, в силу чего психолингвистика и сейчас в основном остается слабоструктурированной и довольно хаотичной областью, находящейся в каком-то "промежутке". Это по преимуществу смесь: либо из доброкачественной психологии и посредственной лингвистики (в США), либо из посредственной психологии и доброкачественной лингвистики (в России). Добавим к этому не всегда грамотные, а часто и просто невежественные штудии, где к невнятной психологии и невнятной лингвистике приложена еще более невнятная культурология или социология. Это позволяло, — кстати, и до сих пор позволяет — пренебрегать уже известными закономерностями всех упомянутых наук.

Вообще говоря, исследовательская работа сама по себе с неизбежностью должна провоцировать исследователя на систематическую рефлексию о сути используемых им понятий и методов. Конечно, это зависит и от склонности к метанаучным размышлениям, и от самодисциплины исследователя. Но по крайней мере, ученый должен твердо знать, какой из возможных для его предмета теорий среднего уровня он придерживается, и уметь эксплицировать свой выбор.

Понятно, почему глубокая методологическая рефлекция и споры о "теориях среднего уровня" не типичны для нормализованной науки: в ней метанаучная проблематика перестает быть актуальной. Со временем "новая" лингвистика постепенно и закономерно тоже превратилась в нормализованую науку. (Я бы отнесла этот процесс к началу 80-х гг., но, по-видимому, в разных областях лингвистики это происходило в разное время.)

Подчеркнем, что важно не то, является ли наука нормализованной в каком-либо объективном понимании. Принципиально лишь, что таковой ее ощущают работающие в ней исследователи, для чего вовсе не требуется размышлять именно в терминах Куна. Достаточно в повседневной работе не чувствовать глубинную противоречивость умозаключений, не замечать неопределенности понятий и не ощущать потребности во внесении ясности.

3. ПРИЗНАКИ ПОЯВЛЕНИЯ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ

За последние пятьдесят лет в лингвистике было много споров о методах. Однако по преимуществу это были споры о к о н к р е т н ы х методах. Они не интерпретировались как соотнесенные с эпистемологической проблематикой. Приведу пример из семантики. Когда А. Вежбицка впервые предложила толкования значений слов с помощью разработанного ею "метаязыка примитивов" [Wierzbicka 1972], то эти толкования вызвали много возражений. Их критиковали либо за неточность, либо за

неполноту, либо напротив, за чрезмерную пространность, несоответствие нуждам лексикографии и т.п. А вот вопрос о том, насколько законен сам метод интроспекции и, с помощью которого эти толкования были получены, почему-то не обсуждался.

Это притом, что А. Вежбицка, с ее вкусом к максимально эксплицитному изложению методологии, очень рано заявила, что разработанный ею lingua mentalis — именно плод дисциплинированной интроспекции [Wierzbicka 1972; 1985]. Очевидно, что это заявление не было воспринято как выдвижение совершенно новой точки отсчета.

Примерно в те же годы проблемой метаязыка лингвистики, был пристально занят другой крупный ученый, И.А. Мельчук. Автор данного текста свидетельствует, что уважение к А. Вежбицке вполне совмещалось у И.А. Мельчука с оценкой интроспекции как чего-то вненаучного. Что касается метода, которым он сам приходил к тем или иным метаязыковым единицам, то этот метод никогда явно не эксплицировался [Мельчук 1974]. В результате начинающие лингвисты до сих пор спрашивают о том, как можно объективно получить такие же толкования значений, как те, что представлены в уникальном именно по уровню языкового чутья "Толково-комбинаторном словаре" [Мельчук, Жолковский 1984]. Более того, многие интересуются, где же описаны соответствующие формальные процедуры!

Когда интересы лингвистов, притом таких влиятельных, как А. Вежбицка, стали фокусироваться на том, что Бенвенист называл "человек в языке", возникла необходимость задуматься о другой трактовке смысла как такового. Разумеется, смысл и сейчас можно трактовать как абстрактную сущность, формальное представление которой не связано ни с автором высказывания, ни с его адресатом. Просто такой подход перестал быть для лингвистов ценным занятием и отошел на задний план. Интерпретация семантических явлений стала ориентироваться на смысл, который существует в человеке и для человека, на интер- и интрапсихические процессы, на означивание и коммуникацию.

Как известно, еще Гумбольдт понимал язык как "мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека" [Гумбольдт 1984: 4]. Автор этих строк не припоминает явных опровержений такого подхода. Казалось бы, принимая эту максиму Гумбольдта, нельзя изучать смыслы вне того, без чего они лишаются модуса существования — без внутренних миров их носителей. Иными словами, смыслы нельзя исследовать в отвлечении от говорения и понимания как процессов взаимодействия психических субъектов.

Вспомним, однако, что магистральный путь лингвистики XX века — включая лингвистическую семантику — изначально вовсе не предполагал подобного подхода. Почему? Прежде всего потому, что ценностные ориентации ученых были совершенно иными. Одно дело — соглашаться с Гумбольдтом и Бенвенистом. И совершенно иное дело — считать, что именно эти вопросы являются самыми важными, ценными, теми, которым стоит посвящать жизнь.

XX век в лингвистике, да и в других гуманитарных науках прежде всего ценил "строгость". В соответствии с такими установками отношение "внутренний мир человека — язык" закономерно оставалось за пределами того, что полагалось доступным для подлинно научного подхода.

С одной стороны, "строгость" так или иначе противопоставлялась "философствованиям" и рассуждениям герменевтиков. С другой — "строгость" противопоставлялась "психологизму", который понимался преимущественно как расплывчатые умозрения. Логично поэтому, что серьезные лингвисты игнорировали психолингвистические исследования. Другое дело, что стоило задуматься, было ли в некоторых из них нечто содержательное или их поголовно можно было считать "философствованиями" [Фрумкина 1978; 1989; 1990а].

Мы не хотим этим сказать, что в семантике вообще исчезла традиция, где ценным считалось эмпирическим изучение смысла как психического феномена (ср. [Степанов

1975]). И все же "антропоцентризм" Бенвениста и "антропологический подход", представленный линией Боас — Сепир — Уорф, достаточно долго ждали своего воплощения на эмпирическом материале.

3. КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРЕДМЕТА ИССЛЕДОВАНИЯ И ВЫБОР АДЕКВАТНОГО ЕМУ МЕТОДА

По нашим наблюдениям, А. Вежбицка — это первый современный автор, не только заявивший о принципиально иной позиции, нежели общепринятый структурный подход, но и реализовавший на обширном материале идеи Гумбольдта и Бенвениста. Именно она последовательно сопровождала свои сочинения методологическими разработками, в которых дан образец "теории среднего уровня" для семантики. (Резюмирующими публикациями можно считать [Wierzbicka 1985; 1988; 1992], см. также подробный анализ подхода Вежбицкой в [Три мнения ...1989; Фрумкина 1990; Семантика и категоризация 1991; Фрумкина 1994].)

Рассмотрим, как Вежбицка конструирует свой предмет исследования и выбирает адекватный ему метод.

Смысл языковой единицы (к о н ц е п т) Вежбицка определяет как объект из мира "Идеальное", имеющий имя и отражающий определенные культурно-обусловленные представления человека о мире "Действительность". Сама же действительность, по мнению Вежбицкой, дана нам в мышлении (но не восприятии!) именно через язык, а не непосредственно. Близость подхода Вежбицкой к идеям Гумбольдта достаточно хорошо просматривается.

Но если к о н ц е п т — объект идеальный, т.е. существующий в нашей психике, то следует задуматься о том, как соотносятся между собой ментальные образования, соответствующие о д н о м у к о н ц е п т у, в психике р а з н ы х людей. Естественно думать, что за одним и тем же именем (словом) в психике разных лиц могут стоять разные ментальные образования. Тем самым, не только разные языки "концептуализируют" (т.е. преломляют) действительность по-разному, но за одним и тем же словом одного языка в умах разных людей могут стоять разные концепты.

Подчеркнем, что Вежбицка имеет в виду не различные в интерпретации концептов типа "талант" или "свобода". Напротив, она акцентирует различие в концептах, стоящих за "простыми" словами, типа *чашка, картофель*.

Итак, перед лингвистом, которого, быть может, следовало бы считать также и психолингвистом, оказались новые объекты — к о н ц е п т ы "в смысле Вежбицкой". В таком случае, их исследование требует и адекватного самим объектам м е т о д а.

В самом деле. Концепты суть ментальные сущности. Нам же непосредственно дано только содержание нашей собственной психики. Не значит ли это, что экспликация процесса концептуализации и содержания концепта может быть доступна только в той мере, в какой лингвист сам является носителем данного языка? Неколько упрощая, можно сказать, что Вежбицка на практике отчасти реализует именно такую позицию.

Дальнейшая разработка "теории среднего уровня" состоит в выборе адекватного метода. Вежбицка считает единственным надежным методом, позволяющим заниматься анализом смысла (в ее терминах семантическим или концептуальным анализом) метод т р е н и р о в а н н о й и н т р о с п е к ц и и [Три мнения ...1989; Семантика и категоризация 1991; Фрумкина 1992; 1994].

Итак, в наших терминах можно сказать, что согласно своей теории среднего уровня (мы ограничиваемся здесь проблемами семантики) Вежбицка к о н с т р у и р у е т новые объекты анализа — к о н ц е п т ы и новый метод, адекватный задачам изучения этих объектов.

Приведем другой пример — на этот раз применительно к исторической науке. В упомянутой выше книге [Гуревич 1993] автор обосновывает необходимость к о н с т р у и р о в а н и я нового объекта исторической науки — это ментальность, в данном случае — ментальность средневекового человека. Но может ли такая

расплывчатая "вещь", как ментальность, быть объектом научного познания — именно научного, а не художественного? В особенности — ментальность "простецов", неграмотных людей средневековья, т.е. людей, которые не могли оставить о себе прямых свидетельств.

А.Я. Гуревич по этому поводу пишет: "...ментальность, способ видения мира, отнюдь не идентична идеологии, имеющей дело с продуманными системами мысли, и во многом, может быть, главным, остается непрорефлектированной и логически не выявленной. Ментальность — не философские, научные или эстетические системы, а тот уровень общественного сознания, на котором мысль не отчленена от эмоций, от латентных привычек и приемов сознания" [Гуревич 1993: 59].

Если даже сказанное могло бы служить определением ментальности, этого было бы мало. Надо еще ввести категорию ментальности в с и с т е м у понятий исторической науки. Это в свое время удалось сделать французской исторической Школе "Анналов" в рамках так называемого исторического синтеза. Идея исторического синтеза потребовала пересмотра многих центральных понятий исторической науки — таких, как категория времени, социальная структура, общественное устройство. Так была построена "теория среднего уровня" для истории. И только тогда понятие ментальности получило ясную интерпретацию и заняло место в системе именно в качестве научного понятия, т.е. было с к о н с т р у и р о в а н о в к а ч е с т в е о б ъ е к т а и с с л е д о в а н и я.

Если мы согласны с такой эпистемологией, с такой теорией среднего уровня, мы должны тем самым признать, что объект изучения, который исследователю — занят ли он историческими процессами или языком — никогда не предъявлен непосредственно. Мы всегда работаем с конструктом — в том числе, и когда наблюдаем эмпирические факты. Еще раз напомним высказывание Эйнштейна: именно теория решает, что мы будем наблюдать.

4. ПОЧЕМУ МЫ ИЗУЧАЕМ ТО, ЧТО ИЗУЧАЕМ?

Одна из причин отказа от внутринаучной рефлексии является, видимо, общей для парадигматически оформленных наук. Я имею в виду характерную для нормализованной науки з а к р ы т о с т ь с п и с к а р а з р е ш е н н ы х к п о с т а н о в к е п р о б л е м. Соответственно и все известные методы становятся непререкаемыми, откуда возникает их ригидность.

В общем, это и значит, что парадигма оформилась. Жизнь в науке, тем не менее, продолжается, а следовательно, готовая парадигма так или иначе в какой-то момент начнет расшатываться. Вопрос о том, в каких конкретных формах это произойдет.

Один из показателей расшатывания парадигмы — расширение списка "разрешенных к постановке" проблем. В лингвистике последний сильно расширился за счет влияния разных наук — смежных и ставших таковыми лишь недавно. Так, сугубо философская проблематика, восходящая к расселовской теории дескрипций и продолженная уже в рамках критики этой теории, дала в лингвистике мощную поросль — например, в сфере теории референции.

Вместе с тем, это расширение — в том числе и обусловленное влиянием философии, не во всем оказывается плодотворным. Это проявляется в неосмысленном заимствовании понятийного аппарата, предназначенного для иных целей. Примером тому может служить интерпретация понятия и г р ы, введенного применительно к языку Витгенштейном. Обращение к текстам самого философа и к текстам о нем позволяет сделать следующее заключение:

Игра, согласно Витгенштейну, — это:

(1) взаимодействие, иначе говоря — деятельность, предполагающая обратную связь со стороны по меньшей мере еще одного свободного агента; (2) взаимодействие регулируется правилами, которые изначально заданы и предполагаются известными всем участникам в равной мере; (3) правила взаимодействия условны, т.е. вопрос о том, почему они именно такие, а не иные — иррелевантен.

Пункты (2) и (3), на наш взгляд, мало что добавляют к соссюровской аналогии между языком и шахматами. Пункт (1) также вытекает из Соссюра, поскольку знак всегда коммуникативен. Впрочем, о том, что важнейшая функция языка — коммуникативная, писали еще античные философы. Мы безуспешно пытались найти у Витгенштейна какое-либо внятное объяснение того, с какой целью для рассуждений об онтологии языка ему понадобилось именно понятие я з ы к о в ы х и г р. Почему взаимодействие каменщика и подмастерья продуктивно называть "языковой игрой"? И почему вообще продуктивно называть играми весьма разные виды человеческой деятельности, включая конкретные научные исследования (ср. [Сокулер 1988])?

В науке не действует максима "разрешено все, что не запрещено". Но в той мере, в которой эпистемология лингвистики — прежде всего в виде "теорий среднего уровня" — остается не проясненной, эта максима функционирует, так сказать, подпольно, и в ряде случаев — с весьма разрушительными последствиями.

5. ЕЩЕ РАЗ О ПРАВИЛАХ ИГРЫ В БИСЕР

Известно выражение, что наука начинается с веры в проблему. Конечно, это не та вера, которую имел в виду Тертуллиан в изречении "верю, ибо абсурдно". В интересующем нас контексте вера — это неартикулированное знание ученого, вбирающее опыт его работы здесь и сейчас, в данном историческом промежутке. Опыт этот социален — он отражает взаимодействие ученого с научной и общественной средой. Именно это неартикулированное знание дает уверенность в том, что тот или иной вопрос заслуживает внимания именно как научная проблема.

Умение найти проблему — своего рода искусство. Многие выдающиеся ученые прославились именно умением в должное время поставить кардинальные для своей области проблемы. Например, вопрос о семантическом метаязыке, сформулированный еще в 1961 г. (см. [Жолковский 1964]) как относительно частная задача, определил магистральный путь семантики на длительное время.

Подоплека веры в проблему — в силу чего и приходится говорить именно о в е р е — не может быть выражена в логически проясненных высказываниях. Это принадлежность внутреннего мира ученого, часть "неявного" (tacit) личностного знания.

Чтобы перевести неявное знание в артикулированное, ученый располагает определенным инструментарием, т.е. методом. Инструментарий этот различается в зависимости от области науки. Во многом он зависит от научного стиля отдельного исследователя. Но в пределах каждой области значения всегда существует некоторый канон, общепринятый способ п е р е х о д а от "предзнания" к артикулированной постановке проблемы. В математике — это доказательство, в физике — определенный тип эксперимента; в психологии — также эксперимент, хотя несколько иной структуры; в истории — достоверные свидетельства. Все эти случаи объединяет метод классической (картезианской) рациональности.

Применение метода классической рациональности предполагает по меньшей мере три момента:

1) Субъект познания рассматривает метод, т.е. некую сумму предписаний, как инструмент, позволяющий правильно двигаться к цели.

2) Метод осознается как таковой в достаточной степени, чтобы ему можно было дать словесную формулировку. Иными словами, метод можно записать в виде инструкции типа: вначале следует сделать то-то, далее перейти к тому-то, проверить условие и т.п.

3) Познающий субъект обязан уметь объяснить свой путь другим. Иными словами, не только результат, но и пути его получения должны быть открыты научному сообществу для сомнений и проверки.

По-видимому, "теория среднего уровня" должна согласовываться с методом картезианской рациональности, если она претендует на то, чтобы быть именно теорией, т.е. выполнять функции частной эпистемологии для данной науки. Это не

означает, что в науке не могут плодотворно функционировать другие научные стили, не вполне согласующиеся с принципом картезианской рациональности. Очень важно, однако, а в особенности — для начинающих ученых, прояснить сущность этих стилей и порождаемых ими текстов.

В частности, необходимо всякий раз отдавать себе отчет в том, каков статус предлагаемых построений (мы не имеем в виду тексты псевдонаучные или дилетантские). Два вида таких построений кажутся нам заслуживающими внимания в связи с нашей темой. Это сократический диалог и научное эссе.

Великим Мастером сократического диалога в наше время был Мераб Мамардашвили. Процесс его философской работы с учениками строился именно по правилам сократического диалога, вопрошания. Отсюда — магнетическая убедительность его лекций при невозможности воспроизвести в печати что-либо близкое к неотразимой силе этой убедительности. Мастер действительно был выдающимся мыслителем нашего времени, и это проявилось среди прочего в том, что он сам сформулировал ограничивающий, сковывающий характер картезианской рациональности для присущего лично ему научного стиля [Мамардашвили 1990; 1993].

Другим мастером сократического диалога был В.Н. Сидоров, один из основателей Московской фонологической школы. Это особенно интересно отметить потому, что одновременно он оставил работы, ярко воплощающие сугубо картезианский метод. Опубликованные им труды по исторической фонетике русского языка и по русской морфологии демонстрируют абсолютную ясность и строгость построений. В них воплощена та теория среднего уровня, которая, собственно, и конституирует Московскую фонологическую школу именно как направление в лингвистике.

С другой стороны, стремление к абсолютному как раз и привело к тому, что огромная часть сделанного В.Н. Сидоровым не дошла до научного сообщества, оставшись в черновых набросках или в воспоминаниях тех, кому он дарил свои догадки и идеи. Это касается, среди прочего, глубоких идей в области семантики и лексикографии, которые возникали в процессе работы над Словарем языка А.С. Пушкина [Сл. яз. Пушкина 1956—1961].

Не до конца проясненное для В.Н. Сидорова не могло быть предметом публикации, но постоянно было предметом сократического диалога. Автор этих строк имел счастье участвовать в подобных беседах в роли классического ученика-невежды, по существу именно таким образом получив свое университетское образование.

Эссе можно рассматривать как жанр, противоположный сократическому диалогу. В частности, потому, что адресуясь к уму — а быть может, в еще большей мере — к вкусу читателя, автор эссе как раз не стремится вступить с читателем в диалог. И уж тем более — в диалог "на равных". Естественно, что из эссе не удается "отфильтровать" собственно метод. Это логично: ведь в эссе средства убеждения всегда вытекают из стиля мышления автора, который по законам жанра может опускать целые звенья рассуждений и не утруждать себя обоснованием своей правоты.

Приведем два, казалось бы, совершенно разнородных примера построения научного текста, эссеистического par exellence. Первый пример — это научный стиль О.М. Фрейденберг. Работы Фрейденберг по теории античного искусства и семантике вошли в современный научный обиход благодаря тому, что в 1978 г., тщанием Н.В. Брагинской — выступившей в роли публикатора и комментатора — увидела свет ее книга [Фрейденберг 1978].

Вот что пишет о научном стиле О.М. Фрейденберг Н.В. Брагинская: «По сути дела, в работах Фрейденберг нет разворачивания мысли, нет дискурсивности, но нет и описательства. У ее работ есть центр — центральная в прямом смысле этого слова мысль. ...Для работ О.М. Фрейденберг нужна какая-то другая пространственная организация текста, при которой эта "центральная мысль" так бы и помещалась в центре, подобно источнику света, а материал, который она "освещает", располагался "кругом"... И если центральный образ мифа невидим, но живет в разновидных формах метафор, и его можно вытащить на свет лишь искусственно, и он существует, когда

его нет, но появляясь, теряет свою сущность, то такую же неформулируемость можно видеть и в работах О.М. Фрейденберг, хотя к концу жизни она и освоилась с "неудобной" последовательностью изложения». Далее комментатор следующим образом характеризует отношение О.М. Фрейденберг к своим концепциям: "Здесь нет ни следа пропедевтического скептицизма, ни намека на гипотетичность, неполную доказанность или полную недоказуемость тех или иных положений" [Фрейденберг 1978: 573—574].

Замечание. Процитированные замечания Н.В. Брагинской остаются актуальными для восприятия и других текстов нашей гуманитарной науки, где по понятным причинам существует опасная склонность к авторитаризму. В лингвистических сочинениях фраза "как сказал N (утверждал, упомянул, полагал, заметил)" нередко приравнивается к "как доказал N". Если N, т.е. субъект высказывания, на данный период является своего рода "культовой фигурой" (каковой на некоторое время стала и О.М. Фрейденберг), то авторские высказывания меняют модус и приравниваются чуть ли не к сакральным текстам. Но цитата не может претендовать на аргумент в споре. Она лишь найденный кем-то до меня способ формулировки, — возможно, самый удачный из возможных. Но от этого цитата не превращается в аргумент.

Другой поучительный пример содержательной эссеистики — это нашумевшая на Западе книга Т. Винограда и Ф. Флореса [Winograd, Flores 1987]. Пафос этой книги — в откровенной антипозитивистской и антисциентистской направленности. Это само по себе достаточно парадоксально, если учесть, что один из авторов — этот тот самый Терри Виноград, который первым создал компьютерную систему, понимающую естественный язык и взаимодействующую с человеком в режиме диалога.

Некий автор в рецензии на эту книгу написал, что она похожа на крик отчаяния. Действительно, по своей тональности эта работа типична для тех, что появляются на сломе научной парадигмы. Мотив разочарования и тревоги ясно слышен, несмотря на все различия культурного контекста, в котором воспринималась книга на Западе и может быть понята у нас.

По существу, авторы отвергают компьютерно-структурную парадигму и утверждают когнитивную. Разумеется, в рамках эссеистического изложения нельзя построить ничего, напоминающего теорию среднего уровня. Стоит, однако, попытаться понять, почему авторы отвергают многие общепринятые эпистемы (в смысле Фуко).

В этой связи для нас особый интерес представляют размышления, которые мы назвали бы "размышлениями по поводу вредоносности компьютерных метафор". В соответствии с общим эссеистическим стилем изложения эта тема реализуется в книге скорее как музыкальная, чем в виде научной конструкции. Для авторов она несомненно является центральной, и потому для понимания механизмов становления новой, когнитивной парадигмы полезно разобраться в истоках авторского "настроя" (см. рецензию [Фрумкина 1990а]).

Мы продолжим эти размышления в следующем разделе статьи, помятуя сказанное выше об особенностях эссе как научного стиля.

6. КОМПЬЮТЕРНЫЕ МОДЕЛИ И МЫСЛЕННЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Как известно, под влиянием иллюзий о всемогуществе computer sciences, в качестве метаязыка для описания познавательных процессов был выбран и продолжает использоваться язык компьютерных аналогий. Результат этого — онтологизация компьютерной метафоры и механические представления о познавательных процессах.

Это приводит к далеко идущим последствиям, из которых для данного обсуждения важно следующее. "Компьютерная метафора" может быть полезным инструментом только в той мере, в которой ее сугубая метафоричность остается предметом эпистемологической рефлексии. Иными словами, в соответствующей теории среднего уровня должны быть четко "прописаны" границы ее применимости. Впрочем, любая

модель эффективна как инструмент познания именно в меру понимания ее отличия от оригинала. Почему это положение, очевидное до тривиальности, опять стало актуальным в эпоху становления когнитивной парадигмы? Видимо, потому, что компьютерные модели овеществлены в виде реально работающих и весьма эффективных объектов: вычислительных машин и сетей. Более того, все больше рутинных интеллектуальных операций в современных компьютерах реализованы аппаратно, т.е. все больше операций "запаяно в железо". Это скрывает от нас механизмы функционирования компьютера и способствует ощущению чуда и всемогущества машины.

Именно поэтому Виноград и Флорес идут еще дальше и акцентируют следующие тезисы (мы их переформулировали в более строгом виде):

1) Работа нашего интеллекта не базируется на операциях с мысленными моделями — отображениями объектов (mental representations);

2) Это объясняется тем, то наше сознание и язык не отображают внешний мир, а интерпретируют его, исходя из наших текущих потребностей;

3) Подлинное понимание (в общефилософском смысле слова) требует от нас выхода за пределы языкового контекста в контекст жизненный, т.е. требует обращения к процессам социального взаимодействия.

Попытаемся понять, что стоит за этим пафосом отрицания. Согласно современному узусу, репрезентации — это некая реальность нашего ума, в отличие от объектного мира, который по отношению к репрезентациям первичен. С этим авторы не согласны. В подтверждение обоснованности своей позиции они приводят поведение новорожденного, который, не имея расчлененного представления о структуре среды, тем не менее вполне адекватно реагирует на все, что связано с его жизнеобеспечением, и делает это на уровне, не сводимом к чистым инстинктам.

Таким образом, авторы исповедуют точку зрения, которая с известной натяжкой может быть возведена к поздней феноменологии. Согласно этой позиции, объект и его свойства как бы не существуют вне наших целей и намерений. Мы вычленяем "объекты для себя" по мере надобности; вне этой "надобности" объекты не существуют для нас, поскольку они не выделяются нами из фона.

Этот тезис в определенном аспекте не вызывает возражений. Разве мы думаем о том, что одежда имеет швы, т.е. состоит из кусков ткани, скрепленной в определенный местах нитками? Разумеется нет, но лишь до того момента, пока одежда не порвалась "по шву" или нечто необходимо распороть, т.е. разъединить именно по швам. Следуя логике авторов, можно сказать, что швы для непрофессионала "не существуют", поскольку важно не то, существуют ли они физически, а то, что они возникают "для нас" только в нестереотипных ситуациях. Эти ситуации авторы называют breakdown, что можно перевести как 'срыв'.

Важность проблемы "срыва" как определяющей существование или несуществование объектов и их свойств становится более ясной, если задуматься о научном опыте Т. Винограда — создателя системы, "понимающей" естественный язык. Дело в том, что компьютер в принципе не может справиться с классом ситуаций, обозначенных в обсуждаемой книге как "срыв", в силу их нестандартности. Человек же, даже не имевший в своем конкретном опыте нестандартной ситуации, обобщает свой прошлый опыт и создает сценарий новой ситуации в режиме "on line" на основе обратной связи. В свете этого ясно, почему для авторов так важны тезисы, перечисленные выше под пп. 1—3.

Очевидно, что даже чисто метафорически компьютерная аналогия эффективна только в весьма узких пределах. Тем не менее локальная исследовательская практика продолжает (иногда неявно) базироваться именно на этих неоправданных аналогиях. Например, в той мере, в которой программа компьютера — это система формально-логических операций, компьютерные метафоры подкрепляют представления о том, что и человек решает те или иные сложные задачи следуя законам формальной логики.

Разумеется, после того, как компьютер выиграл партию в шахматы у чемпиона мира, возрастает уверенность в том, что компьютерная программа может успешно моделировать очень сложные виды человеческой деятельности. При этом странным образом не рефлектируются ни источники могущества компьютера, ни источники ограничений.

Заметим, что еще у Пиаже, т.е. до и вне связи с компьютерными технологиями, мы находим описания когнитивных процессов, сформулированные в терминах, заимствованных из формальной логики. В частности, не вполне ясно, понимал ли Пиаже, что слово *операция* в его построениях дожно было бы быть интерпретировано сугубо метафорически. Даже удивительно, что многие влиятельные авторы как бы забывают, что формальная логика имеет прескриптивный, а не дескриптивный характер, а поэтому поведение человека едва ли может быть описано в ее терминах [Frumkina, Mikhejev 1994].

7. ЛИНГВИСТ КАК ПОЗНАЮЩАЯ ЛИЧНОСТЬ

Нам неоднократно приходилось наблюдать, а также писать о том, что, в отличие от жестко запрограммированного компьютера, человек может решать *сходные задачи разными способами*. Этот момент является принципиальным для эпистемологии лингвистики и комплекса наук о когнитивных процессах, однако он остается недостаточно осознанным. Приведем один любопытный пример. В 1956 г. вышла знаменитая работа Дж. Миллера о "магическом" числе семь плюс минус два [Miller 1956], где автор излагал свои наблюдения над возможностями оперативной памяти человека. Миллер экспериментально установил, что человек может "поместить" в оперативную память не более, чем 7 плюс—минус 2 *блока* информации. Однако если человек сможет произвести операцию переструктурирования, склейки (chunking), т.е. увеличить "емкость" каждого отдельного блока, то хотя число *блоков* остается тем же, но общий объем информации значительно увеличится.

В течение многих лет автор данной статьи пытался — и безуспешно — найти в трудах американских психологов, включая и самого Дж. Миллера, описание закономерностей *chunking*. Изучение возможностей "склейки", т.е. многообразия способов структурирования, представляется нам и сейчас намного более важной проблемой, нежели чисто количественное определение ограничений на оперативную память. В свете современных данных можно предположить, что законы склейки не описаны потому, что столь же многообразны, сколь вообще неисчерпаема способность человека к структурированию. А раз так, то всякая концепция, построенная по схеме "*или—или*" окажется худосочной и неоправданной.

Известно, например, что человек склонен к операциям с гештальтами и вообще к укрупнению блоков информации, с которыми он работает [Фрумкина 1993]. Но это отнюдь не противоречит тому, что в случае необходимости человек пользуется признаковым описанием и может работать со сколь угодно элементарными единицами.

Все это относится и к операциям с единицами языка и речи и имеет, с нашей точки зрения, непосредственное отношение к теориям среднего уровня в лингвистике. В аспекте эпистемологии именно в силу многообразия способов использования языковых единиц как в процессе восприятия речи, так и в процессе порождения высказывания, актуален выбор одной из двух позиций:

1. Мы стремимся описывать онтологию языка, т.е. стремимся представить язык таким, каков он есть "на самом деле", вне зависимости от субъекта, который язык описывает;

2. Мы ориентируемся на качество самого описания, желая сделать его максимально прозрачным и убедительным.

Конечно, в принципе любой лингвист хотел бы совместить (1) и (2) — описать то, что "есть" и сделать это "красиво". Надо помнить, однако же, что это разные критерии.

Так, "антропоцентрический" поход, реализованный А. Вежбицкой в упоминавшихся выше работах, как нам представляется, скрывает за собой именно оптимизацию критерия (2). "Всюду-прозрачность" естественного языка (термин, введенный нами в [Фрумкина 1990]) — т.е. выводимость всех наблюдаемых языковых данных из того, что язык создан "по мерке" человека — это credo Вежбицкой, поэтому диалог в данном случае невозможен.

Напомним в связи со сказанным некоторые тривиальные примеры. Почему существуют отличия в грамматическом числе при отсутствии такового в семантическом числе — мы имеем в виду не только противопоставления *сливки*, но *сметана*; *часы*, но *будильник; дрожжи*, но *корица*; но также и обязательное употребление мн. числа в контекстах "Любите ли Вы огурцы?" для некоторой ничем не выделенной семантической группы слов? Следуя логике Вежбицкой, о *часах* следует подумать, имея в виду наличие по крайней мере двух стрелок (что тем более сомнительно, что у будильника их непременно три). Прочие случаи через особенности восприятия человеком соответствующих объектов объяснить уже не удастся.

Вежбицка, тем не менее, уверена в том, что языковые формы в принципе детерминированы их содержанием, и следовательно, должны быть описаны именно с этих позиций. И странно было бы их оспаривать: это фундамент ее "теории среднего уровня". Но в этом качестве постулат "всюду-прозрачности" должен быть специально осознан именно как п о с т у л а т — если не автором, то читателями.

Тем самым приходится еще раз напомнить о правомерности для наук о человеке более общего эпистемологического постулата: объект в науках о человеке может зависеть от теории об этом объекте, имеющейся у исследователя [Лефевр 1973]. Лингвистика только выиграет, если мы будем об этом помнить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апресян Ю.Д. 1966 — Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966.

Ахманова О.С. и др. 1961 — О точных методах исследования языка. М., 1961.

Блок М. 1973 — Апология истории, или ремесло историка. М., 1973.

Гумбольдт В. 1984 — Избранные труды по языкознанию. М., 1984.

Гуревич А.Я. 1988 — Историческая наука и историческая антропология // ВФ. 1988. № 1.

Гуревич А.Я. 1990 — Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства. М., 1990.

Гуревич А.Я. 1993 — Исторический синтез и Школа "Анналов". М., 1993.

Жолковский А.К. 1964 — Предисловие // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1964. № 8.

Ле Гофф Ш. 1992 — Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.

Лефевр В.А. 1973 — Конфликтующие структуры. М., 1973.

Мамардашвили М.К. 1990 — Как я понимаю философию. М., 1990.

Мамардашвили М.К. 1993 — Картезианские размышления. М., 1993.

Мельчук И.А. 1974 — Опыт теории лингвистических моделей "Смысл — Текст". М., 1974.

Мельчук И.А., Жолковский А.К. 1984 — Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена, 1984.

Семантика и категоризация. 1991 — Семантика и категоризация. М., 1991.

Сл. яз. Пушкина. Т. I—IV. М., 1956—1961 — Словарь языка А.С. Пушкина. М., 1956—1961.

Сокулер З.А. 1988 — Проблемы обоснования знания. М., 1988.

Степанов Ю.С. 1975 — Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975.

Три мнения... 1989 — Три мнения об одной книге // Язык и когнитивная деятельность. М., 1989.

Фрейденберг О.М. 1978 — Миф и литература древности. М., 1978.

Фрумкина Р.М. 1978 — Соотношение точных методов и гуманитарного подхода: лингвистика, психология, психолингвистика // ИАН ОЛЯ. 1978. № 4.

Фрумкина Р.М. 1989 — Проблема "язык и мышление" в свете ценностных ориентаций // Язык и когнитивная деятельность. М., 1989.

Фрумкина Р.М. 1990 — О прозрачности естественного языка // Язык и структура знаний. М., 1990.

Фрумкина Р.М. 1990а — Заметки на полях книги Т. Винограда и Ф. Флореса "Understanding computers and cognition" // Язык и структура знаний. М., 1990.

Фрумкина Р.М. 1992 — Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога // НТИ. Сер. 2. 1992. № 3.

Фрумкина Р.М. 1993 — Языковые гештальты и проблема представления знаний // Сб. научных трудов, посвящ. 70-летию М. Янакиева. София, 1993.

Фрумкина Р.М. 1994 — Размышления на полях новой книги Анны Вежбицкой // НТИ. Сер. 2. 1994. № 4.

Фрумкина Р.М. 1994а — Науки о человеке и современные концепции развития речи ребенка (аналитический обзор) // НТИ. Сер. 2. 1994. № 7.

Frumkina R., Mikhejev A. 1994 — Meaning and categorization. N.Y. 1994 (в печати).

Merton R. 1968 — Social theory and social structure. N.Y., 1968.

Miller G. 1956 — The magical number seven, plus or minus two // Psychol. review. 1956. V. 63.

Wierzbicka A. 1972 — Semantic primitives. Frankfurt-am-Main, 1972.

Wierzbicka A. 1985 — Lexicography and conceptual analysis. Ann Arbor, 1985.

Wierzbicka A. 1988 — The semantics of grammar. Amsterdam, 1988.

Wierzbicka A. 1992 — Semantics, culture, and cognition. N.Y. — Oxford, 1992.

Winograd T., Flores F. 1987 — Understanding computers and cognition. Reading, 1987.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 2 1996

ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ЛИНГВИСТИКИ

© 1996 г. А. ЧЕНКИ

СОВРЕМЕННЫЕ КОГНИТИВНЫЕ ПОДХОДЫ К СЕМАНТИКЕ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ В ТЕОРИЯХ И ЦЕЛЯХ

Данная статья представляет собой краткий обзор некоторых разрабатываемых в США теоретических подходов к семантике в рамках когнитивной лингвистики. Мы сосредоточимся на семантике, а не на других аспектах лингвистических исследований, ввиду той центральной роли, которую она играла в развитии когнитивной лингвистики. Дело в том, что когнитивное направление на ранних этапах своего развития являлось в значительной степени реакцией на неудовлетворенность подходом к семантике, принятым в господствующем течении лингвистической теории. В связи с этим возрастал интерес к развитию понятия значения, являющегося реалистическим с психологической точки зрения, то есть к чему-то такому, что полностью игнорировали лингвисты, следующие традиции, рассматривающей семантику как символическую логику. Ниже будут обсуждаться концепции представителей разных теоретических вариантов когнитивной лингвистики в США, особенно работы Джорджа Лакоффа, Рональда Лангакера и Рея Джакендоффа.

ЧТО ОБЩЕГО ИМЕЮТ МЕЖДУ СОБОЙ ТЕОРИИ ЛАКОФФА, ЛАНГАКЕРА И ДЖАКЕНДОФФА?

Этих теоретиков объединяет общая исходная базисная посылка (хотя каждый из них выражает ее своими словами), состоящая в том, что значение в естественных языках является мысленно кодируемой информационной структурой [Jackendoff 1988 : 81]. По их мнению, семантическая структура — это форма концептуальной структуры; интерпретация высказывания, т.е. его значение, находится в уме. Такая точка зрения противостоит взглядам традиционной объективистской семантики, исходящей из тезиса, что значение существует вне нас в мире. Среди семантических теорий, которым противопоставлен когнитивный подход, можно отметить следующие:

• экстенсиональная теория значения, согласно которой, например, значение слова *собака* рассматривается как множество всех собак (или множество всех собак во всех возможных мирах);

• семантика маркированности, согласно которой предполагается, что мир можно разбить на категории и что слова можно определить как маркированные значениями "плюс", "минус" или "нуль" относительно категориальных признаков. В случае признаков, введенных Р. Якобсоном для анализа семантики падежей, получаются весьма абстрактные значения, которые нельзя ни подтвердить, ни проверить;

• теоретико-множественная или логическая семантика, а также ситуационная семантика (см. [Barwise, Perry 1983]). Такие теории утверждают, что значение основано на референции и истине, и что истина состоит в соответствии символов (т.е. слов) категориям или положениям вещей в окружающем нас мире. Но на самом деле эти символы / слова не всегда соответствуют категориям, существующим в мире "с позиции всеведущего Бога", независимо от людей. Наоборот, как утверждается ниже,

слова отражают концептуальные категории, и такие категории по своему существу зависят от самих пользователей языков.

По словам Лакоффа, "...алгоритмы плюс теория моделей — неуместны для характеристики значения" [Lakoff 1988 : 129]. Такие математические инструменты привлекали ученых в середине семидесятых годов, когда когнитивная наука только начиналась; но: "эти математические инструменты действительно столь точны, что можно показать, что они не подходят тем объектам, к которым их предлагают прикладывать" (там же)[1]. В отличие от этих подходов, Лакофф, Лангакер и Джакендофф разделяют такую позицию, что значение надо понимать преимущественно не как нечто, определяющее условия истинности предложения или референцию термов, а скорее как то, что превращается в речь говорящим и сообщается слушающему. По словам Джакендоффа [Jachendoff 1988 : 83], "...информация, которую говорящие могут сообщить, должна иметь дело с их конструированием мира, где конструирование является следствием взаимодействия между сигналом и средствами, способными его внутренне представить. Таким образом, они утверждают, что язык отсылает к нашей концептуализации мира, так что вопрос об отношении между референциальным значением и истиной в мире со всеведущей точки зрения становится неуместным.

Другой установкой когнитивной лингвистики, с которой все трое согласны, является то, что в отличие от "классических" категорий понятийные категории не определяются множеством необходимых и достаточных условий, а имеют свойства, сближающие их с прототипами, в связи с чем некоторые их реализации — более типичные примеры данной категории, чем другие. Понятие прототипов в когнитивной теории семантики отражает интуицию гештальт-психологов, а именно то, что чувственное распознавание является результатом взаимодействия между входным сигналом из окружающей среды и действующими принцами в уме, которые накладывают на него структуру.

Вообще когнитивно-ориентированные теории семантики занимаются вопросами понимания и использования языка. Как таковые они действуют в рамках некоторых ограничений: они должны изображать то, что действительно "происходит в нашем уме", т.е. должны быть психологически проверяемыми. Кроме того, эти теории должны объяснять, каким образом можно обучиться языку в детстве так эффективно, — вопрос, который, как мне кажется, не считается существенным в традиции логической семантики.

Таковы некоторые главные идеи, которые объединяют Лакоффа, Лангакера и Джакендоффа в их подходе к семантике. Но есть и важные различия между ними, к которым мы теперь переходим.

ГЛАВНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПОДХОДЕ К СЕМАНТИКЕ

Начнем с совместного обсуждения взглядов Лакоффа и Лангакера, потому что в их работах имеется много общего. Они оба явно выражают свое несогласие с методологией ортодоксальной генеративной лингвистики. Лакофф, например, заявляет о принимаемых на себя двух исходных обязательствах в связи с его занятиями в области когнитивной лингвистики. Первое обязательство — "характеризовать общие принципы, которые управляют всеми аспектами человеческого языка" [Lakoff 1990: 40]. Другое обязательство — "когнитивное": "обязательство строить объяснение природы человеческого языка в равной степени в согласии с тем, что известно об уме и мозге из других дисциплин и из нашей собственной [т.е. лингвистики]" [там же]. Лакофф замечает, что это принуждает исследователя откликаться на эмпирические результаты из разных дисциплин, например, из психологии и антропологии (см. результаты исследований о когнитивных процессах, которые причастны к кате-

[1] Все переводы цитат принадлежат автору.

горизации), как и из невронауки (neuroscience) (исследовательская работа которой касается вычислительных механизмов мозга).

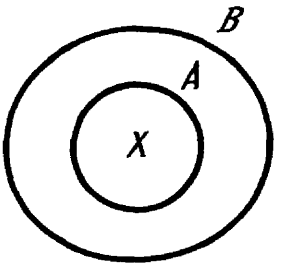
В последних работах Лакофф сосредотачивается на следующих вопросах. Так как семантическая структура понимается им как концептуальная структура, первым вопросом является то, как мы создаем концептуальные структуры. Лакофф поддерживает и развивает идею, обсуждаемую М. Джонсоном [Johnson 1987], что концептуальные структуры развиваются отчасти из того, что называют "образ-схемами", иными словами, из базисных структур, создающихся в результате того, что мы взаимодействуем с физическим миром, считая данными наше телесное существование и физические события того мира, в котором мы живем. Как объясняет Джонсон [Johnson 1987 : XIV]: "Образ-схема — это повторяющийся динамический образец наших процессов восприятия и наших моторных программ, который придает связность и структуру нашему опыту". Один пример — это схема "ВМЕСТИЛИЩА", понятие границы, отделяющей внутреннюю часть от внешней. Это понятие неотъемлемо связано с нашим телесным опытом: сами наши тела — вместилища, и нам очень важно различие между тем, что внутри нас и что вне нас. Мы ощущаем себя как объекты, находящиеся внутри вместилищ, будь это комната, машина или что-то другое. Эта схема, в свою очередь, дает основу для нашего понимания многих различных понятий посредством метафорического расширения. В когнитивной лингвистике понятие метафоры не ограничивается его традиционной ролью в языке поэзии; она рассматривается как главное средство нашей концептуальной системы, с помощью которого мы понимаем и воспринимаем один тип объектов в терминах объектов другого типа. Посредством метафорического переноса мы понимаем ум как вместилище, в которое могут входить или из которого могут выходить мысли.

Другая схема, обсуждаемая Лакоффом — это схема "ЧАСТЬ—ЦЕЛОЕ". Мы воспринимаем наше собственное тело как целое и части, а далее семья и другие общественные организации также понимаются метафорически как целые с частями. Мы сталкиваемся с еще другой схемой, "ИСТОЧНИК—ПУТЬ—ЦЕЛЬ", всякий раз как куда-либо движемся. Эта схема применяется по-разному: в ссылках на целеустремленную работу (когда цель понимается как место назначения, к которому мы стремимся), в процессах, связанных с переменой состояния (страна, например, может *превратиться из* аграрной *в* индустриальную; человек может *приходить в* восторг, *в* отчаяние и т.п.), и еще в выражении причинности (делать что-либо *из* любопытства, *со* злости).

Лакофф и Лангакер, как и Джонсон, разделяют вышеразвитую посылку, а именно что мы берем образ-схематические понятия, которые осознаем в структурированном виде, исходя из нашего телесного опыта, и применяем их к абстрактным понятиям и опыту. Лакофф [Lakoff 1990 : 52] показывает одно из последствий из этого феномена на примере метафоры "КЛАССИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ суть ВМЕСТИЛИЩА". Он дает пример следующего классического силлогизма, который основан на классических категориях: "Сократ — человек. Все люди — смертны. Поэтому Сократ — смертен". Как изображено на рис. 1, если X находится в категории А, а категория А — в категории Б, то значит, что А находится в категории Б. Лакофф делает вывод, что "логические свойства классических категорий можно понимать как следствие топологических свойств вместилищ плюс метафорический перенос с вместилищ на категории". Приведя еще несколько примеров этого процесса, Лакофф [Lakoff 1990 : 54] утверждает, что многие "абстрактные выводы на самом деле являются метафорическими вариантами пространственных выводов, присущих топологической структуре образ-схем". Таким образом, с помощью этого подхода к когнитивной семантике небольшое число обобщенных когнитивных процессов, применяемых к высоко структурированным моделям абстрактных понятий, репрезентирует интеллект.

Кроме образ-схем, Лакофф подчеркивает важность другого типа концептов, которые имеют для нас значение из-за их роли в телесном опыте; эти концепты называются "концептами базового уровня", поскольку уровень сложности, на котором

они могут быть категоризированы, занимает промежуточное положение в иерархии от общего к конкретному. Антрополог Б. Берлин, когнитивный психолог Э. Рош [Rosch 1973; 1975] и их коллеги установили, что имеется такой уровень категоризации, на котором человек эффективнее всего взаимодействует с окружающей средой и наиболее продуктивно обрабатывает, хранит и передает информацию. Это тот уровень, на котором общие очертания членов категории воспринимаются как подобные, и на котором единственный ментальный образ может отображать всю категорию: это действительно, например, на уровне, отражаемом словами *кошка, собака, птица*, но не на высшем, более обобщающем уровне животного (трудно представить себе обобщенное животное, которое не принадлежит конкретному роду), и не на нижнем, более конкретном уровне (не каждый может правильно идентифицировать рысь, эрдельтерьера или щегла). Человек также имеет сходные моторные программы для действий с членами категории базового уровня: мы умеем пользоваться стулом или столом, но у нас нет моторной программы для обращения с мебелью вообще. С точки зрения общения, слова для понятий базового уровня как правило самые короткие, самые распространенные и контекстно нейтральные, они усваиваются детьми в первую очередь и исторически появляются раньше других в лексиконе конкретных языков. В соответствии с принципом когнитивной лингвистики, что значение основано на концептуализации, Лакофф отмечает, что категории базового уровня определяются не только на основе существенных разрывов непрерывности, имеющихся в природе (т.е. собаки отличаются от птиц), "но в равной мере потому, как мы взаимодействуем с миром обладая телом, когнитивной организацией и нашими культурно-предопределенными целями" [Lakoff 1988 : 134].



X находится в A
A находится в Б
X находится в Б

Рис. 1. Образ-схема "ВМЕСТИЛИЩЕ", которая лежит в основе силлогистической аргументации [Lakoff 1990 : 52]

Исходя из установки, что языковые категории имеют те же характеристики, что и другие когнитивные категории, для когнитивных лингвистов весьма близкими были работы психолога Э. Рош; она нашла, что когнитивные категории обычно имеют внутреннюю структуру, состоящую из семейных отношений (family telationships), где некоторые члены категории являются более прототипическими, чем другие. Эта идея, конечно, восходит к наблюдениям философа Витгенштейна над семантикой некоторых слов: в своем знаменитом обсуждении слова *игра* (нем. *Spiel*) он заметил, что сложная сеть частично совпадающих признаков может определять, что́ такое игра. Некоторые игры имеют несколько таких признаков, другие игры — другие признаки, некоторые игры имеют больше признаков, а другие — меньше. Витгенштейн [Wittgenstein 1953] пользовался термином "семейное сходство", чтобы характеризовать сходную, но различную природу членов этой категории. Он сделал сравнение с тем, как различные черты членов семьи частично совпадают и перекрещиваются, так что члены одной семьи разделяют некоторые черты (цвет глаз, тип волос, черты лица), но редко бывает, чтобы у двух или более членов семьи совпадало большинство черт. Одним из центральных понятий исследований Лакоффа является так называемая "радиальная категория" (radial category). Лакофф [Lakoff 1987] показывает, как английское слово *mother* "мать" — типично понимается в терминах следующих образцов:

— образец рождения: человек, который рожает — мать;

— генетический образец: женщина, которая вносит генетический материал — это мать;

— образец лелеяния: женщина, которая лелеет и воспитывает ребенка — это мать этого ребенка;

— супружеский образец: жена отца — это мать.

Вместо того, чтобы быть необходимыми и достаточными признаками матери, это

такие условия, которые объединяются, чтобы определить прототипическую мать. Можно также показать, что случаи, которые воплощают только несколько или один из этих признаков и поэтому представляют менее типические члены категории, являются более или менее связанными с центральным примером этого концепта в зависимости от того, сколько признаков совпадает. Этот способ семантического описания теперь известен под названиеи "теории лексической сети" (lexical network theory), потому что согласно этой теории значения лексической единицы соотносятся друг с другом сетевым образом.

Одним из примеров такого типа анализа, на который чаще всего ссылаются, является дипломная работа К. Бругман [Brugman 1981; 1988] на тему об английском предлоге и глагольной частице over, о которой потом писал Лакофф [Lakoff 1987]. Как показано на рис. 2, Бругман и Лакофф изображают разные отношения, выражаемые словом *over*, с помощью схематических диаграмм.

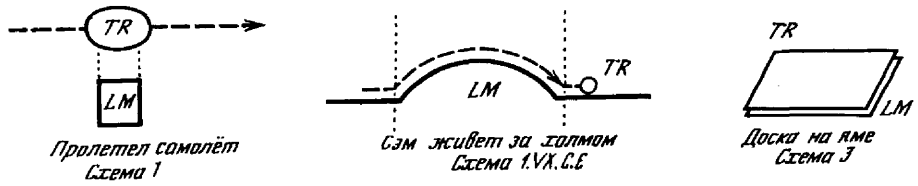


Рис. 2. Некоторые схемы для английского *over* [Brugman 1981] и [Lakoff 1987]

Следуя примеру Лангакера [Langacker 1987], две вещи, между которыми имеется отношение, называются траектором (trajector — TR) и ориентиром (landmark — LM). Например, в предложении *The plane flew over the hill, the plane* — это TR, и *the hill* — это LM. Все смыслы слова *over* соотносятся в разной степени с центральным схематическим отношением, изображенным как схема 1 на рис. 2. Некоторые смыслы представляют собой конкретизацию деталей данного схематического отношения, как например, что отношение между TR и LM контактное (C), что LM вертикально вытянут (VX), или что данный смысл сосредоточивается в конечной точке пути, описанного этим TR (например, схема 1.VX.C.E. на рис. 2). Некоторые смыслы сходные, но несколько иные, например, смысл слова over, который влечет за собой "покрытие". Отношения такого типа описываются разными схемами, например, схемой 3 на рис. 2. В конце концов, предлагается метасхема, показывающая отношения между разными схемами, одни из которых более центральны, другие более периферийны. Таким образом получается радиальная концептуальная / семантическая категория (рис. 3).

Такого рода метасхемы помогают понять принципы употребления не только лексических единиц, но и отдельных морфем, отражающие данный вид семантической структуры взаимосвязанных употреблений. Янда [Janda 1986] рассматривает значения русских глагольных приставок как радиальные семантические категории, а Лангакер [Langacker 1988c; 1991a], Смит [Smith 1987], Янда [Jand 1993] и Ченки [Cienki 1995] обсуждают семантику падежей как сети взаимосвязанных смыслов.

Важно заметить, что и образ-схематические концепты (с их значащими конфигурациями) и концепты базового уровня имеют внутреннюю структуру, и поэтому контрастируют с точкой зрения, что семантическая структура состоит из примитивов. Эти два типа концептов нельзя рассматривать как элементарные строительные блоки, не утверждается также, что имеется универсальное фиксированное множество таких концептов. Таким образом, Лакофф и Лангакер выступают как против идеи, то значение слова состоит из пучка семантических признаков, так и против подходов типа "алфавита человеческого мышления" А. Вежбицкой [Wierzbicka 1980; 1985; 1988].

В будущем еще предстоит ответить на высказывающиеся критические замечания в адрес сетевого анализа. Дин [Deane 1993], например, указывает на то, что теория

лексической сети не накладывает ясных ограничений на общую форму сети, и в действительности зачастую имеют место градуальные различия между разными употреблениями лексической единицы, хотя они представляются в сети как дискретные. Кроме того, Сандра и Райс [Sandra, Rice 1995] отмечают, что во многих метасхемах не ясно, какое когнитивное толкование данная сеть должна иметь, то есть, какие утверждения делают авторы своей сетью.

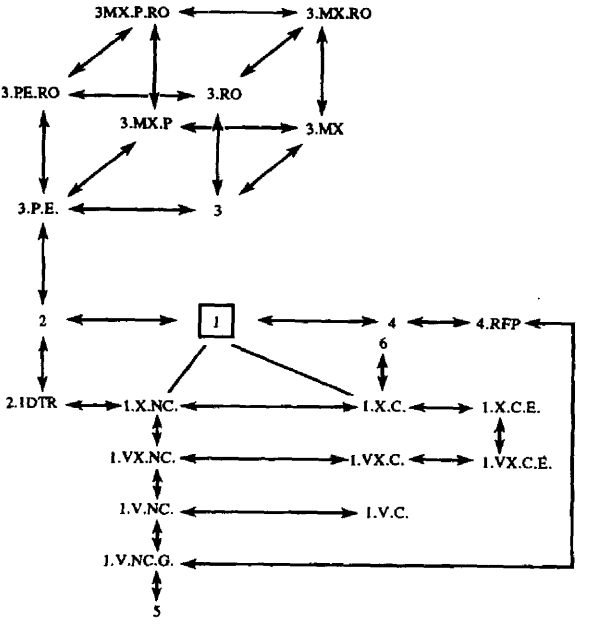


Рис. 3. Отношения между схемами слова *over* [Lakoff 1987 : 436]

Еще одна важная тема в работе Лакоффа с тех пор, как он опубликовал с М. Джонсоном книгу "Метафоры, которыми мы живем". [Lakoff, Johnson 1980] — это так называемая "теория концептуальной метафоры", а именно идея, что метафора — *не просто феномен языка, но и* повседневная концептуальная реальность, когда мы думаем об одной сфере в терминах другой. Одной из целей такого направления исследований было показать, как говорящие на некотором языке, используемом в некоторой культуре, концептуализируют различные сферы, прибегая к отсылочным метафорам. Один из наиболее известных примеров — это концептуальная метафора "ЛЮБОВЬ — ПУТЕШЕСТВИЕ". Концептуальная метафора обычно реализуется в языке в виде многочисленных метафорических выражений (которые традиционно называются метафорами). Среди выражений, отражающих в английском языке концептуальную метафору "ЛЮБОВЬ — ПУТЕШЕСТВИЕ" [Lakoff, Johnson 1980], можно отметить следующие:

—We've *come a long way*	Мы прошли долгий путь
—We're *at a crossroads* in our relationship	Наши отношения на перепутье
—We'll just have to *go our ways separate*	Наши пути разошлись

Вместо того, чтобы пытаться "определить" любовь, анализ такого рода стремится объяснить способ, каковым говорящие на американском английском понимают это понятие. Концептуальные метафоры часто служат средством осмысления некоторой более абстрактной сферы (сферы-"мишени") в терминах более известной, обычно конкретной сферы (сферы-"источника"). Лакофф и Джонсон (1980) ввели обычай описывать отображение концептуальных метафор в форме "СФЕРА-МИШЕНЬ — СФЕРА-ИСТОЧНИК".

Дальнейшие исследования показали, что концептуальные метафоры говорящих на данном языке в данной культуре часто взаимосвязаны и часто подкрепляют друг друга, образуя сложные, связные системы. Тематически более конкретные метафоры (например, "ЛЮБОВЬ — ПУТЕШЕСТВИЕ" или "КАРЬЕРА — ПУТЕШЕСТВИЕ") часто подтверждают более общие метафоры (например, "ДОЛГОСРОЧНАЯ ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ — ПУТЕШЕСТВИЕ"). В то время как более конкретные метафоры обычно являются принадлежностью конкретных культур

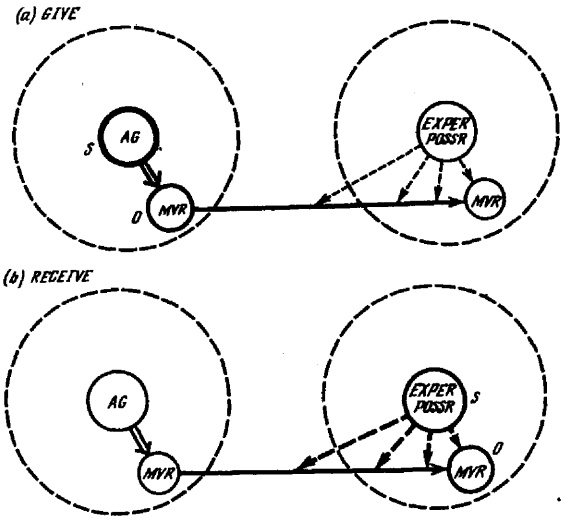


Рис. 4. Аспекты взаимодействующей сети, вызванной глаголами *give* и *receive* [Langacker 1991 : 227]

(ср. "ЛЮБОВЬ — БЕЙСБОЛЬНЫЙ МАТЧ" в Северной Америке), более общие метафоры оказываются более универсальными [Lakoff 1993].

С одной стороны, исследования метафоры имеют собственно лингвистическую значимость. Так, они играют важную роль в изучении диахронических семантических изменений [Sweetser 1990] и развития многозначных слов и морфем. Однако также ясно, что подход к семантике имеет большое значение для лингвистики в ее междисциплинарных контактах. Кроме очевидного применения такого метода к литературе [Lakoff, Turner 1989], он играет ключевую роль в столь разнообразных исследованиях, как изучение эмоций [Kövecses 1990], анализ американской культурной модели брака [Quinn 1991] или изучение идеологии, скрытой в языке политики [Lakoff 1991].

В целом Р. Лангакер поддерживает подход Лакоффа. В рецензии на книгу Лакоффа [Lakoff 1987], Лангакер пишет следующее: «Я считаю, что Лакофф в основном прав. Мое собственное представление о языке и лингвистической теории [Langacker 1987], хотя я пришел к нему в значительной мере независимо, совместимо с концепцией Лакоффа во всех существенных отношениях: мы с ним разделяем мечту (быстро становящуюся действительностью) о необъективистской лингвистике, которая отражала бы все богатство нашей умственной жизни и заслуживала бы ярлыка "когнитивная" не по декрету, а ввиду ее естественности и психологического правдоподобия» [Langacker 1988d : 384]. Работа Лангакера, однако, отличается от работы Лакоффа тем, на что в ней сфокусировано внимание. Лангакер преимущественно сосредоточивается на проявлении в языке когнитивных процессов, которые действуют на образ-схематических концептах и концептах базового уровня. К такого рода процессам относятся: смена фигуры и фона, перемещение точки зрения, сканирование и концентрация внимания на определенных аспектах ситуации, называемые "профилированием" (profiling). В этом отношении надо упомянуть некоторые работы Л. Талми [Talmy 1978; 1983; 1985], которые прокладывали путь в этой области. Хотя Лангакер думает, что еще рано проводить подробный семантический анализ отдельных слов, в его собственных работах приводятся примеры, демонстрирующие, сколь важную роль отводит он вышеуказанным когнитивным процессам. Так, подход Лангакера позволяет показать процессы, описываемые английскими глаголами *give* ("давать" / "дать") и *receive* ("получать" / "получить"), как части одного и того же события между взаимодействующими участниками, при том что каждый из этих глаголов профилирует особый аспект данного отношения (см. рис. 4). Каждый глагол накладывает свои ограничения на акт перемещения и при этом высвечивает разных участников как подлежащее (subject—S) и дополнение (object—O).

Главные участники в событии — агенс (AG); перемещающаяся вещь, двигающееся (mover — MVR) и получатель (possessor — POSSR), который в результате обладает передаваемой вещью. Получатель назван "экспериенцером-обладателем" (experiencer-possessor — EXPER-POSSER), поскольку восприятие им смены обладателя составляет обычно фокус акта получения. [Эти вышеописанные "роли-образцы" (role archetypes), приписываемые участникам, играют решающую роль для Лангакера в описании употребления грамматических падежей.] Пунктирные круги обозначают сферы контроля AG и EXPER-POSSR, двойная

стрелка означает передачу энергии, единая стрелка обозначает получающееся в результате движение, и прерывистая линия указывает на сложные отношения (физические, перцептивные, эмоциональные) между EXPER-POSSR и MVR, когда EXPER-POSSR вступает во владение MVR-ом. Для каждого глагола полужирные линии указывают на профилированный компонент релевантной последовательности действий между участниками.

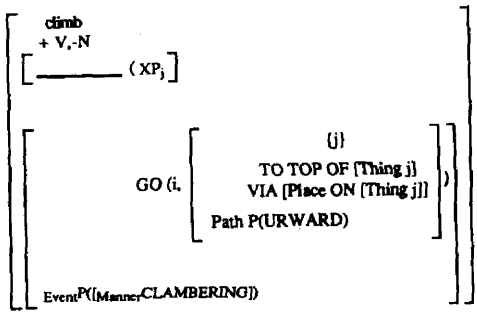


Рис. 5. Анализ слова *climb* согласно теории концептуальной семантики [Jackendoff 1985 : 288]

Как показывает этот пример, главный интерес Лангакера — интеграция идей когнитивной семантики в теорию грамматики, которую он называет "когнитивной грамматикой". Исследования в таких областях, как вышеупомянутая теория концептуальной метафоры, дополняют теорию когнитивной грамматики, но имеют другой фокус и изучают другие вопросы. Принимая во внимание точку зрения, выраженную в работах Лангакера, что грамматика является символической и образной по своей природе, неудивительно, что Лангакер пользуется схематическими диаграммами как эвристическим приемом для изображения грамматических отношений, в отличие от синтаксических деревьев порождающей грамматики. Он изложил свои идеи в двухтомной работе "Основания когнитивной лингвистики" [Langacker 1987; 1991]. В своих последних работах он продолжает применять принципы когнитивной грамматики для решения ряда традиционных вопросов в области синтаксиса, например, вопроса о пассивных конструкциях [Langacker 1991a] и о трансформации подъема [Langacker 1995]. В каждом случае он объясняет синтаксический феномен, о котором идет речь, не трансформационным перемещением или деривацией из глубинных структур, а семантикой участвующих в конструкциях предикатов.

Р. Джакендофф придерживается той точки зрения когнитивной лингвистики, что значение языкового выражения содержится во внутренних представлениях на уровне концептуальной структуры, и называет свой подход "концептуальной семантикой". Хотя Джакендофф тоже отвергает взгляд, что категориальная структура предопределяется лишь необходимыми и достаточными условиями, он не сосредоточивается на гипотезе, что категории обладают радиальной структурой. Джакендофф скорее следует тому подходу, что есть другие типы условий, которые определяют членство категории. Одно из условий, которое он приводит, есть градуальное условие (graded condition). Оно применимо, например к цветонаименованиям, поскольку названия цветов различаются центральными оттенками, от которых другие примеры данного цвета отличаются постепенно. Другой вид условия — условие типичности (typicality condition). Такие условия называют черты, типичные для членов данной категории, но подверженные исключениям. У собак, например, обычно четыре ноги, но трехногая собака еще собака. Он утверждает, что любая категория определена присущим ему сочетанием этих условий в "системе правил предпочтения" (preference rule system); в этой системе самое стабильное суждение о членстве категории имеет место тогда, когда условия взаимно подкрепляют друг

друга и таким образом представляют нам прототипический пример категории. Джакендофф представляет эти правила предпочтения как действующие в декомпозиционной системе значения слова. На рис. 5 показан семантический анализ английского слова *climb* ("карабкаться, взбираться").

В отличие от других обсуждаемых здесь подходов концептуальная семантика предполагает словарный подход к значению слова, согласно которому слова принадлежат к синтаксическим категориям, имеющим жесткие границы (например, + глагол, – существительное), ("P" обозначает предпочтительные условия типичности).

Кроме того, в отличие от Лакоффа и Лангакера, Джакендофф исходит из известных предположений об отношениях между синтаксисом и семантикой. Как он суммирует в своей книге 1990 года, его теория концептуальной семантики пользуется "первичными принципами, параллельными тем, что мотивируют порождающий синтаксис и фонологию". Поэтому он стоит на позициях так называемой X'-теории синтаксиса, правил субкатегоризации и тематических ролей (см. его статью "X'-семантика" [Jackendoff 1987c]). Джакендофф предлагает соответствие между универсальным множеством онтологических категорий (которые составляют примитивы концептуальной структуры) и синтаксическими категориями, чтобы создать то, что он называет "синтаксисом концептуальной структуры", который он изображает следующим образом [Jackendoff 1990 : 45].

Syntactic structure

$[_S[_{NP}\text{John}]\ [_{VP}\text{ran}\ [_{PP}\text{into}[_{NP}\text{the room}]]]]$

Conceptual structure

$[_{Event}\ \text{GO}\ ([_{Thing}\text{JOHN}],\ [_{Path}\ \text{TO}\ ([_{Place}\text{IN}\ ([_{Thing}\text{ROOM}])])])]$.

В книге "Семантические структуры" Джакендофф эксплицитно заявляет [Jackendoff 1990 : 8]: "важным предварительным условием моего предприятия является то, чтобы оно было во всех отношениях совместимым с мировоззрением генеративной лингвистики". Возможно, однако, что ввиду данных обязательств перед генеративной формализацией Джакендофф может и не ухватить более широкие явления, относящиеся к пониманию языка как когнитивной способности, так как он низводит вышеупомянутое когнитивное обязательство на более низкий статус. Кроме того, исследование всего лишь одного неиндоевропейского языка (китайского) показало пристрастие к грамматике английского языка в Джакендоффских правилах построения концептов. В результате к некоторым языкам их нельзя применить, не теряя некоторых важных обобщений [Tai 1993].

Джакендофф также придерживается точки зрения о языке как прежде всего о вычислительной системе, как об одной из способностей "вычислительного ума". Он известен также своими исследованиями, связывающими языковую познавательную способность с другими когнитивными функциями, например, со зрением (см. [Jackendoff 1987b], и с нашим пониманием музыки [Jackendoff 1987a].

Еще одно существенное различие между исходными позициями Джакендоффа и других когнитивистов связано с тем, что он называет "гипотезой тематических отношений". Джакендофф, Лакофф и Лангакер сходятся в признании существенным того факта, что одни и те же языковые структуры выражают различные семантические поля (пространственное, временное, посессивное, причинное). Но при этом Лакофф и Лангакер рассматривают поле пространственных отношений как исходное, от которого прочие семантические поля образуются посредством метафорических переносов. Джакендофф же рассуждает в терминах специальной абстрактной структуры, которую мы применяем к разным семантическим полям. Он пишет, что "если имеется какая-либо первичность пространственного поля, то это потому, что оно так сильно поддержано неязыковым сознанием" [Jackendoff 1983 : 210]. Такая позиция находится в противоречии с доводами Джонсона, что образ-схемы

("ВМЕСТИЛИЩЕ", "ЧАСТЬ—ЦЕЛОЕ", "ИСТОЧНИК—ПУТЬ—ЦЕЛЬ") непосредственно наполнены для нас смыслом, потому что они основаны на нашем телесном опыте.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Когнитивная семантика того типа, который отстаивают Лакофф и Лангакер, примечательна своим особым вниманием к соответствиям между семантическими областями, в отличие от правил и представлений, ограниченных отдельными предложениями. Хотя Джакендофф обсуждает отношения между различными семантическими полями, главное место в его работах занимает истолкование семантической / концептуальной структуры в форме синтаксических формализмов структур непосредственных составляющих. Можно описать его позицию таким образом, как будто одной ногой он уже находится на почве когнитивного подхода к семантике, а другой — погряз в традицию порождающего синтаксиса. Физическое местонахождение этих трех лингвистов можно рассматривать как метафору для различий между их теоретическими точками зрения: Джакендофф работает в Университете им. Брандэйса, около средостения генеративной лингвистики (MIT), тогда как другие находятся на противоположном побережье: Лакофф — в Университете Калифорнии в Беркли, а Лангакер — в Университете Калифорнии в Сан-Диего. Эта ситуация отражает некоторые основные различия между так называемыми "Восточным полюсом" и "Западным полюсом" американской лингвистики.

В когнитивной грамматике биология считается более подходящим источником метафор для описания языковых процессов, чем формальная логика или математика. Грамматика языка рассматривается не как порождающая, а как обеспечивающая говорящих запасом символических ресурсов, с помощью которых они могут строить и оценивать выражения в силу своих общих способностей к принятию решений и к категоризации [Langacker 1988a : 4, 5]. Например, важным вопросом когнитивной семантики является вопрос о том, как мы определяем категориальное членство (вещей, действий и их свойств), опираясь на суждения об их сходстве. Хотя определение сходства (на сознательном или на подсознательном уровне) — действие, с которым человеческий ум довольно эффективно справляется, тем не менее, это не навык, который можно легко создавать по математическому образцу. Однако компьютерные модели нервных сетей (также как коннекционизм) указывают перспективное направление для исследований в когнитивно ориентированной компьютерной лингвистике.

Призыв к достижению когнитивно точного описания семантической структуры состоит в том, как указывает Лангакер [Langacker 1988b : 56], что он в конечном счете требует опоры на исследования более широкого профиля, на исследования когнитивных процессов вообще. Хотя эта конечная цель огромна, существуют направления, которые вероятно будут исследованы подробнее в ближайшем будущем, среди них: продолжение работы над метафорами, чтобы охватить более широкие семантические поля и неиндоевропейские языки; взаимодействие и интеграция пространственной, силодинамической и других образ-формирующих систем в языке, описанных Талми, и проверка психологической реальности языковых прототипов и лексических сетей, предложенных в прошлом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Barwis J., Perry J. 1983 — Situations and attitudes. 1983.

Brugman G.M. – The story of over: polysemy, semanucs, and the structure of the lexicon. Berkeley. N.Y. 1981. Reprint. N.Y., 1988.

Cienki A. 1995 — The semantics of possessive and spatial constructions in Russian and Bulgarian: A comparative analysis in cognitive grammar // Slavic and East European journal. V. 39. 1995.

Deane P. 1993 — Multimodal spatial representation: On the semantic unity of *over* and other polysemous prepositions (неопубл. рук.). 1993.

Jackendoff R. 1983 — Semantics and cognition. Cambridge (Mass.). 1983.
Jackendoff R. 1985 — Multiple subcategorization and the θ-criterion: the case of *Climb* // Natural language and linguistic theory. V. 3. 1985.
Jackendoff R. 1987a — Consciousness and the computational mind. Cambridge (Mass.), 1987.
Jackendoff R. 1987b — On beyond zebra: the Relation of linguistic and visual information // Cognition. V. 26. 1987.
Jackendoff R. 1987c — X-Bar Semantics // Berkeley linguistics society: Proceedings of the Thirteenth annual meeting. Berkeley, 1987.
Jackendoff R. 1988. — Conceptual semantics // U. Eco, M. Santambrogio, P. Violi (eds.). Meaning and mental representations. Bloomington, 1988.
Jackendoff R. 1990 — Semantic Structures. Cambridge (Mass.). 1990.
Janda L.A. 1986 — A-Semantic analysis of the Russian verbal prefixes *za-*, *pere-*, *do-*, and *ot-*. München, 1986.
Janda L.A. 1993 — A geography of case semantics: the Czech dative and the Russian instrumental. B.; N.Y., 1993.
Johnson M. 1987 — The body in the mind: the bodily basis of meaning, imagination, and reason. Chicago; 1987.
Kővecses Z. 1990 — Emotion Concepts. N.Y., 1990.
Langacker R. 1987 – Foundations of cognitive grammar. V.I: Theoretical prerequisites. Stanford, 1987.
Langacker R. 1988 — An overview of cognitive grammar // Topics in cognitive linguistics / Ed. by B. Rudzka-Ostyn. Philadelphia, 1988.
Langacker R. 1988b — A view of linguistic semantics // Topics in cognitive linguistics / Ed. by B. Rudzka-Ostyn. Philadelphia, 1988.
Langacker R. 1988c — Case and grammatical relations in cognitive grammar (with special reference to newari) // Linguistic notes from La Jolld. V. 14. 1988.
Langacker R. 1988d — Language. V. 64. N 2. 1988. Rec.: Lakoff. Women, fire, and dangerous things.
Langacker R. 1991a — Concept, image, and symbol: the cognitive basis of grammar. B.; N.Y. 1991.
Langacker R. 1991b — Foundations of cognitive grammar. V.II: Descriptive application. Stanford, 1991.
Langacker R. 1995 — Raising and Transparency // Language. V. 71. 1995.
Lakoff G., Johnson M. 1980 — Metaphors We live by. Chicago, 1980.
Lakoff G. 1987 — Women, fire, and dangerous things. What categories reveal about the mind. Chicago, 1987.
Lakoff G. 1988 — Cognitive semantics // U. Eco, M. Santambrogio, P. Violi (eds). Meaning and mental representations. Bloomington, 1988.
Lakoff G., Turner M. 1989 — More than cool reason: A field guide to poetic metaphor. Chicago, 1989.
Lakoff G. 1990 — The invariance hypothesis: is abstract reason based on image-schemas? // Cognitive linguistics. V. 1. N 1. 1990.
Lakoff G. 1991 — Metaphor and war: The metaphor system used to justify War in the Gulf // Engulfed in War: Just war and the Persian Gulf / Ed. by D. Hallet, Honolulu. 1991.
Lakoff G. 1993 — The contemporary theory of metaphor // Metaphor and thought / Ed. by A. Ortony. Cambridge, 1993.
Quinn N. 1991 — The cultural basis of metaphor // Beyond metaphor: the theory of tropes in anthropology / Ed. by J.W. Fernandez. Stanford, 1991.
Rosch E. 1973 — On the internal structure of perceptual and semantic categories // Cognitive development and the acquisition of language / Ed. by T.E. Moore. N.Y., 1973.
Rosch E. 1975 — Cognitive representations of semantic categories // Journal of experimental psychology. General, 1975.
Sandra D., Rice S. 1995 — Network analysis of prepositional meaning: mirroring whose mind — the linguist's or the language user's? // Cognitive linguistics. V. 6. 1995.
Smith M.B. 1987 — The semantics of dative and accusative in German: An investigation in cognitive grammar. Pr.D. dissertation. San Diego, 1987.
Sweetser E.E. 1990 — From etymology to pragmatics; metaphorical and cultural of semantic structure. Cambridge, 1990.
Tai J. H-Y. 1993 – Conceptual structures of Chinese spatial structures // CLS. 29. V. 2. The parasession. Chicago, 1993.
Talmy L. 1978. — Figure and ground in complex sentences // J.H. Greenberg et al., ed., Universals of human language. V. 4. Stanford. 1978.
Talmy L. 1983 — How language structures space // Spatial Orientation: theory, research, and application / Ed. by H. Pick and L. Acredolo. N.Y., 1983.
Talmy L. 1985 — Force dynamics in language and thought // Papers from the parasession on causatives and agentivity, at the Twenty-first regional meeting of the Chicago linguistic society. Chicago, 1985.
Wierzbicka A. 1980 — Lingua mentalis: the semantics of natural language. Sydney; N.Y., 1980.
Wierzbicka A. 1985 — Lexicography and conceptual analysis. Ann Arbor, 1985.
Wierzbicka A. 1988 — The semantics of grammar. Amsterdam; Philadelphia, 1988.
Wittgenstein L. 1953 — Philosophical investigations. N.Y., 1953.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 2 1996

© 1996 г. Т.М. НИКОЛАЕВА

ТЕОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЯЗЫКА И ЕГО ЭВОЛЮЦИИ — НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Настоящая статья посвящена очень быстро развивающемуся направлению лингвистики, которое, по ряду причин (а их мы попытаемся объяснить в конце) в нашем отечественном языкознании практически не прижились, хотя в последние годы и появились отдельные работы, но в основном с "нелингвистической стороны".

В 1866 г. Парижское лингвистическое общество прекратило принимать к рассмотрению исследования о происхождении языка и об истоках его развития. В 1975 г. вышло уже 15 000 публикаций по этому вопросу. И к 1992 г. общество LOS (Language Origins Society) насчитывало уже 200 официальных членов. Но настоящая история этого направления начинается примерно в 1980—1981 гг., когда в лингвистике были сформулированы — сразу в нескольких монографиях — вопросы, тут же осознанные как жгучие и требовавшие немедленной реакции. Общество LOS приводит ежегодные встречи — из последних можно назвать 9-й форум в С.-Петербурге, 10-й — в Беркли, 11-й — в Будапеште. Российские участники в этих встречах уже представлены. Энтузиастами LOS являются не только лингвисты, но и антропологи, философы, физиологи, палеоисторики и др. Более важно то, что в рамках LOS объединились две ветви науки, ранее достаточно отдаленные хронологическим мостом: теория (теории) происхождения человеческого языка и идеи, объясняющие механизм эволюционного развития уже сформировавшихся языковых систем.

Прежде всего необходимо сказать, что предлагаемый ниже обзор печальным образом неполон, что объясняется чисто библиографическими и экономическими трудностями общего характера, т.к. монографии и большие сборники 90-х поступают в минимизированном виде в наши отечественные библиотеки (и не только в наши). Как все-таки кажется, неполнота ссылок может быть возмещена попыткой проследить движение анализируемых идей, начиная с истоков 80-х.

Кроме того, следует отметить, что если о механизме языкового движения у автора обзора есть какие-то гипотезы и рассуждения (см. [Николаева 1991; 1993] и др., где излагается гипотеза о том, что язык развивается в сторону увеличения информации в единицу времени), то по поводу возможных теорий происхождения языка нет никаких соображений, поэтому в соответствующем месте приходится слепо идти за пересказываемой автором той или иной яркой идеей.

Несмотря на то, что, как сказано выше, LOS объединяет обе ветви языкового развития, все же целесообразно для нужд лингвистического издания их излагать раздельно. Кроме того, заслугой данного направления является живой интерес к некоей "промежуточной" ступени — между чем-то лингвоподобным у раннего человека и сформировавшимся языком Homo sapiens. Лучше всего этот период, называемый "Language origins" [Studies 1988; 1989 и др.], передать по-русски как исследования "истоков языка".

I. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА И ЕГО НАЧАЛЬНЫЙ ОБЛИК

Естественно, что на этом первом разделе напрашивается членение на три "подраздела": 1) КОГДА возникла человеческая речь? 2) КАК это произошло? 3) КАКОЙ была речь на первом ее этапе?

КОГДА возникла речь?

По этому вопросу существуют две точки зрения — креационистская (практически не обсуждаемая; по поводу нее можно упомянуть только обзор всего, что о речи говорится в Библии: ведь говорили и змей, и ангелы [Harrelson 1991]) и эволюционная.

Самые ранние предпосылки развития речевого аппарата находят у рыб (уже 300 000 лет тому назад) [Wind 1989; 1992], постепенная эволюция речевого аппарата идет, по Винду, от этой поры. Зачатки человеческого языка отмечают примерно на уровне от 200 000 до 100 000 лет назад, в эпоху Палеолита. В Среднем Палеолите, около 100 000 лет тому назад, произошел некий взрыв, скачок. По Ф. Либерману, он мог объясниться перенасыщенностью критической культурной массы [Lieberman 1989]. Б. Кьярелли [Chiarelli 1989] считает, что возникновение языка обусловлено латерализацией мозга гоминидов, в свою очередь связанной с началом использования и изготовления инструментов, в том числе каменных орудий и развитием в связи с этим мыслительно-созидающей деятельности (см. также [Ragir 1993]). Возникающую речь объясняют и через изменение респирации, и через подражание пению птиц. Однако все сходятся на том, что настоящий звуковой язык возник примерно на уровне 50 000 лет назад, в эпоху Среднего Палеолита, а то, что уже можно назвать языком в нашем понимании — где-то около 30 000 лет назад. Э. Паллиблэнк [Pulleyblank 1989] усматривает в этот период переход к произвольности языкового знака, обеспечившей дуальность языковой модели и развитие необходимой для языка символики. Ряд европейских ученых начинают вновь обращаться к теориям Я. Бёме о неслучайности связи звука и смысла; таким образом, произвольность языкового знака — это результат забвения первоначальной связи формы и содержания слова [Hafferland 1989]. Именно в это время происходит и скачок в человеческой популяции — от 2 млн. людей в период 30 000 лет до 6 миллионов за следующие 15 000 лет. Человеческие группировки (возможно, потенциальные базы древних диалектов) насчитывали от 175 до 400 человек. Язык неандертальцев, (а некоторые считают его не звуковым, а жестовым), видимо, исчез вместе с ними. Впрочем, Ф. Либерман и другие, основываясь именно на том факте, что неандерталец не владел звуковым языком, считали, что язык идет от жестов, т.е. восходит к неандертальцам (полемику с этим см. [Wiener 1984]).

Наиболее трудной для понимания оказывается эволюция языка от Homo erectus—erectus/sapiens—sapiens. Сводеш реконструирует 11 протоязыков примерно 25 000-летней давности. Неудачными оказались попытки выявить реальную дату знаменитой "Вавилонской башни". Местом зарождения языка и человека все больше начинают считать Африку (теория "черной Евы" [Bickerton 1990]).

Итак — естественно — единодушие ответа на вопрос КОГДА никак не соотносится с ключевым словом: ПОЧЕМУ?

КАК возникла речь?

Некое единство объясняющих теорий позволяет нам интерпретировать их как "теории параллельного коррелята"; Например, развитие языка — это результат развития эхолокации и акустической сенсорики ("Вполне можно считать верифицированным положение о том, что на ранних эволюционных этапах преимущество было за не-оптической сенсорикой, именно она помогала выжить" [Frundt 1993: 15]). Происходило три вида селекции: филогенетическая (т.е. естественный отбор, по Дарвину); онтогенетическая и культурная. Язык необходимым образом включал в себя все три вида селекций [Catania 1993]. Наконец, возникновение языка потребовало нескольких этапов развития символики: 1) осознание гоминидами самой возможности символа; 2) коллективное признание этих символов; 3) понимание условности этих символов, а вслед за этим и возникновение мысли (стали "думать о"); 4) эволюция моторики, миметическая имитация [Donald 1993]. Вообще развитие моторики считается важнейшим условием, в том числе и моторики артикуляторной; так, анатомия человеческих останков 40 000-летней давности говорит о том, что были две стадии эволюции ларинкса, полное развитие фаринкса осуществилось только на второй стадии.

Однако все чаще говорится об очень удобной для теории постепенности идеи языка как коллажа, так называемой "мозаичной эволюции" (mosaic evolution). Язык человека опирался на язык приматов, который был гораздо сложнее, чем это принято думать. Он не соотносим с коммуникативными возможностями современных обезьян-приматов. Р. Лэсс (о котором более подробно будет говориться далее) ввел особый термин для интерпретации "мозаичной эволюции" — "экзаптация" (exaptation). Это — термин эволюционной биологии, обозначающий функционирование как нового чего-то, уже ранее известного, но имевшего иную функцию. Таким образом, в языках всегда есть некий "bricolage" [Lass 1990].

КАКОЙ была проторечь (протоязык)?

Начнем с того, что протоязык был, по всей видимости, метафорическим. Сама протокоммуникация, вероятно, осуществлялась именно на метафорическом уровне [Lindgren 1991]. Метафора — это "зеркало человеческого мышления", ибо метафорическому способу мышления обучить невозможно. Эта мысль кажется очень важной, поскольку, очевидно, все ранние произведения традиционной культуры — загадки, пословицы и проч. строятся на постижении мира через сопоставление, т.е. через близкое к метафоре сравнение; в этом смысле примитивная культура далека от индуктивного и дедуктивного способа постижения.

О "грамматике" протоязыка в рассматриваемых работах не говорится, зато значительное число статей посвящено вопросу о том, какими были первичные единицы речеговорения.

Первичные формы языка, по мнению исследователей, если их специально суммировать, манифестируются в виде трех типов единиц, при этом все единицы являются первичными, минимальными — в пределах своего слоя.

Согласно одному подходу, язык реализовался в виде слогов, но эти слоги отчетливо делились на два класса — ударные и безударные. Ударные слоги — это такие, в которых заключалось важнейшее семантическое содержание (memorable speech), своеобразные "капсулы речи" [Payson Creed 1989: 44]. Например, капсула информации содержится в четвертой строке "Беовульфа": *Scyld—sceaf—sceafa*. Второй вид слогов — безударный. Таким образом, по мнению Пэйсона Крида, слог намного важнее звука при создании человеческой речи. Гоминиды стали людьми, именно изобретя слог (bitting sound).

Единицы первичного языка, по второй точке зрения, это фонестемы, т.е. комбинации фонов (как правило, консонантных), несущие некую диффузную семантику [Rolfe 1993]. Например, фонестема присутствует в приводимом ряде английских слов: *damp/swamp/dump/plump/dimple* [Rolfe 1993: 37].

Третий слой единиц — фонемы, возникшие из уже функционирующих частиц (партикул), утративших полностью или частично свою семантику. "Фонемы не были, таким образом, изобретены; они уже повсюду присутствовали как фонетические частички, с неким глобальным значением, чаще всего синтаксическим, но потом они стали выполнять двойную нагрузку. Базовые корни, как это показывает ряд реконструкций, были как правило, консонантными" [Studies 1989; 32].

На последнем слое хотелось бы несколько остановиться. Работая над частицами в славянских языках, я пришла в свое время к выводу о существовании базовых партикул с консонантной опорой и аллофонно варьирующимся гласным. Частицы эти выполняют текстово-коммуникативную функцию (выражая вопрос, определенность—неопределенность, отрицание и т.д.). Из этих партикул состоит коммуникативный пласт не только индоевропейских языков, но и языков "ностратической группы" (ср. в русском: *то-тъ; сь; здешний* < *сь-де-[Šь] -н-ий; и-бо; ли-бо; и-ли; и-же; да-же* и т.д.). Именно консонанты *F, S, T* Винд считает идеальными звуками человеческой перцепции [Wind 1991: 33]. Странным здесь кажется вот что: чтó же эти "синтаксические" по началу партикулы, из которых развились фонемы, могли ранее связывать, если знаменательные слова еще не могли сформироваться из-за отсутствия фонем? Иначе говоря, могли ли единицы актуализации возникнуть до слов референтной значимости? Этот напрашивающийся вывод является для меня загадочным.

В целом придерживаясь взгляда, что язык — "это просто одна из форм эволюционной адаптации", Д. Бикертон сформулировал общее различие естественного языка и протоязыка в специальной книге [Bickerton 1990]. Язык и протоязык различаются по следующим показателям: 1) в языке разные способы выражения имеют разные функции; в протоязыке допустима свободная вариативность; 2) в языке есть ноль, в протоязыке нет; 3) глагол в языке может быть поливалентен; 4) в языке есть специальные механизмы для развертывания "по правилам" предложений; 5) в протоязыке нет грамматики. В настоящее время протоструктуры характеризуют язык

обезьян, речь маленьких детей и пиджин-языки. По всей вероятности, мужской и женский способы речеговорения различались [Daniel 1991].

Итак, намечаются три ступени коммуникации при возникновении языка [Tomasello 1991: 85]: 1. Интенциональная коммуникация — Нижний Палеолит. 2. Коммуникация символическая — Средний Палеолит. 3. Собственно языковая коммуникация — Верхний Палеолит.

По-видимому, изначально протоязык был многозначен и расплывчат (abmigious) и ингерентно неясен [Lieberman 1984]. Более важен позитивный ответ на вопрос о моногенезе, связываемом с универсальной по своему устройству гомеостатичностью языка и вообще схожестью с биологическими моделями [Winter 1988: 262; Smillie 1991]. Впрочем, как пишет один из авторов, "Гипотезу о моногенезе языка невозможно ни доказать, ни опровергнуть" [Fidelholtz 1991; 99].

II. ПЕРЕХОД ОТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЯЗЫКА К ЕГО СТАНОВЛЕНИЮ. ТЕОРИИ ЕГО ЭВОЛЮЦИИ

Среди исследователей, о которых мы пишем, есть авторы очень ярких и многократно цитируемых теорий, каждая из которых может быть по возможности кратко презентирована. Согласно "теории красного мрамора" (red marble theory: наиболее подробное изложение этой теории [Key 1989: 68—70]), первичные морфемы функционируют как частички (particles), обслуживающие семантическую систему некоего одного языка; со временем они распространяются на язык уже развившийся или производный от первичного. "Все это напоминает большую сумку с разноцветными кусками мрамора, которая первоначально принадлежит только одному языку. Основной цвет мрамора — красный, и таких кусочков больше половины, остальные же — разных цветов. Куски мрамора смешиваются, а потом пригоршнями разбрасываются по различным направлениям. Каждый новый язык получает свою порцию. Поскольку именно красного цвета было много, то он есть у всех языков. Но если, например, в первосумке было мало бирюзового цвета, то, естественно, в ряде языков бирюзового и не будет". На самом деле в этой несколько необычной гипотезе скрываются и креационистские идеи, и идеи "мозаичной эволюции", и — что самое интересное — возможности ранних эволюционных тупиков.

Теория "невидимой руки" (invisible hand theory) связана с именем Р. Келлера [Keller 1985]. Ей посвящено значительное число позднейших толкований (см., в частности [Lüdtke 1989, Nerlich 1989 и др.]). Существуют даже визуальные (в виде рисунков-картинок) представления этой концепции. Теория "невидимой руки" считает языковые изменения процессами не-натуральными, т.е. не зависящими от человеческой интенции и не имеющими цели (purpose). Однако они определяются третьей серией феноменов, диктующихся именно человеческой деятельностью, иначе говоря, это не зависящий от общих усилий результат индивидуальных поведенческих актов. Итак, языковая эволюция ни естественна, ни спонтанна, ни телеологична. Она продукт нашей не имеющей дальней стратегии активности. Однако эта эволюция не может быть сопоставима и с биологической эволюцией и вот почему: в природе изменения абсолютно случайны, а в языке — нет. Все лингвистические инновации продуцируются по уже имеющимся моделям; при этом возможны их случайные взаимодействия (from simple random interaction).

В целом эту теорию, наиболее цитируемую до конца 80-х, можно считать переходным явлением от позитивистских убеждений середины века к телеологическим устремлениям его конца.

"Теория педоморфозиса, или теория ноотении" (Paedomorphosis theory; nooteny theory) принадлежит Б. Бичакжяну, одному из самых активных деятелей современного LOS, печатавшемуся во многих изданиях, в том числе и на страницах журнала "Вопросы языкознания", [Бичакжян, 1992] и строится на идее, что "врожденных моделей нет, но есть врожденные потенции" [Bichakjian 1989: 227; ср. Маковский 1992]. Идея эта формулируется довольно просто: язык движется в сторону ранее усвоенного,

отбрасывая приобретенное позднее и более сложное. Направление этого движения можно проследить по речи современного ребенка и увидеть, какие структуры ребенок предпочитает: "Разумным будет допущение, что эволюция языка есть таким образом результат движения назад, заложенного в наших генах" [Bichakjian 1988: 133]. Эти же идеи были повторены и совсем недавно: "Наблюдая за развитием языков с тысячелетней историей, я пришел к выводу, что человеческие языки последовательно заменяют те черты, которые детьми усваиваются позднее, на те, которые возникают в речи ребенка раньше" [Bichakjian 1993: 5]. Интересно то, что эта теория иллюстрируется автором реальными примерами. Так, в глагольном употреблении становится редким оптатив и уменьшается доля субъюнктива — категорий, формируемых сложным флективным образом. Некоторые глагольные конструкции последовательно, заменяются лексическими способами. Новая морфология обычно упрощает предыдущую парадигму. Вместо флексии часто появляются вспомогательные глаголы. Языки движутся в аналитическом направлении; существенную роль при этом играет синтаксическая семантика, во многом подменяющая семантикой позиции флективные способы. Ингерентные фонологические процессы идут в сторону более ранних фонетических систем. Упрощением является и уменьшение супплетивизма во всех его квалификациях: дети безусловно предпочитают суффиксацию аблауту. Левоориентированные синтаксические конструкции с более глубокими рангами подчинения заменяются на близкий к иконическому правоориентированный порядок. В соответствии с этой тенденцией причастные конструкции и инфинитивные обороты в речи уменьшаются, уступая место более "простому" паратаксису и гипотаксису.

Вокруг теории педоморфозиса разгорелось наибольшее число страстей. Одним из первых выступил Ф. Либерман, заявивший, что все данные человеческой эволюции в целом отрицают теорию ноотении и язык не может отличаться от остальных компонентов развития человека [Lieberman 1984: VII]. В последние годы с рядом активно возражающих Бичакжяну статей выступил один из ведущих деятелей LOS Я. Винд [Wind 1988; 1992].

Выходя за рамки беспристрастного обзора, которому в данном случае следовать очень трудно, можно тоже сказать в дискуссионном порядке несколько слов по поводу этой удивительной теории.

1. Во-первых, все приводимые автором л и н г в и с т и ч е с к и е иллюстрации убедительны и очевидны. Но кто сказал, что язык на раннем этапе был именно таким, каким он вырисовывается на фоне современной эволюции? По существу, все эти процессы отрицают тип "классического" флективного языка, т.е. древнегреческого, латыни, санскрита. Но и только.

2. Почему и на каком основании при определении первичного языка мы вообще имеем право ориентироваться на с о в р е м е н н о г о р е б е н к а, т.е. на существо, родившееся в конце XX в. и обладающее мозговой структурой, являющейся результатом сложнейшей эволюции? Ведь Homo sapiens отделен от этого ребенка по крайней мере 50 000 лет!

Однако в этой теории есть что-то — из-за ее упрощенности — соблазняющее. Так, например, слушая всевозможные теледиспуты и разного рода парламентские дебаты у нас сейчас, можно легко сделать вывод, что для русского языка "позднеусвоенным" и потому отбрасываемым является место ударения и "правильное" управление глагола. Но подобные выводы слишком легковесны, чтобы о них можно было говорить серьезно.

Пожалуй, эти три теории наиболее популярны. К сожалению, мне не удалось ознакомиться с явно интересными, судя по ссылкам, работами: E. Itkonen. Causality in linguistic theory. L.-Canberra; E. Itkonen. Short-term and long-term teleology in linguistic change. 1982; E. Itkonen. "On the rationalist" conception of linguistic change 1984 и др., также часто упоминаемыми. Несомненно одно: в лингвистической парадигме "яркие теории" вытесняют установки на методы описания.

Взрыв интереса языковедов к проблеме случайного/неслучайного, телеологического/спонтанного, аксиологического/не-аксиологического в языковом развитии можно отсчитывать с начала 80-х, когда вышли в свет две ставшие сразу популярными монографии: Р. Лэсса [Lass 1980] и книга Дж. Айчисона [Aitchison 1981]. Р. Лэсс провозгласил в качестве ведущего принцип у н и ф о р м и т а р н о с т и, т.е. иначе говоря, в языковом развитии не допускается какое-либо изменение, которое не было бы зафиксировано в типологии. "Не существует ничего (т.е. никаких событий, последовательности событий, комбинаций явлений, общих законов), что по каким-либо разумным причинам не могло бы существовать в настоящем, но было бы истинным для прошлого" [Lass 1980: 55]. И в более поздних работах Р. Лэсс повторяет этот тезис и тезис о том, что языковые изменения не подлежат рациональному объяснению. «Я не думаю, что языки — это "системы" в собственно техническом (т.е. системно-теоретическом) смысле, и что их, таким образом, можно удачно диахронически рассмотреть, даже если бы они и были таковыми» [Lass 1980: 89]. В другой работе Лэсс отмечает, что языковые изменения в принципе не подлежат объяснению [Lass 1987: 151]. Сходные мысли были высказаны и в почти одновременно вышедшей книге Айчисона: "Языковое изменение — прогресс или упадок?" По мнению Айчисона, сдвиги в языке могут иметь столь же разнообразные и случайные поводы, как и дорожные происшествия, а причины изменений так же загадочны, как мода носить три пуговицы на жакете в прошлом году и две — в этом. В изменениях языка есть что-то от Чайного приема у Безумного шляпочника у Л. Кэролла. "Смерть языка" никак не связана с его возрастом. Однако в конце книги (по существу, популярной по жанру) Айчисон допускает, что "все-таки всегда можно предположить, что язык развивается неким мистическим способом, который лингвисты еще не идентифицировали" [Aitchison 1981: 234]. К этим же критическим идеям присоединяется и известный историк синтаксиса Д. Лайтфут [Lightfoot 1981: 34]: «Было бы ошибочным иметь дело с той довольно ограниченной теорией грамматики, которая приводит к учету неких мистических условий, к телеологическому подходу, к памяти расы и подобным "объясняющим" принципам». Несколько позднее Д. Лайтфут повторяет упрек телеологам и эволюционистам в мистицизме, защищая от этого направления знаменитый "дрифт" (drift) Э. Сэпира: «Сэпир не предлагал считать drift неким объясняющим принципом, и потому его труды кардинально отличаются от более позднего "типологического" подхода: ему удается избежать эксплицитного мистицизма Лэкоффа, телеологических фантазий, обращения к так называемой памяти расы, которые претендуют на осмысленность в некоторых новых работах» [Linghtfoot 1984: 219]. И далее "Нет смысла работать с очевидно ограниченной грамматикой такого типа, которая ведет к неким мистическим условиям" [Lightfoot 1984: 234].

Однако все приведенные выше цитаты относятся к началу 80-х, а уже в 1984 г. компаративист нового поколения Т. Марки характеризует "девелопменталистов" самым положительным образом: "Они внесли в науку яркую инновацию. Им удалось выявить модели изменения языка, которые не являются ни таксонометрическими, ни чисто дескриптивными, но по сути своей являются инструментами интерпретации. Прежние же лингвисты вполне удовлетворялись, торгуя чистой воды описаниями" [Markey 1984: 68, 69].

КАКИЕ ПРОЦЕССЫ сопровождают языковую эволюцию?

Сторонники девелопментализма различают процессы, происходящие в языках умирающих, и процессы изменения в естественных языках.

Признаки умирающих языков выявляются и при социальном вытеснении и, напротив, при пиджинизации, т.е. при активном процессе.

Черты умирания: 1) перенасыщенность маркированных признаков в системе; 2) развивающаяся вариативность; 3) гиперрегулярность, приводящая к иррегулярности; 4) редукция морфологических систем [Campbell, Müntzel 1989: 186].

Все эти черты умирания относят к так называемым "ненормальным" процессам развития. Каковы же эти процессы в развитии языка вообще?

Наиболее известна классификация таких процессов историка языка и диахрониста Ч.-Дж. Бэйли, автора монографии начала 80-х о категориях Инь и Янь в языке [Bailey 1982]. Согласно Бэйли, изменения делятся на "естественные" и "нормальные" (natural/normal). Первый вид изменений квалитативен, второй — квантитативен. Так, например, смерть — явление естественное, но не нормальное. Есть и процессы connatural — когда происходит переворачивание маркированности; есть и процессы "противонормальные" (counternatural). Так, образование *sheep—sheeps* (мн. число) естественно, а *sheeps—sheep* — не естественно. "Кон-натуральный процесс" — *sheep—sheepren*. "Противо-натуральный" — *sheepren(s)—sheep* (мн. число). Таким образом, при пиджинизации и языковом вырождении имеют место процессы не-естественные и не-нормальные.

Ряд сторонников LOS связывает интересным образом определение процессов развития языка с развитием человеческого сознания и соответствующей фазы самой науки о языке. Так, А. Йонкер, один из соредакторов издания "Studies in language origins", считает, что сознание и саморефлексия всегда опережают языковое отражение этого процесса и тем самым языковые изменения можно предсказать, изолированно рассматривая происходящие сдвиги в человеческом сознании [Jonker 1989; 1993].

Оригинальную, но в сущности давно напрашивающуюся точку зрения на развитие языка находим в работе [Itkonen 1982]. А именно: развитие языка — это прототип для развития самой лингвистики: «В самом деле, если оба явления — изменения языка и развитие науки о языке вдохновлены одной и той же импульсивной силой, достаточно целесообразной и разумной, то языковые изменения естественно могут быть определены как "прототип" для развития соответствующей науки» [Itkonen 1982: 140].

Можно к этому добавить, что наука о языке, очевидно, развивается циклически, каждый раз начинаясь со звукового слоя, потом передвигаясь через морфосистемы к синтаксическим. Строго говоря, мы не знаем, так ли именно развивался язык или это м ы так экстраполируем это по нашим ментальным моделям? Ведь все больше и больше (см. об этом выше) раздается голосов в пользу того, что именно синтаксис сделал человека человеком!

СОЦИАЛЬНЫЙ ФАКТОР и языковое развитие.

Как ни кажется странным, в настоящем обзоре социальному фактору в трудах девелопменталистов, быть может, не стоит уделять много внимания именно потому, что этот фактор всеми признаваем и кажется ведущим. Поэтому в данном разделе можно было бы привести множество иллюстраций, что в данном случае не так интересно, как предлагаемая авторами новизна концепций. Укажем лишь некоторые точки зрения. В основном в трудах этого направления социальным компонентом занимается С. Ромэйн — автор и книг и статей на эту тему. Именно ей принадлежит мысль о том, что сами движущие силы и механизмы языковых изменений, которые мы наблюдаем и описываем в новейшее и новое время, совсем не таковы, какими они были во времена возникновения языка. Поэтому мы просто не имеем права делать какие то ни было выводы, опираясь на движущие факторы поздней истории Homo Sapiens [Romaine 1983: 345]. Само название работы С. Ромэйн — "Historical linguistics: progress or decay?" (разумеется, это полемическая перекличка с названием упоминавшейся книги Айчисона) — звучит весьма красноречиво.

Итак, широкое привлечение социального компонента в языковом развитии приводит и к отрицанию принципа у н и ф о р м и т а р н о с т и, и к отрицанию казавшегося много лет непреложным тезиса Е. Куриловича о том, что языковые изменения не должны интерпретироваться через гетерогенные для языковой системы явления. "То, что отличает наше поколение лингвистов от поколения времен Куриловича, — это понимание того, что социальные категории интегрированы в язык и никак не являются для него гетерогенными" [Andersen 1989].

IV. КРИТИКА ИНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ И ОТНОШЕНИЕ К НИМ

Как становится ясно из всего сказанного выше, бифуркальное деление языковедов происходило уже с давних времен. Проще говоря, различие определялось тремя критериями: 1) располагаются ли языки на разных ступенях эволюции, рассматриваемой телеологически, или мы можем утверждать аксиологическое равенство языковых систем всех времен и народов? 2) мог ли некий язык (языки) проходить через тупиковые состояния, современной типологией никак и нигде не засвидетельствованные (т.е. в нарушение принципа униформитарности)? 3) может ли развитие языковых систем определяться "внешними причинами" любого рода или это развитие чисто системное?

Разумеется, возможны разные комбинации ответов на эти вопросы. Девелопменталисты отвечают положительно на все три. Между тем, судя по публикациям последних лет, оказалось, что телеологическое-эволюционное направление в языкознании довольно прочно завоевывало свои позиции в Европе (преимущественно в Германии) 20-х и 30-х годов. Это направление было связано с социальными науками и с биологией — в аспекте гомеостатических колебаний. Имена наиболее ярких представителей — В. Хаверс, Э. Герман, В. Хорн и др. Близкими методологически они считали Свита, Пасси, Есперсена, представителей "пражской" школы. Однако на это направление с острейшей критикой обрушились Л. Блумфильд и А. Мартине. Перед войной телеологи уже как направление не существовали, хотя, как замечает А. Адамска-Салачак, написавшая о них специальную статью, "их телеологическая интерпретация до сих пор остается лучшим претендентом на тот вид решения, который мы так ищем" [Adamska-Sałaciak 1989: 73].

Выше говорилось о том, что эволюционисты обвиняются в телеологическом мистицизме. Между тем обвинения в мистицизме предъявляются и с их стороны. Объектом самой жестокой критики является Н. Хомский. Так, во вступительной статье "От редакции" к первому тому [Studies 1989] почти сразу же говорится о том, что Хомский "подменил перст Божий случайностью генетических вариаций" (с. XIII). Вина Хомского — в утверждении существования универсальной грамматики для всех времен и народов. Так, например, если хомскианец видит латинское *Galliam vicit* (без "он"), то он спокойно вставляет местоимение по правилу Pro(noun) Drop Rule [Studies 1989: XVII]. Именно мистической объявляет генеративную теорию Т. Марки [Markey 1984: 62], потому что теория Хомского не учитывает фактора времени, а время — это ведущий фактор человеческого бытия.

Естественно, что критике за отсутствие теоретического базиса (или за отсутствие попыток его обновления) вместе с Хомским подвергается и компаративистика, поскольку ее знаменитые представители — Э. Бенвенист, О. Семереньи и др. — тоже в какой-то мере подтвердили принцип униформитарности: «ничто в прошлой истории, никакая современная форма языка не могут считаться "первоначальными". Изучение наиболее древних засвидетельствованных языков показывает, что они в такой же мере совершенны и не менее сложны, чем языки современные» [Бенвенист 1974: 35]. Ср. также: "Можно, по-видимому, считать аксиомой, что индоевропейский праязык не мог обладать свойствами, которых нет ни у одного языка на земле" [Семереньи 1980: 154]. Претензии у членов LOS к компаративистике разнообразные. Так, высказывается убеждение в том, что поиск макросемей для языков начинает уходить во времена столь далекие, что без теоретической базы о сути истоков языка и ранней истории эволюции протоязыка эти попытки быть успешными просто не могут [Green 1993: 16]. Итак, компаративистику призывают к диалогу с исследователями происхождения языка: ср. характерное название статьи И. Хегедюш: "Linguistic reconstruction and language origins: will they ever meet?" [Hegedüs 1993]. Критикуются и основные базисные истоки компаративистики. Так, М. Кей, чье имя упоминалось в связи с теорией "красного мрамора", призывает лингвистов освободиться от "давящего ига индоевропеистской модели": ведь совпадение в грамматических показателях еще

никак не свидетельствует о несомненном языковом родстве [Key 1989: XIX]. К более внимательному отношению к исходным теоретическим основам призывает компаративистов и автор работы об Инь и Янь в языке Ч. Бэйли: "Настало время для сравнительно-исторического языкознания вернуться к рассмотрению ведущих теоретических принципов, к пересмотру использовавшихся доныне моделей и законов языкового развития [Bailey 1989: 3]. Компаративисты являются жертвами неверифицированной теории (victims of unexamined theory).

Однако компаративисты также начинают делать шаги к сближению с идеями LOS. За обновление сравнительно-исторических методов выступает К. Уоткинс [Watkins 1989]; в одном из последних изданий LOS А. Милитарев рассказывает о принципиально новаторских работах С.А. Старостина в сфере глоттохронологии, отличных от принципов М. Сводеша и определяющих алгоритм скорости развития базовых словарных единиц [Militarev 1993].

Итак, все изложенное, как кажется, предлагает некий новый путь (один из путей) развития современной лингвистики. Как кратко сформулировать идеи, кажущиеся стимулирующими?

Прежде всего — это настойчивое требование не удовлетворяться ответом на вопрос КАК?, но искать ответ на вопрос ПОЧЕМУ? Как пишет исследователь классических языков Т. Янсон: "Мы знаем, что итальянское *-а* у имени существительного восходит к лат. Nominativ, а окончание *-е* (mare) восходит к лат. Ablativ. Но сейчас мы должны уже понять, почему происходит такой именно выбор" [Janson 1982: 324]. Наконец, это внимательное отношение к социальному фактору.

Самое главное — это требование прежде всего, при выяснении вопросов языкового родства, сначала получить отрицательный ответ на следующий вопрос: не является ли этот языковой феномен манифестацией той или иной диахронической универсалии, например, обязательным этапом языковой эволюции?

Более того, за всеми прочитанными статьями этого направления (а, к сожалению, удалось ознакомиться лишь с частью публикаций) начинает мерцать ощущение, что на самом деле язык в своих истоках был не таким, каким мы м о ж е м его представить. "Наше знание об истории языка ограничено пределами нашей методологии... Всякая реконструкция предполагает конечную конвергенцию, а реальное развитие языков — это дивергенция" [Romaine 1982: 345].

Наконец, можно сказать несколько слов и о том, почему это направление как-то мало известно в нашей лингвистике и только теперь отечественные лингвисты начинают публиковаться в соответственных изданиях.

Дело в том, вероятно, что идеи общей по направленности языковой эволюции, попытки реконструировать палеоязыковое состояние, поиск того, какими были первичные (примарные) единицы и вообще идея таких единиц у нас связалась с комплексом марристских идей и тем самым стала неприемлемой. Это уже понимают и лингвисты за рубежом. Э. Хольман пишет: "Догматическая проработка взглядов Марра его последователями в конце концов привела к зарождению все еще распространенного взгляда, согласно которому эти вопросы не заслуживают серьезного рассмотрения в качестве действительно научных проблем" [Holman 1982: 135].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бенвенист Э. 1974 — Взгляд на развитие лингвистики // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.

Бичакжян Б.Х. 1992 — Эволюция языка: развитие в свете теории Дарвина // ВЯ. 1992. № 2.

Маковский М.М. 1992 — Лингвистическая генетика. М., 1992.

Николаева Т.М. 1991 — Диахрония или эволюция (об одной тенденции развития языка) // ВЯ. 1991. № 2.

Семереньи О. 1980 — Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.

Adamska-Sałaciak A. 1989 — On explaining language change teleologically // Studia anglica posnaniensia. XXII. 1989.

Aitchison J. 1981 — Language change: progress or decay? Bungay, 1981.

Andersen H. 1989 — Understanding linguistic innovations // Language change. Contributions to the study of its causes. B.; N.Y., 1989.

Bailey Ch.-J. 1982 — On the Jin and Jang nature of language. Ann Arbor, 1982.
Bailey Ch.-J. 1989 — Two true/false principles of language change // Indogermanische Forschungen. Bd XCIV. 1989.
Bichakjian B.M. 1988 — Nooteny and language evolution // The genesis of language. A different judgement of evidence. B.; — N.Y., Amsterdam, 1988.
Bichakjian B.H. 1989 — Language innateness and speech pathology // Studies in language origins. V. 1. Amsterdam; Philadelphia, 1989.
Bickerton D. 1990. Language and species. Chicago — L., 1990.
Campbell L., Müntzel M.C. 1989 — The structural consequences of language death // Investigating language obsolescence. Cambr. Univ. Press., 1989.
Catania Ch. 1993 — Three varieties of selection and their implications for the origins of language // Language origins Society. 9-th Meeting. Oranienbaum, 1993.
Chiarelli Br. 1989 — The origin of human language // Studies in language origins. V. 1. Amsterdam; Philadelphia, 1989.
Daniel H.-Y. 1991 — Are male and female Homo Sapiens selected for different auditory stimuli? // Studies in language origins. V. 2. Amsterdam; Philadelphia, 1991.
Donald M. 1993 — Precondition for the evolution of protolanguages // Language origins Society. 9-th Meeting. Oranienbaum, 1993.
Fidelholz J.L. 1991 — On dating the origin of the modern form of language // Studies in language origins. V. 2. Amsterdam; Philadelphia, 1991.
Frundt H. 1993 — Speech origin research: semiotic and linguistic indications from echo location among animals // Language origins Society. 9-th Meeting. Oranienbaum, 1993.
Green R.D. 1993 — The question of transphyletic linguistics // Language origins Society. 9-th Meeting. Oranienbaum, 1993.
Hafferland H. 1989 — Mystische Theorie der Sprache bei Jacob Böhme // Theorien vom Ursprung der Sprache. Bd. 1. B.; N.Y. 1989.
Harrelson W.J. 1991 — The origin of language according to the Bible // Studies in language origins. V. 2. Amsterdam; Philadelphia, 1991.
Hegedüs I. 1993 — Linguistic reconstruction and language origins research: will they ever meet? // Language origins society. 9-th Meeting. Oranienbaum, 1993.
Holman E. 1992 — On the historical continuity of linguistic systems // Current issues in linguistic theory. V. 21. Amsterdam, 1982.
Itkonen E. 1982 — Change of language as a prototype for change of linguistics // Current issues in linguistic theory. V. 21. Amsterdam, 1982.
Janson T. 1982 — Description and explanation in historical linguistics // Current issues in linguistic theory. V. 21. Amsterdam, 1982.
Jonker A. 1989 — On the origin of language and selfconsciousness // Studies in language origins. V. 1. Amsterdam; Philadelphia, 1989.
Jonker A. 1993 — How does language evolve? // Language origins Society, 9-th Meeting. Oranienbaum, 1993.
Keller R. 1985 — Towards a theory of linguistic change // Linguistic dynamics, discourses, procedures and evolution. B. — N.Y., 1985.
Key M.R. 1989 — Language origins and the RED MARBLE theory // Studies in language origins. V. 1. Amsterdam; Philadelphia, 1989.
Lass R. 1980 — On explaining language change. Cambr., 1980.
Lass R. 1987 — Language, speakers, history and drift // Explanation and linguistic change. Amsterdam; Philadelphia, 1987.
Lass R. 1990 — How to do things with junk: exaptation in language evolution // Journal of linguistics. V. 26. № 1. 1990.
Lieberman Ph. 1984 — The biology and evolution of language. Cambridge. (Mass.); L., 1984.
Lieberman Ph. 1989 — The new investigations on language evolution // Studies in language origins. V. 1. Amsterdam; Philadelphia, 1989.
Lightfoot D. 1981 — Explaining syntactic change // Explanation in linguistics. The logical problem of language acquisition. L.; N.Y., 1981.
Lightfoot D. 1984 — Explaining syntactic change // Explanations for linguistic universals. N.Y.; Amsterdam, 1984.
Lindgren L.Cl. 1991 — On metaphoric communication as the original protolanguage // Studies in language origins. V. 2. Amsterdam; Philadelphia, 1991.
Lüdtke H. 1989 — Invisible-hand processes and the universal laws of language change // Language change. Contributions to the study of its causes. B.; N.Y., 1989.
Markey T.L. 1984 — Change typologies // Балканско езикознание. 1984. XXVII. 4.
Militarev A. 1993 — Human language as a Bi-Natural phenomenon // Language origins Society. 9-th Meeting.Oranienbaum, 1993.

Nerlich B. 1989 — Elements for an integral theory of language change // Journal of literary semantics. XVIII/3. 1989.
Nikolaeva T. 1993 — The foundations of language evolution and actual issues of diachronic linguistics // Language origins Society. 9-th Meeting. Oranienbaum, 1993.
Payson Creed R. 1989 — A student of oral traditions looks at the origins of language // Studies in language origins. V. 1. Amsterdam; Philadelphia, 1989.
Pulleyblank E. 1989 — The meaning of duality of patterning and its importance in language evolution // Studies in language origins. V. 1. Amsterdam; Philadelphia, 1989.
Ragir S. 1993 — The development of stone tool technologies and the structure of thought // Language origins Society. 9-th Meeting. Oranienbaum, 1993.
Rolfe L. 1993 — Phonesthemes as primary word forms // Language origins Society. 9-th Meeting. 1993.
Romaine S. 1982 — The reconstruction of language in its social "context": methodology for a sociohistorical theory // Current issues in linguistic theory. V. 21. Amsterdam, 1982.
Romaine S. 1983 — Historical linguistics and language change: progrees or decay? // Language in society. V. 12. № 2. 1983.
Smillie D. 1991 — Desiderata for an evolutionary account of the origins of language // Studies in language origins. V. 2. Amsterdam; Philadelphia, 1991.
Studies 1989 — Studies in language origins. V. 1. Amsterdam; Philadelphia, 1989.
Tomasello M. 1991 — Processes of communication in the origins of language // Studies in language origins. V. 2. Amsterdam; Philadelphia, 1991.
Watkins C. 1989 — New parameters in historical linguistics, philology and culture history // Language. V. 65. № 4. 1989.
Wiener L.F. 1984 — The evolution of language: a primate perspective // Word. V. 35. № 3. 1984.
Wind J. 1983 — Primate evolution and the emergence of speech // Glossogenetics. The origin and evolution of language. L.; P.; Utrecht; N.Y., 1983.
Wind J. 1988 — Language evolution and pedomorphosis // The genesis of language. A different judgement of evidence. B.; N.Y.; Amsterdam, 1988.
Wind J. 1992 — Speech origin: a review // Language origin: a multidisciplinary approach. Dordrecht; Boston; L., 1992.
Winter W. de 1988 — Behavioral flexibility and the evolution of language // The genesis of language. A different judgement of evidence. B.; N.Y.; Amsterdam, 1988.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 2 1996

© 1996 г. Ф. ПЛАНК

КОЛЛЕКЦИЯ УТВЕРЖДЕНИЙ О КОРРЕЛЯЦИИ ЗВУКА И ЗНАЧИМОЙ ФОРМЫ*

1. ВСЕ ВЗАИМОЗАВИСИМО И НИЧТО НИ ОТЧЕГО НЕ ЗАВИСИТ

Типология, если определять ее негативно, имеет дело главным образом с опровержением вечно популярного предположения, что языки — в разных традициях рассматриваемые как механизмы, организмы или просто структуры — суть *системы, в которых* ***все*** *взаимозависимо*. Задача типологии — отделить зерна от плевел, если считать, что плевелы — это те элементы языка, которые привносятся в него либо по воле случая, либо по законам холодной логики. К сожалению, заранее трудно сказать, достаточно ли зерен останется для прокорма после обмолота. При таком взгляде на типологию как на опровержение, успех несомненно является профессиональным риском для типологов: если успех полный, то они вернутся с работы с пустыми руками, не имея ничего в своих сумах, кроме скромной истины, что языки — это *системы, в которых* ***ничто*** *ни от чего не зависит*, не считая тех связей между составными частями языка, которые диктуются законами логики (типа взятого наугад примера: "Если в языке имеется такой тип составляющих, как именная группа, то в нем имеется в составе класса слов класс существительных").

В последнее время систематики часто ограничивали себя поиском или, наоборот, отбрасыванием за ненадобностью взаимозависимостей изменяющихся сущностей в сфере синтаксиса, морфологии или фонологии. Что касается **меж**уровневых взаимозависимостей, то синтаксис и морфология считались единственными претендентами, действительно могущими дать материал для типологии. Взаимозависимости между звуковой структурой с одной стороны и словом, фразой, клаузой, предложением и текстом или дискурсом — с другой, были тем, за что ортодоксальная типология предпочитала не браться, как будто учитывая совет доктора Джонса: что «звуки слишком изменчивы и трудно уловимы для того, чтобы наложить на них ограничения законов; "заковать" слоги и подхлестнуть ветер — задачи, за которые можно взяться исключительно из гордости, не соизмеряя желания со своими возможностями».

Тем не менее, желание связать фонологические параметры межъязыкового варьирования, с одной стороны, и морфологического и синтаксического варьирования — с другой, поддержанные всеохватывающими господствующими принципами механистической, органистической и структурной лингвистики, снова и снова оказывается непреодолимым для все большего числа искателей приключений. И в самом деле, поистине впечатляет число утверждений, выдвинутых в течение последних 250 лет, часто повторно, но независимо друг от друга. Речь идет о звуковых инвентарях, о звуковой форме слога, о морфеме, о слове, о конкретных фонологических или морфологических правилах тона и ударения, о ритмических и просодических моделях как находящихся в систематическом взаимоотношении с морфологическими и синтаксиче-

* Исправленная и расширенная версия доклада, прочитанного на конференции "Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы" (Москва, 1—4 февраля 1995).

скими переменными [сепаратистский vs. кумулятивный (агглютинативный vs. флективный) способ выражения, сложность грамматических единиц, порядок морфем, слов и составляющих].

Моя скромная цель здесь заключается в следующем: каталогизировать, упорядочить несистематизированные, разбросанные утверждения о таких межуровневых взаимозависимостях, которые мне удалось собрать. Поскольку я собирал эти утверждения лишь ради удовольствия, я предвижу, что этот каталог нужно будет время от времени обновлять, — хотя я был бы удивлен, если единицы, которые нужно будет добавлять, будут сильно отличаться от уже фиксированных. Но я никоим образом не умаляю стараний дерзких смельчаков, пока незнакомых мне, кто был или остается уверенным, что *все взаимозависимо,* вплоть до того, что, например, количество гласных фонем неким образом коррелирует с количеством падежей, или что морфологическое выражение в глаголе категории времени предполагает, что падежный суффикс комитатива совпадает с союзом *и,* за исключением случаев, когда он подвержен правилу гармонии гласных.

Систематизирование гипотетических взаимозависимостей не замыкается само в себе, но служит своего рода напоминанием о той главной работе, которую еще предстоит типологии выполнить. Естественно, подобные гипотезы немного стóят, пока они должным образом не опровергнуты или подтверждены, в зависимости от той или иной точки отсчета. Важно выяснить, что *служит философской точкой отсчета:* организованы ли языковые сущности систематично или случайно. Как хорошо известно, лишь некоторые взаимозависимости, предложенные в печати, меж- или внутриуровневые, были методично проверены на большом и разнообразном количестве примеров, с тем, чтобы типологи имели больше уверенности в том, ошибочны или истинны они как законы языка или даже как статистические обобщения. Менее известно, что (возможно, исключая гринберговские импликации о порядке слов), истинное число и разнообразие более или менее обоснованно обсуждаемых взаимозависимостей весьма велико, даже в такой запретной области, как ковариация звука и значимой формы.

Здесь не будет предпринята попытка прокомментировать эмпирическую вероятность или другие свойства каталогизируемых единиц в свете языков, из которых они выводятся или же в свете более адекватных выборок. Эту задачу, среди прочих, я оставляю создателям Регистра Импликаций "Лингвистической типологии" — нового журнала Ассоциации Лингвистической Типологии (АЛТ), которым должно быть интересно переработать такое разнородное зерно с тем, чтобы оценить возможность зерна быть отделенным от плевел.

[По такому же принципу создан каталог — EUROTYP. Noun Phrase Group's. Noun Universals Archive Дж. Хэрфорда и С. Кэрби, доступный как EUROTYP Working Paper VII/26 (1995).]

2. ВЕЛИКИЕ НАДЕЖДЫ

Принимая во внимание знаменитость нижеследуемого пассажа [Plank 1991], начинать следует исходя из предпосылки, что действительно есть нечто, что нужно каталогизировать в первую очередь:

(1) Любой язык есть система, все части которой органично согласуются и взаимодействуют. Есть ощущение того, что это целое изменилось бы, если хотя бы одна из его составных частей отсутствовала или же была бы другой. Я думаю о характеристиках структуры слова и структуры предложения, о предпочтительности или же невыраженности тех или иных грамматических категорий. Но можно и, на самом деле, нужно также исчислить взаимоотношения между всеми этими характеристиками и звуковыми сущностями.

Это отрывок из работы Г. фон дер Габеленца "Языкознание: Задачи, методы и текущие результаты" [Gabelenz 1901: 481]. Мне не известны более детальные пред-

положения фон дер Габеленца по поводу того, как звуковые параметры должны соотноситься с грамматическими, и я сомневаюсь, что он вывел хотя бы некоторые соотношения с той методической строгостью, какой он сам требовал от типологического подхода в своем программном заявлении.

3. ДЛИНА И ПОРЯДОК СЛОВ

Еще задолго до исследований Габеленца более конкретной темой явился вопрос о возможной корреляции длины слова, измеряемой слогами, и порядка слов. Этой темой, среди прочих, занимался неизвестный шотландский ученый (возможно, это сам издатель В. Смели, который освещал лингвистические вопросы для первого издания Британской энциклопедии) [Anonymos 1771]:

(2) Слова обнаруживают тенденцию иметь более одного слова в транспозитивных языках (в языках со свободным порядком слов) и моносиллабичны в аналоговых (SVO) языках.

Однако связь, проведенная безымянным ученым между звуком и синтаксисом, не такая прямая: транспозитивные языки обычно богаты словоизменительными аффиксами, как при именах, так и при глаголах, и эти морфологические "прилепы" считались за увеличение длины таких слов. Ученый, очевидно, считал неизменным то, что словоизменительные морфемы являются (минимально) слоговыми и что слова без словоизменительных аффиксов имеют длину, равную одному слогу.

4. ДВОЙНАЯ АРТИКУЛЯЦИЯ, В УПРЯЖКЕ ЦУГОМ

Ранее, поскольку термин "артикуляция" применялся по отношению к звуку (или "материи") и к значимой форме, довольно распространенной была гипотеза о соответствиях артикуляций на этих двух уровнях. На заре типологии, когда этот вопрос пользовался большой популярностью, особенно в просвещенной Франции и Шотландии [Plank 1992], наиболее активно занимался сбором фактического материала о таких соответствиях и наиболее целеустремленно подходил к вопросу о их системном устройстве Дж. Бэрнет, более известный как Лорд Монбоддо (эксцентричность которого порой преувеличивали [Plank 1993]).

(3) Размеры материальной артикуляции, в частности, в отношении с (a) развитости звуковых систем, (b) сложности слоговых структур, (c) длины слова, (d) акцентной дифференциации (противопоставленной неартикулированным модуляциям тона) коррелирует с размерами формальной артикуляции, в частности, в отношении (a) дифференциации частей речи, (b) развитости словоизменительных и словообразовательных систем, (c) аналитического синтаксиса (противопоставленного менее артикулированному полисинтезу) (резюмировано на материале [Burnett 1773—1792, 1779—1799]).

Многие из взаимосвязанных явлений, затронутых Дж. Бэрнетом, с теми или иными вариациями повторялись в последующие века, включая наш собственный, и их удачам и неудачам мы уделим в дальнейшем особое внимание.

5. СОГЛАСНЫЕ, ГЛАСНЫЕ, ОБРАЗ ЖИЗНИ И МЫШЛЕНИЯ

Конечно, Дж. Бэрнет признал бы его Преподобие Дж. Бирна, ирландца, самым близким по духу из своих последователей в XIX веке, который мы не обойдем вниманием, прежде чем перейдем к нашему времени.

Бирн установил совместно встречающиеся вариации как методом дедукции, так и индукции, опираясь на материал большого количества языков, культур, типов национального или расового темперамента, и его открытия включали ковариации множества структурных признаков как между самими собой, так и в сочетании с образом жизни и мысли. Среди структурных признаков, выведенных Бирном, были и относящиеся к "фонезису":

(4) (a) Произнесение согласных с сильным придыханием, исходящим из груди (аспирант, аффрикат или гуттуральных согласных), соответствует целенаправленности языкового сообщества.
(b) Напряженность и полное произнесение согласных соответствует трудолюбию и активности соответственно, тогда как легкая жизнь и лень влекут за собой мягкие и нечетко произносимые звуки.
(c) Неограниченная сочетаемость согласных в консонантных кластерах свидетельствует о многосторонности взглядов, ограничения на такие сочетания — об упорстве.
(d) Преобладание согласных (более приспособлено для представления идей в сознании говорящего) над гласными (более приспособлено для перемещения этих представлений в сознание слушающего) соответствует вдумчивости, тогда как преобладание гласных над согласными — несерьезности и болтливости [Byrne 1885].

Вообще все эти признаки характеризуют степень быстроты или медлительности ментальной возбудимости, которая, согласно Бирну, имеет наибольшее влияние на все мыслимые аспекты структуры языков — порядок слов и аффиксов, согласование, инкорпорацию, грамматические отношения, такие как: субъект, морфологические средства выражения, признаки классов слов, категории лица, числа, рода, залога, времени, наклонения. Нетрудно вообразить, как этнофизиологические параметры, такие как целеустремленность, трудолюбие, многосторонняя развитость, болтливость, и благоприятствующие им уклады жизни, в свою очередь соотносятся с ментальной возбудимостью.

6. ПЯТЬ ДОСТАТОЧНО ИСЧЕРПЫВАЮЩИХ КОНСТРУКТОВ

6.1. Одну из наиболее заметных попыток последнего времени в системной и холистической типологии предпринял В. Скаличка. Скаличка постулировал идеальные типы полисинтеза (или словосложения — тип, определенный им довольно необычно, с учетом материала китайского языка), агглютинации, флексии, интрофлексии и изоляции (или аналитизма). Эти пять типологических конструктов, по мнению самого Скалички, редко, если вообще, когда-либо достижимы реальными языками (обычно объединяются ингредиенты различных типов с превалированием одного из них). И эти конструкты должны быть охарактеризованы рядом особенностей в области звуков, а также в морфологии и синтаксисе.

Мое описание этих пяти типов в табл. 1 наиболее детально, как и у Скалички, представлено для агглютинации и флексии, хотя необязательно, что и здесь их описание является исчерпывающим.

Хотя основной акцент в системе Скалички делается на морфологию, взаимозависимости, которые он выводит между морфологией, синтаксисом и звуковой структурой, предполагаются как "взаимно поддерживаемые"; так, выражаясь не вполне строго, это, скорее всего, корреляции, чем односторонние импликации.

6.2. Прямо или косвенно, кусочки и осколки сооружения из взаимно поддерживаемых параметров Скалички уже неоднократно использовались. Естественная морфология помогла себе таким образом в создании типологического компонента:
(5) Во флективных и интрофлективных языках слова обнаруживают тенденцию иметь длину в два-три слога (что считается оптимальной длиной с точки зрения обработки таких единиц), в агглютинативных и инкорпорирующих языках длина слова больше, в изолирующих меньше.
(6) Словоизменительные аффиксы в агглютинативных языках больше по длине, чем во флективных языках.
(7) Словообразовательные аффиксы в агглютинативных языках имеют более сложную силлабическую структуру, чем во флективных.
(8) В то время как в языках агглютинативного типа фонологическая структура аффиксов очень схожа со структурой корня, в языках флективного типа аффиксы значительно отличаются от структуры корня: они намного короче, структурно проще и более единообразны, по сравнению с аффиксами агглютинативного типа.

Таблица 1

(Приводится по [Skalička 1979; см. также Skalička 1958; 1964; 1975])

полисинтез	*агглютинация*	*флексия*
небольшое количество отсутствие аффиксации	более чем один словоизменительный аффикс на слово	обычно 1 словоизменительный или аффикс на слово
	сепаратистские экспоненты	кумулятивные экспоненты
	экспоненты одной категории сочетаемы	экспоненты одной категории несочетаемы
	отсутствие словоизменительной *синонимии* (*единообразность* словоизменения)	словоизменительная синонимия (словоизменительные классы)
	отсутствие или небольшое количество словоизменительной омонимии	много словоизменительной омонимии
	базисные парадигматические категории всегда немаркированы	базисные парадигматические категории маркированы специальным показателем
	богатое словоизменение	не настолько богатое словоизменение
функциональные и полнозначные слова недостаточно хорошо отграничены	функциональных слов мало (по сравнению с аффиксами)	много функциональных слов (по сравнению с аффиксами)
отсутствие словообразования	богатое словообразование словообразование недостаточно хорошо отграничено от словоизменения отсутствие именных классов/родов	не такое богатое словообразование словообразование хорошо отграничено от словоизменения именные классы/роды
словосложение вместо подчинительных предложений	преимущественно нефинитные подчинительные конструкции (номинализации)	преимущественно финитные подчинительные предложения
классы слов слабо разграничены, если вообще выделяются	классы слов недостаточно хорошо разграничены	классы слов хорошо разграничены
	базисные конструкции *предложения* разнообразны	единая базисная конструкция предложения
строгий порядок слов	относительно строгий порядок слов	относительно свободный порядок слов
немного грамматического маркирования, если оно вообще есть	маркирование составляющей (поэтому нет внутрифразового согласования)	маркирование слова (поэтому внутрифразовое согласование)
	аффиксы свободно прикрепляются	аффиксы сливаются с корнем
	очевидны границы морфем	границы морфем не ясны
лексемы и граммемы едва различимы	лексемы и граммемы имеют недостаточно различимую форму	лексемы и граммемы имеют ясно отличимую форму
формативы силлабичны	аффиксы силлабичны	экспоненты часто несиллабичны
отсутствие или небольшое количество морфонологических чередований	отсутствие или небольшое количество морфонологических чередований (включая умлаут)	много морфонологических чередований
	гармония гласных	
отсутствие супплетивизма	отсутствие супплетивизма	супплетивизм

Таблица 1 (окончание)

полисинтез	*агглютинация*	*флексия*
богатые системы гласных	богатые системы согласных	богатые системы гласных
гласно-консонантная пропорция высока в текстах	гласно-консонантная пропорция высока или не так высока в текстах	гласно-консонантная пропорция высока в текстах
нет сложных стечений согласных	сложные стечения согласных	небольшое количество сложных стечений согласных
корни короткие, даже односложные	корни короткие или отсутствие сложных стечений согласных и корни более длинные	
тоны	тоны возможны	
интрофлексия	*изолирование*	
маркирование внутри корня	отсутствие или небольшое наличие словоизменения (аффиксация или внутреннее маркирование)	
	слова короткие, поскольку одноморфемны	
	небольшое количество словообразования, если вообще оно есть	
словообразование плохо отграничено от словоизменения		
	много функциональных слов	
классы слов хорошо разграничены	классы слов не так хорошо разграничены	
	финитные придаточные предложения	
	строгий порядок слов	
маркирование слова	маркирование составляющей	
лексемы и граммемы имеют четко различимую форму	лексемы и граммемы имеют недостаточно хорошо различимую форму	
	формативы силлабичны	
богатые системы согласных	богатые системы гласных	
	гласно-консонантная пропорция не особенно высока в текстах	
сложные стечения согласных	мало сложных стечений согласных	
	корни короткие, часто односложны	

(9) Обычно, агглютинативные языки, где корни и аффиксы связаны друг с другом свободнее, чем во флективных и интрофлективных языках, используют сингармонизм гласных маркирования морфем, которые относятся к тем же формам слова, (т.е. если имеет место гармония гласных, то имеет место и агглютинативная морфология, но не обязательно наоборот).

(10) Обычно, в агглютинативных языках немного алломорфных или морфонологических правил (отличных от сингармонизма), нарушающих морфотактическую прозрачность.

(11) В агглютинативных языках при небрежной или быстрой речи наблюдается меньше фонологических сокращений, фузий и ослаблений, чем во флективных. Это происходит по причине недостатка синтаксической избыточности выражения, связанной с отсутствием (внутрифразового) согласования (правила (5)—(11) извлечены из [Dressler 1985] в адаптированном виде).

7. ЗВУК И СМЫСЛ, РАБОТАЮЩИЕ НАЗАД И ВПЕРЕД

В традиции Скалички определенные (морфо)фонологические правила, в частности, гармония гласных, рассматривались как связанные с жесткостью или слабостью морфологической связи и мотивированные ею. В схеме В. Лемана, который согласен с взаимозависимостями, выведенными Скаличкой, как видно из табл. 2, основной упор был сделан на направленность таких правил, и предполагалось, что относительный линейный порядок обусловливающих и обусловливаемых элементов звуковой структуры весьма образно отражает линейный порядок в морфологии и синтаксисе, где основная пара модификатор-модифицируемое суть объект и глагол.

Таблица 2

(Резюмировано на материале [Lehmann 1973; 1978a; 1978c; 1978d; 1978e])

(S)OV и порядки подобного типа	(S)V(S)O и подобные порядки следования
суффиксы	префиксы
агглютинация (т.е. отдельные экспоненты, не так тесно слитые с корнем	флексия (т.е. кумулятивные экспоненты слитые с корнем)
гармония гласных (прогрессивная)	умлаут (регрессивный)
немного других фонологических правил (в основном прогрессивные)	многочисленные другие морфонологические правила (в основном регрессивные)
структура слога простая	структура слога сложная
музыкальное ударение	динамическое ударение
подсчет мор	подсчет слогов

Что касается отношений между (морфо)фонологическими правилами, действующими в противоположных направлениях, и расположения "модифицирующий—модифицируемый" в синтаксисе, то они мыслятся, скорее, как односторонние импликации, а не корреляции, в соответствии с предложением о всеопределяющем влиянии способов упорядочивания объекта и глагола — "VO-языки благоприятствуют умлауту, OV-языки — гармонии гласных" [Lehmann 1978a: 113].
(12) Если в языке наличествует гармония гласных и, возможно, другие прогрессивные фонологические модификации, то основной порядок слов — OV, но не наоборот; если в языке наличествует умлаут и, возможно, другие регрессивные/антиципирующие фонологические модификации, то основной порядок слов — VO, но не наоборот.

8. РИТМ И ПРОЗА

8.1. Излюбленным для Лемана образцом OV-языка явился японский язык, язык с подсчетом мор (таких языков насчитывается совсем немного по сравнению с языками, где ведется подсчет ударений или слогов), который заставил его задуматься о потенциальной типологической значимости ритмических различий между языками. Некоторые другие схемы — в какой-то степени развившиеся независимо друг от друга, но включившие в себя подмножества элементов, с которыми мы уже встречались и возможно добавляющие некоторые другие, обыгрывают такого рода ритмические или просодические характеристики. Основная идея здесь — это то, что ритмическая организация не есть что-то специфичное для поэтического языка, она фундаментально структурируют и обычный язык, причем на всех уровнях.

8.2. Хотя основной задачей работы Ш. Балли [Bally 1944] являлось подтверждение соссюровского принципа, что "в системе все взаимосвязано" [Bally 1944, § 8], Балли осознавал, что некоторый недостаток поверхностной гармонии в реальных лингвистических системах нельзя полностью исключать. Поскольку противостоящие силы, которые образовывают лингвистические структуры, редко находятся в совершенном равновесии, то языки подвержены постоянному изменению и разного рода влиянию других языков. Тем не менее Балли был убежден, что в основе всего лежит сильное *стремление к гармонии* и, в частности, к параллельному функционированию грамматики и фонологии в отношении линейного упорядочивания сильных и слабых элементов, что отражено в табл. 3.

Таблица 3

(обобщение из работы [Bally 1944], в особенности часть 2)

	прогрессивный порядок	*антиципирующий порядок*
порядок значимых элементов:	определяемый-определяющий	определяющий-определяемый
	N Adj	Adj N
	N Gen	Gen N
	VO и т.д.	OV и т.д.
	граммема-лексема топик-комментарий (или субъект-предикат)	лексема-граммема комментарий-топик (или предикат-субъект)
составляющие:	непрерывные	возможны разрывные (цепочечные или обрамляющие конструкции)
синтаксическое маркирование:	управление	согласование
морфосинтаксис	более аналитичен; с небольшим словоизменением и много функциональных слов	более синтетичен; много словоизменения и немного функциональных слов
словесное ударение:	финальное	начальное
ударение на составном слове:	*финальное*	начальное
фразовое ударение:	финальное (*окситон* — с сильным ударением на последнем слоге: слабее-сильнее)	*начальное* (баритон — с сильным ударением на первом слоге: сильнее-слабее)
форма слога:	предпочтительно CV (т.е. высшая точка предпочтительна финальная)	предпочтительно CVC, CVV (т.е. пик не финальный, нет коротких открытых слогов)
	мало стечений согласных	сложные стечения согласных
длина слога:	*длина более или менее одинаковая*	*маркированный контраст краткий-долгий*
вокализм:	монофтонгический (или также восходящие дифтонги)	дифтонгический (падающий)
порядок слов:	короткие предшествуют длинным	длинные предшествуют коротким

Балли считал чрезвычайно важным, предпочитает ли язык прогрессивный или антиципирующий (или регрессивный) порядок, поскольку прогрессия и антиципация, как он определил эти противоположности, являются общими структурирующими принципами, управляющими последовательным упорядочиванием единиц на всех лингвистических уровнях. [По мнению Балли, прогрессия отвечает потребностям слушающего, облегчая обработку и интерпретацию по принципу простого следования элементов, когда определяемый элемент естественно предшествует определяющему, в то время как

предварение (или антиципация) более удобно для говорящего, поскольку дает волю непринужденной интерпретации, когда элементы, которые необходимы для понимания других элементов, предшествуют последним, а не наоборот.]

Центральным моментом в его межуровневой типологии было предположение о параллелизме между ритмом мышления и ритмом звучания [Bally 1944, § 315]: семантически сильные или коммуникативно весомые элементы (такие как лексемы по сравнению с граммемами или определяющие по сравнению с определяемыми) склонны привлекать основной акцент в морфологических или синтаксических конструкциях.

В то время как данная Балли характеристика прогрессии и антиципации во многом основана на сравнении современного французского и немецкого, аналогичное исследование В. Вартбурга [Wartburg 1943: 164—180] опиралось, с одной стороны, на современный французский и, с другой стороны, на романские родственные языки (особенно итальянский и испанский) и ранние стадии французского. Благодаря этому появилось дополнение к схеме Балли в виде нескольких фонологических и морфосинтаксических свойств, которые якобы являются столь же специфичными. Они перечислены в таблице 4.

Таблица 4

(приводится по [Wartburg 1943])

порядок:	определяемый-определяющий граммема-лексема (в частности префиксы)	определяющий-определяемый лексема-граммема (в частности суффиксы)
ударение (словесное, фразовое, в клаузе):	окситон — с сильным ударением на последнем слоге	не окситон — ударение не на последнем слоге
временная привязка:	ударная	слоговая
инвентарь гласных:	большой, диахронически нестабильный	относительно малый, диахронически стабильный

Й. Ломанн [Lohmann 1949a, 1949b], пытаясь связать регрессивный и прогрессивный порядки Балли с неоклассической германской типологией [Plank 1995, гл. 2] в рамках своей собственной интерпретации, выделявшей понятие "суппозиции", привнес в морфосинтаксическую часть схемы Балли несколько новых моментов. Согласование, приписываемое Балли антиципирующему порядку, в таблице Ломанна (приводится ниже) заканчивается в колонке прогрессивного порядка.

Таблица 5

(приводится по [Lohmann 1949a, 1949b])

	прогрессивный порядок	*антиципирующий порядок*
порядок слов:	VO препозиции	OV постпозиции
порядок словоизменительных аффиксов:	в основном префиксы, также инфиксы	исключительно суффиксы
категории:	род; именные классы	нет категории рода или именных классов
синтаксическое маркирование:	согласование	жесткий порядок
функциональные слова:	артикли	нет артиклей
ритм:	окситон	баритон

8.3. Если Балли утверждал, что корни — это *детерминанты*, а словоизменительные аффиксы (особенно маркирующие лицо/число глагола и падеж имени) — *детерминируемые*, — откуда словоизменительные маркеры или их эквиваленты предполагались как предшествующие корню при прогрессивном порядке и последующие при предваряющем (антиципирующем), то Хинтце [Hintze 1947] считал, что ударение в основном приходится на определяемый элемент, который является семантическим ядром конструкции, а не на определяющий. Его группировка свойств, соответственно, несколько отличалась от Балли, при этом он также поменял местами заглавные категории, см. табл. 6.

Таблица 6

(приводится по [Hintze 1947])

	регрессивный порядок	*прогрессивный порядок*
порядок значимых элементов:	определяемый-определяющий N Adj N Gen N Dem N Poss и т.д. лексема-граммема	определяющий-определяемый Adj N Gen N Dem N Poss N и т.д. граммема-лексема
морфосинтаксис	более синтетичен, много словоизменения, немного функциональных слов	более аналитичен, мало словоизменения, много функциональных слов (особенно артиклей и вспомогательных слов)
словесное ударение:	начальное	финальное
ударение в составных словах:	начальное	финальное
фразовое ударение:	начальное	финальное
(т. е. ритм	сильный-слабый (хорей/баритон)	слабый-сильный (ямб/окситон))

8.4. В то время как естественная морфология обрела типологию, связав морфологию со звуковой структурой, фактически целиком заимствовав эту идею у В. Скаличка, то типология естественной фонологии домашнего приготовления, и здесь в основу положена ритмическая организация, см. таблицу 7.

Основная причина фразового ударения — центрального, хотя и небеспроблемного понятия в схеме Донеган-Стеймпа ("Что же кроме ударения может скрываться за таким холизмом?" [Donegan, Stampe 1983: 350]) состоит в следующем: операнд/хозяин есть данное и оператор/модификатор есть утверждаемое; ударение (') приходится на утверждаемую часть. В этом моменте Донеган и Стеймп молчаливо соглашаются с Балли и не соглашаются с Хинтце, и между их ямбическим и хореическим типами (и соответственно прогрессивным-окситонным и антиципирующим-баритонным порядками Балли, Вартбурга и Ломанна) гораздо больше соответствий. Однако они расходятся во взгляде на происхождение дифтонгического и монофтонгического вокализма, а также, возможно, не согласны в вопросе об изменчивости длины слога и принципов временной привязки.

8.5. Ритм также находился в центре типологии, разрабатываемой Д. Гилом в ряде статей, из которых основной работой является публикация [Gil 1986]. Для начала Гил в подходе, напоминающем теорию Балли, определил ямбический и хореический ритм как составные понятия, с несколькими фонетическими, морфосинтаксическими и семантическими параметрами для измерения относительной силы соседних составляющих (ударение, длина, сонорность, сложность, важность). Предполагалось, что относительное линейное упорядочивание составляющих фундаментальным образом зависит от их относительной силы (хотя грамматикализация может накладывать жесткие ограничения); чем более гармонично было распределение ослабленности и

Таблица 7

(Резюмировано на материале [Donegan, Stampe 1983; Stampe 1985])

фразовое ударение ('X)	восходящее (финальное)	падающее (начальное)
форма слова:	ямбическая (последний слог ударный)	хореическая (ударный первый слог)
	односложная	дактильная
временная привязка:	изоакцентуальная (ударная)	силлабичная (слоговая), или изоморная
форма слога:	(C)V или (C)(C)V(C)(C)	(C)V(C)
консонантизм:	изменяющийся тоногенетичный	стабильный
	негеминированные стечения	геминированные стечения
вокализм:	изменчивый дифтонгический редуктивный	стабильный монофтонгический гармоничный
тон/регистр:	контурный тон/регистр	уровневый тон
стих:	рифма (тождественные элементы финальные)	аллитерация (тождественные элементы начальные)
музыка:	полифония	монофония
	темперированные размеры мультипликативные ритмы	ладовые размеры аддитивные ритмы
порядок слов:	жесткий оператор замыкающий V'O V'Adv Aux 'V N'Adj A'Adv N'Gen Adp 'NP (препозиции)	изменчивый оператор впереди 'OV 'Adv V 'V Aux 'AdjN 'AdvA 'GenN 'NP Adp (постопозиции)
морфосинтаксис:	более аналитичный	более синтетичный (особенно падеж, глагольное согласование)
морфология:	флективная или изолирующая	агглютинативная или полисинтетическая
	префиксация	суффиксация

усиления с различными параметрами, тем яснее был результат борьбы за начальную и финальную позицию. Предполагалось, что и многое другое гармонирует с предпочтительным ямбическим или хореическим упорядочиванием соседних составляющих, что отражено в табл. 8.

Отметим важные различия между схемой Донеган-Стеймпа и Балли (где это релевантно) и схемой Гила; в то время, как все заинтересованные стороны (включая Лемана) согласились на проведение связей "OV/агглютинация" и "VO/флективность", Донеган-Стеймп и (что касается VO) также Балли и др. утверждают, что ямбический ритм соотносится с порядком VO и схожими с ним, а также с флективной морфологией (или ее отсутствием). Согласно Гилу (и, что касается OV, также Хинтце), ямбу соответствует порядок OV и агглютинация. С точки зрения Донеган-Стеймпа, именно ямб, а не хорей потенциально имеет более сложную силлабическую структуру, в то время как Гил (в этом пункте соглашаясь с Балли) оценивает это противоположным образом. Далее, хотя Донеган-Стеймп и Гил согласны с соответствиями параллелей "ямб/ударная временная привязка" и "хорей/силлабическая (или также моровая) вре-

менная привязка", другие исследователи считают, что в языках с силлабической временной привязкой наблюдаются более простые слоговые структуры, чем в языках с ударной привязкой [Brackel 1985; Dauer 1983]. Это мнение ближе к концепции Донеган-Стеймпа, чем Гилла.

Таблица 8

(Резюмировано на материале [Gil 1986]

ямбический ритм (слабее-сильнее)	*хореический ритм (сильнее-слабее)*
безударный перед ударным	ударный перед безударным
элементы с меньшим числом слогов перед элементами с большим числом слогов	элементы с большим числом слогов перед элементами с меньшим числом слогов
менее сонорные элементы предшествуют более сонорным элементам	более сонорные элементы предшествуют менее сонорным элементам
элементы менее сложные синтаксически предшествуют более сложным	элементы более сложные синтаксически предшествуют менее сложным
единицы менее важные семантически предшествуют более важным	единицы более важные семантически предшествуют менее важным
(S)OV и т.д. (т.е. модификатор/хозяин)	(S)VO и т.д. (т.е. хозяин/модификатор)
аглютинативный	флективный
ударная временная привязка	слоговая временная привязка
более быстрый темп	более медленный темп
простая структура слога	сложная слоговая структура
высокий коэффициент "согласный-гласный"	низкий коэффициент "согласный-гласный"
больше шумных сегментов (текстуально и в фонемном инвентаре)	больше звучных сегментов
больше уровневых интонационных контуров (меньше изменений высоты звука)	больше изменчивых интонационных контуров (более мелодичный)
не-тональный	тональный

Просодическая типология Гила основана на большом количестве примеров (не менее чем 170 языков, выбранных из 197 в Стэнфордском Фонологическом Архиве). Статистику Архива много критиковали, хотя есть и другие мнения [Schweiger 1990]. В наиболее поздних работах самого Гила хореическая часть его ранней типологии оказывается значительно уменьшенной [Gil 1991].

8.6. Другие подходы к просодической типологии, которые суммированы в табл. 9, были менее амбициозны по вопросу взаимозависимостей между морфологией и синтаксисом.

8.7. Когда схемы ударения (безударные перед ударными или наоборот) коррелировали с порядком слов, в менее исчерпывающих схемах, чем у Балли и др., Донеган-Стеймпа или Гила, это обычно представлялось с опорой на фразовый акцент, подобно Балли и Донеган-Стеймпу (см. выше).

(13) В глагольной группе основное ударение должно быть справа от глагола в VO языках и слева в OV языках (т.к. основное фразовое ударение приходится на ее наиболее глубоко "вставленную" составляющую, которая обычно является ближайшим дополнением фразовой вершины) [Cinque 1993: 271 и сл.]. (См. далее по этой теме [Ding 1980; Deszö 1982; Harlig, Bardovi-Harlig 1988; Kim 1988].)

Таблица 9

(Дается по [Auer, Uhmann 1988; Auer 1993])

ударная временная привязка	слоговая временная привязка
относительное разнообразие слоговой структуры, со склонностью к стечениям согласных (в конце слога)	относительное единообразие слоговой структуры, в основном CV
гармония гласных невозможна	гармония гласных возможна
ударение на начале слова	ударение в конце слова (или отсутствие ударения в слове)
варьирование ударения грамматически значимо (например, различие частей речи в английском языке: *'pervert* N — *per'vert* V; "извращенец" — "извращать")	отсутствие грамматически значимого ударения
фокусированное и контрастивное подчеркивание ударением, а не специальными синтаксическими конструкциями	

9. ЧЕМ ДЛИННЕЕ, ТЕМ КОРОЧЕ

В квантитативной лингвистике, особенно в традиции П. Менцерата ("Чем больше целое, тем меньше составляющие"), наблюдения по поводу взаимоотношений степеней внутренней сложности элементов на различных лингвистических уровнях послужили импульсом к выводам о том, как могут соотноситься звук и значимая форма. Так, на основе двух наблюдений, фонологического и смешанного фонолого-морфологического [таких как: (a) чем меньше фонем (звуковых сегментов) приходится на слог, тем больше слогов приходится на слово; (b) слова имеют больше слогов в том случае, если морфология агглютинативная, и меньше, если она флективная или если ее не существует (как полагают Скаличка и другие)] были сделаны следующие выводы:

(14) Существует определенная корреляция между агглютинативной морфологией и простой силлабической структурой (или во всяком случае короткими слогами), с одной стороны, и между флективной морфологией (или возможно отсутствием, таковой) и более сложной силлабической структурой (или во всяком случае длинными слогами) с другой стороны [Fenk, Fenk-Oczlon 1993; Fenk-Oczlon, Fenk 1994; Fenk-Oczlon, Fenk (в печати)].

Учитывая (14), а также наблюдение, согласно которому, чем меньше фонем приходится на слог, тем больше слогов приходится на предложение, можно сформулировать правило (15):

(15) *Существует определенная корреляция между более высоким коэффициентом* "количество слогов на предложение/количество слогов на слово", более простыми (или более короткими) слогами, агглютинативной морфологией и базовым порядком слов (S)OV, с одной стороны, и между более низким коэффициентом "количество слогов на предложение/количество слогов на слово", более сложными (или более длинными) слогами, флективной морфологией (или отсутствием морфологии), и базовым порядком слов (S)V(S)O — с другой стороны (те же источники).

Корреляция с порядком слов не просто логически следует, а была выведена Фенком-Окзлоном и Фенком на материале 29 языков. 8 SOV-языков имели в среднем 7,2 слогов на предложение (и относительно простую слоговую структуру), в то время как 19 SVO-языков и 2 VSO-языка имели в среднем лишь 6,2 и 5,7 слогов на предложение, соответственно.

Фенк-Окзлон и Фенк присоединяются к мнению, что различие между языками со слоговой и ударной временными привязками в основе своей связано с большим или меньшим сопротивлением редукции, и тем, что при опущении гласных слоговые структуры становятся более сложными. Следовательно, постулируемая связь между

слоговой временно́й привязкой, простой слоговой структурой и агглютинацией, с одной стороны, и ударной временной привязкой, более сложной слоговой структурой и флексией — с другой, скорее согласуется с концепцией Донеган-Стеймпа, чем Гила.

10. ТРИ ИСТИНЫ, КОТОРЫЕ МОЖНО ОТБРОСИТЬ

Насколько мне сейчас известно, существует только три сохраняющих значимость утверждения относительно ковариации звука и значимой формы, введенных мной самим, хотя первое из них было во многом подсказано рассуждениями Дж. Бэрнета после его общения с Хароном (согласно очень старой и редкой книге Брата Габриела Сагарда) [Burnett 1773—1792; 1779—1799].

(16) Если в языке отсутствует билабиальный назальный /m/ и(или) билабиальные плозивные /b/, /p/, то в нем есть инкорпорирование существительных.

(17) Если в языке имеется троичная оппозиция по долготе согласных и гласных, то в нем не будет инкорпорирования существительных и категории рода, а будет, по крайней мере, три пространственных падежа ("нахождение в", "движение к", "движение от"), и прилагательные-определения будут согласовываться с существительными в падеже и числе.

(18) Если в языке имеется четверичная оппозиция по фонематической долготе, то в нем не будет четверичного числа, и, возможно, также тройственного и двойственного, не говоря уже о паукальном.

К сожалению, это не законы языка, а всего лишь наблюдения над ирокезской семьей языков (такого полного отсутствия лабиальных не наблюдается больше нигде), эстонским языком (по-видимому, единственным в мире, где имеются такие контрасты по долготе) и вообще над несуществующим языком, который, в свою очередь, должен показать, что имеются пределы для типологизирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Anonymos 1771 — Language // Encyclopedia Britanica. V. 2. Edinburgh, 1771. P. 863—880.

Auer P. 1993 — Is a rhythm-based typology possible? A study of the role of prosody in phonological typology // KontRI Working Paper. 21, 1993.

Auer P., Uhmann S. 1988 — Silben- und akzentzählende Sprachen // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. 7, 1988.

Bally Ch. 1944 — Linguistique générale et linguistique française. Berne, 2-me éd. 1944.

Bing J.M. 1980 — Linguistic rythm and grammatical structure in Afgan Persian // Linguistic inquiry. 11, 1980.

Brackel A. 1985 — Towards a morphological approach to the study of linguistic rhythm // Papers from the 21-st regional meeting of the Chicago linguistic society. Chicago, 1985.

Burnett J. 1773—1792 — Of the origin and progress of language. V. 1—6, Edinburgh; London, 1773—1792.

Burnett J. 1779—1799 — Antcient metaphysics. V. 1—6, Edinburgh; London, 1779—1799.

Byrne J. 1885 — General principles of the structure of language. V. 1—2, London, 1885 (2-nd edition — 1892).

Cinque G. 1993 — A null theory of phrase and compound stress // Linguistic inquiry. 24, 1993.

Dauer R.M. 1983 — Stress-timing and syllable-timing reanalysed // Journal of phonetics. 11, 1983.

Deszö L. 1982 — Studies in syntactic typology and contrastive grammar. The Hague, 1982.

Donegan P.J., Stampe D. 1983 — Rhythm and the holistic organization of language structure // Papers from the parassesion on the interplay of phonology, morphology and syntax / Ed. by J.F. Richardson et al., Chicago, 1983.

Dressler W.U. 1985 — Typological aspects of natural morphology // Wiener linguistische Gazette. 35—36. 1985.

Fenk A., Fenk-Oczlon G. 1993 — Menzerath's law and the constant flow of linguistic information // Contributions to quantitative linguistics / ed. by R. Köhler and B.B. Rieger. Dordrecht, 1993.

Fenk-Oczlon G., Fenk A. 1994 — Pscychische Präsenzzeit und Selbstorganisation von Sprache // Universale phonologische Strukturen und Prozesse / Hrsg. von K.H. Ramers, H. Vater, H. Wode. Tübingen, 1994.

Fenk-Oczlon G., Fenk A. (в печати) — Selbstorganisation und natürliche Typologie.

Gabelentz G. von der 1901 — Die Sprachwissenschaft: Ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse. Leipzig, 1901.

Gil D. 1986 — A prosodic typology of language // Typology (= Folia Linguistica. 20, 1—2) / Ed. by F. Plank. The Hague, 1986.

Gil D. 1991 — From prosody to grammar: The short-precedes-long principle // Paper at the First plenary Conference of EUROTYP, II, Ciocco, 1991.

Harlig J., Bardovi-Harlig K. 1988 — Accentuation typology, word order and theme-rheme structure // Studies in syntactic typology // Ed. by M. Hammond et al. Amsterdam, 1988.
Hintze F. 1947 — Die Haupttendenzen der ägyptischen Sprachentwicklung // Zeitshrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft. 1, 1947.
Hurford J., Kirby S. 1995 — The noun phrase universals archive // EUROTUP Working Papers VII/26, 1995.
Kim A.-H.-O. 1988 — Preverbal fosussing and type XXIII languages // Studies in syntactic typology / Ed by M. Hammond et al. Amsterdam; B., 1988.
Lehmann W.P. 1973 — A structural principle of language and its implications // Language. 49. 1973.
Lehmann W.P. 1978a — A shift in the syntactic type of early North Germanic and its phonological effects // The Nordic languages and linguistic theory 3 / Ed. by J. Wienstock. Austin, 1978.
Lehmann W.P. 1978b — Syntactic typology: Studies in the phenomenology of language. Austin, 1978.
Lehmann W.P. 1978c — The great underlying ground plans // Lehman W.P. Syntactic typology: Studies in the phenomenology of language. Austin, 1978.
Lehmann W.P. 1978d — English: A characterictic SVO language // Lehmann W.P. Syntactic typology: Studies in the phenomenology of language. Austin, 1978.
Lehmann W.P. 1978e — Conclusion: The profound unity underlying languages // Lehman W.P. Syntactic typology: Studies in the phenomenology of language. Austin, 1978.
Lohmann J. 1949a — Sein und Zeit, Sein und Wahrheit in der Form der Sprache // Lexis. 2, 1949.
Lohmann J. 1949b — Allgemein-grammatische Ordnungsgesetze // Zeitshrift für Phonetik und Allgemeine Sprachwissenschaft. 3, 1949.
Plank F. 1991 — Hypology, typology: The Gabelentz puzzle // Folia linguistica 25, 1991.
Plank F. 1992 — Adam Smith, grammatical economist // Adam Smith rewiewed / Ed. by P. Jones and A. Skinner. Edinburgh, 1992.
Plank F. 1993 — Des Lord Monboddo Ansichten von Ursprung und Entwicklung der Sprache // Linguistische Berichte. 144, 1993.
Plank F. 1995 — (Re-) Introducing Suffixaufnahme // Double case: Agreement by Suffixaufnahme / Ed. by F. Plank. N.Y., 1995.
Schweiger F. 1990 — How to persuade with statistics: The weak ground of prosodic typology // Folia Linguistica. 24, 1990.
Skalička V. 1958 — Typologie slovanských jazyků, zvláště ruštiny // Československá rusustika. 24. 2/3, 1958.
Skalička V. 1964 — Konsonantkombinationen und linguistische Typologie // Travaux linguistiques de Prague 1, 1964.
Skalička V. 1965 — Über die Typology der finnisch-urgischen Sprachen // Congressus secundus internationalis fenno-ugristarum. V. 1. Helsinki, 1965.
Skalička V. 1979 — Typologische Studien. Braunschweig, 1979.
Stampe D. 1985 — Rhyme and the holistic evolution of English (Handout of paper read at the 4-th International Conference on English historical linguistics). Amsterdam, 1985.
Wartburg W.v. 1943 — Einführung in Problematik und Methodik der Sprachwissenschaft. Halle an der Saale, 1943.

Перевела с английского *Е. Филимонова*

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 2 1996

© 1996 г. З.М. ШАЛЯПИНА

АВТОМАТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД: ЭВОЛЮЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ*

Идея автоматического перевода (АП) высказывалась, как известно, еще Лейбницем – более 300 лет тому назад. Однако на реальную научную и техническую основу эта задача была поставлена только в нашем веке.

Всю первую половину XX века идея перевода с помощью искусственных механизмов "носилась в воздухе". Согласно [СМП 1962], в 1924 г. в эстонской газете "Vaba maa" было опубликовано сообщение о демонстрации модели пишущей машины-переводчика изобретателем А. Вахером. В 1933 г. развернутый проект "переводческой машины" предложил российский изобретатель П.П. Петров-Троянский – наиболее известный из предшественников современного АП [Панов 1959]. В том же 1933 г. во Франции инженер Георгий Арцруни получил патент на машину для перевода, которую он назвал "Механическим мозгом" [Corbé 1960].

Но по-настоящему серьезная работа в этой области началась только в конце 40-х – начале 50-х годов, после появления электронно-вычислительной техники.

Принципы АП, господствовавшие в тот период, с современных позиций могли бы быть охарактеризованы как обработка текста под управлением словаря (lexicon-driven processing), которая осуществляется с помощью однозначных процедур, целиком подчинена задаче перехода от входного языка к выходному (т.е. не предусматривает никаких этапов, чьи функции были бы сколько-нибудь самостоятельными и могли бы определяться не в связи с этим межъязыковым переходом) и не использует эксплицитно выделенных лингвистических правил, но полностью инкорпорирует их в программные процедуры (так что из всей лингвистической информации явным образом задаются только перечни внутренне не структурированных признаков, приписываемые словам в словаре и определяемые лишь косвенно – через ссылки на эти признаки в использующих их процедурных проверках).

Задача АП ставилась тогда как чисто практическая. Ожидалось, что хотя бы для научно-технических текстов будут быстро построены машинные системы, обеспечивающие их перевод в промышленных масштабах. Ожидания эти, однако, не могли оправдаться, так как были основаны на двух принципиальных заблуждениях: с одной стороны, переоценивалась степень близости тех операций, в терминах которых определялось функционирование ЭВМ, к элементарным функциям человеческого интеллекта; с другой стороны – недооценивалась фундаментальная сложность естественного языка как инструмента интеллектуальной деятельности человека и перевода как одного из отнюдь не самых простых видов этой деятельности.

Первые десять лет развития данной области дали достаточно оснований для осознания этих заблуждений в качестве таковых. Однако реакция на это осознание

* Данная работа ни в коей мере не претендует на сколько-нибудь полный обзор рассматриваемой области: эта область настолько обширна и настолько интенсивно развивается, что полный обзор соответствующих работ уже за первые 15 лет ее существования [Мельчук–Равич 1967] имел объем более 32 а.л. В настоящее же время неполноты не могут избежать даже такие подробные ее рассмотрения, как [Hutchins 1986] или [Nagao 1991]. Мы должны также принести читателю свои извинения за неизбежную субъективность и схематичность изложения и за многочисленные лакуны в приводимой библиографии.

оказалось далеко не однозначной. Можно говорить о трех ее типах: 1) разочарование в самой идее автоматизации перевода; 2) поиск таких областей применения перевода, где разрыв между возможностями ЭВМ и потребностями пользователя минимален; 3) работа по преодолению этого разрыва.

Первый тип реакции – разочарование в идее АП – был характерен прежде всего для представителей научно-технической администрации. Наиболее явно он был выражен в докладе, представленном в 1966 г. Конгрессу США Консультативной комиссией по автоматической обработке естественного языка Национальной академии наук [ALPAC 1966]. Выводы комиссии сводились к тому, что по меньшей мере в ближайшие 50 лет разработки по машинному переводу не могут дать какого-либо практического выхода, а основанные на них системы останутся принципиально нерентабельными. В последующие 10–15 лет научно-техническая политика в области АП почти повсеместно строилась на базе этих выводов. В Европе и СССР работы по созданию практических систем АП были практически свернуты, в самих США они продолжались, но без прежнего энтузиазма, в основном в рамках лишь тех разработок, которые были начаты до опубликования доклада.

Для разработчиков, непосредственно создававших практические системы АП, более типичным явился второй тип реакции: поиск тех сфер применения таких систем, в пределах которых они имитируют поведение человека достаточно адекватно и дают результаты, его удовлетворяющие.

Наиболее очевидной из этих сфер явился словарный поиск и те виды перевода, где он играет определяющую роль: начиная с "черновых" переводов, используемых для предварительного просмотра текста и определения его тематической принадлежности, а также степени его релевантности для нужд пользователя (с тем, например, чтобы решить, стоит ли заказывать перевод этого текста переводчику-человеку), и кончая переводами таких специфических текстов, как, например, анкетные данные или инвентарные списки. Так, согласно [Слокум 1989], в Комиссии по атомной энергии США и в Евратоме для получения "черновых" переводов на английский язык работ русских исследователей, уже с 1964 г. стала применяться система GAT, а в Отделе зарубежных технологий ВВС США – разработанная фирмой IBM система Mark-II; в 70-х гг. обе системы были заменены созданной на базе GAT системой SYSTRAN.

Для более общих переводческих задач использование машинных систем также оказалось продуктивным – хотя, возможно, в основном за счет автоматизации различных вспомогательных операций: прежде всего опять-таки операций словарного поиска и различных процедур постредактирования текста перевода, но кроме того – по мере их описания и отладки – также стандартных механизмов морфологической и синтаксической обработки входного и выходного текстов. Все это ускоряет работу переводчика-человека и тем самым удешевляет весь процесс перевода. Так, система SPANAM, применяющая целый ряд вспомогательных средств и механизмов, облегчающих постредактирование, позволила ускорить перевод, в зависимости от текста, в 1,5–4 раза [Vasconcellos–León 1985]. Англо-французская и англо-испанская версия системы SYSTRAN, используемые корпорацией "Дженерал Моторс", привели к повышению производительности труда переводчиков в 3–4 раза [Слокум 1989]. Японско-английская система перевода аннотаций научных работ, созданная под руководством М. Нагао в рамках Японского национального проекта по АП (так наз. MU-проекта [Nagao et al. 1985]) и работающая в Японском информационном центре по науке и технике, по сведениям, приводимым в [Kay et al. 1994], сократила затраты на перевод и его редактирование в два раза.

Помимо систем АП как таковых, в целях автоматизации отдельных переводческих операций стали создаваться также более частные "машинные средства" в помощь переводчику и редактору: автоматические словари и терминологические базы данных, компьютерные тезаурусы, средства экранного редактирования, системы орфографической, терминологической и грамматической коррекции текстов и т.п.

С другой стороны, обнаружилось, что для текстов, характеризующихся относительно жесткой структурой, настроенные на них системы АП могут давать вполне приемлемые переводы и без постредактирования, а в отдельных случаях даже вообще без вмешательства человека. Простейшим видом систем такого рода являются автоматические разговорники для туристов, предлагающие пользователю более или менее разнообразные "меню" стандартных вопросов и ответов на двух или нескольких языках. Из более сложно организованных систем АП для жестко структурированных текстов наиболее известна система TAUM-METEO, переводящая прогнозы погоды с английского на французский язык в Канадском метеорологическом центре. К настоящему времени, согласно [Kay et al. 1994: 41], построена расширенная версия этой системы, на вход которой подаются уже не тексты прогнозов, а только релевантные для них показания метеорологических приборов. Система автоматически составляет по этим данным и английские и французские варианты требуемых прогнозов – т.е. "переводит" уже не с одного естественного языка на другой, а с языка "формальной семантики" данной области на естественные языки.

То, что для текстов с жесткими структурными ограничениями АП оказался более успешным, чем для текстов произвольной структуры, послужило стимулом для формирования и развития еще одной сферы промышленного и коммерческого применения систем АП – применения их для перевода с пред- и/или интерредактированием входного текста в соответствии с требованиями системы. Из различных способов такого пред- и интерредактирования наиболее удачным оказался тот, при котором пользователь предварительно или постепенно – с учетом вопросов или рекомендаций, поступающих по ходу работы от самой системы АП, – (пере)формулирует переводимый текст в терминах того специализированного варианта входного языка, в пределах которого система обеспечивает достаточно надежный выход. Такой подход дает хорошие результаты при переводе с родного языка пользователя и особенно привлекателен тем, что знание выходного языка для него при этом необязательно.

Известно, что фирма XEROX успешно эксплуатирует в таком режиме систему SYSTRAN: система переводит внутреннюю техническую документацию фирмы, которую требуется составлять в этих целях на ограниченном варианте английского языка – так называемом Multinational Customized English, – имеющем фиксированный словарь и строго определенный набор синтаксических структур. Есть сведения об аналогичном применении ограничений на входной язык фирмами Caterpillar и Boeing. В [Nagao 1991] описан эксперимент по использованию подобным способом также японско-английской системы ATLAS II. К настоящему времени начали разрабатываться и специальные системы АП для работы с пользователем, знающим один только входной язык (monolingual user): LIDIA [Blanchon 1994], N_{tran} [Whitelock et al. 1986] и др.

Выявление таких оптимальных для АП сфер его применения, построение систем, ориентированных именно на эти сферы или адаптация к ним систем, ставивших ранее другие задачи (например, переориентация разработок, начатых в университете Бригема Янга в целях перевода религиозных текстов мормонской церкви, при их продолжении в рамках корпорации Weidner Communications и фирмы ALPS, на создание интерактивных "машинных средств в помощь переводчику") и особенно накопление больших массивов словарей и грамматических правил, представленных в требуемом этими системами виде (так, словари системы SYSTRAN в Отделе зарубежных технологий ВВС США насчитывают на данный момент более миллиона единиц [Слокум 1989]), привело к концу 70-х – началу 80-х гг. к новой вспышке энтузиазма по поводу промышленной и коммерческой ценности АП.

Среди прочих факторов этому способствовали, с одной стороны, такие яркие свидетельства применимости АП для решения реальных переводческих задач, как использование системы SYSTRAN для перевода на английский язык русской космической документации в рамках программы советско-американского сотрудничества "Аполлон–Союз" (1974 г.), а с другой – активное включение в разработку систем АП японских компьютерных и переводческих фирм, которые уверенно

осваивают данную область и все более успешно конкурируют с ведущими фирмами-разработчиками таких систем в США и Европе (достаточно упомянуть, что в 1983 г. японская компания Bravice приобрела контрольный пакет акций фирмы Weidner Communicaions, а в настоящее время японские вкладчики владеют и значительной частью акций фирмы SYSTRAN). Однако в собственно научном плане развитие коммерческих систем АП было относительно мало результативным: как отмечается в [Kay et al. 1994], наибольший коммерческий успех в 80-х гг. пришелся на долю системы SYSTRAN – при том, что научные принципы, положенные в основу ее разработки в 60-х гг., с тех пор практически не модернизировались.

Для научного развития наибольшее значение имела, как и следовало ожидать, реакция третьего типа – понимание, что имеющихся научных знаний недостаточно для построения систем, гарантирующих стабильно высокое качество перевода, и отношение к этому как к научному вызову, ставящему перед исследователями задачу анализа и преодоления обнаруженного разрыва между возможностями ЭВМ и спецификой естественного языка и языковой деятельности человека.

Работа по решению данной задачи стала вестись с двух сторон.

С одной стороны, начались исследования в области создания логико-математических и программных средств высокого уровня, которые позволяли бы задавать машинные процедуры и используемую ими информацию в формате, более прозрачном, компактном и удобном для человеческого восприятия – с тем, чтобы разработчик мог сосредоточиться на содержании решаемой задачи и не отвлекаться на технические проблемы записи своего решения.

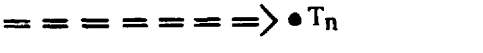
С другой стороны, стали разрабатываться формальные модели естественного языка и языковой деятельности, в которых языковые факты и явления стали осмысляться с точки зрения их возможной машинной обработки и представляться в форме, удобной для целей такой обработки. И, поскольку эта обработка ведется в терминах очень простых типов операций, а языковые явления, напротив, очень сложны, многослойны, синкретичны, – то лингвистика тем самым получила мощный толчок к выходу на новый уровень научного анализа – расчленения своего комплексного, многомерного, синкретического объекта на более простые, в идеале одномерные компоненты и аспекты.

Парадоксальным результатом такого развития явилось то, что сам АП в рамках этих исследований ушел на второй план и стал рассматриваться скорее как одно из их возможных приложений, служить полигоном для экспериментальной проверки и верификации создаваемых логико-математических средств и формально-лингвистических моделей в общем ряду других подобных приложений: информационного поиска, компьютеризованного обучения, экспертных систем и т.п.

Но в то же время АП занял в этом ряду и свое самостоятельное место в качестве области моделирования того особого, отличного от других вида языковой деятельности человека, каким является перевод.

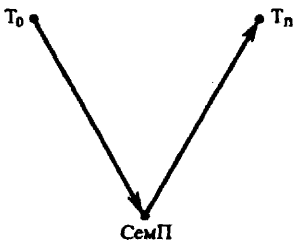
Говоря об эволюции АП в качестве такой самостоятельной области исследований, нужно прежде всего отметить, что эволюционировала и продолжает эволюционировать уже сама общая схема процесса перевода, как он предстает в системах АП.

В первых системах реализовался так называемый "прямой" подход к переводу, в рамках которого, как уже отмечалось, все осуществляемые при переводе операции трактовались как операции межъязыкового перехода – преобразования текста оригинала T_o в текст перевода $T_п$.



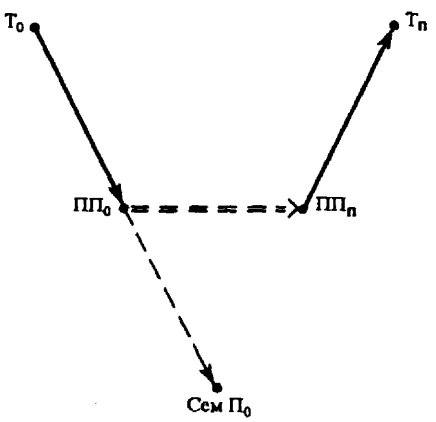
Но уже в конце 50-х гг. возникла идея перевода через особое представление текста – интерлингву (Richens 1956), или язык-посредник (ЯП) [Андреев 1957]. ЯП мыслился вначале как некоторое универсальное представление, равно удаленное от всех естественных языков, – представление, которое позже в одной из его интер-

претаций стали называть смысловой записью [Жолковский–Леонтьев–Мартемьянов 1961], или семантическим представлением СемП [Мельчук 1974]. Процесс перевода разбивался тем самым на два этапа: анализ, обеспечивающий переход от текста оригинала к его СемП, и синтез, порождающий по этому СемП текст перевода:



Достаточно скоро стало очевидно, однако, что и такая схема перевода неоптимальна. С одной стороны, создать универсальный ЯП нереально, с другой – человек явно действует не этим методом: иначе не возникало бы при переводе обычных для него смысловых сдвигов, а также ошибок, вызванных влиянием на построение текста перевода средств выражения, имевшихся в тексте оригинала. Логично постулировать, следовательно, некоторый промежуточный уровень представления и того и другого текста (resp., $ПП_0$ и $ПП_п$), – где входной и выходной языки еще не совпадают, но в то же время их соотношение уже более прозрачно, чем в плане выражения. На этом уровне (выбор которого допускает, вероятно, варьирование в зависимости от конкретной переводческой ситуации) и должен выполняться собственно перевод – операции перехода от единиц входного текста к их переводным эквивалентам.

По данной схеме, система вначале осуществляет анализ текста оригинала в целях построения его представления требуемого уровня. При этом она может в принципе обращаться и к семантическому представлению $СемП_0$ этого текста – т.е. к сведениям о его плане содержания, – но не эксплицировать полностью это содержание, а сразу по получении нужного промежуточного представления выполнять межъязыковой переход. Он дает, в свою очередь, промежуточное представление, но уже выходного текста, по которому и производится далее синтез самого этого выходного текста [Шаляпина 1975; Vauquois 1976]:



Модель стала, таким образом, принципиально трехчленной:

анализ → межъязыковые операции → синтез.

С середины 70-х гг. эта трехчленная модель получила всеобщее признание, практически вытеснив обе предыдущие, и дальнейшее развитие шло уже по линии ее

уточнения и усложнения. Понятие языка-посредника продолжает использоваться в тех из современных работ по АП, которые претендуют на достаточно глубокое проникновени в содержание переводимого текста. Однако этап межъязыкового перехода при этом, как правило, не исключается – так что данный термин является по существу просто обозначением одного из вариантов того промежуточного уровня структурного представления текста, на котором выполняется такой переход.

Определение уровня межъязыкового перехода в разных системах АП может варьировать как по признаку соотношения этого уровня с уровнями выражения/содержания языковых единиц, так и по признаку размерности тех единиц, которые обрабатываются в его рамках.

С точки зрения соотношения плана выражения и плана содержания, уровень межъязыкового перехода – это, как правило, такое представление структуры переводимых единиц, в котором сами структуры – т.е. характер и типы структурных отношений – являются достаточно абстрактными и в этом смысле более или менее универсальными.

Интересно, что структуры составляющих, которым в системах АП долгое время отдавалось в этом качестве явное предпочтение, все более вытесняются теперь другими видами структур и грамматик.

Очень распространены сетевые структуры – в том числе опирающиеся на формализм фреймов (напр., в системах SEMSYN [Rösner 1986], LUTE [Nomura et al. 1986], KANT [Nyberg–Mitamura 1992], Shalt2 [Takeda et al. 1992], на деревья зависимостей (SUSY [Luckhart–Maas 1983], GETA [Vauquois–Boitet 1985], ATHENE (в коммерческой версии – HICATS) [Кадзи–Окадзима 1985], MU [Nagao et al. 1985], ЭТАП-2 [Апресян и др. 1989] и др.), а также на различные варианты совмещения зависимостей и составляющих – обобщенные или расширенные грамматики составляющих ([Whitelock et al. 1986], [Choi et al., 1994], [Morimoto et al. 1992]), унификационные и лексико-функциональные грамматики ([Kudo–Nomura 1986], [Sharp 1989], [Noord van 1990], [Beaven 1992], [Cornish et al. 1994]), грамматики, формулируемые в терминах расширенных сетей переходов [Amano 1986], и т.п. Экспериментируют также с представлениями, использующими логику предикатов в сочетании с падежной грамматикой [Nishida et al. 1986], грамматики Монтегю (система Rosetta [Appelo 1986]), структуры, совмещающие грамматики Монтегю с составляющими и зависимостями [Gunji 1987].

Типы отношений, используемые в таких структурах, – т.е. метки на дугах (ветвях) – могут отражать поверхностный синтаксис языка – как, например, в системе SHALT [Tsutsumi 1986]). Но чаще используется классификация синтагматических отношений по смысловым основаниям: "глубинные падежи" (как в MU-проекте), "понятийные" или "концептуальные" зависимости (как в системах HICATS или MOPTRANS [Hutchins 1986]) и т.п.

Как раз о таких структурах часто и говорят как о "смысловом представлении" текста [Nomura et al. 1986] или о языке-посреднике [Harada 1986]).

Однако узлы в таких структурах – их "лексика", – в отличие от классического понимания семантического представления или языка-посредника, практически всегда привязаны к конкретному естественному языку. Чаще всего это просто лексемы соответствующего языка, но с уточнением, в каком из их значений они взяты. Нередко они называются при этом "понятиями" или "концептами" (как, например, в системе Thalia-3 [Окаси и др. 1986]). Иногда, впрочем, используется лексика, отличная и от входного и от выходного языка. Так, в системе DLT [Papagaaij 1986], в этом качестве взят модифицированный эсперанто, а в японско-немецкой системе SEMSYN [Rösner 1986] промежуточное представление опирается на английскую лексику. Ясно, однако, что "универсальность" такого ЯП – скорее вопрос удобства, чем его принципиальное свойство, по которому он противостоял бы структурным представлениям на естественном языке. В частности, в системе SEMSYN английская лексика выбрана для него просто потому, что анализатор японского языка заимствован в этой системе из японско-английской системы ATLAS-2 [Утида 1985].

Еще один вариант определения лексики ЯП – это трактовка в качестве таковой соответствий между единицами входного (входных) и выходного (выходных) языков (система TRANSLATOR [Nirenburg et al. 1986]). Здесь тоже очевидна привязка к естественным языкам – так что к семантической записи как к представлению плана содержания лексических единиц полностью не переходит ни одна система АП. В то же время все они используют более или менее сложные семантические характеризации этих единиц: от простейших перечней семантических дескрипторов до формул грамматики Монтегю [Landsbergen 1987], фреймов и сценариев [Tomita–Carbonell 1986], семантических пред- и пост-условий [Cornish et al. 1994] и т.п.

Сказанное характеризует уровень межъязыковых операций с точки зрения его места на оси "выражение–содержание" языковых единиц.

Что же касается объема обрабатываемых на этом уровне единиц – т.е. их места в иерархии синтагматического членения, – то здесь вариаций намного меньше.

Как правило, обработка ограничивается уровнем предложения. За его пределы выходят лишь некоторые чисто экспериментальные разработки, но и они, как правило, не предусматривают построения связных представлений сверхфразовых единиц, а только накапливают и хранят информацию о единицах, которые могут понадобиться для учета анафоры, анализа категории определенности (в целях правильной расстановки артиклей), корректировки порядка слов в переводе и т.п. Примером может служить система LUTE [Nomura et al. 1986], а также система фирмы Мацусита, описанная в [Cornish et al. 1994] (последняя, в частности, следит за "текущим" и "потенциальными" фокусами текста). Теоретические и экспериментальные разработки в этом направлении ведутся в Карловом университете в Чехии [Hajičová–Vrbová 1982], в Манчестерском университете в Великобритании [Whitelock 1992] и в других исследовательских центрах.

Но модель перевода развивается не только в части уточнения и расширения тех лингвистических знаний о языке и тексте, с использованием которых осуществляются собственно переводческие операции. Пополняется и усложняется и сам комплекс включаемых в нее процедурных компонентов.

Начать с того, что в этой модели появилась уже и правая "ножка" – частичное обращение к семантике в рамках работы не с входным, но с выходным языком.

Правда, до сих пор работа с семантикой выходного языка осуществляется в системах АП не наряду с учетом семантики входного текста, а вместо него. Так работает, например, англо-японская система ATLAS-1 [Kushima et al. 1986]: в ней вся используемая семантическая информация приписана не входным английским единицам, но только их японским эквивалентам. Аналогичный подход прорабатывается в группе Р.Г. Пиотровского для многоязычной системы СИЛОД [Беляева 1989], в рамках которой предлагалось осуществлять семантическую обработку текстов через Многоцелевой Автоматический Русский Словарь МАРС, независимо от того, является русский язык входным или выходным.

Такой подход оправдан гипотезой об универсальном характере семантики естественного языка, в отличие от его более поверхностных аспектов. Эта гипотеза, однако, верна лишь до определенного предела, за которым начинает действовать обратное утверждение: "... существует гораздо большее количество понятий.., которые так органически сплетены со своим языком, что... без искажения не могут быть перенесены в другие языки" [Гумбольдт 1984: 319]. Поэтому в более общем случае добавление семантического анализа в процедуры синтеза должно было бы иметь и вполне самостоятельное значение: не (только) как средство восполнения неполноты семантической информации о входном языке за счет аналогичной информации о языке перевода, но (и) как способ верификации адекватности перевода как такового – оценки того, насколько точно передают смысл оригинала те лексические и структурные эквиваленты составляющих его входных единиц, которые были выбраны в процессе межъязыковых операций. В такой самостоятельной роли, однако, семантический анализ языка перевода пока не реализован.

Другое дополнение исходной трехчленной схемы перевода, которое уже более принципиально для функционирования современных систем АП, – это включение в данную схему перифрастических компонентов. Операции перифразирования осуществляются на том же уровне, что и межъязыковой переход, и могут выполняться как до, так и после него. И по- и после-переводческое перефразирование реализовано, например, в японско-английской части MU-проекта [Нагао и др. 1986]. Так, определительные конструкции с японским глаголом *моцу* "иметь" преобразуются перед их переводом на английский язык в конструкции с предлогом принадлежности, что позволяет вместо:

equations that have logarithmic characteristics получать в переводе:

equations with logarithmic characteristics.

Напротив, такие перифрастические преобразования, как "стяжение" каузативных конструкций, т.е. замены типа:

$$A \text{ makes } B \text{ rotate} \Rightarrow A \text{ rotates } B$$

производятся уже после перевода, в рамках английского структурного представления.

В некоторых системах применяются только после-переводческие перифрастические преобразования. Например, в системе SHALT2 [Takeda et al. 1992] они служат для трансформаций типа: *John is a good swimmer* ⇒ *John swims well.*

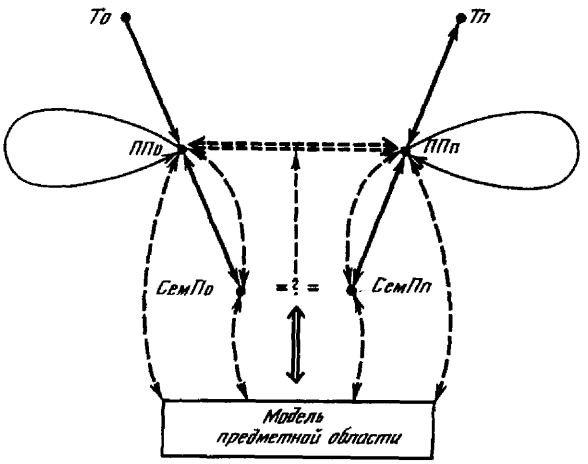
Заметим, что по сравнению с теми возможностями, которые предусматриваются моделью семантического синтеза, опирающейся на понятие лексических функций [Жолковский–Мельчук 1967], перифрастические компоненты существующих систем АП весьма ограничены и охватывают лишь малую долю перифраз, исчисляемых этой моделью. Работы, претендующие на более полную ее реализацию (типа [Heylen 1994]), остаются еще большей частью на уровне теоретических исследований.

В то же время весьма полно реализуется третий вид перифразирования, в теоретических работах данного направления почти не рассматривавшийся: межъязыковые перифрастические операции, составляющие важный аспект межъязыковых преобразований. Во многих системах как раз этот вид перифразирования восполняет отсутствие или недостаточность до- и после-переводческих перифрастических преобразований. Такова, в частности, система ЭТАП-2 [Апресян и др. 1989].

Последний вид дополнений к общей трехчленной схеме АП в ее современных интерпретациях – это подключение к процессу перевода, помимо сведений о языке как таковом, также информации, не являющейся собственно лингвистической, – "знаний о мире". Эта информация привлекается, как правило, либо после, либо в процессе построения структурного представления входного текста при его анализе.

Системы, использующие "знания о мире", составляют, по мнению ряда авторов, отдельное направление в АП, – так называемый Knowledge-Based Machine Translation. Чаще всего они ориентированы на достаточно узкие предметные области. Например, система, описываемая в [Tomita-Carbonell 1986], моделирует перевод диалогов между врачом и пациентом, пришедшим к нему на прием. Обычно системы данного направления учитывают и лингвистические знания, причем в достаточно полном объеме, но в них часто действуют другие приоритеты. Так, по сведениям [Hutchins 1986], в системе MOPTRANS, использующей "пакетные" и "абстрагирующие" знания типа "сценариев", исходной при обработке текста является семантическая информация, а синтаксические сведения служат уже для выбора между разными семантически приемлемыми вариантами формируемой структуры (в отечественной компьютерной лингвистике похожее направление развивается в связи с созданием естественно-языковых интерфейсов к базам данных [Нариньяни 1995]).

Как можно судить уже по данному (заведомо неполному) обзору, общий набор компонентов в современных системах АП в целом приблизился к тому теоретическому их исчислению, которое обосновывалось в свое время в [Шаляпина 1980]:



Однако если посмотреть, каков удельный вес разных компонентов этой расширенной схемы перевода в современных системах АП, то приоритет по-прежнему остается за анализом. В материалах всех последних конференций по компьютерной лингвистике секция анализа содержала по крайней мере вдвое больше работ, чем каждая из остальных секций.

Любопытно заметить в этой связи, что почти за 50 лет развития АП исследования по анализу текстов описали в целом ряде отношений полный виток спирали. Это касается прежде всего общей организации процедур анализа и используемой в них лингвистической информации.

Выше отмечалось, например, что первые системы АП начинали с использования однозначных процедур анализа, строивших для обрабатываемого текста всякий раз только один вариант его представления. Затем, в 60–70-е годы интерес исследователей переключился на множественные стратегии анализа [Кулагина–Мельчук 1971]. В последнее же десятилетие вновь наблюдается переход к однозначным стратегиям, но уже на новом уровне научного осмысления проблемы. Можно отметить три основных направления в достижении такой однозначности.

Во-первых, используется так называемое "упакованное" представление неоднозначностей – т.е. неоднозначные элементы и структуры текста не "расщепляются" на разные дорожки анализа, но сохраняют формально свою "целостность" и только получают в составе формального представления анализируемого текста особые характеристики. Такой подход обосновывается, например, в [Whitelock et al. 1986; Takeda et al. 1992] и др. Среди отечественных систем весьма сходная методика используется в системе АМПАР [ИИ 1990 249–252].

Во-вторых, очень широко распространены стратегии анализа, использующие так называемую "тактику наилучших догадок" (best guess policy), т.е. учитывающие различные весовые характеристики формируемых структур (с применением статистики и разного рода эвристик) и допускающие возврат к "развилкам", возникавшим на предыдущих этапах анализа, если путь, выбранный в качестве основного, заходит в тупик. Такие стратегии разрабатываются в рамках уже упоминавшихся систем TRANSLATOR, SUSY, SHALT-2, LUTE, HICATS, системы Shake-and-bake translation [Beaven 1992] и др. Среди отечественных разработчиков, проводящих тот же подход, следует назвать прежде всего Г.С. Цейтина, которому принадлежат пионерские исследования в этом направлении [Цейтин 1975], и О.С. Кулагину [Кулагина 1992].

Наконец, третье направление исследований, ставящих задачу обеспечить однозначность анализа при АП, состоит в поиске и создании особых средств и способов организации лингвистического описания, которые позволяли бы анализатору однозначно строить правильные структуры, не прибегая ни к параллельной обработке, ни к

возвратам. В качестве одного из таких средств предложена, например, "детерминисткая грамматика" [Marcus 1987].

Приоритет имеет, таким образом, не полнота охвата всех принципиально мыслимых вариантов обработки, но возможность построения нужного варианта без перебора или с минимальным перебором ложных.

Обращение к первоначальной системе приоритетов наблюдается и в области организации лингвистической информации в системах АП. В 40 – 50-е гг. лингвистическое обеспечение таких систем было фактически сплошь словарно-ориентированным. Затем произошел поворот к представлению лингвистической информации в виде грамматик, опирающихся прежде всего на правила и отношения (rule-oriented framework). В конце 60-х годов А.К. Жолковский и И.А. Мельчук вновь заявили о центральной роли словаря в описании языка [Жолковский–Мельчук 1969: 31]. Но данному утверждению суждено было остаться тогда только теоретическим постулатом. Теперь же этот постулат проникает в разработки по АП в виде объектно-ориентированных и сущностно-ориентированных подходов, лингвистическая суть которых, согласно [Whitelock 1992: 785], выражена утверждением: "The only meaningful elements of a grammar are its lexical items".

К системам, опирающимся на такие методы организации своего лингвистического обеспечения, относятся, например, LUTE, KBMT, SHALT-2, среди отечественных систем – японско-русская система ЯРАП (см. ее описания в [Modina–Shalyapina 1994; Модина–Шаляпина 1995]).

Из других компонентов модели перевода в последнее время приобретает все большую самостоятельность, выходя из младенческого периода чисто эмпирических описаний, сфера межъязыковых операций. Правда, она все еще не полностью сформировалась как отдельная научная область. На конференциях по компьютерной лингвистике для нее до сих пор не выделяется отдельной рубрики и соответствующие работы помещаются либо в общую секцию "Машинный перевод", либо в секции анализа или синтеза. При разработке систем АП тоже нередко наблюдаются попытки "инкорпорировать" межъязыковые операции в состав процедур анализа [Kushima–Uchida 1986] или синтеза [Chung–Kunii 1986; Танака–Мидзогути 1985]. Однако в последнее десятилетие здесь появилось и активно развивается собственное, весьма перспективное теоретико-методологическое направление – перевод "по аналогии" [Nagao 1984] и его варианты, прежде всего перевод "по примерам" (example-based transfer, см., например [Watanabe 94]) и перевод "по образцам" (case-based translation, исследуемый, например, в [Nomiyama 1992]). Из отечественных исследований к данному направлению теснее всего примыкают оставшиеся пока не реализованными разработки Б.Р. Певзнера [Певзнер 1981].

Что касается синтеза и других видов операций с выходным текстом, то им при создании систем АП уделяется пока меньше внимания. Наиболее активно обсуждается здесь задача определения порядка слов в языках, где он не является фиксированным (см., например [Whitelock 1992]). Но, скажем, проблемы обработки лексически связанных словосочетаний выходного языка все еще решаются обычно не в рамках синтеза, но на этапе межъязыкового перехода. Например, в [Nomiyama 1992] вопрос о том, что в английском языке *cow* ("корова") ближе к *horse* ("лошадь") в ситуации кормления, но к *dog* ("собака") в ситуации движения (*cow/horse* ***feeds*** vs. *dog* ***eats***, но *cow/dog* ***runs*** vs. *horse* ***gallops***), ставится в связи с проблематикой "перевода по образцам".

Тем не менее в последнее время и данная область становится предметом более глубокого рассмотрения. В частности, начинают изучаться ситуации ошибочного понимания текстов читателем и возможности предотвращения таких ошибок посредством перифразирования [Lenke 1994]. Можно ожидать поэтому, что уже в недалеком будущем синтез приобретет в системах АП ту активную роль, которая приходится на его долю, согласно модели "Смысл ↔ Текст".

В заключение подчеркнем следующие тенденции, характерные для современных разработок по АП.

В области создания практически ориентированных систем АП повышенное внимание уделяется сервисным средствам, дающим больше свободы действий разработчикам лингвистического обеспечения системы, а также предоставляющим пользователю все более широкие возможности не только для редактирования входных и/или выходных текстов, но и для участия в "обучении" самой системы – коррекции ее словарей и грамматик.

В области построения процедурных компонентов систем АП жестко фиксированные глобальные управляющие механизмы уступают место гибким стратегиям, допускающим варьирование порядка работы системы под управлением словаря и текста.

Наконец, в области организации используемых лингвистических описаний наблюдается все возрастающий интерес к использованию готовых (традиционных) источников естественно-языковой информации – прежде всего толковых и переводных словарей и грамматик, ориентированных на человека. для них создаются различные формальные процедуры в целях автоматического преобразования соответствующей словарной или грамматической информации в нужную форму. Ведется работа и по автоматизации самого процесса накопления необходимой для перевода лингвистической информации путем извлечения ее из параллельных текстов, пополнения в ходе самого АП (обычно в диалоге с разработчиком или пользователем системы) и т.д. (см, например [Miura et al. 1992 : Kumano–Hirakawa 1994] и др.).

С другой стороны, лингвистические описания, ориентированные на использование человеком, начинают все чаще опираться на тот или иной формальный аппарат. Наиболее ярким примером эффективности таких описаний является словарь-справочник по русскому словоизменению А.А. Зализняка [Зализняк 1977]: его текст может применяться как человеком, так и формальной системой, причем для последней не требуется при этом никаких предварительных преобразований соответствующих текстовых файлов (см., например [Kanovich–Shalyapina 1984]). Аналогичным образом, вполне формализованный характер имеет представление моделей управления английских слов в таких, например, словарях, как [LDOCE 1995] и т.д.

Таким образом, проблематика АП все более сближается в настоящее время с проблематикой языкознания в целом, и характерное для 60–70-х гг. XX века противопоставление "формальной" ("структурной") и "традиционной" лингвистики постепенно уступает место в данной области их сотрудничеству и взаимодействию**.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апресян Ю.Д. и др. 1989 – Лингвистическое обеспечение системы Этап-2. М., 1989.

Андреев Н.Д. 1957 – Машинный перевод и проблема языка-посредника // ВЯ. 1957. № 5.

Гумбольдт В. 1984 – Избранные труды по языкознанию. М., 1984.

Жолковский А.К. – Леонтьева Н.Н. – Мартемьянов Ю.С. 1961 – О принципиальном использовании смысла при машинном переводе // Машинный перевод. М., 1961.

Жолковский А.К. – Мельчук И.А. 1967 – О семантическом синтезе // Проблемы кибернетики. Вып. 19. М., 1967.

Жолковский А.К. – Мельчук И.А. 1969 – К построению действующей модели языка "Смысл ↔ Текст" // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 11. М., 1969.

Зализняк А.А. 1977 – Грамматический словарь русского языка. М., 1977. ИИ 1990 – Искусственный интеллект. Справочник. Книга 1. Системы общения и экспертные системы. М., 1990.

Кадзи Х. – Окадзима А. 1985 – Хитати ни окэру кикай хонъяку сисутэму. Дзехо сери. 1985. Т. 26. № 10 (на япон. яз.).

Кулагина О.С. 1992 – Синтаксический анализ на основе предпочтений // Festshrift V.Yu. Rosencveig. WSIA. Sbd. 33. 1992.

Кулагина О.С. – Мельчук И.А. 1971 – Автоматический перевод: краткая история, современное состояние, возможные перспективы // Автоматический перевод. М., 1971.

Мельчук И.А. 1974 – Опыт теории лингвистических моделей "Смысл ↔ Текст". М., 1974.

** Исследование выполнялось при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Российского гуманитарного научного фонда.

Мельчук И.А. – Равич Р.Д. 1967 – Автоматический перевод. 1949–1963. Аналитико-библиографический справочник. М., 1967.

Модина Л.С. – Шаляпина З.М. 1995 – Принципы организации лингвистических знаний в объектно-ориентированной модели лексико-морфологической системы японского языка // DIALOG'95. Труды Международного семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Казань, 1995.

Нагао М. и др. 1986 – Машинный перевод с японского языка на английский // ТИИЭР. 1986. Т. 74. № 7.

Нариньяни А.С. 1995 – Проблема понимания ЕЯ-запросов к базам данных решена // DIALOG'95. Труды Международного семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Казань, 1995.

Окаси М. и др. 1986 – Нитиэй кикай хонъяку сисутэму Thalia-3 // Мицубиси дэнки гихо. 1986. Т. 60. № 3.

Панов Д.Ю. 1959 – Переводная машина П.П. Троянского / Отв. ред. Д.Ю. Панов. М., 1959.

Певзнер Б.Р. 1981 – Система машинного перевода с элементами обучения // Вопросы информационной теории и практики. № 46. М., 1991.

Слокум Дж. 1989 – Обзор разработок по машинному переводу: история вопроса, современное состояние и перспективы развития // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIV: Компьютерная лингвистика. М., 1989.

СМП 1962 – Сообщения по машинному переводу. Сб. 1. Таллин, 1962.

Танака Х. – Мидзогути Ф. 1985 – Ими сери о доню сита кикай хонъяку ни цуйтэ. Юго хосики // Дзехо сери. 1985. Т. 26. № 10. (на япон. яз.).

Утида Х. 1985 – Бун рикай ни мотодзуку кикай хонъяку сисутэму ATLAS-2 // Дзехо сери. 1985. Т. 26. № 10.

Цейтин Г.С. 1975 – Методы синтаксического анализа, использующие предпочтение языковых конструкций (модели и эксперименты) // Международный семинар по машинному переводу. М., 1975.

Шаляпина З.М. 1975 – К проблеме построения формальной модели процесса перевода // Теория перевода и научные основы подготовки переводчиков. Материалы всесоюзной научной конференции. Ч. II. М., 1975.

Шаляпина З.М. 1980 – Автоматический перевод как моделирование переводческой деятельности человека // Международный форум по информации и документации. 1980. Т. 5. № 2.

ALPAC 1966 – Language and machines: computers in translation and linguistics. Technical report. Washington // Automatic language processing advisory committee (ALPAC). National Academy of Sciences. Publ. № 1416.

Amano S. 1986 – The Toshiba machine translation system // Japan computer quarterly. 1986. № 64.

Appelo L. 1986 – A compositional approach to the translation of temporal expressions in the Rosetta system // Proceedings of COLING 86. Bonn, 1986.

Beaven J.L. 1992 – Shake-and-bake machine translation // Proceedings of COLING 92. Nantes, 1992.

Blanchon H. 1994 – Perspectives of DBMT for monolingual authors on the basis of LIDIA-1, an implemented mock-up // Proceedings of COLING 94. Kyoto, 1994.

Choi K.-S. et al. 1994 – An English-to-Korean machine translator: MATES/EK // Proceedings of COLING 94. Kyoto, 1994.

Chung Y.S. – Kunii T.L. 1986 – NARA: A two-way simultaneous interpretation system between Korean and Japanese. A methodological study // Proceedings of COLING 86. Bonn, 1986.

Corbé M. 1960 – La machine à traduire française aure bientôt trente ans // Automatisme. 1960. V. 5. № 3.

Cornish T. et al. 1994 – Towards machine translation using contextual imformation // Proceedings of COLING 94. Kyoto, 1994.

Gunji T. 1987 – Japanese phrase structure grammar. Dordrecht, 1987.

Hajičová E. – Vrbová J. 1982 – On the role of the hierarchy of activation in the process of natural language understanding // Proceedings of COLING 82. Amsterdam, 1982.

Harada T. 1986 – NEC's machine translation system "PIVOT" // Japan Computer Quarterly. 1986. № 64.

Heylen D. et al. 1992 – Lexical functions and machine translation // Proceedings of COLING 94. Kyoto, 1994.

Hutchins W.-J. 1986 – Machine translation: past, present, future. N.Y., 1986.

Kanovich M.I. – Shalyapina Z.M. 1994 – The RUMORS system of Russian synthesis // Proceedings of COLING 94. Kyoto, 1994.

Kay M. et al. 1994 – Verbmobil: a translation system for face-to-face Dialog // CSLI lecture notes. Stanford, 1994. № 33.

Kudo I. – Nomura H. 1986 – Lexical-functional transfer: a transfer framework in a machine translation system based on LFG // Proceedings of COLING 86. Bonn, 1986.

Kumano A. – Hirakawa H. 1994 – Building an MT dictionary from parallel texts based on linguistic and statistical information // Proceedings of COLING 94. Kyoto, 1994.

Kushima H. – Uchida H. 1986 – Fujitsu's machine translation systems // Japan computer quarterly. 1986. № 64.

Landsbergen J. 1987 – Montague grammar and machine translation // Linguistic theory and computer applications. L., 1987.

LDOCE 1995 – Longman dictionary of contemporary English // Bungay (Suffolk). 1995.

Lenke N. 1994 – Anticipating the readers's problems and the automatic generation of paraphrases // Proceedings of COLING 94. Kyoto, 1994.

Luckhart H.D. – Maas H.D. 1983 – SUSY – Handbuch für Transfert und Synthese. Linguistische Arbeiten des SB-100; Neue Folge. Saarbrücken, 1983.

Marcus M.P. 1987 – Deterministic parsing and description theory // Linguistic theory and computer applications. L., 1987.

Miura M. et al. 1992 – Learning mechanism in machine translation System PIVOT // Proceedings of COLING 92. Nantes, 1992.

Modina L.S. – Shalyapina Z.M. 1994 – The JaRAP experimental system of Japanese-Russian automatic translation // Proceedings of COLING 94. Kyoto, 1994.

Morimoto T. et al. 1992 – A spoken language translation system: SL-TRANS2 // Proceedings of COLING 92. Nantes, 1992.

Nagao M. 1984 – A framework of a mechanical translation between Japanese and English by analogy principle // Artificial and Human Intelligence. Amsterdam, 1984.

Nagao M. et al. 1985 – The Japanese government project for machine translation // J. assoc. comput. linguistics. 1985. V. 11. № 2–3.

Nagao M. 1991 – Current state and problems of machine translation. Kyoto, 1991.

Nirenburg S. et al. 1986 – On knowledge-based machine translation // Proceedings of COLING 86. Bonn, 1986.

Nishida F. et al. 1986 – Construction of a modular and portable translation system // Proceedings of COLING 86. Bonn, 1986.

Nomiyama H. 1992 – Machine translation by case generalization // Proceedings of COLING 92. Nantes, 1992.

Nomura H. et al. 1986 – Translation by understanding: a machine translation system LUTE // Proceedings of COLING 86. Bonn, 1986.

Nyberg E. – Mitamura T. 1992 – The KANT System: Fast, accurate, high-quality translation in practical domains // Proceedings of COLING 92. Nantes, 1992.

Papagaaij B.C. 1986 – Word expert semantics. An interligual knowledge-based approach // Distributed language translation. Dordrecht: Reverton, 1986.

Richens R.H. 1956 – A general programme for mechanical translation between any two languages via an algebraic interlingua // Mechanical translation, 1956. V. 3, N 2.

Rösner D. 1986 – When Marico talks to Siegfried. Experience from a Japanese // German machine translation project. Proceedings of COLING 86. Bonn, 1986.

Sharp R. 1989 – CAT2 – A Formalism for multilingual machine translation // Международный семинар по машинному переводу. Тбилиси. 27 ноября – 2 декабря 1989 г. Тезисы докладов. М., 1989.

Takeda K. et al. 1992 – Shalt2 – A symmetric machine translation system with conceptual transfer // Proceedings of COLING 92. Nantes, 1992.

Tomita M. – Carbonell J.G. 1986 – Another stride towards knowledge-based machine translation // Proceedings of COLING 86. Bonn, 1986.

Tsutsumi T. 1986 – A prototype English-Japanese machine translation system for translating IBM computer mauals // Proceedings of COLING 86. Bonn, 1986.

Noord G. van 1990 – Reversible unification-based machine translation // Proceedings of COLING 90. Helsinki, 1990.

Vasconcellos M. – León M. 1985 – SPANAM and ENGSPAN: Machine translation at the Panamerican health organization // Machine translation systems. Cambridge, 1985.

Vauquois B. 1976 – Automatic translation – a survey of different approaches // Proceedings of COLING 76. Ottawa. V. 1. 1976.

Vauquois B. – Boitet Ch. 1985 – Automated translation at Grenoble university // Machine translation systems. Cambridge, 1985.

Watanabe H. 1994 – A method for distinguishing exceptional and general examples in example-based transfer systems // Proceedings of COLING 94. Kyoto, 1994.

Whitelock P. 1992 – Shake-and-bake translation // Proceedings of COLING 92. Nantes, 1992.

Whitelock P. et al. 1986 – Strategies for interactive machine translation: the experience and applications of the UMIST Japanese project // Proceedings of COLING 86. Bonn, 1986.

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 2 1996

"ГОРЯЧИЕ ТОЧКИ" В ЛИНГВИСТИКЕ

© 1996 г. Д. ГИЛ

ЗНАНИЕ ГРАММАТИКИ, ЗНАНИЕ ЯЗЫКА

1. ЯЗЫК, ГРАММАТИКА И МЫШЛЕНИЕ

Лингвистическая теория, с точки зрения тех, кто занимается ее разработкой, есть по существу изучение одной особой ментальной способности человека, а именно грамматики. Центральным принципом лингвистической теории является *гипотеза* автономности, согласно которой грамматика наделена свойственными лишь ей структурными характеристиками, отличающими ее от других ментальных способностей, таких как восприятие музыки и зрение. Следствием гипотезы автономности является тот факт, что грамматика должна содержать лишь те структурные характеристики, которые свойственны только языку; те же характеристики, которые являются общими для языка и других областей, приписываются другим ментальным способностям, вне грамматики: "В качестве эвристики будем рассматривать в рамках грамматической теории те принципы, которые действуют только на лингвистических объектах" [Lightfoot 1980: 142].

В то же время язык является совместным продуктом грамматики и других ментальных способностей: «...то, что мы нестрого называем "знание языка", включает в себя в первую очередь знание грамматики ...и кроме того других когнитивных систем, которые взаимодействуют с грамматикой...» [Chomsky 1980: 90]; «...реальный язык может быть только результатом взаимодействия ряда ментальных способностей, одна из которых — чисто языковая. Не существует конкретных языковых выражений, про которые мы могли бы сказать: "Это есть исключительно продукт языковой способности"» [Chomsky 1975: 43].

Итак, языковая структура по природе своей гетерогенна и отражает взаимодействие разных ментальных способностей. Грамматика сама по себе не вполне определяет язык; знание грамматики всего лишь один из компонентов общего знания языка.

Однако большое количество работ в рамках современной лингвистической теории идет вразрез с ее философскими и методологическими основами. Несмотря на то, что грамматика не до конца определяет язык, традиционной целью грамматической теории было выработать полный перечень всех отмеченных единиц языка: слогов, слов, предложений и т.д. И хотя из гетерогенности лингвистической структуры следует тот факт, что значительная часть языковых явлений выходит за рамки граматической теории, большинство современных лингвистических работ опирается на невысказанное убеждение, что лингвистическое явление, чтобы заинтересовать конкретного исследователя, должно, в силу своего языкового характера, быть описано тем или иным образом средствами грамматической теории. Таким образом, современная лингвистическая практика входит в конфликт с собственными основаниями.

В данной работе предлагается вернуть лингвистическую теорию к ее философским и методологическим истокам. Для этого лингвистическая теория, однако, должна заниматься не только грамматикой, но также изучением того, каким образом в процессе взаимодействия грамматики с другими ментальными способностями формируется язык. В частности, необходимо определить границы грамматики, т.е. определить,

какие языковые явления попадают в рамки грамматики, а какие не попадают и более естественным образом описываются в терминах других, неграмматических ментальных способностей.

Соответственно в данной работе представлен частный случай изучения гетерогенности лингвистической структуры. Это изучение двух устных текстов, каждый из которых представляет собой последовательность выкриков торговцев на тагальском языке. Анализ этих текстов обнаруживает существование жестко ограниченных дистрибутивных типов, которые, однако, не могут быть объяснены в терминах единого набора правил и принципов грамматической теории. Утверждается, что необходимы три системы правил и принципов, причем каждая из них должна быть наделена собственными структурными характеристиками. Эти три системы соотвественно связаны с тремя автономными ментальными способностями человека: просодией, алгеброй и грамматикой. Итак, оба текста показывают, насколько грамматика "недоопределяет" язык; демонстрируя взаимодействие разных ментальных способностей, необходимое для возникновения языка.

2. ДВЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ ВЫКРИКОВ ТАГАЛЬСКИХ ТОРГОВЦЕВ

Оба рассматриваемых ниже текста были записаны непосредственно на месте, в городе Маниле, на Филиппинах, в 1985 и 1986 годах. Каждый текст представляет собой монолог торговца, расхваливающего свой товар с целью привлечь покупателей. Первый текст был записан на рынке Пако и состоит из выкриков торговца, продающего лаймы (*Citrus auruntifolia*) — 12 штук за 1 песо. Второй текст был записан в Лунете, центральном парке, и принадлежит торговцу, продающему мороженое по 1 песо за штуку.

Каждый текст представляет собой набор коротких реплик, 88 в первой последовательности, 125 во второй. Начало и конец текстов по большей части произвольны[1]. Каждый выкрик происходит на одном дыхании и оформлен единым интонационным контуром: эти признаки отделяют выкрики друг от друга и определяют их границы. В некоторых случаях выкрики быстро следуют друг за другом, в других случаях последовательность выкриков прерывается периодами молчания, когда торговец делает паузу, чтобы передохнуть, обслужить покупателя или по какой-либо другой причине. В данной работе мы займемся только внутренней структурой этих выкриков; мы ничего не будем говорить о том, каким образом выкрики группируются в последовательности.

Грубо говоря, каждый выкрик по размеру соответствует типичному высказыванию. Однако эти выкрики вряд ли обнаруживают большое количество внутренних синтаксических структурных характеристик предложения. Самая заметная особенность, отличающая выкрики торговцев от типичных высказываний — это крайне частые повторы. Так, некоторые выкрики состоят из одного единственного слова, повторяемого вновь и вновь, и подавляющее большинство выкриков содержит хотя бы одно повторение. В целом, первый текст состоит из 507 языковых знаков, реализующих всего лишь 12 разных слов; схожим образом второй текст состоит из 806 знаков, соответствующих только 22 словам. На первый взгляд, повторы кажутся довольно случайными, но более внимательное изучение позволяет обнаружить наличие жестко ограниченных моделей.

2.1. "Двенадцать за 1 песо, лаймы, двенадцать".

Первая последовательность принадлежит торговцу, продающему лаймы по цене 12 штук за песо; она состоит из 88 выкриков:

[1] Последовательности выкриков начинаются, когда я пришел на место и подошел достаточно близко к торговцам, чтобы запись можно было понять. Первая последовательность заканчивается, когда тот факт, что я околачивался без дела поблизости, стал для торговца слишком подозрительным и я почувствовал, что пора уходить, в то время как вторая последовательность заканчивается, когда продавец распродал все мороженое и ушел сам.

(I) 1) labing dalawa piso labing dalawa
2) labing dalawa piso labing dalawa
3) labing dalawa piso halika labing dalawa
4) calamansi labing dalawa piso halika labing dalawa
5) labing dalawa na piso calamansi labing dalawa na
6) calamansi halika twelve pieces one piso
7) labing dalawa piso labing dalawa
8) labing dalawa piso halika labing dalawa na
9) labing dalawa piso halika labing dalawa na
10) labing dalawa piso halika labing dalawa na
11) calamansi ang lalaki labing dalawa na
12) labing dalawa piso halika labing dalawa na
13) calamansi labing dalawa piso halika labing dalawa
14) labing dalawa piso labing dalawa
15) twelve pieces one piso
16) labing dalawa piso calamansi
17) calamansi labing dalawa piso halika labing dalawa na
18) labing dalawa na piso halika labing dalawa
19) labing dalawa piso calamansi labing dalawa
20) calamansi labing dalawa piso halika labing dalawa
21) labing dalawa na piso calamansi labing dalawa
22) labing dalawa piso calamansi labing da lawa
23) calamansi labing dalawa piso halika
24) labing dalawa piso calamansi labing dalawa
25) calamansi labing dalawa piso halika
26) labing dalawa na piso calamansi labing dalawa na
27) labing dalawa na piso labing dalawa
28) labing dalawa na piso calamansi labing dalawa
29) calamansi labing dalawa piso calamansi o
30) labing dalawa na piso calamansi labing dalawa
31) labing dalawa na piso halika labing dalawa na
32) calamansi labing dalawa piso
33) labing dalawa na piso calamansi labing dalawa
34) labing dalawa na piso calamansi labing dalawa
35) labing dalawa na piso halika labing dalawa na
36) labing dalawa na piso halika labing dalawa na
37) labing dalawa na piso calamansi labing dalawa
38) calamansi labing dalawa piso labing dalawa
39) labing dalawa na piso calamansi labing dalawa
40) calamansi labing dalawa piso labing dalawa na
41) ang lalaki labing dalawa piso calamansi ang lalaki
42) labing dalawa na piso ang lalaki labing dalawa na
43) calamansi labing dalawa piso ang lalaki labing dalawa na
44) labing dalawa na piso ang lalaki labing dalawa
45) twelve pieces one piso lang
46) labing dalawa piso labing dalawa
47) twelve pieces one piso
48) calamansi twelve peices one piso lang
49) labing dalawa piso ang lalaki
50) labing dalawa piso labing dalawa
51) calamansi labing dalawa piso labing dalawa
52) labing dalawa piso ang lalaki o
53) calamansi labing dalawa piso and lalaki labing dalawa na
54) labing dalawa na piso ang lalaki labing dalawa
55) labing dalawa piso calamasi labing dalawa na
56) calamansi labing dalawa piso halika ale o
57) labing dalawa na piso ang lalaki labing dalawa na
58) calamansi labing dalawa piso halika labing dalawa
59) labing dalawa piso ang lalaki labing dalawa na
60) labing dalawa na piso calamansi labing dalawa
61) labing dalawa na piso calamansi labing dalawa
62) calamansi labing dalawa piso halika
63) labing dalawa na piso calamansi labing dalawa na
64) calamansi labing dalawa piso halika labing dalawa
65) labing dalawa na piso calamansi labing dalawa na
66) labing dalawa piso calamansi labing dalawa na
67) ang lalaki labing dalawa piso calamansi
68) labing dalawa na piso ang lalaki labing dalawa
69) labing dalawa na piso halika labing dalawa na
70) calamansi labing dalawa piso ang lalaki labing dalawa

71) labing dalawa piso calamansi labing dalawa na
72) calamansi labing dalawa piso labing dalawa
73) labing dalawa na piso calamansi labing dalawa
74) labing dalawa na piso ang lalaki
75) calamansi labing dalawa na piso ang lalaki labing dalawa na
76) ang lalaki labing dalawa piso calamansi labing dalawa
77) labing dalawa na piso calamansi labing dalawa na
78) labing dalawa na piso ang lalaki labing dalawa
79) ang lalaki labing dalawa piso ang lalaki
80) calamansi labing dalawa piso ang lalaki labing dalawa na
81) labing dalawa na piso ang lalaki labing dalawa
82) calamansi ang lalaki dalawa piso
83) labing dalawa piso calamansi
84) labing dalawa na piso calamansi labing dalawa na
85) calamansi labing dalawa piso ang lalaki
86) ang lalaki labing dalawa piso calamansi
87) labing dalawa na piso ang lalaki labing dalawa
88) labing dalawa ang lalaki labing dalawa na

Из вышеприведенных 88 выкриков 83 целиком состоят из тагальских слов, в то время как оставшиеся 5 (6, 15, 45, 47, 48) состоят из смеси тагальских и английских слов. Вообще говоря, тагальско-английское переключение кода широко распространено в филиппинских языковых общностях (см., например [Marasigan 1983]). Однако в случае данных пяти выкриков торговец явно обращался к иностранцу, стоящему поблизости с большой корзиной для покупок; в процессе этих 5 выкриков его голос переходил от крика, обращенного к публике вообще, в более "личный" регистр: он смотрел на меня и улыбался. Соответственно, в анализе приведенного выше текста мы опустим эти 5 "контаминированных" выкриков и сосредоточим наше внимание на оставшихся 83.

Эти 83 выкрика используют очень ограниченный инвентарь выражений. Ниже эти выражения расклассифицированы на основании их семантики в четыре категории и приведены соответствующие подстрочники[2]:

(1) (a) Категория P: выражения, обозначающие цену
(i) *labing dalawa (na) (piso)* "двенадцать (PFCT) (песо)"
(b) Категория M: выражения, описывающие товар
(i) *calamansi* "лайм"
(ii) *ang lalaki* "TOP PL-большой[3]"
(c) Категория 0: другие выражения
(i) *halika* "подходи"
(d) Категория E: восклицания
(i) *o* "EXCL: смотри"
(ii) *ale* "VOC: обращение к женщине"

[2] В поморфемных подстрочниках, принятых в этой работе, используются следующие условные обозначения: AT — акторно-топикальный фокус; CONT — контрастивность; DIR — прямой (падеж); DIST — дистрибутивность; EXIST — экзистенциальность; EXCL — восклицание; FUT — будущее время; IMPFV — несовершенный вид; LIG — линкер; NEG — отрицание; OBL — косвенный (падеж); PFCT — совершенный вид; PL — множественное число; PT — пациентно-топикальный фокус; STAT — стативность; TOP — топик; VOC — вокатив; 1 — первое лицо; 2 — второе лицо; 3 — третье лицо.

[3] В тагальском языке конструкции вида *ang X* потенциально неоднозначны. В большинстве случаев *ang X* задает топикальную группу; при такой интерпретации выкрик (1.49) *labing dalawa piso ang lalaki* образует законченное высказывание, буквальным переводом которого можно считать следующее: "Что касается *больших*, то они 12 штук за песо, Большие — 12 штук за песо". Однако в некоторых случаях *ang X* функционирует как восклицание; так, *ang lalaki* может также значить "Какие они большие!", и выкрик (1.49) будет соответственно записан как "Двенадцать за песо. Какие они *большие*!" В *действительности*, в контексте выкриков торговцев могут быть приняты обе интерпретации, и я не знаю, как определить, имелась ли в виду какая-то из них, или же продавец использовал неоднозначность как поэтический прием.

Каждый из 83 выкриков состоит из комбинации приведенных выше выражений. Некоторые комбинации встречаются по нескольку раз; 83 конкретных выкрика распадаются на 36 различных типов. Наиболее частый тип выкриков — *labing dalawa na piso calamansi labing dalawa*, встречающийся 9 раз (выкрики I.21, I.28, I.30, I.34, I.37, I.39, I.60, I.61, I.73). С другой стороны, 21 тип встречается во всей последовательности лишь однажды.

В большинстве выкриков мы найдем мало свидетельств того типа грамматической организации, который обычно именуют синтаксическим. Например, в выкрике из предыдущего параграфа выражение *labing dalawa na piso* может быть проанализировано как предицирование группы *labing dalawa na* следующему за ней топику *piso*: "Песо (— /дает вам) двенадцать", хотя мы не имеем здесь никаких морфосинтаксических маркеров, обычно соответствующих подобным конструкциям. Схожим образом *labing dalawa na piso calamansi* может быть проанализировано как сложный предикат *labing dalawa na piso*, сопровождаемый топиком *calamansi:* "Лаймы — двенадцать за песо", хотя здесь стандартные тагальские морфология и синтаксис требуют, чтобы слову *calamansi* предшествовал образующий топикальную группу предлог *ang*. Нет, однако, никакого способа втиснуть конечное *labing dalawa* в сочетании с предыдушим материалом в приемлемую синтаксическую конструкцию. Итак, выкрик вообще не имеет синтаксической структуры; не существует ни одного синтаксического дерева, которое было бы можно поставить ему в соответствие. С точки зрения синтаксиса, следовательно, выкрик наиболее естественно рассматривать как состоящий из неструктурируемой последовательности четырех выражений: *labing dalawa na, piso, calamansi* и *labing dalawa*. Схожие наблюдения имеют место и для большинства остальных выкриков из этой последовательности.

Тем не менее выкрики торговцев не представляют собой случайной конкатенации выражений, приведенных в (1); очевидно наличие некоторых значимых моделей. Например, в то время как выкрик типа *calamansi labing dalawa piso halika labing dalawa* встречается 5 раз (выкрики I.4, I.13, I.20, I.58 и I.64), его зеркальное отображение *labing dalawa halika labing dalawa piso calamansi* не встречается ни разу. Поскольку, по всей видимости, синтаксическая структура отсутствует, вместо нее должен быть предложен некий альтернативный способ организации.

Чтобы охарактеризовать этот альтернативный способ организации, мы должны вспомнить о четырех выделяемых по семантическому признаку категориях, определенных в (1). Во-первых, рассмотрим дистрибуцию восклицаний *о* и *ale* из категории Е. Они встречаются только в 3 выкриках (I.29, I.52, I.56), всегда в конечной позиции. В действительности в большинстве жанров тагальской речи *о* обычно встречается в крайней правой позиции, так же как и обращение *ale*. Так что распределение этих двух восклицаний, похоже, управляется обычными правилами тагальского синтаксиса; однако их роль в последовательностях выкриков торговцев невелика.

Будем игнорировать восклицания и обратим наше внимание на выражения, относящиеся к трем остальным категориям. Изучение выкриков торговцев позволяет выявить четырехчленный шаблон построения форм:

(2) ВЫКРИК = X P X P

В шаблоне представлены позиции двух типов. Позиция P может содержать какое-либо выражение категории P: *labing dalawa, labing dalawa na, labing dalawa piso* или *labing dalawa na piso;* позицию X могут заполнять выражения категорий M или O: *calamansi, ang lalaki* или *halika*. Имеют место также следующие

ограничения:

(3) В каждом выкрике заполнены по меньшей мере 2 позиции;
(4) В каждом выкрике заполнена по меньшей мере одна Р-позиция;
(5) Р-выражение, содержащее слово *piso*, может встречаться только в первой из двух Р-позиций.

В совокупности пункты (2)—(5) обеспечивают почти совершенную характеристику приведенной в (I) последовательности выкриков торговца. Ниже, в пункте (6), 36 типов выкриков переписаны в соответствии с тем местом, которое каждое из выражений занимает в шаблоне[4]:

(6)	X	P	X	P	выкрики
1)		LD P		LD	1, 2, 7, 14, 46, 50
2)		LDN P		LD	27
3)		LD P	C		16, 83
4)		LD P	AL		49
5)		LDNP	AL		74
6)		LD P	AL [o]		52
7)		LD P	H	LD	3
8)		LD P	H	LDN	8, 9, 10, 12, 36
9)		LDN P	H	LD	18
10)		LDN P	H	LDN	31, 35, 69
11)		LD P	C	LD	19, 22, 24, 33
12)		LD P	C	LDN	55, 66, 71
13)		LDN P	C	LD	21, 28, 30, 34, 37, 39, 60, 61, 73
14)		LDN P	C	LDN	5, 26, 63, 65, 77, 84
15)		LD P	AI	LDN	59
16)		LDN P	AI	LD	44, 54, 68, 78, 81, 87
17)		LDN P	AL	LDN	2, 57
18)		LD	AL	LDN	88
19)	C	LD P			32
20)	C	LD P	H		23, 25, 62
21)	C	LD P	H [ale o]		56
22)	C	LD P	C [o]		29
23)	C	LD P	AL		85
24)	AL	LD P	C		67, 86
25)	AL	LD P	AL		79
26)	C		AL	LDN	11
27)	C	LD P		LD	38, 51, 72
28)	C	LD P		LDN	40
29)	C	LD P	H	LD	4, 13, 20, 58, 64
30)	C	LD P	H	LDN	17
31)	C	LD P	AL	LD	70
32)	C	LD P	AL	LDN	43, 53, 80
33)	C	LND P	AL	LDN	75
34)	AL	LDP	C	LD	76
35)	C/AL/LD P				82
36)	AI/LD P/C/AL				41

[4] В (6) используются следующие сокращения: "LD" — *labing dalawa:* "N" — *na*; "P" — *piso*, "C" — *calamansi*; "AL" — *ang lalaki*, "H" — *halika*. Восклицания взяты в квадратные скобки.

34 из 36 типов выкриков, покрывающих 81 из 83 реальных выкриков, отлично вписываются в шаблон. Два исключения — это тип (6.35), соответствующий шаблону XXP, и тип (6.36), соответствующий шаблону XPXX. Вышеприведенный список правил не допускает разнообразных наборов выкриков, поверхностно схожих с зарегистрированными, но не встречающихся в последовательности, например:

(7) (a) **labing dalawa halika labing dalawa piso calamansi*
(b) **labing dalawa na piso labing dalawa labing dalawa*

Пример 7(a) демонстрирует модель PXPX, несоответствующую шаблону XPXP из (2). Точно так же пример 7(b) представляет собой модель PPP, несовместимую с шаблоном XPXP. Итак, правила (2) — (5) обеспечивают, по-видимому, адекватное описание дистрибуции выражений в рамках выкриков торговцев в примере (I).

Однако на объяснительном уровне возникает вопрос, почему выкрики торговцев должны удовлетворять четырехчленному шаблону в (2), а также дальнейшим ограничениям из (3) — (5), а не каким-то другим из потенциально бесконечных наборов альтернативных шаблонов и ограничений. Мы утверждаем, что ответ на этот вопрос следующий: структурой выкриков торговцев управляет последовательная и четко определенная система правил и принципов, природа которых не синтаксична, а скорее основана на просодии или ритмике.

Одна из наиболее ярких характеристик просодического поведения — это преобладание четырехчленных моделей, образуемых фонологией, синтаксисом и семантикой. Ниже в (8) — (10) приводятся примеры четырехчленных моделей в тагальском языке, относящихся к различным жанрам:

(8) Колыбельная

O óne twó thrée	Раз два три
O asáwa ní Maríe	Муж Мари
O áraw 0 gabí	День и ночь
O waláng pántí	Без штанов

(9) Реклама

(a) мороженого

Original ang sarap.	Оригинальный вкус.
Original ang sangkap.	Подлинные ингредиенты.

(b) сгущеного молока

Menos sa gastos	Меньше расходов
Sagana sa gatas	Больше молока

(c) прохладительного напитка

Tamis-	Сладкий
Orange	Апельсин
Tamis-	Сладкая
MIRINDA	МИРИНДА

(10) Отырывок из листовки протеста, 3 декабря 1985, Манила:

"Papayang ba tayong mawalang saysay ang pagkamatay ni Sen. Aquiono at kamatayan ng marami pang martir? Papayag ba tayong paulit-ulit na insultuhin ng diktadurang US-Marcos ang talino ng Sambayanang Pilipino? Papayag ba tayong laging nakalibing ang katarungan, katotohanan at demokrasya sa ating bayan sa ilalim ng paghahari ng diktadura? **Parusahan lahat ng Kriminal sa asasinasyong Aquino matopos muling litisin sa isang korteng malaya at walang pinapanigan! Magbitiw si Marcos! Alisin si Ver!"** ("Согласимся ли мы с тем, что убийство сенатора Акино и смерть многих других мучеников не получили никаких объяснений? Согласимся ли мы, чтобы диктатура ставленника США Маркоса последовательно истребляла лучшие умы филиппин-

ской общественности? Согласимся ли мы с бесконечным погребением справедливости, истины и демократии в нашей стране под властью диктатуры? **Наказать всех виновных в убийстве Акино после повторного слушания дела независимым и справедливым судом. В отставку Маркоса! Снять с должности Вера!").**

Вышеприведенные примеры демонстрируют четырехчленные модели, образованные различными языковыми свойствами, действующими одновременно. В (8) колыбельная состоит из четырех строк, каждая из которых содержит четыре такта; в некоторых случаях он попадает на слоги, отмеченные ударением ("/"), в других случаях он попадает на пустые позиции и дает паузы, обозначаемые "0". В примере (9) рекламные лозунги используют лексические повторы и синтактико-семантический параллелизм, образуя модели ABAB, которые затем в первых двух примерах усиливаются с помощью аллитерации, а также во всех трех примерах — с помощью особого расположения строк и деления текста на две или четыре строки. Аналогично в (10) тексту соответствует модель AAAB, где за тремя синтаксически и семантически параллельными вопросами следует четвертый завершающий блок, содержащий основную мысль всего отрывка. Безусловно, едва ли четырехчленные модели свойственны исключительно тагальскому языку: сходные примеры на разные жанры можно найти во многих, если не во всех языках.

Важной дополнительной характеристикой, свойственной приведенным примерам, является эффект крещендо, или конечного усиления. В (8) четвертая строчка колыбельной содержит аффективно отмеченное выражение *panti* "штаны"; в то же время в каждой из строк с последней, четвертой долей связан наиболее сильный акцент. В (9) четвертая четверть каждого из лозунгов содержит, по-видимому, самое важное слово; это наиболее очевидно в третьем примере, который заканчивается названием рекламируемого напитка, для еще большего усиления написанным большими буквами. А в (10) напряжение нагнетается до кульминационного момента, завершающегося темой листовки — требованием наказания и отставки; здесь конечный отрывок выделен жирным шрифтом. Опять же, подобные эффекты свойственны не только четырехчленным моделям в тагальском языке; сходный эффект крещендо можно обнаружить в значительном большинстве четырехчленных моделей в разных жанрах и языках (см. [Gil 1987; 1990; 1991b, 1993a] и [Shoshany 1986; 1987; 1988]).

Четырехчленные модели и эффект крещендо, демонстрируемые примерами типа (8) — (10), имеют явно ритмическую природу. Соответственно они могут быть описаны в рамках теории просодии, характеризующей человеческое чувство ритма. Теория просодии, объясняющая наряду с другими и интересующие нас примеры, детально представлена в [Stein, Gil 1980], [Gil 1986; 1989; 1993a] и [Gil, Shoshany 1984, (в печати)].

Заметим теперь, как похожи выкрики торговцев в (I) на примеры (8) — (10). Шаблон XPXP в (2), безусловно, частный случай четырехчленной модели. Например, выкрик (6.31) *calamansi labing dalawa piso ang lalaki labing dalawa* демонстрирует синтактико-семантическую модель ABAB, так же как лозунги *Original ang sarap, Original ang sangkap* и другие рекламные лозунги в (9). В большинстве выкриков в то же время одна или две позиции пустуют; в этом отношении можно провести параллель с разными строками колыбельной (8), в которых мы можем "услышать" паузы. Например, как выкрик типа (6.13) *labing dalawa na piso calamansi labing dalawa* имеет пустую позицию X и далее заполненные PXP, так и в первой строчке колыбельной (8) *one two three* один такт попадает на пустую позицию, а три последующих — на слоги. Точно так же выкрик типа (6.1) *labing dalawa piso labing dalawa* имеет пустые X-позиции и заполненные P-позиции, что соответствует третьей строчке колыбельной (8) *0 araw, 0 gabi*, где такт поочередно попадает на пустые позиции и слоги. Таким образом, выкрики торговцев, с шаблоном XPXP, представляют собой вариант четырехчленной модели.

Кроме того, выкрики в (I) демонстрируют эффект крещендо, схожий с подобным

эффектом в (8) — (10). Рассмотрим распределение выражений по четырем позициям в шаблоне XPXP:

(11)	Позиция в шаблоне	X	P	X	P
	Количество типов выкриков с заполненной позицией (из 34)	16	33	29	23
	Количество конкретных выкриков с заполненной позицией (из 81)	27	80	69	66

Как в каждой строке примера (8) первый такт постоянно попадает на паузу, так и первая позиция в каждом выкрике, как показывает (11), имеет бóльшую вероятность остаться незаполненной, чем остальные три[5]. Например, в то время как 42 конкретных выкрика, соответствующих 12 типам (6.7—6.18), демонстрируют модель PXP, всего лишь 9 выкриков, соответствующих 6 типам (6.20—6.25), реализуют модель XPX, являющуюся ее зеркальным отображением.

Таким образом, выкрики торговцев в (I) демонстрируют четырехчленные модели и эффект крещендо, сходные с теми, что обнаруживаются в других жанрах. Отсюда следует, что организационные принципы, лежащие в основе этих выкриков, имеют ту же ритмическую природу. Соответственно мы будем описывать четырехчленные модели и эффект крещендо в выкриках торговцев (I) точно так же, как в рамках просодической теории. Говоря неформально, можно предложить следующий набросок такого описания. Просодическая структура, лежащая в основе каждого выкрика, изображена на рисунке 1. Рисунок показывает, как эта структура соотносится с тремя типичными выкриками — (6.1), (6.13) и (6.32).

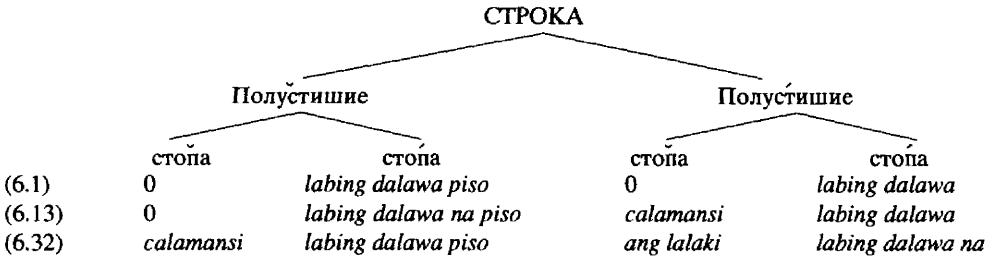


Рис. 1. Просодическая структура выкриков торговцев

В вышеприведенной просодической структуре строка состоит из двух полустиший, каждое из которых состоит из двух стоп: общее количество стоп равно четырем. Первая и третья стопы связаны с выражениями категории M или 0, вторая и четвертая стопы связаны с выражениями из категорий P; в результате мы получаем шаблон XPXP из (2). Кроме того, в данной просодической структуре каждая некорневая просодическая составляющая может быть слабой ("˘") или сильной ("/"); в частности, в каждой из двух составляющих первая — слабая, а вторая — сильная. В результате возникает эффект крещендо, в соответствии с которым первая стопа самая слабая, а последняя — самая сильная; этот эффект реализуется в том, что первая стопа с наибольшей вероятностью остается незаполненной.

Итак, многие аспекты структуры выкриков торговцев (I), охарактеризованные в (2) — (5), могут быть описаны непосредственно в рамках теории просодии, имеющей дело с различными сторонами ритмического поведения человека[6]. Лишь небольшой фрагмент, связанный с дистрибуцией восклицаний, оказывается удобнее описывать в рамках синтаксиса. Соответственно мы можем охарактеризовать структуру выкриков торговцев в (I) как исходно просодическую по своей природе.

[5] В то же время количество заполненных позиций последовательно уменьшается со второй к концу шаблона. У меня нет объяснений этой тенденции.

[6] Однако остается неописанным ограничение (5), чему нет никаких объяснений.

2.2. "Шоколад, только одно песо, одно песо, одно песо, одно песо".

Второй текст из рассматриваемых в работе принадлежит торговцу, продающему шоколадное мороженое на палочке с поджаренным рисом по 1 песо за штуку; этот текст состоит из 125 выкриков:

(II)
1) piso piso piso piso
2) chocolate piso lang piso piso piso
3) piso lang piso piso chocolate piso
4) piso lang iyan piniping piso lang piso
5) piso pinipig piso chocolate lapit piso lang piso
6) piso lang iyan piso piso pinipig o
7) chocolate chocolate piniping piso lang piso piso
8) piso lang iyan piso piso piso piso piso
9) lapit piso lang iyan piniping piso lang piso
10) piso piso piso piso piso piso
11) piso lang iyan chocolate chocolate piso lang piso
12) ah chocolate chocolate piso lang piso piso
13) piso piso chocolte chocolate piso piso
14) ah piso piso chocolate chocolate piso lang o
15) piso piso mulang tapos o piso
16) chocolate chocolate pinipig piso piso piso
17) halika piso lang piso lang piso lang
18) piso lang piso lang piso lang piso lang piso lang
19) piso lang iyan piso lang pinipig o
20) pinipig pinipig piso lang piso
21) piso lang iyan piso lang piso piso
22) piso lang lapit piso lang iyan piso piso
23) piso pinipig piso lang piso piso
24) piso lang iyan piso piso piso
25) piso pinipig piso piso
26) piso piso piso piso piso piso
27) piso piso piso piso pinipig o
28) piso lang iyan piso piso piso piso
29) piso lang piso lang piso lang piso lang piso
30) piso lang iyan piso piso piso
31) piso lang piso piso lang piso piso
32) piso lang piso piso piso lang piso
33) piso lang lapit piso lang iyan piso pinipig o
34) pinipig chocolate chocolate piso lang piso
35) piso lang iyan piso piso piso pinipig o
36) pinipig chocolate piso lang piso piso
37) piso lang ho piso lang piso wala na boses
38) piso piso piso lang piso piso
39) piso lang iyan piso piso piso
40) piso piso piso piso piso piso
41) hoy chocolate chocolate piso lang piso
42) piso piso
43) piso piso piso lang piso piso
44) piso lang iyan piso piso piso
45) piso lang iyan piso piso piso piso
46) piso piso piso piso piso piso
47) piso lang iyan chocolate piso piso
48) piso chocolate piso piso
49) o pinipig pinipig piso lang piso
50) piso pinipig piso pinipig o
51) piso piso pinipig piso piso
52) piso lang piso lang pinipig piso piso
53) piso lang pinipig chocolate piso lang piso
54) piso pinipig piso lang piso lang piso lang o
55) piso lang iyan piso lang piso piso piso
56) piso lang piso piso piso pinipig o
57) pinipig chocolate piso lang piso piso
58) piso lang iyan piso lang piso piso
59) piso lang iyan chocolate chocolate piso lang piso
60) piso na lang chocolate pinipig piso lang piso
61) piso lang iyan piso piso piso
62) piso lang iyan piso lang piso pinipig o
63) piso lang piso pinipig piso piso piso piso
64) piso lang iyan piso piso piso
65) piso piso
66) piso lang piso pinipig o
67) pinipig piso lang piso pinipig piso piso piso
68) chocolate malapit na kayo piso na lang piso
69) piso piso piso piso piso
70) piso chocolate chocolate piso lang piso
71) piso piso lang pinipig piso piso
72) piso piso piso piniping chocolate o
73) chocolate piso lang iyan piso piso piso
74) piso lang pinipig piso pinipig piso lang o
75) piso lang piso piso piso
76) hoy chocolate chocolate piso lang iyan piso ah
77) piso lang iyan pinipig piso piso
78) piso lang iyan piso piso piso pinipig o
79) chocolate chocolate piso lang iyan piso piso
80) piso lang piso piso piso piso
81) piso lang iyan piso piso
82) chocolate chocolate piso lang piso
83) piso lang iyan piso piso piso
84) piso lang piso piso piso piso
85) piso lang iyan piso piso piso piso
86) piso chocolate chocolate piso lang piso

87) piso lang iyan piso pinipig o
88) pinipig piso lang piso pinipig piso piso
89) hoy chocolate lapit piso lang piso
90) piso pinipig piso pinipig
91) ah piso pinipig chocolate pisp lang piso
92) piso lang piso pinipig piso piso
93) pinipig chocolate chocolate piso lang pinipig o
94) piso lang iyan piso pinipig piso piso
95) piso lang piso pinipig piso
96) ah piso lang piso piso
97) piso lang iyan piso piso piso piso
98) piso pinipig piso pinipig piso piso
99) chocolate kaunti na lang lapit piso lang o
100) piso pinipig chocolate piso piso
101) ah piso piso pinipig piso
102) piso pinipig piso piso piso
103) bilis piso lang piso
104) halika lapit piso lang piso pinipig o
105) o piso lang iyan piso piso piso
106) o pinipig piso lang piso chocolate o
107) piso lang iyan piso pinipig chocolate o
108) piso lang iyan piso piso piso pinipig
109) ah pinipig chocolate piso na lang piso pinipig
110) maubos na piso lang maubos na piso lang o
111) piso maubos na pinipig maubos na o
112) piso lang piso lang piso piso piso
113) kaunti na lang piso lang piso
114) chocolate piso lang piso wala na o
115) kaunti na lang kaunti na lang ah
116) piso piso piso piso
117) piso piso piso lang piso piso
118) piso lang piso lang piso lang piso lang o
119) piso lapit piso piso
120) o lapit pinipig piso lang piso piso
121) piso lang iyan piso piso piso piso
122) inuubos na piso lang piso piso
123) piso lang iyan piso piso piso
124) wala na payi piso lang piso lang
125) wala na

Так же как в предыдущем примере, эти 125 выкриков используют ограниченный инвентарь выражений. Эти выражения также могут быть расклассифицированы на те же 4 категории по семантическому принципу. Ниже приводится эта классификация и соответствующие подстрочники:

(12)	(a)	Категория P: выражения,	обозначающие цену
		(i) *piso (na) (lang) (iyan)*	"песо (PFCT) (только) (это)"
	(b)	Категория M: выражения,	обозначающие товар
		(i) *pinipig*	"поджаренный рис"
		(ii) *chocolate*	"шоколад"
	(c)	Категория 0: другие выражения[7]	
		(i) *lapit*	"близко"
		(ii) *malapit na kayo*	"AT-близко PFCT TOP: вы: PL"
		(iii) *bilis*	"скоро"
		(iv) *wala na boses*	"NEG: EXIST PFCT голос"
		(v) *kaunti na lang*	"маленький PFCT только"
		(vi) *mulang tapos*	"начало-LIG конец"
		(vii) *maubos na*	"AT -кончаться PFCT"
		(viii) *inuubos na*	"PT: IMPFV-кончаться PFCT"
		(ix) *wala na*	"NEG: EXIST PFCT"
		(x) *wala na payi*	"NEG: EXIST PFCT распродано"
	(d)	Категория E: восклицания	
		(i) *o*	"EXCL: смотри"
		(ii) *ha*	"EXCL"
		(iii) *ho*	"EXCL"
		(iv) *hoy*	"EXCL"

Каждый из 125 выкриков представляет собой комбинацию вышеприведенных выражений. 125 выкриков образуют в общей сложности 99 различных типов. Наиболее часто встречающийся тип — *piso lang iyan piso piso piso* — встречается 8 раз

[7] Эти выражения образуют побочную сюжетную линию, касающуюся уменьшения запаса мороженого. Выражения (i) — (iii) приглашают потенциальных покупателей подойти к продавцу; выражение (iv) отражает временную потерю голоса продавцом; выражения (v) — (vii) представляют собой текущие комментарии продавца об уменьшении запаса мороженого, а выражения (viii) — (x) поэтически завершают последовательность — "Все раскупили".

(выкрики II.24, II.30, II.39, II.44, II.61, II.64, II.83, II.123); напротив, 83 типа встречаются в последовательности лишь единожды.

Структура выкрика в (II) сходна со структурой выкрика в предыдущей последовательности, но имеет более сложное строение. В частности, она свидетельствует о существовании трех различных систем правил и прицнипов — просодической, алгебраической и синтактико-грамматической. Как и раньше, роль выражений категории E относительно невелика, в нашем примере они встречаются 41 раз, в обычной для себя позиции. Мы вновь ограничимся только рассмотрением выражений, принадлежащих к трем оставшимся категориям.

Общая структура выкрика может быть описана с помощью четырехчленного шаблона, сходного с шаблоном из предыдущего примера:

(13) ВЫКРИК = X'P'X'P'

Как и в шаблоне (2), P'-позиция содержит выражения категории P, а X'-позиция выражения категорий M или 0. Однако, в то время как в шаблоне (2) каждая из четырех позиций заполнялась только одним выражением подходящей категории, в данном случае каждая из четырех позиций наделена дополнительной внутренней структурой. Эта внутренняя структура может быть охарактеризована следующими дополнительными шаблонами:

(14) (a) $X' = \{M', 0'\}$

(b) $M' = M^i M^j \quad (i, j \leq 2)$

(c) $0' = 0^i 0^j \quad (i, j \leq 2)$

(15) $P' = (piso\ lang\ iyan)\ \{(piso\ na\ lang), (piso\ lang)^m\}\ (piso)^n$
$(m \leq 5, n \leq 6)$

Шаблон (14) гласит, что X'-позиция заполняется или последовательностью выражений категории M, или последовательностью выражений категории 0. Кроме того, этот шаблон определяет, что последовательность выражений категории M может содержать максимум дважды повторенное одно M-выражение и дважды повторенное другое M-выражение. Точно так же последовательность выражений категории 0 может содержать максимум дважды повторенное одно 0-выражение и дважды повторенное другое 0-выражение. Шаблон (15) гласит, что P'-позиция заполняется не более чем одним вхождением *piso lang iyan*, за которым следует либо 1 раз *piso na lang*, либо не более чем 5 раз *piso lang*, и вся эта последовательность может завершаться выражением *piso*, повторенным не более 6 раз.

Четырехчленный шаблон (13) в качестве основания выкриков представлен в (16). 99 типов выкриков переписаны в соответствии с тем местом, которое каждое из выражений занимает в шаблоне[8]:

(16)	X'	P'	X'	P'	тип выкрика
1)				P2	42, 65
2)				P4	1, 116
3)				P5	69
4)				P6	10, 26, 40, 46
5)				[ah] PL P2	96
6)				PL P3	75
7)				PL P4	80, 84
8)				PL2 P3	112
9)				PL4 [0]	118

[8] В (16) и далее используются следующие сокращения: "P" — *piso*; "N" — *na*; "L" — *lang*; "I" — *iyan*; "C" — *chocolate*; "G" — *pinipig*. Числительные обозначают количество повторов, например, "P3" — *piso piso piso*. Выражения категорий 0 и E записаны полностью, выражения категории E заключены в квадратные скобки.

(16)	X'	P'	X'	P'	тип выкрика
10)				PL4 P	29
11)				PL5	18
12)				PLI P2	81
13)				PLI P3	24, 30, 39, 44, 61, 64, 83, 123
14)				[o] PLI P3	105
15)				PLI P4	28, 45, 85, 97, 121
16)				PLI P5	8
17)				PLI PL P2	21,58
18)				PLI PL P3	55
19)			kaunti na lang 2 [ah]		115
20)			wala na		125
21)			C	PL P3	2
22)			C	PLI P3	73
23)			C 2	PL P	82
24)			[hoy] C 2	PL P	41
25)			[ah] C 2	PL P2	12
26)			C 2	PL P2	79
27)			[hoy] C 2	PLI P[ah]	76
28)			C 2 G	P3	16
29)			C 2 G	PL P2	7
30)			G 2	PL P	20
31)			[o] G2	PL P	49
32)			G C	PL P2	36, 57
33)			G C 2	PL P	34
34)			bilis	PL P	103
35)			halika	PL3	17
36)			kaunti na lang	PL P	113
37)			inuubos na	PL P2	122
38)			wala na payi	PL2	124
39)		P2PL		P2	38, 43, 117
40)		PLP		PL P2	31
41)		PL P2		PL P	32
42)		P3	G C [o]		72
43)		P4	G [o]		27
44)		PL P	G [o]		66
45)		PL P3	G [o]		56
46)		PLI P	G [o]		87
47)		PLI P	G C [o]		107
48)		PLI P3	G		108
49)		PLI P3	G [o]		6, 35, 78
50)		PLI PL P	G [o]		19, 62
51)		P	C	P2	48
52)		P	C 2	PL P	70, 86
53)		P	G	P2	25
54)		P	G	P3	102
55)		P	G	PL P2	23
56)		P	G	PL3 [0]	54
57)		P	G C	P2	100
58)		[ah] P	G C	PL P	91
59)		P	lapit	P2	119
60)		[ah] P2	C 2	PL [0]	14
61)		P 2	C 2	P 2	13
62)		P 2	G	P 2	51
63)		[ah] P2	G	P	101
64)		P2	mulang tapos [o]	P	15
65)		PL	G C	PL P	53
66)		PL	lapit	PLI P2	22

(16)	X'	P'	X'	P'	тип выкрика
67)		PL2	G	P2	52
68)		PL P	G	P	95
69)		PL P	G	P2	92
70)		PL P	G	P4	63
71)		PL P2	C	P	3
72)		PNL	C G	PL P	60
73)		PLI	C	P2	47
74)		PLI	C2	PL P	11, 59
75)		PLI	G	P2	77
76)		PLI	G	PL P	4
77)		PLI P	G	P2	94
78)	C		malapit na kayo	PNL P	68
79)	C		kaunti na lang lapit	PL [0]	99
80)	[hoy] C		lapit	PL P	89
81)	[0] lapit		G	PL P2	120
82)	C	PL P	wala na [0]		114
83)	[0] G	PL P	C [0]		106
84)	[ah] G C	PNL P	G		109
85)	G C2	PL	G [0]		93
86)	halika lapit	PL P	G [0]		104
87)	G	PL P	G	P2	88
88)	G	PL P	G	P3	67
89)	lapit	PLI	G	PL P	9
90)	maubos na	PL	maubos na	PL [0]	110
91)	P/PL/G/P2				71
92)	PL [ho]/PL P/wala na boses				37
93)	P/maubos na/G/maubos na [0]				111
94)	P/G/P/G				90
95)	P/G/P/G [0]				50
96)	P/G/P/G/P2				98
97)	PL/G/P/G/PL [0]				74
98)	PL/lapit/PLIP/G [0]				33
99)	P/G/P/C/lapit/PLP				5

Как видно из (16), 90 из 99 типов выкриков, соответствующие 116 из 125 конкретных выкриков, описываются шаблоном X'P'X'P'. Исключения (типы 16.91—99) демонстрируют другие модели[9].

Четырехчленный шаблон X'P'X'P', лежащий в основе выкриков торговцев в (II), очень похож на четырехчленный шаблон XPXP, лежащий в основе выкриков торговцев в (I). Более того, выкрики в (II) демонстрируют тот же эффект крещендо, что и выкрики в (I). Так, например, 29 конкретных выкриков, соответствующих 27 типам (16.51—77), реализуют шаблон P'X'P', в то время как только 5 конкретных выкриков, соответствующих 5 типам (16.82—86), реализуют шаблон X'P'X' — его зеркальное отображение.

Подобное сходство доказывает, что просодическое объяснение, предложенное для первой последовательности выкриков, приложимо также и ко второй последовательности. А именно, просодическая структура, изображенная на рис. 1, лежит в основе и

[9] Чтобы подогнать выкрики под шаблон X'P'X'P', необходимо было принять во внимание шаблоны (14) и (15), управляющие внутренней структурой позиций X' и P'. Так, для типов (16.78—81) смешанная последовательность из выражений категорий M и 0 приписывалась двум разным X'-позициям с целью избежать нарушения шаблона (14), согласно которому каждая X'-позиция может содержать либо только выражения категории M, либо только выражения категории 0. Аналогичным образом для типов (16.39—41) последовательность выражений категории P расписывалась по двум P'-позициям, чтобы сохранить ограничения на P-выражения, налагаемые шаблоном (15). (Заметим, что если бы последний шаблон был опущен, то было бы возможным подогнать выкрик (16.91) под шаблон X'P'X'P'.)

выкриков из (II). Здесь первая и третья стопы также связаны с выражениями категорий M и 0, а вторая и четвертая — с выражениями категории P, что дает в результате четырехчленный шаблон X'P'X'P' из (13). Кроме того, в данном случае приписывание узлам признаков сильный/слабый также создает эффект крещендо, причем для позиции вероятность быть заполненной возрастает от начала шаблона к концу[10].

Таким образом, для обеих последовательностей (I) и (II) имеет место одна и та же просодическая структура. Однако, как показывают шаблоны (14) и (15), выкрики из второй последовательности обнаруживают дополнительный тип структуры внутри каждой из позиций в четырехчленном шаблоне. Шаблон (14), управляющий внутренней структурой X'-позиции, относительно прост и выполняется для всех выкриков без исключения. Шаблон (15), управляющий внутренней структурой P'-позиции, имеет более развитую структуру; ниже разобраны все последовательности выражений категории P, встречающиеся в выкриках, в соответствии с шаблоном (15):

(17)	PLI	P (N) L	P	конкретные выкрики
1)			P	3, 5, 5, 15, 23, 25, 48, 50, 50, 54, 70,71, 74, 86, 90, 90, 91, 95, 98, 98, 100, 101, 102, 111, 119
2)			P2	13, 13, 14, 15, 25, 38, 43, 42, 47, 48, 51, 51, 52, 65, 71, 77, 88, 92, 94, 98, 100, 101, 117, 119
3)			P3	16, 67, 102, 72
4)			P4	1, 27, 63, 116
5)			P5	69
6)			P6	10, 26, 40, 46
7)	PI			14, 22, 33, 37, 53, 71, 74, 74, 93, 99, 110, 110
8)	PL2			52, 124
9)	PL3			17, 54
10)	PL4			118
11)	PL5			18
12)		PNL		60
13)		PL	P	4, 5, 9, 11, 20, 31, 32, 34, 37, 41, 49, 53, 59, 60, 63, 66, 67, 70, 82, 86, 88, 89, 91, 92, 95, 103, 104, 106, 113, 114
14)		PL	P2	3, 7, 12, 23, 31, 32, 36, 38, 43, 57, 96, 117, 120, 122
15)		PL	P3	2, 56, 75

[10] Распределение пустых и заполненных позиций во второй последовательности показано на следующей схеме:

(i) Позиция в шаблоне	X'	P'	X'	P'
Количество типов выкриков с заполненной позицией (из 90)	13	48	69	74
Количество конкретных выкриков с заполненной позицией (из 116)	13	55	75	97

Однако здесь, вопреки предыдущему примеру и дистрибуции в (12), дистрибуция пустых и заполненных позиций частично зависит от принятого способа анализа. Как видно из (16), выкрики в (II) с бóльшей свободой вписываются в шаблон X'P'X'P', чем выкрики из (I) в шаблон XPXP. В частности, в то время как в предыдущей последовательности всегда были заполнены как минимум две позиции (см. (3)), в данном случае в 38 конкретных выкриках, соответствующих 20 типам, заполнена только одна позиция. Это создает ряд трудностей для анализа: не является очевидным, какая из позиций в каждом конкретном случае заполнена. Так, например, для типов (16.1—18), где заполнена только одна P'-позиция, можно считать, что заполнена не четвертая позиция, а вторая; аналогичным образом, для типов (16.19—20) можно считать заполненной первую X'-позицию, а не третью; альтернативный анализ возможен также для типов (16.21—38). Конкретный анализ, принятый в (16) ним при котором каждое выражение связывается с возможно более правой позицией, мотивирован существованием независимых свидетельств в пользу эффекта крещендо, а именно — предпочтительности однозначно "утяжеленных к концу" моделей типа P'X'P', где заняты последние три позиции, по сравнению с однозначно "утяжеленными к началу" моделями типа X'P'X', где заняты первые три позиции. Эти независимые свидетельства служат подтверждением просодической структуры, изображенной на рис. 1, которая, в свою очередь, диктует нам способ анализа, принятый в (16).

(17)	PLI	P (N) L	P	конкретные выкрики
16)		PL	P4	80, 84
17)		PL2	P3	112
18)		PL4	P	29
19)		PNL	P	68, 109
20)	PLI			4, 9, 11, 47, 59, 77
21)	PLI		P	33, 76, 87, 94, 107
22)	PLI		P2	22, 79, 81
23)	PLI		P3	6, 24, 30, 35, 39, 44, 61, 64, 73, 78, 83, 105, 108, 123
24)	PLI		P4	28, 45, 85, 97, 121
25)	PLI		P5	8
26)	PLI	PL	P	19, 62
27)	PLI	PL	P2	21, 58
28)	PLI	PL	P3	55

В примере (II) последовательности выражений категории P встречаются в общей сложности 173 раза. Как показано выше, каждая из этих последовательностей вписывается в шаблон (15).

Таким образом, внутренняя структура каждой из четырех позиций четырехчленного шаблона X'P'X'P' может быть описана с помощью дополнительных шаблонов (14) и (15). Как и раньше в отношении четырехчленных шаблонов, мы можем теперь удивляться происхождению шаблонов (14) и (15) и почему именно они, а не какие-либо другие из потенциально бесконечного множества возможных шаблонов, лежат в основе моделей повторений, засвидетельствованных в выкриках торговцев (II).

Для начала ясно, что шаблоны (14) и (15) не синтаксичны по своей природе. Правда, некая синтаксическая структура имеет место. Например, в (17. 20—28) выражение *piso lang iyan* образует грамматичное предложение, приблизительно значащее "Только одно песо"; аналогично, некоторые выражения категории 0 в (12) наделены внутренней синтаксической структурой. Однако шаблон целиком не удовлетворяет ни одному из известных синтаксических правил или принципов. В частности, синтаксис не обеспечивает тех обширных повторений, которые бросаются в глаза в последовательности выкриков. Такие повторения указывают скорее на просодический компонент. Однако просодическая теория налагает далеко идущие ограничения на возникновение повторов, и эти ограничения постоянно нарушаются в последовательности (II). Так, одна из наиболее фундаментальных характеристик просодической организации — это ее бинарная природа, однако шаблоны (14) и (15) вряд ли свидетельствуют о какой-либо бинарной структуре. Следовательно, просодическое объяснение этих шаблонов также неприемлемо.

Вместо этого мы примем утверждение, что шаблоны (14) и (15) по своей природе алгебраичны. Чтобы показать это, построим набор правил, порождающих шаблон (15)[11]:

(18) $P' \rightarrow P^2 (P^1)^n (P^0)^m \qquad (n \leqslant 5, m \leqslant 6)$

(19) (a) $P^2 \rightarrow P^1$ *iyan*

(b) $P^1 \rightarrow P^0$ *lang*

(c) $P^0 \rightarrow$ *piso*

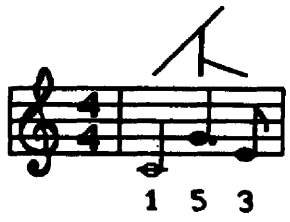
Кроме символа P', переписанные нами правила используют три дополнительных символа — P^2, P^1 и P^0. Эти символы предполагают наличие иерархических отношений главного слова и модификатора (head-modifier relations) в выражении *piso lang iyan*, в соответствии с которыми *iyan* является модификатором группы *piso lang*, а *lang* — модификатор вершины *piso*. Наличие таких отношений подтверждается существова-

[11] Для простоты мы опустим выражение *piso na lang*, которое встречается всего 3 раза во всей последовательности.

нием трех выражений *piso, piso lang* и *piso lang iyan* в сочетании с отсутствием таких выражений, как **lang, *iyan, *lang iyan* и **piso iyan.*

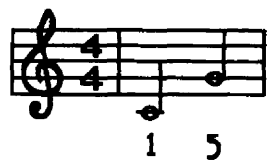
Наша нотация намеренно напоминает нотацию $\overline{X}$-теории (см., например [Jackendoff 1977]. Тем не менее $\overline{X}$-структура выражения *piso lang iyan,* как установлено в (19), явно несинтаксична по своей природе. Вообще говоря, $\overline{X}$-структуры проявляются во многих областях, не только в языке (см. обсуждение в [Gil 1985]). $\overline{X}$-структуры, или аналогичные им, внутри языка применялись для описания структуры слога (см. [Levin 1983; 1984; 1985], ударения (Halle, Vergnaud 1987], структуры слова [Lieber 1980; Jensen 1981; Williams 1981] и повествовательных текстов [Shen 1985; 1988; 1989]. Вне языка эти структуры были приложены к тональной музыке [Lerdahl, Jackendoff 1977; 1983] в виде правил редукции промежутков:

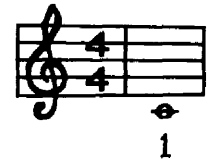
(20)



В этой короткой мелодии тоника (1) является главной компонентой (head), пятая ступень тонального трезвучия (5) — следующая по силе нота, а третья ступень (3) — самая слабая. Это обозначено в дереве над нотной записью. Соответственно данная мелодия может быть редуцирована следующим образом:

(21) (a)



(b)

Последовательная редукция промежутков мелодии 153 до мелодий 15 и 1, как показано в (21), полностью параллельна последовательной редукции *piso lang iyan* до *piso lang* и *piso* и допускается правилами (18) и (19). Существование $\overline{X}$-структур в музыке и других неязыковых областях показывает, что эти правила несинтаксичны по своей природе.

Вместо этого мы охарактеризуем $\overline{X}$-структуры, лежащие в основе шаблона (15), как алгебраические, имеющие дело с абстрактными манипуляциями с сущностями независимо от других систем правил и принципов, таких как синтаксис и просодия. Обобщая, мы можем также считать алгебраической и намного более простую структуру, лежащую в основе шаблона (14). Структуры, демонстрируемые шаблонами (14) и (15), похожи на многие другие формальные системы, такие, например, как Булева алгебра, распространенные в различных областях, включая зрение, музыку и язык (см. [Gil 1985; 1987; 1991a]).

Как мы видели, модели, реализуемые в выкриках торговцев (II), являются результатом взаимодействия трех различных наборов правил и принципов. Общая структура выкрика, выражаемая четырехчленным шаблоном X'P'X'P' (13), имет просодическую природу. В то же время внутренняя структура позиций X' и P' не просодична, а алгебрична, что выражается шаблонами (14) и (15). Кроме того,

некоторые элементы, построенные в соответствии с этими шаблонами, сами по себе наделены синтаксической грамматической структурой. Таким образом, выкрики торговцев в (II) представляют собой прекрасную иллюстрацию гетерогенности лингвистической структуры, где просодическая структура надстроена над алгебраической, которая, в свою очередь, надстроена над грамматической. Гетерогенность лингвистической структуры может быть изображена графически (на примере выкрика (II.73), тип (16.22)):

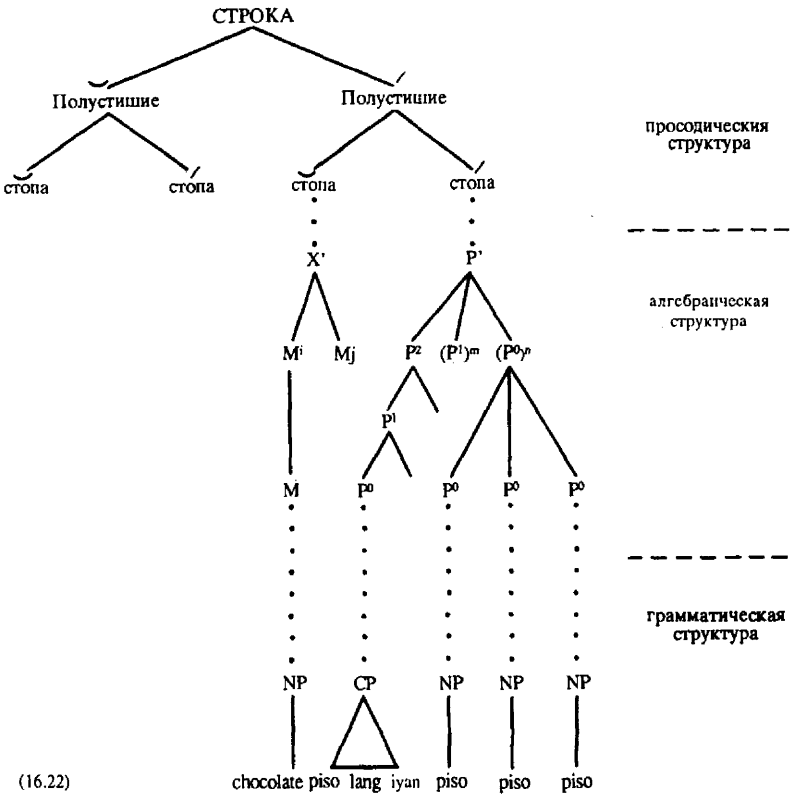


Рис. 2. Гетерогенность лингвистической структуры

Итак, как показывает рис. 2 и лежащий в его основе анализ выкриков торговцев, знание языка есть нечто большее, чем только знание грамматики.

3. ОТ ВЫКРИКОВ ТОРГОВЦЕВ К ОБЫЧНОМУ ЯЗЫКУ

Безусловно, знание языка есть нечто большее, чем знание выкриков торговцев; действительно, не слишком очевидно, какие обобщения для других языковых стилей можно вывести из речи торговцев фруктами и мороженым. Тем не менее, есть основания полагать, что некоторые из организационных принципов, лежащих в основе двух рассмотренных последовательностей, также проявляются, пусть и менее явно, во многих других регистрах языка.

Рассмотрим, например, четырехчленные шаблоны XPXP и X'P'X'P', объясняемые в рамках просодической теории. Как мы видели в обеих последовательностях, эти шаблоны часто приводят к троичным моделям PXP и P'X'P', когда первая позиция остается незаполненной. Примеры таких моделей встречаются в типах (5.7—18) и (16.51—77), включающих в себя значительную часть выкриков. Однако сходная

модель АВА встречается не только в выкриках торговцев, но и в обычной речи. Ниже приводится ряд примеров, записанных в реальных разговорах[12]:

(22) (a) *Galit o galit*
злой EXCL: смотри злой
Смотри, он сердится.

(b) *Palengke mayroon palengke?*
рынок EXIST рынок
Есть кто-нибудь на рынок?

(c) *Toy halika dito Toy*
Той иди сюда Той
Той, иди сюда.

(d) *Ilan bampira iyon ilan?*
Сколько вампир этот сколько
Сколько стоит этот вампир?

(23) (a) *Maliit siya maliit*
STAT-маленький TOP: 3 STAT-маленький
Он маленький.

(b) *Babalik daw siya babalik*
AT: FUT-возвращаться HEARSAY TOP: 3 AT: FUT-возвращаться
Он говорит, что вернется.

(c) *Tagtetrenta pala kaimi tagtetrenta*
DIST-тридцать CONT TOP: 1: PL: EXCLUSIVE DIST-тридцать
По тридцать на каждого из нас.

(d) *Taxi na lang tayo taxi*
такси PFCT только TOP: 1: PL: INCLUSIVE такси
Только давайте возьмем такси.

Хотя модель АВА чрезвычайно часто встречается в речи, она не упоминается ни в одной грамматике [Bloomfield 1917; Blake 1925; Schachter, Otanes 1972; Llamzon 1976 и т.д.]. И действительно, у нее какой-то неграмматический "привкус". Мы соответственно можем объяснить модель АВА в рамках просодической теории, анализируя ее так же, как выкрики торговцев типа ХРХ/Х'Р'Х', в терминах просодической структуры, представленной на рис. 1. Например, (22а) и (23а) мы можем проанализировать следующим образом:

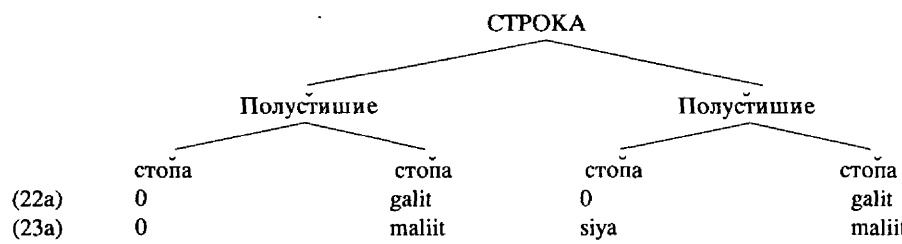


Рис. 3. Просодическая структура модели АВА

[12] Примеры, приведенные ниже, взяты из корпуса конструкций, насчитывающего несколько сотен высказываний, который я собрал в основном в 1985 и 1986 годах. Вообще говоря, мне представляется, что не существует ограничений на то, что именно может встречаться в позициях А и В, за одним исключением: позиция А может быть занята максимум одной полнозначной лексической единицей плюс одна или (редко) две клитики.

Таким образом, вышеприведенная просодическая структура дает модель ABA не только в специальном регистре выкриков торговцев, но и в обычном языке. Тот факт, что модель ABA реализуется в ежедневной речи, показывает, соответственно, что структурная гетерогенность, очевидная для последовательностей выкриков торговцев, может также проявляться в других, более обычных стилях языка.

В примерах (23), демонстрирующих модель ABA, все выражения, встречающиеся в позиции B — *siya, daw siya, pala kami* и *na lang tayo* — принадлежат к закрытому классу клитик, которые характеризуются тем, что встречаются только во второй позиции предложения (см. [Schachter, Otanes 1972: 411—435]). Например, в следующих предложениях местоимение-клитика *siya* (которое встречается в позиции B модели ABA в (23a)) стоит обязательно после первого слова предложения, каким бы это слово ни было:

(24) (a) *Bibili siya ng calamansi*
AT: FUT: покупать TOP: 3 DIR лайм
Он купит лаймы.

(b) *Hindi siya bibili ng calamansi*
NEG TOP: 3 AT: FUT-покупать DIR лайм
Он не купит лайм.

(c) *Bakit siya hindi bibili ng calamansi*
Почему TOP: 3 NEG AT: FUT-покупать DIR лайм
Почему он не купит лайм?

(d) *Sa Paco siya bibili ng calamansi*
OBL Пако TOP: 3 AT: FUT-покупать DIR лайм
На (рынке) Пако он купит лаймы.

Таким образом, можно провести параллель между моделью (23) СЛОВО-КЛИТИКИ-СЛОВО и моделью (24) СЛОВО-КЛИТИКА-ОСТАЛЬНОЕ: ПРЕДЛОЖЕНИЕ. Эта параллель показывает, что просодическое объяснение модели ABA может быть распространено на просодическую характеристику второй позиции в предложении тагальского языка. А именно, мы могли бы рассмотреть возможность того, что тагальский синтаксис предусматривает наличие деревьев с помеченными узлами, линейный порядок которых не определен[13]. Линейный порядок приписывался бы в дальнейшем просодической теорией в соответствии с просодической структурой, изображенной на рис. 1 и 3, следующим образом: первая стопа остается незаполненной, второй стопе приписывается одно слово, третьей стопе приписываются клитики, а четвертой — остаток предложения. Например, анализ предложения (22d) мог бы выглядеть следующим образом[14]:

---

[13] Об аргументах, свидетельствующих в пользу иерархических, но линейно не упорядоченных синтаксических структур для разных языков и в рамках различных теоретических концепций см. [Sanders 1975a; b], [Keenan, Faltz 1980; 1986], [Stowell 1982] и [Chomsky 1982a; b].

[14] На рис. 4 просодическая структура предложения (22d) изображена над предложением, а синтаксическая структура — под ним. Для синтаксической структуры мы принимаем стандартный синтаксический анализ GB, за исключением того, что узлы дерева линейно не упорядочены: отсутствие линейного порядка графически изображается кривыми линиями.

(На самом деле есть много оснований полагать, что стандартный анализ GB недостаточен; например, в [Gil 1993b; 1993c] я доказываю, что в тагальском языке имеется только одна открытая синтаксическая категория и, следовательно, не существует различий между именами существительными, прилагательными и глаголами, а также между лексическими категориями и их фразовыми проекциями. Однако для наших целей детали анализа не важны; достаточно того, что синтаксическая структура подразумевает иерархическое структурное древо с помеченными узлами.)

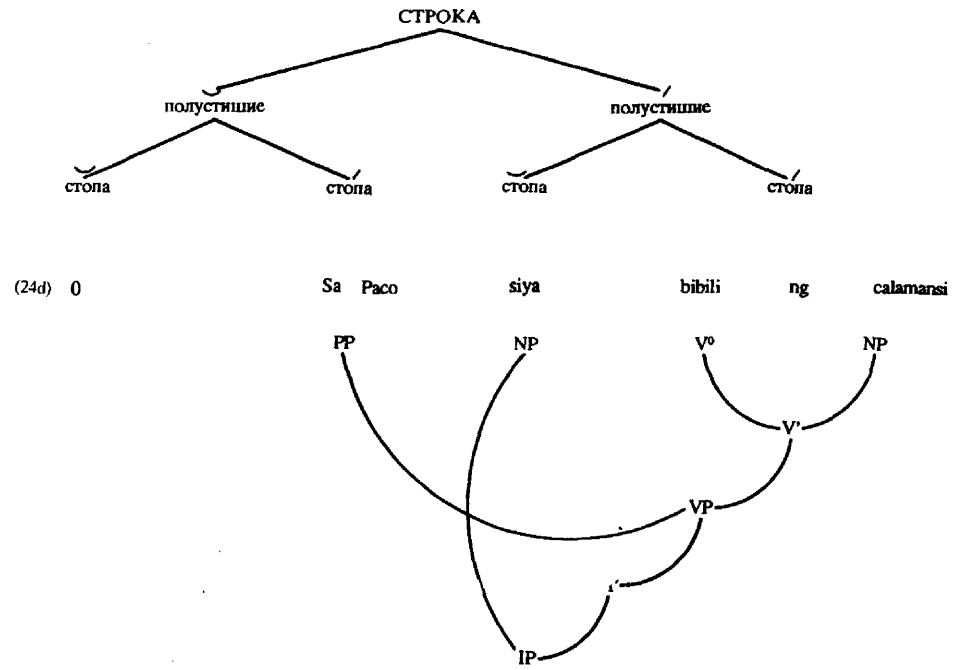


Рис. 4. Просодическая структура второй позиции в предложении в тагальском языке

Таким образом, вторая позиция клитик в тагальском предложении, якобы "ядерный" синтаксический факт, может получить более приемлемое внеграмматическое, а именно просодическое объяснение. Неизбежное следствие отсюда — что каждое предложение тагальского языка заключает в себе и просодическую, и синтаксическую структуру, как это показано на рис. 4. Не будучи исключительной особенностью речи торговцев фруктами и мороженым, структурная гетерогенность должна рассматриваться скорее как неотъемлемая черта языка в целом[15].

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Две последовательности выкриков торговцев, анализируемые в разделе 2, представляют собой живую иллюстрацию гетерогенности языка, показывая, что сильно ограниченные текстовые модели распределения языковых единиц могут быть объяснены только как совместные продукты грамматики и других, внеграмматических ментальных способностей. Кроме того, языковые данные, представленные в разделе 3, служат, как нам кажется, достоверным доказательством того, что гетерогенность есть характерная черта языка в целом.

Из гетерогенности лингвистической структуры следует, что для адекватного описания грамматической способности человека необходимо уметь проводить границу между языковыми явлениями грамматической природы и теми языковыми явлениями, источниками которых являются другие, внеграмматические ментальные способности. Однако чтобы определить, является ли данный лингвистический феномен по природе грамматическим, необходимо искать другие, неязыковые когнитивные сферы для

[15] Безусловно, эти наблюдения вряд ли применимы исключительно к тагальскому языку. В действительности сходный просодический анализ может дать более приемлемое, внеграмматическое объяснение широкому ряду лингвистических феноменов в языках мира, таким как вторая позиция в предложении, занимаемая клитиками [Wackernagel 1892[, модальными элементами [Steele 1973; 1975] и глаголами [Koopman 1984; Haider, Prinzhorn 1986; Pollock 1989].

проведения возможных параллелей; только если отсутствие таких параллелей становится очевидным, можно с чистой совестью приписать данный феномен компетенции грамматики. Иными словами, как полное понимание английской грамматики возможно только на основе универсальной грамматики, в свою очередь основанной на изучении французского, японского и языка варлпири, так и адекватное понимание универсальной грамматики возможно только на основании общей науки о мышлении, основанной в свою очередь на изучении музыки, зрения и других областей ментальной деятельности. (По поводу дальнейшего обсуждения этих вопросов см. [Gil 1985; 1986; 1987; 1989; 1991a; 1992a].)

Гетерогенность лингвистической структуры есть причина и стимул гетерогенной науки о языке. Признание того, что как минимум каждая ментальная способность, участвующая в рождении языка, требует собственной четко сформулированной теории, обеспечивающей, кроме всего прочего, характеристику свойственных лишь этой способности структурных особенностей, не приведет к созданию "тридцати миллионов теорий" (по выражению Макколи [McCawley 1982]. Однако многие лингвисты не принимают такой теоретический плюрализм. Когда GB-ст в качесте убийственного аргумента против функциональной школы "западного побережья" перечисляет формальные свойства языка без их функциональных объяснений, он впадает в тот же грех непоколебимой замкнутости в рамках своей теории, что и лингвист "западного побережья", для которого функциональное объяснение частных языковых явлений — сокрушительный аргумент против генеративной парадигмы. Если бы обе стороны признали, что и грамматика, и ментальная способность, которая лежит в основе коммуникативной компетенции — пусть она называется "прагматикой" — обе не полностью предопределяют язык, хотя и способствуют его формированию, то больше не было бы оснований для ожесточенных споров. И обе стороны могли бы с равным основанием продолжать исследовать тот предмет, который их больше интересует.

Однако дополнительно к теориям грамматики и других ментальных способностей человека требуется еще одна теория, которая бы описала, как в точности взаимодействуют эти разнообразные факторы при формировании языка. Я считаю, что в соответствии с оксфордским словарем (Oxford English Dictionary) такая общая теория языка будет, вероятно, наиболее подходящим референтом термина linguistics — лингвистика.

Эта работа не могла бы увидеть свет без невольной помощи манильских торговцев, авторов двух последовательностей выкриков, анализируемых в этой работе, которые способствовали моему пониманию обсуждаемых здесь вопросов. Особую благодарность я выражаю Энтони Игнасио за те приятные часы, когда он учил меня тагальским колыбельным. Некоторые аспекты этой статьи были представлены на коллоквиуме отделения лингвистики Тель-Авивского университета, Израиль, 1 декабря 1988 года; на конференции по исследованию текстов и языка в Сиане, КНР, 30 марта 1989 года; на семинаре по лингвистике и наукам о человеке в университете Сассекса, Брайтон, Великобритания, 21 июня 1989 года и на межфакультетском лингвистическом коллоквиуме в университете Хайфы, Израиль, 29 мая 1991 года; я благодарен всем участникам за полезные комментарии. Эта статья представляет собой расширенную и исправленную версию работ [Gil 1992b, c].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Blake F.R. 1925 — A grammar of the Tagalog language. New Haven, 1925.

Bloomfield L. 1917 — Tagalog texts with grammatical analysis. Urbana, 1917.

Chomsky N. 1975 — Reflections on language. N.Y., 1975.

Chomsky N. 1980 — Rules and representations. N.Y., 1980.

Chomsky N. 1982a — Some concepts and consequences of the theory of government and binding. Cambridge (Mass.), 1982.

Chomsky N. 1982b — The generative enterprise, A discussion with Riny Huybregts and Henk van Riemsdijk. Dordrecht, 1982.

Gil D. 1985 — What does grammar include? // Theoretical linguistics. 1985, № 12.
Gil D. 1986 — A prosodic typology of language // Folia linguistica. 1986, № 20.
Lieber R. 1980 — On the organization of the lexicon. PhD dissirtation, Man, Cambridge, 1980.
Lerdahl F., Jackendoff R. 1977 — Toward a formal theory of tonal mosic // Journal of music theory. V. 21, 1977.
Lerdahl F., Jackendoff R. 1983 — A generative theory of tonal music. Cambridge (Mass.), 1983.
Llamzon T.A. 1976 — Modern Tagalog. A functional structural description. The Hague, 1976.
Lighfoot D. 1980 — Trace theory and explanation // Current approaches to syntax. Syntax and semantics / Ed. by E.A. Moravcsik and J.R. Wirth. V. 13. N.Y., 1980.
McCawley J.D. 1982 — Thirty million theories of grammar. L., 1982.
Marasigan E. 1983 — Code-switching and code-mixing in multilingual societies. Singapore, 1983.
Pollock J.-V. 1989 — Verb movement, universal grammar, and the structure of IP // Linguistic inquiry. V. 20. 1989.
Sanders G.A. 1975a — Invariant ordering. The Hague, 1975.
Sanders G.A. 1975b — On the explanation of constituent order universal // Word order and word order change. Austin, 1975.
Schachter P., Otanes Fe T. 1972 — Tagalog reference grammar. Berkeley, 1972.
Shen Y. 1985 — The structure of action in the short narrative taxt. Ph.D. Dissertation. Tel Aviv, 1985.
Shen Y. 1988 — Schema theory and the processing of narrative texts: The X-Bar story grammar and the notion of discourse topic // Journal of pragmatics. N 12, 1988.
Shen Y. 1989 — The X-Bar grammar for stories: story grammar Revisited // Text 9, 1989.
Shoshany R. 1986 — Prosodic structures in Jeremiah's poetry // Folia linguistica historica. V. 7, 1986.
Shoshany R. 1987 — A prosodic explanation for a textual alteration in Bialik and Ravnitzky's "Sepher Haagad'a" // Hebrew computational linguistics. 1987.
Shochany R. 1988 — On the psychological reality of quaternary patterns evidence from post-biblical Hebrew and Aramaic // Discussion Papers, 3: Morphology, Sixth International phonology meeting and third international moprphology meeting / Ed. by W.U. Dressler, N.C. Luschutzky, O.E. Pfeiffer. 1988.
Steele S. 1973 — The positional tendencies of modal elements and their theoretical implications. Ph.D. Dissertation, San Diego, 1973.
Steele S. 1975 — On some factors that affect and effect word order // Word order and Word order change. Austin. 1975.
Stein D., Gil D. 1980 — Prosodic structures and prosodic markers // Theoretical linguistics. T. 7, 1980.
Stowell T. 1982 — A formal theory of configurational phenomena // Proceedings of the Twelfth Annual Meeting of the North Eastern Linguistic society / Ed. by J. Pustojevsky, P. Stells Amherst, 1982.
Wackermagel J. 1982 — Über ein Gesetz der indogermanische Wortstellung // IF. 1892.
Williams E. 1981 — On the notions "Lexically related" and "head of a word" // Linguistic inquiry. V. 12, 1981.

Перевела с английского *Е.А. Лютикова*

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 2 1996

© 1996 г. Д. ЛУХЬЕНБРУРС

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ И СХЕМАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА[1]

1. ВВЕДЕНИЕ

Настоящая статья ориентирована в первую очередь на исследование процессов когнитивной обработки информации и механизмов, позволяющих "текущим образом" состыковать поступающую информацию с предшествующей частью дискурса, т.е. на те естественно-языковые процессы, которые требуют интегральной обработки информации, поступающей из разных источников (из слуховой, осязательной, зрительной и запоминающей систем). Для выработки такого подхода к обработке дискурса, который соответствовал бы целям когнитивистики, необходимо обратиться к рассмотрению природы названных ментальных конструктов. Поскольку значительная часть смыслов не передается языковыми средствами, процесс понимания текста может трактоваться как процесс решения задач [Fauconnier 1990]. Брешь между "тем, что сказано" и "тем, что понято" заполняется посредством имплицитных выводов (следствий), осуществляемых с использованием базы знаний, имеющейся в памяти Слушающего. Тем не менее, предметом лингвистических изысканий является характер взаимоотношений между речевым произведением Говорящего и результатом его интерпретации Слушающим.

Мыслительная процедура интерактивного вывода следствий включает в себя точную идентификацию тех точек концептуального пространства, в которые будет помещена значимая поступающая информация. В целях аналитического исследования этих процессов в рассмотрение вводятся языковые стратегии, используемые как Говорящим, так и Слушающим при обработке дискурса, которые анализируются в терминах традиционных функциональных категорий. В частности, вниманию читателей предлагаются языковые механизмы, которые позволяют Слушающему включать информацию в уже существующие структуры знаний. Это включение осуществляется как на локальном уровне в терминах вывода следствий (т.е. соотнесения с информацией, содержащейся либо в предшествующем контексте, либо в памяти), так и на глобальном уровне в терминах построения схематических структур (или дискурсивных схем) текущей дискурсивной информации. Чтобы продемонстрировать, как строятся такие схематические структуры и как новая информация объединяется с информацией, уже существующей в памяти, данный метод дискурсивного анализа строится на базе когнитивного (лингвистического) подхода – в частности, на базе Теории Схем (Schema theory) и метода Ментальных Пространств (Mental spaces), предлагаемого в [Fauconnier 1985].

Моя основная гипотеза состоит в том, что существуют особые языковые средства, которые явным образом указывают Слушающему, как он должен включать поступающую информацию в уже имеющуюся у него модель данных, содержащихся в дискурсе; и более того, что сложность этих отображающих процедур значительно превосходит все то, что предлагалось в рамках топикально ориентированных компьютерных подходов.

[1] Описываемое в данной статье исследование получило поддержку в виде Австралийского Гранта на исследования, проводимые аспирантами, от Университета Ла Троуб (Австралия). Мы хотели бы выразить нашу благодарность: Эдит Бэвин за научное руководство; Эйрон Сикурэл и Джилла Фауконниэр за понимание, проявленное во время моего присутствия на USCD по когнитивистике в 1991 г.; Эве Суитсер и Лэсли Стирлинг (рецензентам диссертационной работы) за их чрезвычайно полезные комментарии к моей работе. Конечно же, за все упущения ответственна только я.

2. ТЕОРИЯ СХЕМ

Общий подход, реализуемый мною в данной работе, состоит в том, что любое исследование по проблемам вывода следствий с необходимостью касается и смежной проблемы представления знаний. По этой причине я обращаюсь к Теории схем. Теория схем включает идею о том, что если для получения следствий имеется доступ к знаниям о событиях и состояниях окружающей действительности, осуществляемый одновременно с процессом понимания, то это должно предопределяться способом хранения информации в памяти человека. Предполагается, что знания такого рода сливаются в единое целое, образуя когнитивные единицы, которые значительно уменьшают мыслительную нагрузку при понимании, позволяя концептуальным механизмам сфокусироваться на новой, дополнительной информации. Способность объединять в единое целое знания о явлениях реального мира, по всей видимости, является следствием когнитивной способности человека воспринимать группы языковых и физических явлений как сходные (процесс отображения моделей) и делать обобщения на группе сходных явлений. Следовательно, понимание – это вопрос отображения новой информации, поступающей через какой бы то ни было сенсорный канал, на релевантные схемы, хранящиеся в памяти. Такие структуры служат для вывода следствий в процессе понимания посредством переноса информации с главенствующей структуры на текущие структуры. Хотя существуют определенные разногласия относительно природы и сферы функционирования схем, общепризнан тот факт, что человек использует накопленный опыт при интепретации новых событий [Wilensky 1986 : 460].

Большая часть литературы о схематических структурах посвящается уже существующим схемам, предшествующим восприятию повседневных предметов и явлений (ср.: сценарии и планы [Schank, Abelson 1977; Schank 1986], схемы [Rumelhart 1975; Mandler 1985], прототипы [Rosch 1973; 1977; Rosch, Mervis 1975] и фреймы [Minsky 1975; Fillmore 1975]). В настоящей работе допускаются также схемы дискурсивных событий, например, рассказов о происшествиях, порождаемых несколькими свидетелями в зале суда; языковым материалом данной работы служат записи судебного разбирательства по делу об убийстве, проводимого Верховным Судом; слушания проходили в течение шести дней в Виктории (Австралия) в 1986 г. Языковой материал включает в себя показания 33 свидетелей.

Дискурсы судебного разбирательства достаточно сложны, поскольку слушания проводятся в интересах присяжных и проходят в форме диалога между адвокатами и свидетелями. Фактически, истинными адресатами происходящего являются присяжные заседатели, которые непосредственно в дискурсе не участвуют, являясь только наблюдателями судебных слушаний. Для обеспечения правильного протекания данной процедуры адвокаты должны основывать свои выступления на тех данных, которые по их представлениям находятся в распоряжении присяжных (т.е. удерживаются ими в понятийном пространстве), и каждое последующее высказывание адвокатов дополняет ментальную модель рассматриваемого дела, развивающуюся в умах присяжных.

Первоначально присяжные не располагают информацией о рассматриваемом преступлении и, следовательно, изложение сути происшествия подобно письму по чистому листу их сознания (что превращает судебное разбирательство в ситуацию, идеальную для наблюдения за процессом построения основы коммуникативного взаимодействия). Присяжные должны сопоставить все представляемые на рассмотрение факты в целях вынесения вердикта, что является сложным процессом ввиду способа получения информации (на разбирательстве они всего лишь зрители), а также в связи с тем, что адвокаты противоположных сторон имеют противоположные цели. Однако крайне маловероятно, что каждый присяжный интерпретирует показания каждого из свидетелей совершенно независимо от остальных. Моя гипотеза состоит в том, что истолкование повествования (которое представляет собой концептуальную деятельность, протекающую в умах Слушающих/Присяжных) включает построение схемы (мен-

тальной модели) всей входящей информации и создание единой связной репрезентации повествования о преступлении, служащей основой для вынесения окончательного вердикта – по крайней мере, в пределах возможностей присяжных[2]. По мере того, как очередной свидетель излагает свою версию событий, относящихся к определенной части общего изложения, присяжные должны решить, в какое место развивающейся схемы повествования о преступлении ввести эту информацию, т.е. куда поместить новые сведения.

Необходимо отметить, что основывающиеся на Теории схем методы анализа не предполагают, что все Слушающие должны создать в точности совпадающие модели дискурса. Достаточно, чтобы концептуальные представления, построенные ими на основе поступившей на вход информации, содержали однотипные данные. Фактически при таких методах анализа акцент делается на сходствах разных представлений, а не на их различиях, исчислить которые может оказаться невозможным. Следовательно, цель исследователя состоит в определении того, как этого достигнуть, и как конкретные языковые модели (и присущие им функциональные свойства) способствуют расположению и объединению входящей информации с информацией, хранящейся в памяти; для адвокатов последнее могло бы служить некоторой мерой их успеха при внушении присяжным заседателям определенного взгляда на действительность.

3. ТЕОРИЯ МЕНТАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ

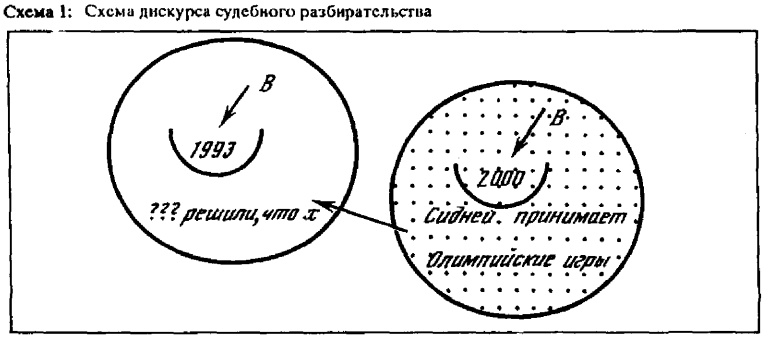
Теоретические принципы Теории Схем в своей основе совместимы с Теорией Ментальных Пространств [Fauconnier 1985]. Философские обоснования последней теории проистекают из гипотезы о том, что новые порции информации, интегрируемые в ткань дискурса, не в состоянии достаточно точно конкретизировать то, что хотел сказать Говорящий [Langacker 1988; 1991a; Fauconnier 1985]. Ментальные Пространства представляют собой функционально необходимый инструмент построения общих логических рассуждений, который расчленяет общий массив знаний на области, содержание каждой из которых порождает один из возможных вариантов действительности.

Такие пространства порождаются в интерактивном режиме (т.е. по мере необходимости в процессе построения дискурса), в соответствии со сведениями, содержащимися в языковом наполнении дискурса – ср. (1), изображенное на Схеме 1.

(1) *It was decided in 1993 that Sydney will stage Olympic games in 2000*

"В 1993 году было принято решение, что в 2000 году Сидней будет принимать олимпийские игры".

Схема 1: Схема дискурса судебного разбирательства



[2] Выяснение того, насколько хорошо присяжные в действительности делают это, не входит в цели данного исследования.

Пропозиция *Sydney will stage the Olympic games* будет истинна только при пространственном условии *in 1993*, но ложна, если бы пространственное условие было *in 1995* "в 1995 году". Следовательно, истинность пропозиционального элемента зависит от пространственных показателей, в которых он существует.

За Теорией Ментальных Пространств стоит философия компьютерных методик, известных под названием "расчленение знаний" (knowledge partitioning) [Dinsmore 1989]. Эти независимые, но вставленные пространства функционируют как небольшие, отдельные, но логически связанные базы знаний, в рамках которых репрезентируются пропозиции и благодаря которым процессы выявления причинно-следственных связей осуществляются в пределах определенного пространства. Следовательно, если истинностные значения вычисляются на локальном уровне, а предварительные истинностные выводы могут быть извлечены из памяти посредством знаний-схем, то данный подход демонстрирует, как Слушающий может вывести смысл, вложенный в речевое произведение Говорящим, и извлечь суть действительно сказанного из того немного, что содержалось во входящем сообщении.

4. ЯЗЫКОВОЙ МАТЕРИАЛ

Языковым материалом данного исследования служит естественноязыковой дискурс, представляющий собой фрагмент шестидневных судебных слушаний по делу об убийстве, имевших место в Верховном Суде штата Виктория (Австралия)[3]. Он был зафиксирован в виде официальной (печатной) записи судебных слушаний. Первичные данные состоят из показаний 33 свидетелей: 27 свидетелей обвинения (т.е. вызванных в суд стороной обвинения), 5 свидетелей защиты (вызванных в Суд по ее инициативе) и последнее слово обвиняемого. Из перечисленных показаний для анализа было выбрано 31[4].

Вследствие того, что слушания проводились в Верховном Суде, лишь незначительная часть информации была новой для их участников, исключая Присяжных, поскольку дело до этого уже заслушивалось в судах более низкого уровня (Коронерском и Магистратском). В результате как свидетели, так и адвокаты (очевидные участники данной речевой ситуации) до этого уже несколько раз повторяли то, что они намеревались сообщить присяжным заседателям. В данном случае тот факт, что обвиняемый убил свою жертву выстрелом из огнестрельного оружия, не оспаривался; судом рассматривались только мотивы преступления (преднамеренное убийство или провокация и самооборона).

5. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ

Набор функциональных категорий, используемых в исследовании, включает: Данную vs. Новую информацию и пространственные характеристики составных частей предложения (в терминах Ментальных Пространств) [Luchjenbroers 1993]. Эти категории накладывались на языковой материал в целях выяснения того, как функциональные свойства составных частей предложения влияют на процесс простроения (т.е. создания схемы) дискурса.

Работы по компьютерной лингвистике показывают, что процесс понимания лимитируется ограничениями на когнитивную обработку в виде конечного объема оперативной памяти [Allen 1987; Grosz 1986]. Другими словами, человек не может

---

[3] Заявления о том, что судебные слушания не являются естественно-языковым дискурсом, поскольку, во-первых, они репетируются и готовятся заранее, а во-вторых, проводятся в интересах третьих лиц, представляются спорными; однако дискурс судебных слушаний отличается от письменного дискурса тем, что в процессе слушаний в интерактивном режиме должны приниматься решения по каждой новой порции поступающей информации [Luchjenbroers 1994b].

[4] Исключены из рассмотрения были: первый свидетель, который на суде не присутствовал (его показания, записанные на предыдущем заседании Суда, зачитывались), и последнее слово обвиняемого, так как оно не попадает в область перекрестного допроса.

рассматривать всю входящую информацию как одинаково важную (новую, находящуюся в фокусе внимания), поскольку количество возникающих при этом альтернатив приведет к перегрузке человеческого мозга или же искусственной системы [Grosz 1986]. Формирование схематической репрезентации, объединяющей отдельные показания, уменьшает общую когнитивную нагрузку на сознание Слушающего, позволяя большую часть информации рассматривать как данную и таким образом давая Слушающему возможность сконцентрироваться на новой входящей информации. Итак, проблема состоит в том, содержат ли интегрируемые в ткань дискурса информационные отрезки инструкции о том, как это сделать.

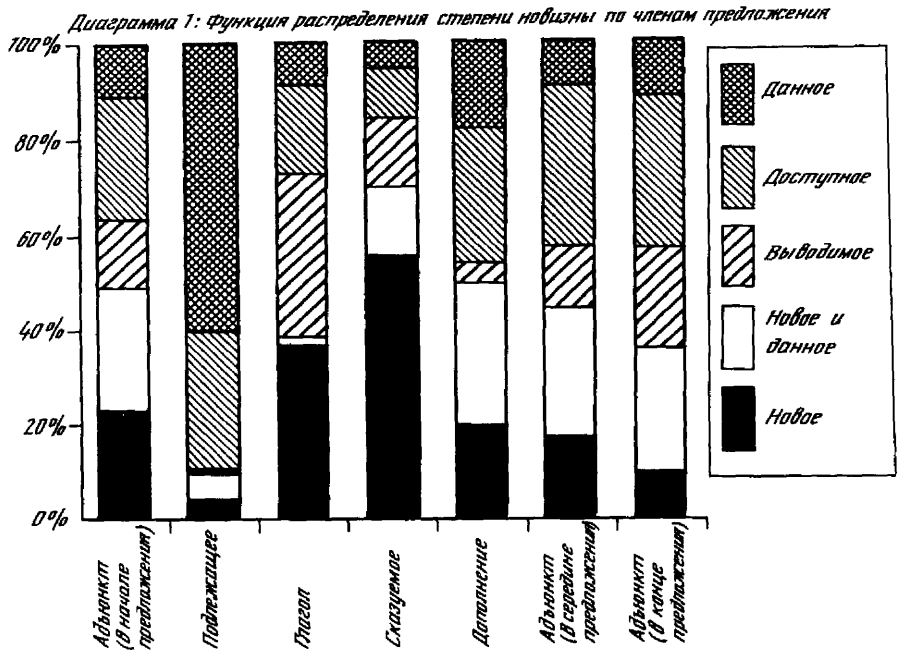
В настоящей работе мы используем предположение о том, что по мере развития диалога наиболее значимые для Говорящего объекты и действия будут особо выделены им в речевых произведениях. Делаться это будет для того, чтобы дать Слушающему указания, необходимые для верного понимания вложенного в речевое произведение смысла. Данное предположение требует формализации того, что включается в функциональную категорию Фокуса – категорию, которая традиционно опирается на понятие Топика. Лингвистические исследования показывают, что подлежащее обычно является топиком, стоит в начале предложения и содержит данную (vs. новую) информацию [Oosten 1986]. Эти факты традиционно объясняются необходимостью привязки текущей информации к предшествующему контексту. Другими словами, топик формирует связь между информацией, вводимой языковыми средствами, и когнитивной структурой Слушающего. Так получает объяснение и тот факт, что указанное средство привязки встречается в начальной части высказываний, обеспечивая текущую обработку и объединение этой информации с той, что уже хранится в памяти.

Тем не менее в данном исследовании категории нового и данного не образуют дихотомии, а напротив располагаются на противоположных концах одной шкалы, где объекты могут быть в разной степени новыми или данными. Первопричиной такого решения служит тот факт, что новая информация зачастую бывает не такой уж и новой, а данная – не такой уж и данной [Chafe 1979; 1994]. В процессе анализа языкового материала каждая фразовая единица каждого главного предложения[5] кодировалась в соответствии с приведенными ниже категориями, которые использовались в качестве показателей степени данности информации, содержащейся во фразе (распределение категорий по языковому материалу см. на Диаграмме 1). Анализируемый языковой материал в сумме содержит 3 701 информационных отрезка, которые подразделены на 11 167 фразовых единиц.

Новая информация	=	Информация, новая относительно дискурсивного пространства (т.е. для Присяжных)
Новая и Данная	=	(i) фраза или предложение, содержащие новый элемент или (ii) информация, новая относительно текущего свидетельского показания (но не новая для Присяжных)
Выводимая информация	=	информация, семантически связанная с данной информацией
Доступная информация	=	информация, приводимая ранее в показаниях того же свидетеля
Данная информация	=	информация, введенная в непосредственно предшествующем информационном отрезке

[5] Придаточные предложения рассматривались как фразовые единицы – например, следующее предложение содержит 4 фразовых элемента:

(When	*you*	*went*	*there),*	*did*	*(you)*	*(see)*	*(the accused)?*
когда	вы	ходили	туда	пок-ль пр.в.	вы	видеть	обвиняемого
Временной элемент					Подл.	гл.	дополн.



Причиной выделения этих категорий является моя попытка проанализировать диалог между двумя собеседниками, ранее уже прошедшими через процедуру обсуждения большинства (если не всех) затрагиваемых вопросов и в этот раз проводящими диалог в интересах третьих лиц. Фактически, такое деление придает категориям доступной и новой информации несколько неопределенные очертания.

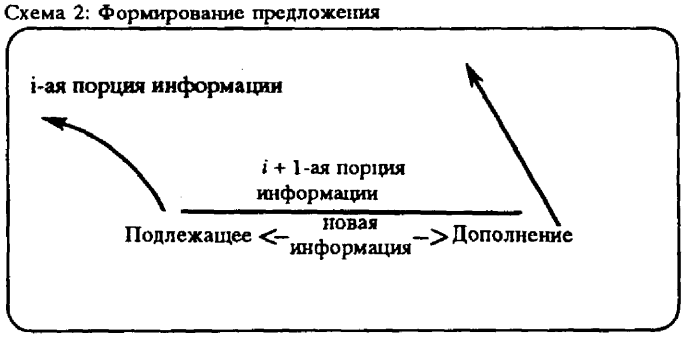
Диаграмма 1 показывает распределение каждой из пяти категорий данности по четырем основным синтаксическим категориям (приведенным в свойственных им позициях) и обстоятельственным элементам, разбитым на группы по их фактическому расположению в предложении. Прежде всего обращает на себя внимание волнообразное распределение новой информации, помеченной черным (новая информация концентрируется в середине отрезка входящей информации), и волнообразное распределение данной (и доступной) информации, отмеченной в верхней части каждого иллюстрационного столбца. Отсюда видно, что, с одной стороны, данная информация явно превалирует в позиции подлежащего (60% данной, 30% доступной и только 4% новой информации), а с другой стороны, абсолютно определенно ей не ограничена. В сумме только 23,1% всей вводимой фразовой информации является полностью данной по отношению к дискурсивному пространству, но при этом только 20,9% – абсолютно новой.

Явная корреляция между данной информацией и позицией подлежащего свидетельствует в пользу мнения о том, что подлежащее играет важную роль в процессе установления информационных связей в рамках дискурса. Однако распределения, приведенные на Диаграмме 1, показывают, что отсылки к данной информации также встречаются и в более правых позициях сентенциальных последовательностей. А именно, 46,2% дополнений также представляют собой данную и доступную информации, в то время как этот показатель для адъюнктов колеблется между 37% (в начальной позиции) и 43% (в конечной позиции), показывая, что категория данности также характерна для конца высказываний.

Дискурс судебных слушаний отличается ярко выраженной целенаправленностью: предполагается, что в нем любая информация сообщается с определенной целью. Как следствие я выдвигаю гипотезу о том, что отсылки-связки, встречающиеся в конце сентенциальных последовательностей, служат для Слушающего дальнейшими

инструкциями о том, как включить текущую информацию в его развивающуюся концептуальную структуру судебного разбирательства, т.е. привязка к информации, уже фигурировавшей в дискурсе, происходит и при анализе более правых позиций сентенциальной последовательности (ср. схему 2).

Схема 2: Формирование предложения



Мое предложение состоит в том, что исследователь в области дискурсивного анализа должен изменить свою цель, а именно вместо (i) поиска связующей основы дискурса (в виде топика), к которой прикреплялась бы вся прочая информация, сосредоточиться на (ii) построении концептуальной модели, которая выявляла бы новую информацию и по исходным данным определяла бы, к какой точке развивающейся структуры следует эту информацию присоединить. Такая точка зрения в своей основе противоположна компьютерным подходам [Allen 1987; Grosz 1986; Polanyi 1988], которые предлагают топикально ориентированные иерархии и подсоединяют текущую информацию к заранее выделенному топику – крайне правому узлу дерева. В результате топик является единственным источником связности дискурса, и если топик текущей языковой последовательности не подсоединяется к крайне правому узлу, возникает необходимость в создании нового дерева.

Однако данные, приведенные в Диаграмме 1, свидетельствуют, что источники связности дискурса не могут охватываться только понятием топика. Поскольку я считаю, что существует взаимодействие между Слушающим, вычленяющим находящуюся в фокусе информацию из речевого потока, и Говорящим, делающим эту информацию доступной, то исследователь должен выявить те языковые механизмы, благодаря которым данное утверждение могло бы быть верным. Языковая модель, которую я выделила в процессе проведения настоящего исследования, называется моделью "x prep y" (или ядро + постмодификатор) и приводится ниже.

6. МОДЕЛЬ "X PREP Y"

Общая модель, обнаруженная при анализе языкового материала в рамках настоящего исследования, называется моделью "x prep y" (ядро + постмодификатор) [Luchjenbroers 1993; 1994a; b] и имеет структуру, включающую компонент Y, который соответствует некому элементу, уже фигурировавшему в дискурсе, и компонент X, который содержит некую информацию об этом восстановленном элементе. "Prep" (предлог) определяет природу отношения между компонентами X и Y. В такой модели ядро функционирует в качестве фокусного центра, в то время как сопровождающая его предложная группа служит связующим звеном с (предположительно) существующей структурой знаний.

Такая (в большинстве случаев) межфразовая структура вида "Новая информация + Связующее звено" одновременно специфицирует то, что является новым/заслуживающим внимания во входящей порции информации, и указывает те узлы, которые

являются частью базы знаний Слушающего (ср. figure vs. ground [Langacker 1991b]). Следовательно, фокусный центр содержит ту информацию, которая сосредоточена в левой ветви, и связана с предшествующим контекстом посредством информации, заключенной в правой ветви. Таким образом, правый узел входящего информационного фрагмента указывает на ту релевантную информацию в развивающейся схеме изложения фактов преступления, с которой следует связать информацию, содержащуюся в левом узле цепочки[6]. Следовательно, в отличие от топика, обеспечивающего связь с предшествующим дискурсом в начале предложения, эта модель обеспечивает "связывание наоборот", когда фокусный центр предшествует связующему механизму. Эта модель также допускает действие нескольких связующих механизмов в пределах одной языковой последовательности. Пример (2), иллюстрируемый на схеме 3, является примером "связывания наоборот", которое достигается посредством вложенных друг в друга моделей "x prep y".

(2) *and were you in 1986 a girlfriend of the deceased*
а были вы в 1986 г. арт. подругой пред. арт. погибшего
in this matter? [W2E: 7][7]
в этом деле

girlfriend (Ядро) *of the deceased* (Модификатор)
deceased (Ядро) *in this matter* (Модификатор)

В примере (2) собственно сказуемое, *a girlfriend* "подруга", является фокусным ядром модели "x prep y", а *a girlfriend of the deceased* "подруга погибшего", и *the deceased* "погибший" обеспечивают связь этой структуры с развивающейся картиной престу-

Схема 3: Добавление информации к существующей структуре знаний

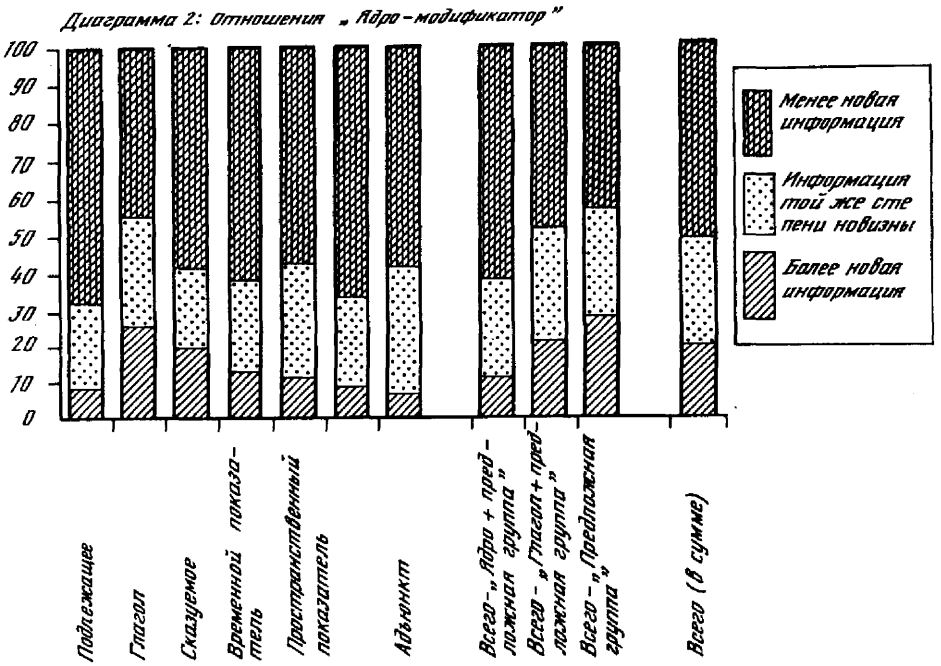
пления; т.е. на данном этапе все Слушающие располагают информацией о жертве преступления, но не о том, что свидетельница была его подругой. Следовательно, характеристика *girlfriend* "подруга" приписывается известному объекту, *the deceased, Mr. Y* "погибшему, господину Y", который восстановим из предшествующего дискурса.

[6] Более подробный список моделей типа "Ядро + Предложная группа", полученных на данном языковом материале, см. в Приложении.

[7] Условные обозначения, используемые для кодирования языкового материала, включают номер свидетеля (W#2), за которым следует тип показаний (E = допрос, CE = перекрестный допрос) и порядковый номер данного информационного отрезка. Единицы анализа (информационные отрезки) отмеряются посредством главных предложений.

Аналогично, *the deceased* "погибший" далее связано с предложной группой *in this matter* "в этом деле". Это помещает *the death of Mr Y* "смерть мистера Y" в общее изложение событий, связанных с преступлением, которое рассматривается в суде. Фактически компонент Y второй модели, *in this matter* "в этом деле", служит связующим звеном между изложением событий, связанных с преступлением, и текущей ситуацией, напоминая всем присутствующим, с какой целью они собрались в зале суда.

Возрастание степени данности информации (или возрастание количества отсылок-связок) от ядерных элементов предложения к его периферии, явствующее из последовательного вложения моделей "x prep y", согласуется с распределением, приведенным ранее на Диаграмме 1. Когнитивный подход к изучению языковых структур предполагает, что определенные типы информации помещаются в конкретные позиции, потому что эти позиции являются типичными позициями их употребления; следовательно, Говорящий, стремясь облегчить Слушающему процесс понимания, вынужден помещать фокусную информацию в те позиции, где ожидает ее найти Слушающий, т.е. в ядерный узел X модели "x prep y". В целях дальнейшего обоснования данного утверждения и действенности модели "x prep y" как достоверного предписания по связыванию информации, адресованного Слушающему, были проанализированы как ядра, так и их модификаторы в терминах показателей данности, приведенных на Диаграмме 1 (см. Диаграмму 2).



Для обеспечения количественного подтверждения того, что постмодификаторы несут данную информацию и служат связующим звеном с информацией, содержащейся в предшествующей части дискурса, как для ядер, так и для модификаторов были определены (i) степень данности/новизны и (ii) пространственные функции. Данные, приведенные на Диаграмме 2, показывают, что (в пределах моделей "Ядро – Предложная группа", которые демонстрируют большую степень периферийности информации) 62% постмодификаторов содержат менее новую информацию, чем соответствующие ядра; в то же время только 11% модификаторов несут более новую информацию[8]. Остав-

[8] Полный список моделей "x prep y" (с примерами), полученных на данном языковом материале, см. в Приложении.

шиеся 27% передают информацию той же степени новизны, что и ядро – сюда в первую очередь относятся временные показатели типа *when you were there* "когда Вы были там", где различие между ядром и модификатором не касается степени новизны информации[9].

В целях представления данного типа связности по модели "Ядро – Предложная группа" на материале всех частей предложения в сферу анализа включались также глагольные модели – VPP (глагол – предложная группа) и VP (глагольная группа) [см. Приложение]. Результаты анализа показали, что модификаторы как моделей VPP, так и моделей VP преимущественно превосходят свои глагольные ядра по степени новизны или совпадают с ними по этому параметру. Это согласуется с распределениями, представленными выше на Диаграмме 1, которая показывает, что новая и фокусная информация концентрируется в глагольно-объектной области предложения. Однако даже в этой не типичной для проявления дискурсивной связности области почти в половине случаев глагольные модификаторы характеризуются меньшей степенью новизны, чем глагольные ядра.

В совокупности полученные результаты соответствуют точке зрения о том, что в процессе развития дискурса определенное количество элементов находится в активном состоянии (т.е. в процессе обсуждения), что приводит к сложности отображений в концептуальную структуру, которую должны объяснить предлагаемые модели дискурса. К тому же эти результаты обеспечивают обоснование модели "x prep y" как регулярного факусирующего механизма, показывающего Слушающему, как выделить новую или заслуживающую внимания информацию и как включить ее в развивающееся схематическое представление информации, находящейся в его распоряжении. Более того, эти результаты показывают, что функция связывания может иметь гораздо более широкое понимание, чем то, что используется в рамках топикально ориентированного подхода.

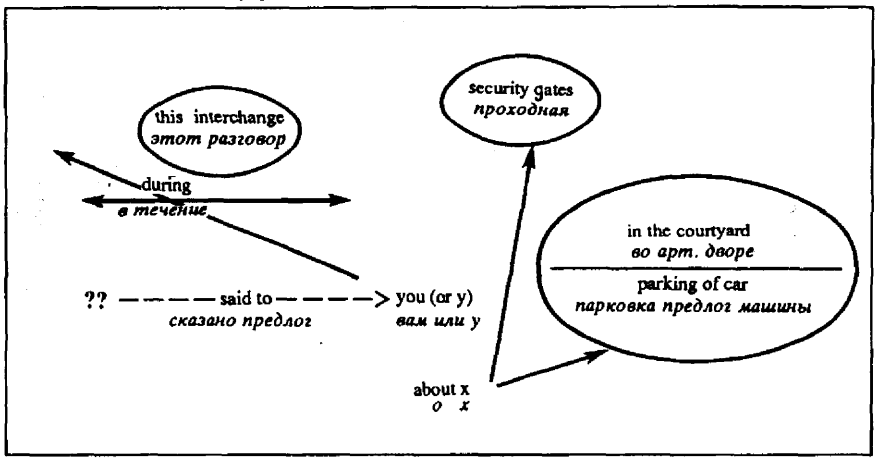
7. ПРЕДМЕТ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Компьютерные модели дискурса [Polanyi 1988] строятся на основе утверждения о том, что каждое предложение посвящено чему-либо уже известному (т.е. данному) относительно дискурса и добавляет к нему нечто новое (или заслуживающее внимания). Однако приведенные здесь результаты показывают, что это утверждение противоречит положению, согласно которому различные сентенциальные элементы являются данными лишь в определенной степени. Фактически, противопоставление данной и новой информации слишком поляризовано; предлагаемый нами подход включает в себя положение о том, что высказывание может быть одновременно посвящено нескольким сущностям, каждая из которых характеризуется определенной степенью фокусности, достигающей максимума в кульминационной точке информационного отрезка (in the point of the contribution) [Luchjenbroers 1991; 1993].

Основная проблема топикально ориентированных компьютерных моделей дискурса состоит в том, что они не допускают отступлений (того, что Аллен называет семантическими возвратами), т.е. ситуаций, когда топик возникает в определенной точке дискурса и позже возобновляется так, будто его обсуждение не прерывалось. В таких случаях при возвращении к старому топику вся фокусная информация, используемая для отсылки, сохраняется в прежнем виде. В результате остается неясным, как (и действительно ли) такие модели могут обеспечивать повторный

[9] Поскольку в начале не выделялись в отдельную группу последовательные модели типа "Ядро – Предложная группа", имеющие место при неоднократном вложении, статистические результаты несколько менее наглядны, чем могли бы быть в противном случае. Например, в такой цепочке, как *girlfreend of the deceased in this matter* "подруга погибшего в этом деле" несущий доступную информацию модификатор *the deceased* "погибший" является также ядерным элементом последующей модели типа "Ядро – Предложная группа" (the deceased in this matter (погибший в этом деле)); следовательно, хотя различие в степени новизны наблюдается в первой модели, оно не имеет места во второй. В результате, учет всех моделей типа"Ядро – Предложная группа" во всех позициях несколько снизил показательность статистических данных.)

Схема 4: Взаимосвязи внутри одного информационного отрезка



доступ к дополнительным знаниям-схемам, когда повторный доступ к старым топикам (или иной содержащейся в дискурсе информации) в них невозможен.

К тому же такой подход предполагает, что входящая информация может присоединяться исключительно к свободному крайне правому узлу дерева (который является заранее выделенным топиком). Идея о том, что только правосторонние узлы свободны для присоединения, призвана объяснить необходимость проходящей в направлении слева направо (т.е. в линейной последовательности) интерактивной обработки, которая хорошо согласуется с двухмерными древовидными иерархическими диаграммами. Однако такая формализация не соответствует реалистической точке зрения, выраженной в рассказах и повествованиях, где несколько действий могут протекать одновременно. Например, (3) содержит так много отсылок к данной информации (разобранных ниже в терминах моделей типа "x prep y")[10], что при моделировании возникла бы гораздо более сложная структура, чем иерархически упорядоченное дерево. Альтернативное представление приводится на Схеме 6, оно иллюстрирует множественность связей с предшествующим контекстом, порождаемых единственной порцией входящей информации.

(3) *Now, was anything said to you during this interchange*
так было что-либо сказано вам в течение этого разговора

about security gates or the parking of the car in
о пропускных воротах или арт. парковке пр. арт. машины в

the courtyard area, or to Mr. Y at the time?
арт. двор район или пр. г-ну Y в тот раз

during	*this interchange*	модификатор данное
about	*the security gates*	модификатор данное
about	*the parking (of the car...)*	модификатор данное
the parking	*of the car*	ядро и модификатор данное
the car[11]	*in the courtyard area*	ядро и модификатор данное

[10] Заметьте, что такие модели не являются единственным источником данной информации, среди персональных ссылок имеются как анафорические ссылки на предшествующий дискурс, так и на информацию, хранящуюся в памяти.

[11] Точнее the parking in the courtyard area (прим. переводчика).

Модели, представляющие дискурс в виде ориентированного ассоциативного графа, делают возможным наличие множественных смысловых связей, как показано на примере схемы "x prer y". В частности, иерархические модели, работающие с топикальной цепью последовательности предложений, допускают ограниченное количество связей между составляющими частями предложений, а точнее – только одну связь: через топик. При этом высокая частота использования моделей "x prep y" в языковом материале (более 6 300 использований на 3 701 информационный интервал) показывает, что отсылки к ранее фигурировавшей информации часто наблюдаются в нескольких точках одного предложения или высказывания.

Хотя приведенные на схеме 4 отношения могли бы быть представлены в виде дерева (с последовательными модификаторами, подсоединенными к точкам, находящимся в более высоких уровнях), связующие фразы указывают на разные (хотя и связанные) точки физического пространства и, следовательно, служат созданию новых связей в структуре дискурса (и схематической структуре).

8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель данной работы состояла в рассмотрении того, как функциональные свойства отдельных элементов дискурса способствуют тому, чтобы участники речевой ситуации могли создать в своем сознании более точные модели фрагментов беседы и получить доступ к определенным узлам построенных структур. Совокупность языкового и ситуационного контекста содержит набор локальных ограничителей, которые направляют внимание Слушающего на наиболее важные понятия в ткани дискурса. Настоящее исследование включает в себя положение о том, что существует определенная корреляция между расположением фокусной информации в речевом потоке и теми позициями, в которых Слушающий ожидает ее обнаружить. В настоящей работе утверждается, что (в большинстве случаев) межфразовая модель типа "ядро + постмодификатор" несет в себе особые указания Говорящего о том, каким образом Слушающий должен присоединить (новую или заслуживающую внимания) входящую информацию к уже созданной им модели дискурса.

Приведенные результаты показывают, что в дискурсе судебных слушаний с высокой частотой употребляются модели-связки, содержащие отсылку к другим точкам дискурсивного пространства; я считаю, что данный факт является первопричиной пресловутой вербальной избыточности дискурсов этого типа и результатом того, что адвокаты всеми возможными способами стремятся к тому, чтобы внушить Присяжным определенный вариант восприятия действительности. Таким образом, эта модель представляет собой локальную стратегию, направленную на обеспечение глобального процесса интерактивного построения основы коммуникативного взаимодействия.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Примеры моделей типа "x prep y" (Ядро + постмодификатор)

Модель "Ядро – Предложная группа"

Подлежащее

#14E	***five***	***(of***	***those***	***flats***	*were...*					
	пять	из	тех	квартир	были					
#29E	***each***	***occupier***	***(of***	***the***	***units***	*within*	*that*	*block*	*has*	
	каждый	обитатель	пр.	арт.	комнат	в	том	доме	имеет	
#42E	***The***	***garage***	***(that***	***is***	***immediately***	***in front***				
	арт.	гараж	который	находится	непосредственно	напротив				
	of	*the*	*deceased's*	*car,*	*was*					
	пр.	арт.	убитого	машины	был					

#7E *Were you* ***a girlfriend*** ***(of the deceased*** *(in this matter*
были вы арт. подругой пр. арт. убитого в этом деле

#30E *was there* ***one*** ***(in the vehicle*** *(driven by the deceased*
был там один в арт. машине управляемой пр. арт. убитым

#47E ***Was that the limit*** ***(of the relationship***
было это арт. границей пр. арт. взаимоотношений

Дополнение

#18E *you occupied one* ***(of the two flats***
вы занимали одну из арт. двух квартир

#18E *(two flats) that were not occupied by* ***members*** ***(of that family?***
две квартиры которые были не заняты пр. членами пр. той семьи

#22E *It shows* ***the 2 large gates (at the entrance way there***
это показывает пр. большие ворота на арт. ко входу дороге туда

to the flats
к арт. квартирам

Временной показатель

#8E *Prior (to his death*
предшествующий пр. его смерти

#10E *all (of that 11 months*
все из тех 11 месяцев

#48E ***before (the death*** *of Mr Y*
перед арт. смертью пр. г-на У

Пространственный показатель

#30E *was there one* ***in the vehicle*** ***(driven by the deceased***
был там один в арт. машине, управляемой пр. арт. убитым

#22E *It shoes the 2 large gates at* ***the entrance way*** *there*
это показывает пр. большие ворота на арт. ко входу дороге туда
to the flats
к арт. квартирам

#42E *The garage (that is immediately* ***in front***
арт. гараж который находится непосредственно напротив
(of the deceased's car *was*
пр. арт. убитого машины был

Адъюнкт

#7E *Were you a girlfriend* ***of the deceased*** ***(in this matter***
были вы арт. подругой пр. арт. убитого в этом деле

#29E *each occupier* ***(of the units within that block*** *has*
каждый обитатель пр. арт. комнат в том доме имеет

#47E *Was that the limit* ***of the relationship*** ***(you had with other***
было это пр. границей пр. арт. взаимоотношений вы имели с другими
occupiers there?
жильцами там

Модель "Глагол – Предложная группа"

Глагол

#8E *did you both* ***reside*** ***(at flat x***
пок-ль пр.в. вы оба жить в квартире

#14E *that flat was* ***occupied*** ***(by one particular family***
та квартира была занята пр. одной конкретной семьей

#20E ***(open) at photograph 2,*** *please*
откройте на фотографии, пожалуйста

Сказуемое

#8RE	*Was*	*he*	***capable***	***(of***	***protecting***	***himself***						
	был	он	способен	к	защите	себя						
#85XE	***I want***	***to***	***put (to***		***you***	*an*	*explanation*					
	я хочу	ч.	предложить		вам	пр.	объяснение					
#405XE	*(what*	*happend)*	***was***	***that***	***Mr S***	***came***	***in***	***(to complain***				
	что	случилось	было	что	г-жа	пришла		ч. жаловаться				

Временной показатель

#48E	*if I*	***take***	*you*	***(to some short time***								
	если я	отниму	у вас	пр. немного времени								
#13XE	*If*	*I can*	***direct***	*your*	*mind*	***to***	***just***	***prior***	***to***	***the***	***commotion***	
	если	я могу	перенести	ваши	мысли	к	сразу	до	пр.	арт.	потрясения	

Пространственный показатель

#202XE	*Did*		*that*	***fall (out***	*(of*	*the*	*basket*					
	пок-ль	пр.в.	оно	выпасть	из	пр.	корзины					
#254XE	*Why*	***put***		*that*	***(in***	***the***	***statement***					
	зачем	помещать		это	в	арт.	отчет					
#265XE	*when*	*you*	***got***	***(back***	*(from*	*Fiji*						
	когда	вы	приехали	обратно	с	Фиджи						

Модель "Глагольная группа"

#9E	*How*	*long*	*had*		*you*	***lived***	***(there***					
	как	долго	вр. пок-ль		вы	жили	там					
#18E	*and*	*you*	***occupied***	***(one***	*of*	*the*	*2 flats*					
	и	вы	занимали	одну	из	арт.	2 квартир					
#21E	*Do*	*you*	*there*	***see***		***(the***	***block***	*of*	*flats*			
	вр.	пок-ль	вы	там	видите		арт.	группу	пр.	квартир		

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Allen J. 1987 – Natural language processing. Amsterdam, 1987.

Chage W. 1987 – Cognitive constraints on information flow // Coherence and grounding in discourse / Ed. by R. Tomlin. Amsterdam, 1987.

Chafe W. 1994 – Discourse, consiousnees and time: The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing. Chicago, 1994.

Clark H., Carlson T.B. 1982 – Speech act and hearer's beliefs // Mutuat knowledge / Ed. by N.V. Smith. L., 1982.

Clark H., Schaeffer E.F. 1987 – Collaborating on contributions to conversation // Language and cognitive processes. 2. 1987.

Dinsmore J. 1989 – Foundations of knowledge partitioning // SIU Southern Illinois University. Department of Computer Science: Technical Report. 1989.

Fauconnier G. 1985 – Mental Spaces. Cambridge (Mass.), 1985.

Fauconier G. 1990 – Domains and connections // Cognitive linguistics. 11. 1990.

Fillmore Ch. 1975 – An alternative to checklist theories of meaning // BLS 1. 1975.

Grosz B.J. 1986 – The representation and use of focus in a system for understanding dialogs // Readings in natural language processing / Ed. by B.J. Grosz, K.S. Jones, B.L. Webber. Los Altos (California), 1986.

Johnson-Laird P.N. 1980 – Mental models in cognitive science // Cognitive Science. 4. 1980.

Langacker R. 1986 – Foundations of cognitive grammar. V. I: Theoretical perspectives. Stanford, 1986.

Longacker R. 1991a – Foundations of cognitive grammar. V. II. Stanford, 1991.

Longacker B. 1991b – On *of* and *of*-periphrasis. Paper presented at the 5th Annual Cognitive linguistics Workshop. University California (San Diego). 1991.

Luchjenbroers J. 1991 – Discourse Dynamics in the Courtroom: some methodological issues for discourse analysis // La Trobe University working papers in linguistics 4. 1991.

Luchjenbroers J. 1993 – Pragmatic Inference in Language Processing. Unpublished PhD Dissertation. La Trobe University. Melbourne, Australia. 1993.

Luchjenbroers J. 1994a – Locations is space // Paper presented at: International Summer School in cognitive science

(Workshop: Language and space). SUNY. Buffalo. New York, July, 1994.
Luchjenbroers J. 1994b – Schematic Representations of Courtroom Discourse Structures // Paper presented at: "Conceptual structure, discourse and language" conference. Univ. of California at San Diego, Nov. 1994.
Luchjenbroers J. 1995 – Barrister talk vs. witness talk: who's smuggling what? Paper to be presented at: First Annual International Conference on Crime and Justice // CrimeCon: Email conference sponsored by the Dept. of Criminal Justice at Univ. of Arkansas, Little Rock, 1995.
Mandler G. 1985 – Cognitive psychology: An essay in cognitive science. Hillsdale. (N.J.), 1985.
Minsky M. 1975 – Frame-system theory // Thinking: Readings in cognitive science / Ed. by P.N. Johnson-Laird, P.C. Wason. Cambridge (Mass.), 1975.
Oosten J. van. 1986 – The nature of subjects, topics and agents: A cognitive explanation. Bloomington, 1986.
Polanyi L. 1988 – A formal model of the structure of discourse // Journal of pragmatics. V. 12. 1988.
Reinhart T. 1981 – Pragmatics and linguistics: an analysis of sentence topics // Philosophica. 271. 1981.
Rosch E.H. 1973 – Natural categories // Cognitive psychology 4. 1973.
Rosch E.H. 1977 – Human categorization // Studies in cross-cultural psychology / Ed. by N. Warren. V. I. L., 1977.
Rosch E., Mervis B.C. 1975 – Family resemblance in internal structure of categories // Cognitive psychology. 7. 1975.
Rumelhart D.E. 1975 – Notes on a schema for stories // Representation and understanding: Studies in cognitive science / Ed. by D.G. Bobrow, A. Collins. N.Y., 1975.
Schank R.C. 1986 – Language and memory // Readings in Natural Language Processing // Ed. by B.J. Grosz, K.S. Jones, B.L. Webber. Los Altos (California), 1986.
Schank R.C., Abelson R.P. 1977 – Scripts, plans, goals and understanding. Hillsdale, (N.J.), 1977.
Sperber D., Wilson D. 1982 – Mutual knowledge and relevance in theories of comprehension // Mutual knowledge / Ed. by N.V. Smith. L., 1982.
Sperber D. 1986 – Relevance: communication and cognition. Oxford, 1986.
Talmy L. – 1983 How language structures space // Berkeley cognitive science report N 4. UC Berkeley, 1983.
Wilensky R. 1986 – Points: a theory of the structure of stories in memory // Readings in natural Language processing / Ed. by B.J. Grosz, K.S. Jones, B.L. Webber. Los Altos, 1986.

Перевела с английского Н.В. Корсунская

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 2 1996

© 1996 г. К. БИБОК

ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ РУССКОГО И ВЕНГЕРСКОГО ЯЗЫКОВ

1. ВВЕДЕНИЕ

В соответствии с двукомпонентной теорией описания концептов, изложенной в [Osherson–Smith 1981; Armstrong et al. 1983], мы будем различать их ядро и функцию распознавания (identification function): ядро связано с теми аспектами концепта, которые определяют его принадлежность к категории и выявляют отношение к сложным концептам, в то время как функция распознавания определяет вид информации, используемой для вынесения быстрых суждений о принадлежности к категории, быстрой сортировки вещей, событий и т.п. в мире[1]. При проведении такого различия можно заметить, что традиционная семантическая теория, особенно компонентный анализ, правильно описывает ядро, в то время как теория прототипов описывает функцию распознавания. Однако, как утверждают Ч. Шварц и Х. Куйкенс [Schwarze 1982; Cuyckens 1984], лексико-семантическая структура языка по своей природе является смешанной в другом смысле. Не существует одной конкретной отдельно взятой концептуальной структуры, удовлетворительной для лексикона в целом. Лексикон может быть разбит на группы в зависимости от того, какой способ описания значения наиболее соответствует входящим в них концептам: стереотипические, чисто реляционные и частично реляционные значения слов (Шварц), а также совмещающая или исключительно прототипическая или исключительно классическая концептуальная структура (Куйкенс).

Я стою на позиции комплексной лексикологической и лексикографической теории значения, которая принимает во внимание не только различие между ядром и функцией распознавания, но и различие между знанием языка и знаниями о мире [Bibok 1994]. Схематическая версия типологии основных лексико-грамматических категорий (глаголов, существительных, прилагательных, предлогов) выглядит, как в (1)[2]:

(1)

	Языковое ядро	Экспертное ядро	Контекстуально вызванные концептуальные сущности	Функция распознавания
1	+*			+
2	+	+*		+
3	+		+*	+
4	+			+

В данной работе предлагаются определения значений применительно к словам, выбранным из третьего класса вышеприведенной типологии. В общем этот класс слов может быть охарактеризован следующим образом. На языковом уровне по одной из версий концептуальной семантики [Bierwisch 1983; 1986; 1987; Bierwisch–Schreuder

[1] Выражаю благодарность Е. Бархударовой, А. Драгалину, В. Лепахину, Н. Сзалма, О. Сзёги и Н. Зубову за их комментарии к русским примерам, а также Г. Зсигри за правку английского варианта.

[2] Символ +* указывает, на каком типе составляющих может основываться определение экстенсионала.

1992; Gergely–Bever 1986; Kiefer 1990] значения слов, состоящие из семантических компонентов, не всегда полностью конкретизированы. Это недоопределенное семантическое или ядерное значение, конкретизируется посредством нашего обыденного знания, вызываемого нейтральными контекстами, т.е. такими контекстами, которые не требуют метафорической интерпретации.

Уточнение осуществляется с помощью так называемого концептуального сдвига, который "сдвигает" значение ядра в различные концептуальные области, и с помощью концептуальной дифференциации, которая всего лишь слегка "дифференцирует" значение ядра внутри одной и той же концептуальной области. Таким образом получаются буквальные значения. Другими словами, интерпретация означает превращение неточно определенных семантических значений в полностью определенные концептуальные значения на основе обыденного знания[3].

В соответствии с вышеупомянутым механизмом интерпретации в данной работе представлены два раздела (2, 3). 1. В рамках модифицированной версии концептуального сдвига будет предложен некоторый набор правил. Эти правила создают буквальный смысл для группы русских и венгерских (квази)эквивалентов английских слов: *school* "школа", *university* "университет", *church* "церковь", *television* "телевидение", *radio* "радио" и т.п. 2. В терминах концептуальной дифференциации сравниваются русские и венгерские глаголы "резать"; "рубить" – *"vág"*, определяющие различные способы резания.

2. КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ В РАМКАХ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО СДВИГА

2.1. Для иллюстрации этого типа интерпретации рассмотрим различные значения *school* в (2a–e).

(2) a) *He left s c h o o l ten years ago.*
"Он покинул школу десять лет назад"
b) *He left the s c h o o l ten minutes ago.*
"Он вышел из школы десять минут назад"
c) *The s c h o o l is making a trip to the seaside.*
"Школа путешествует на побережье"
d) *S c h o o l annoys him.*
"Школа раздражает его"
e) *The s c h o o l is one of the most important inventions of human civilization.*
"Школа – это одно из самых важных изобретений человеческой цивилизации"

Выделенное существительное в этих контекстах может быть истолковано соответственно как учреждение, здание, собрание людей (т.е. учителей, учеников и т.п.), разнообразная деятельность и тип учреждения, или учреждение как родовая единица. Несмотря на рассматриваемые различия, у *school* есть общая часть значения, которая фактически не является полностью конкретизированной и может быть перефразирована следующим образом (для ее формализации в терминах семантических компонентов, комбинируемых в соответствии с лямбда-исчислением [Bierwisch 1983: 86]):

(3) 'x has the goal to provide for teaching/learning processes'.
(3) 'x имеет целью обеспечить процесс обучения'.

Буквальные значения, которые появляются в вышеприведенных примерах, выводятся из недоспецифицированного ядра, так как никакое из них не кажется "более

[3] В общем семантическая форма является частью грамматически определенной структуры выражения, но мотивируется свойствами концептуальной структуры (см., например [Bierwisch 1987: 36–37]). В некотором смысле, таким образом, семантическое представление – это граница между лингвистической системой и концептуальной системой. О других явлениях, объяснение которых опирается на это разграничение, см. вышеупомянутые работы [Bierwisch 1983; 1986; 1987; Gergely, Bever 1986; Lang 1990]. Конечно, это различие не всегда является ясным.

буквальным", чем другие. Спецификация осуществляется концептуальным сдвигом, добавляющим к значению ядра в (3) концептуальные схемы (4a–e), доступные благодаря обыденным знаниям о мире, вызванным соответствующими контекстами.

(4) a) 'x is an institution'
"x – учреждение"
b) 'x is a building'
"x – здание"
c) 'x is an ensemble of people'
"x – собрание людей"
d) 'x is some activities'
"x – некоторая деятельность"
e) 'x is a type of institution'
(x – тип учреждения)

Как утверждал М. Бирвиш [Bierwisch 1983: 82], концептуальные толкования в (4) релевантны не только в случае со *school*. Существует целая группа слов, к которой они могут быть приложены. Рассмотрим список слов типа *school* в (5), изменяя их ядра в зависимости от конечной идентификации:

(5) *university* "университет", *institute* "институт", *academy* "академия", *museum* "музей", *theatre* "театр", *opera* "опера", *parliament* "парламент", *ministry* "министерство", *government* "правительство", *bank* "банк", *court* (of justice) "суд", *church* "церковь", *radio* "радио", *television* "телевидение" и т.д. Должно быть понятно, что необходимо ввести переменную ступени в описании ядерного значения *school* и соответственно определить его, чтобы различить *school* и *university* [ср. также *ministry of education* (министерство образования)]. Но для нас не так важно стремление Бирвиша утверждать, что слова из (5) могут варьировать лишь в соответствии с (4) или что для каждого слова из (5) подходит любая схема из (4). С одной стороны, *opera*, например, появляется в контекстах, не характерных для *school*. Таким образом мы также должны вывести такие буквальные значения для *opera*, как 'партитура, диск, кассета и т.п. как типы физических объектов', 'музыкальная драма как (тип) информационной структуры', 'представление как элемент деятельности или символ информационной структуры', 'музыкальная драма как вид искусства', которые также важны для других существительных, например: *book* "книга", *letter* "письмо", *novel* "новелла", *sonata* "соната", *symphony* "симфония", *oratorio* "оратория", *overture* "увертюра" и т.д. Поэтому концептуальное правило, которое позволяет появляться другим смыслам, а не только смыслам существительных типа *school*, кажется необходимым. Естественно, должны приниматься во внимание отношения между значениями существительных типа *school* и типа *book*. Очевидные параллели между двумя наборами значений также заслуживают особого внимания.

С другой стороны, интерпретация типа *building* не подходит для *government*. Таким образом, *government* является менее гибким, чем *school*, то есть лексически более специфицированным. Отсюда, если другое концептуальное правило исключает параллельную (одновременную) лексикализацию смысла типа *institution* и смысла типа *building* в одном и том же слове, с этой проблемой можно справиться, зафиксировав смысл в лексико-семантической репрезентации *government*. Если это не так, словарная статья слова *government* должна включать немотивированную информацию, обеспечивающую другое применение концептуальных схем в (4) к неспецифицированному ядру. Конечно, проблема возможности появления других смыслов остается, так как такое правило не может исключить, по меньшей мере, смыслы 'собрание людей' и 'тип учреждения'. Какие правила обеспечивают эти интерпретации для *government*? Таким образом, нетривиальный характер правил приводит к проблеме, которая будет позже исследована в подразделе 2.2. Однако теперь можно заключить, что различие в

лексической дистрибуции пяти буквальных значений для *school* и вообще для существительных типа *school* указывает, что идентификация буквальных значений релевантна не только для концептуализации, но также для лингвистической характеризации лексических единиц в одном или более языках. Далее, утверждение, что все результирующие значения являются буквальными, не подразумевает, что они неструктурированы. Фактически они могут иметь сложную внутреннюю структуру, то есть некоторые концептуальные единицы (например, 'собрание людей' и тип учреждения') появляются с помощью деривации от особой лексико-семантической формы (в случае с *government* – от лексико-семантической формы, содержащей 'учреждение'). Несмотря на структурированный характер буквальных значений, они все остаются буквальными значениями в том смысле, что они фигурируют в нейтральных контекстах, то есть в контекстах, которые не требуют уничтожения ранее установленных компонентов смысла, что необходимо в случае метафорических значений, появляющихся в ненейтральных контекстах.

Перед графическим изложением результатов моего контрастивного анализа необходимо сделать одно замечание. Задача идентификации и представления значения в случае со *school* (отделив слова типа *opera, government*) не является тривиальной в том смысле, что мы всего лишь должны превращать ранее установленные и зафиксированные в словарях описания значения из словарей в новые формулы. Здесь вполне достаточно указать на русские эквиваленты *school* и *university*, у которых также есть значения, данные в (4). Однако в словаре русского языка [Евгеньева 1981–1984] в словарной статье слова *школа* смыслы 'деятельность' и 'собрание людей' не упомянуты, в словарной статье слова *университет* указан только смысл 'учреждение'. Далее, несмотря на то, что и смысл 'учреждение', и смысл 'здание', имеются в статье слова *школа*, они упомянуты под одним и тем же арабским номером, то есть они приведены как одно значение. Очевидно, что словарь русского языка не дает систематически всех вариантов значений слов. Но не лучше обстоит дело со словарями венгерского языка, а также, я уверен, и других языков. Таким образом, если значение не появляется в словарной статье, в каждом случае необходимо решать, действительно ли оно отсутствует или оно просто было опущено составителем.

2.2. Исследования, проведенные в рамках концептуального сдвига, показывают противоположные образцы лексикализации в том смысле, что когда в одном случае в русском языке есть одно слово (*церковь*), а в венгерском – два (*egyház, templom*), в другом случае есть обратная пропорция (*телевидение, телевизор, телецентр – televízió; радио, радиоцентр – rádió*). Таблица 1 графически суммирует значения, обнаруживаемые в обоих случаях (подробно см. в [Bibok 1994])[4].

Для того, чтобы создать все варианты значения исследуемых слов, принадлежащих группе существительных типа *school*, мы принимаем, что целевые спецификации могут быть сформулированы как 'для обеспечения религиозных процессов' для *церковь, egyház, templom;* 'для обеспечения/передачи/получения некоторой визуальной и/или слуховой информационной структуры' для других групп лексем. Далее мы также принимаем, что концептуальные структуры 'учреждение', 'здание' и 'аппарат' лексикализованы, то есть закреплены в лексико-семантической форме *egyház, телевидение; templom* и *телевизор* соответственно. Таким образом охвачены более специфичные и менее гибкие характеристики этих слов, и мы получаем буквальные значения, которые не вызваны контекстами.

Что касается концептуальных правил, создающих остальные смыслы в таблице 1, то они принадлежат следующим типам:

[4] Если кто-либо не убежден, что значения, суммированные ниже в табличном виде подходят для русских и венгерских слов, я предлагаю ему/ей толковать эти слова в (более широких) контекстах.

(6) Первый тип концептуальных правил **допускает чередование смыслов:**

'учреждение' чередуется со 'зданием' и/или 'аппаратом' (оба принадлежат к 'неодушевленным физическим объектам');

(7) Второй тип концептуальных правил **исключает параллельную лексикализацию:**

если 'учреждение', 'здание' или 'аппарат' лексикализован, другие два смысла не могут появиться в буквальных значениях рассматриваемой лексемы;

(8) Третий тип концептуального правила **допускает деривацию смыслов:**

а) в случае смысла 'учреждение': 1) 'тип учреждения'
и/или 2) 'собрание людей';

б) в случае смысла 'здание': 'собрание людей';

в) в случае смысла 'собрание людей': 'деятельность';

г) в случае смысла 'деятельность': 'элемент деятельности (программа)';

д) в случае с лексикализацией смысла 'аппарат': 'элемент деятельности (программа)'.

Таблица 1

Значения сравниваемых русских и венгерских слов

	Церковь	Egyház	Templom	Телевидение	Телевизор	Телецентр	Televízió	Радио	Радиоцентр	Rádió
'institution'	+	+		+		+	+	+	+	+
'type of institution'	+	+		+			+	+		+
'building'	+		+			+	+		+	+
'apparatus'					+		+	+		+
'ensemble of people'	+	+	+	+		+	+	+	+	+
'activities'	+	+	+	+		+	+	+	+	+
'programme' ('element of activities')				+	+	+	+	+	+	+

На основе (6)–(8) можно создавать варианты значений следующим образом. В соответствии с контекстами (6) обеспечивает слова *церковь, телецентр, televízió, радиоцентр* и *rádió* смыслами 'учреждение' и 'здание' в буквальных значениях; (6) также обеспечивает слова *televízió* и *rádió* смыслом 'аппарат', а слово *радио* – смыслами 'учреждение' и 'аппарат'. Хотя, для того чтобы объяснить нерелевантность смысла 'аппарат' в случае слов *церковь, телецентр* и *радиоцентр*, мы можем отослать к целевой спецификации церкви и к пространственному характеру компонента *-центр*, мы не можем семантически объяснить тот факт, что сдвиг к смыслу 'здание' в случае с *радио* не применим. (7) предупреждает случай, когда слова, содержащие лексикализированные компоненты 'учреждение', 'здание', или 'аппарат', одновременно лексикализируют другие релевантные элементы (ср. *egyház, телевидение; templom; телевизор*). Другими словами, (7) блокирует (6) в тех случаях, когда концептуальная единица зафиксирована в лексико-семантическом представлении лексемы. (8) выводит буквальные значения с указанными единицами, если необходимая база, лексикализованная или не лексикализованная в буквальном значении, имеется и доступна для применения правила.

После объяснения, как работают правила, необходимо сделать три замечания. Во-первых, можно поверить, что смысл слова 'здание' может быть выведен из смысла 'учреждение' или наоборот с помощью правила, подобного (8 а–д). Однако проблемой является то, что должно быть выведено из чего. Это вряд ли разрешимо. Никакое высказывание в (9) не кажется 'более буквальным', интерпретируется ли *институт* скорее как 'учреждение' или как 'здание'.

(9) а. *Он ушел из института 10 лет назад.*

б. *Он ушел из института 10 минут назад.*

(10) 10 évvel ezelőtt / 10 perccel ezelőtt ment el az intézetből.

Он ушел из института 10 лет / 10 минут назад.

"10 лет-с назад / 10 минут-с назад ушел (Зед) из опр. институт-из вовне"

Далее, как мы уже видели, существуют случаи, когда обе интерпретации слова вообще невозможны. В то же время необходимо уметь справляться и с отсутствием смысла 'здание' (ср. *government, телевидение, ehyház*), что вовсе не наносит ущерба традиционной лексико-графической трактовке метонимических отношений ('учреждение' → 'здание'), и с отсутствием смысла 'учреждение' (ср. *templom*). Поэтому мы настаиваем на адекватности правил (6) и (7).

Во-вторых, концептуальные правила (6)–(8) мотивированы нашими обыденными знаниями. Также, как естественно предположить, что скорее 'учреждение' обобщено как 'тип учреждения', чем 'тип учреждения' конкретизирован как 'учреждение', а в случае со смыслами 'деятельность' – 'элемент деятельности' обратное направление деривации значений, то есть конкретизация, кажется правильным. Таким же образом последовательность: 'учреждение'/'здание' → 'собрание людей' → 'деятельность' кажется естественной.

В-третьих, очевидно, что список концептуальных правил может быть лишь предварительным. Он может нуждаться в исправлениях в случае распространения анализа на другие области лексикона. Тем не менее, от этих непроизвольных правил нельзя ожидать предсказания буквальных значений в строгом логическом смысле и нельзя ожидать, что они не будут иметь исключений, но эти правила проливают некоторый свет на концептуальную организацию человеческого мышления в том смысле, что они – обоснованы или мотивированы человеческим опытом (об этой третьей возможности – вместо произвольности и предсказуемости – см. [Lakoff 1986]).

При сравнении моего понимания концептуального сдвига с пониманием Бирвиша, два пункта кажутся новыми. Во-первых, существуют специфичные отношения между вариантами значений, в соответствии с которыми они могут быть разбиты на две основные группы: 1) первичные буквальные значения, в которых появляются лексикализуемые смыслы: 'учреждение', 'здание' и 'аппарат', и 2) непервичные буквальные смыслы, в которых нелексикализуемые смыслы: 'тип учреждения', 'собрание людей', 'деятельность', 'элемент деятельности' приписываются лексикализованным или нелексикализованным единицам первичных значений. Конечно же, во второй группе некоторые смыслы связаны. Существует внутренняя связь между 'деятельностью' и 'элементом деятельности', а также 'деятельность' может быть добавлена к некоторым членам первой группы через смысл 'собрание людей'. Заметим, что наши концептуальные правила также объясняют случаи, когда некоторые значения второй группы, связанные с 'учреждением', могут экстенсионально варьироваться. Так, например, в соответствии с (8а–б), смысл 'собрание людей' может приписываться и 'учреждению', и 'зданию', и это дает подходящие интерпретации – два набора людей, различные по размеру.

Во-вторых, концептуальные правила (6)–(8) создают модель концептуального сдвига, который отличается не только от традиционной лексикографической трактовки, выбирающей некоторое значение в качестве базисного, и связывающей с ним остальные с помощью метонимии, но и от трактовки Бирвиша. Тем не менее, наша модель сохраняет все их полезные элементы. Что касается концепции Бирвиша, мы разделяем мнение, что существуют два типа представления значений, а на самóм

лингвистическом уровне значения могут быть двух типов: 1) те, которые могут быть специфицированы лексикализацией и 2) те, которые не полностью определены, но могут быть специфицированы изменением концептуальных структур, вызванных контекстами. Что касается традиционной лексикографии, мы поддерживаем деривацию в тех случаях, когда различные концептуальные структуры приписываются смыслам, лексикализованным или чередующимся друг с другом.

3. КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ В ТЕРМИНАХ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

Концептуальная дифференциация только слегка дифференцирует ядерное значение внутри одной и той же концептуальной области. Вариант концептуальной дифференциации, связанный с понятиями прототипа и лексического стереотипа, использовался в моей докторской диссертации [Bibok 1994]. Это позволило последовательно прояснить нюансы смысла, появляющиеся в различных контекстах, но не зарегистрированные (или несистематически зарегистрированные) в словарях венгерского языка. Эта работа показала, с одной стороны, необходимость реструктурировать некоторые статьи словаря, постулируя (более) абстрактное ядро и производя все связанные буквальные значения у него, и, с другой стороны, полезность комбинированного метода в случае не только отдельных лексем, но и целых групп слов в одном или нескольких языках. Этот последний, то есть контрастивный, аспект будет проиллюстрирован в данном разделе.

Рассмотрим глагол *cut* (*cut* в английском языке охватывает значения русских глаголов *резать, стричь, рубить* и т.п. – прим. переводчика) в (11).

(11) а) *John is cutting bread.*
"Джон режет хлеб"
б) *John is cutting wood.*
"Джон рубит дрова"
в) *John likes cutting grass.*
"Джон любит подстригать траву"
г) *Eve is cutting John's hair.*
"Ева подстригает волосы Джона"
д) *Eve is cutting her nails.*
"Ева стрижет ногти"

Хотя *cut* различается в этих примерах, можно сформулировать значение ядра, лежащее в их основе:

(12) 'используя z (нечто с острым концом), x каузирует разделение y (чего-то твердого) на части'.

Буквальные значения выводятся с помощью концептуальной дифференциации, то есть у нас есть различные случаи разрезания в соответствии с вышеприведенными контекстами, соотносящимися с объектами разрезания, что вызывает наши обыденные знания об инструментах и о том, как и для чего они используются. Случаи резания, отмеченные в (11), могут производиться, следуя порядку приведенных примеров, ножом; топором или пилой; садовыми ножницами, косой, серпом или газонокосилкой; ножницами или машинкой для стрижки волос; маникюрными ножницами или щипчиками для ногтей. Но упомянутые инструменты всего лишь прототипичны для рассматриваемой деятельности [Kiefer 1990]. Например, можно также резать хлеб пилой, топором или плоской тонкой доской (по случаю используемыми в качестве инструмента), но такие ситуации очень маловероятны. Мы также можем добавить сюда возможный, но не прототипический случай резания, когда кто-то режет хлеб, используя топор так, как мы используем нож. Соответственно можно говорить о концептуально дифференцированных значениях, связанных с прототипическими и непрототипическими случаями резания. Тем не менее важно заметить, что нетипичные случаи, которые могут быть выражены единой лексемой (а не какими-либо пери-

фрастическими каузативными конструкциями), ограничиваются лексическими стереотипами, принадлежащими концептуальным представлениям значений слов. Они предписывают соответствующие – может быть, зависимые от культуры – способы (если они есть) и цели (если они есть) событий (см. [Gergely, Bever 1986]). Что же касается *cut*, то лексические стереотипы включают стандартные способы, которыми можно резать нечто, но исключают такие нестереотипные методы, как приведенные ниже. Если Джон прикрепляет нож к поверхности стола, а потом кладет хлеб на край ножа и тяжелый камень на хлеб, каузируя его разделение на две части, вряд ли можно назвать это событие *cutting* "резание/рубка", вместо того, чтобы использовать описательную конструкцию. Хотя стереотип лексемы *cut* вынуждает его референциальный потенциал не позволять нестандартное использование типичного элемента резания, он не запрещает концептуальную дифференциацию глагола в контекстах, относящихся не только к прототипическим событиям резания, но также и к непрототипическим, в которых используются нетипичные инструменты – или характерным для инструмента образом, но необычным для объекта резания, или же нехарактерным способом для используемого инструмента, но обычным для объекта резания.

То, что было сказано в связи с *cut*, остается верным и для венгерского глагола *vág* "резать". В русском языке такой общий глагол для случаев резания не существует. В нем глаголы имеют более специфичные значения:

(13) *Джон режет хлеб/мясо/сыр.*

(14) *Джон рубит/колет дрова.*

(15) а. *Джон любит стричь траву/кусты.*

б. *Ева стрижет Джону волосы/ногти.*

Сосредоточимся на глаголах *резать* и *рубить*. Очевидно, обсуждаемые русские глаголы имеют более специфичные ядра, чем венгерский *vág* (а также *cut*). Их специфичность связана со способами протекания событий в (13) и (14), которая может быть сформулирована как в (16) и (17), соответственно:

(16) способ: 'без удара';

(17) способ: 'с ударом'.

Этот тип различия, который не лексикализуется гипонимами венгерского *vág*, может быть проверен с помощью следующих примеров, содержащих одно и то же слово, определяющее объект резания/рубки (дерево), но два глагола, определяющих процесс резания/рубки[5].

(18) а. *Джон режет дерево.*

б. *Джон рубит дерево.*

В то время как (18а) может быть интерпретировано как резка дерева, используя инструмент без удара (например, с помощью электропилы), (18б) указывает на инструмент, использование которого включает удар (например, топор).

Поэтому общие спецификации способа должны быть инкорпорированы в ядерное значение глаголов, то есть (16) и (17) должны быть добавлены к (12) для получения ядерного значения *резать* и *рубить*, которые представлены в их буквальных значениях с помощью правил дифференциации концептуальной интерпретации, варьирующей в соответствии с реально используемыми инструментами, а также со способом их использования. Однако из-за специфичности ядер меньше возможностей остается для выражения типичных и нетипичных случаев одним и тем же глаголом. Рассмотрим следующие примеры, определяющие нетипичные случаи резания с помощью различных глаголов.

(19) а. *Джон режет венский шницель топором.*

б. *Джон рубит венский шницель топором.*

Обычно мясо режут с помощью ножа, а не топором. Если, в очень необычном случае,

[5] Более идиоматичен глагол *пилить* (прим. переводчика).

используется последний инструмент, результирующее событие может быть лексикализовано в зависимости от способа резания с помощью топора. Резать мясо с помощью топора, как с помощью ножа, воздействует на глагол *резать* как в (19а): это непрототипический случай для *резать*. Резка мяса топором стандартным способом, то есть с сильным ударом, предполагает *рубить*, как в (19б). Но из-за специального объекта, который должен резаться топором, это непрототипическое событие для *рубить*.

Далее, если используется нож с сильным ударом, то есть нестандартным способом, или кто-либо, например, мясник, использует специальный нож, то эти способы также не являются прототипическими для рубки, то есть они не должны быть лексикализованы с помощью *рубить*, как в (20).

(20) *Джон рубит мясо ножом*[6].

4. ПЕРСПЕКТИВЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предстоит еще многое сделать для различения лексического и концептуального уровня представления значения. Особенно важно детально исследовать две проблемы, уже отмеченные Бирвишем. Во-первых, можно снять некоторые возражения против языковой (семантической) интерпретации значения в терминах семантических компонентов, если принять во внимание, что М. Бирвиш [Bierwisch 1986: 780–781] разделил так называемые фиксированные (fixed) и гипотетически создаваемые (created), то есть априорные и апостериорные компоненты. Первые (CAUSE, DO, BECOME, KNOW, etc.) являются частью универсального репертуара, доступного изучающему язык в качестве его исходного оснащения, на базе которого могут приобретаться языковые знания. Эти фиксированные первичные элементы имеют установленную связь с соответствующими, может быть, непримитивными двойниками в концептуальной структуре. В действительности именно эта связь является причиной их вхождения в универсальный репертуар (см. логические проблемы изучения языка вообще). С другой стороны, относительно создаваемых первичных элементов как BIRD, DOG, MARRIED, etc., несмотря на то, что они являются примитивами относительно семантической структуры, нельзя всерьез предположить, что у них a priori есть статус заранее установленной концептуальной интерпретации. Они должны быть введены в семантическую структуру и присоединены к концептуальной системе во время процесса изучения языка.

Во-вторых, концептуальный сдвиг и концептуальная дифференциация не независимы друг от друга [Bierwisch 1983]. Взглянем на вышеприведенные высказывания (9) с этой точки зрения. В контексте временного обстоятельства в (9а), *институт* скорее относится к 'учреждению', и в соответствии с этим *ушел* интерпретируется как изменение в членстве. В (9б) *институт* относится к зданию и *ушел* интерпретируется как изменение места. Буквальные значения слов *институт* и *ушел* в (9а–б), соответственно, скоординированны. Так как с обоими временными обстоятельствами появляется один и тот же предлог (*из*), это не влияет на концептуальный выбор. Однако в венгерском языке словоизменительные морфемы окончания, соответствующие русскому предлогу, влияют на интерпретацию аналогично вышеприведенным временным обстоятельствам. Хотя можно использовать те же словоизменительные средства, что и в (10), имеются также и другие возможности. Если в (10) мы заменим форму *intézetből* (элатив) на *intézettől* "институт-из" (аблатив), окончание *-től* – при первом варианте с обстоятельством времени – сделает маловероятную интерпретацию 'здание' абсолютно невозможной. Если в (10) мы заменим *intézetből* на *intézettől*,

---

[6] Хотелось бы отметить лишь некоторые особенности других языков относительно пар венгерских глаголов *jön – hív* и *megy – küld*, исследованных также в терминах концептуальной дифференциации в моей докторской диссертации. Английские глаголы *call* и *send*, также как и русские *звать* и *посылать*, соответствующие *hív* и *küld*, кажется, естественно инкорпорируют дейктические специфичные характеристики *jön* и *megy*, а не *come* и *go*. Что же касается русского языка, то отсутствуют сами слова-эквиваленты последних глаголов.

окончание *-től* – при втором варианте с обстоятельством времени – сделает маловероятную интерпретацию 'учреждение' единственно возможной. [Сравни также английские фразы *at the institute* ("в институте" – членство) vs. *in the institute* ("в институте" – локатив); *from the institute* ("из института" членство) vs. *out of the institute* ("из института" локатив)]. Здесь возникает проблема иерархии и взаимоотношений между элементами, определяющими концептуальный выбор, но мы не можем далее исследовать ее.

Несмотря на оставшиеся проблемы и некоторые тонкие оттенки концептуальной интерпретации высказываний в русском и венгерском языках, и не только в них, мы можем прийти к следующему заключению. Как было показано, разница между семантическим и концептуальным представлением значения может прояснить структуры значений слов более точно и последовательно, чем это делают словари, а также дать систематичную основу для исследования значений слов и моделей лексикализации в разных языках.

Хотя мое исследование не является таким обширным, как работа Талми [Talmy 1985], такой контрастивный анализ может также вскрыть как сходства между лексемами, так и их специфические конкретно-языковые характеристики, а также совпадения и расхождения способов лексикализации в русском и венгерском языках. Это было продемонстрировано на примере слов *церковь – egyház/templom; телевидение/телецентр/телевизор – televízió* и *радио, радиоцентр – rádió* в рамках концептуального сдвига, и на примере слов *резать/рубить – vág* в рамках концептуальной дифференциации. Более того, я показал, как концептуальные правила, мотивированные человеческим опытом, отображают более или менее неопределенные и полностью определенные значения на (первичные и непервичные) буквальные значения.

Думаю, что результаты моего скромного исследования могут быть использованы в некоторых областях прикладной лингвистики, включая лексикографию, обучение языку и теорию перевода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Евгеньева А.П. 1981–1984 – Словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1981–1984. 2-е изд. (перераб. и доп.).

Armstrong S.L., Gleitman L.R., Gleitman H. 1983 – What some concepts might not be. Cognition. 1983. V. 13.

Bibok K. 1994 – Szószemantika: elméleti kérdések es elemzések [Word semantics: theoretical questions and analyses]. Unpublished PhD thesis. Szeged. 1994.

Bierwisch M. 1983 – Semantische und konzeptuelle Reprasentation lexikalischer Einheiten // Unersuchungen zur Semantik / Ed. by R. Ruzicka, W. Motsch. B., 1983.

Bierwisch M. 1986 – On the nature of semantic form in natural language // Human memory and cognitive capabilites: Mechanisms and performances / Ed. by F. Klix, H. Hagendorf. Amsterdam, 1986.

Bierwisch M. 1987 – Some aspects of semantic form in natural language // Language and artificial intelligence / Ed. by M. Nagao. Amsterdam, 1987.

Bierwisch M., Schreuder R. 1992 – From concepts to lexical items. Cognition. 1992. V. 42.

Cuyckens H. 1984 – Towards a non-unified theory of word-meaning // Papers from the parasession on lexical semantics / Ed. by D. Testen, V. Mishra, J. Drago. Chicago, 1984.

Gergely G., Bever T.G. 1986 – Related intuitions and the mental representation of causative verbs in adults and children. Cognition. 1986. V. 23.

Kiefer F. 1990 – Linguistic, conceptual and encyclopedic knowledge: Some implications for lexicography // BudaLEX'88 proceedings: Papers from the 3-rd International EURALEX Congress. Budapest. 4–9 September 1988 / Ed. by T. Magay, J. Zigány. Budapest, 1990.

Lakoff G. 1986 – Classifiers as a reflection of mind // Noun classes and categorization. C. Craig. Amsterdam, 1986.

Lang E. 1990 – Primary conceptual space and inherent proportion schema: Two inteacting categorization grids underlying the conceptualization of spatial objects // Journal of semantics. 1990. № 7.

Osherson D.N., Smith E.E. 1981 – On the adequacy of prototype theory as a theory of concepts. Cognition. 1981. V. 9.

Schwarze Ch. 1982 – Stereotyp und lexikalische Bedeutung // Sonderforschungsbereich 99: Linguistik, 1982.

Talmy L. 1985 – Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms // Language typology and syntactic description V. 3: Grammatical categories and the lexicon / Ed. by T. Shopen. Cambridge, 1985.

Перевела с английского *А.В. Морозова*

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 2 1996

© 1996 г. А.-М. ДИ ШИУЛЛО

МОДУЛЬНОСТЬ*

I. ВЗГЛЯДЫ НА МОДУЛЬНОСТЬ

В рамках теории порождающих грамматик можно выделить три различных взгляда на модульность: взгляды Стандартной теории, теории Управления и Связывания (GB) и Минималистского подхода.

В Стандартной теории [Chomsky 1965] модульность грамматики заключалась, в первую очередь, в существовании нескольких автономных компонентов, а именно: фонологического, морфологического, синтаксического и семантического.

В лекциях по Управлению и Связыванию Н. Хомского модульность понимается как взаимодействие компонентов на различных уровнях лингвистического описания [в D-структуре, S-структуре, Логической форме (Logical form) и Фонетической форме (Phonetic form)]. Именно из этого взаимодействия модулей и вытекают свойства лингвистических конструкций, типа пассива и номинализации.

В рамках Минималистской программы (см. [Chomsky 1993; Chomsky 1994]) грамматика включает только одно общее вычислительное пространство и только два интерфейсных уровня: Логическую форму (LF), которая выходит на Концептуально-Интенциональную (C-I) систему, и Фонетическую форму (PF), взаимодействующую с Акустическо-Перцептуальной (A-P) системой. Системы C-I и A-P являются системами языкового употребления (performance systems), к которым с необходимостью приводятся (are driven by conceptual necessity) деривации лингвистических выражений, т.е. структурных описаний.

Стандартная теория представляет собой грамматическую теорию, основанную на системе правил, в которой модульность является статическим свойством. Компоненты грамматики жестко линейно упорядочены. В частности, морфологический компонент, по крайней мере, его деривационная часть, и синтаксис никак не взаимодействуют.

В теории управления и связывания грамматика понимается как основанная на принципах теория, модульность которой заключается во взаимодействии ее подтеорий на каждом из уровней представления. Однако многие модули и уровни имеют общие исходные понятия и аксиомы. Например, понятие управления (government) входит и в θ-теорию, и в теорию падежа, а теория управления действует на всех синтаксических уровнях.

Минималистский подход также подразумевает грамматическую теорию, основанную на принципах, и создает основу для динамического взгляда на модульность. Здесь модули существенно сокращены, а то, что от них остается, входит в общие принципы Экономии. Модульность грамматики заключена во взаимодействии Условий Экономии, накладываемых на синтаксические представления и деривации. При таком подходе фонетический и морфологический компоненты отделяются от синтаксиса, но все деривации происходят в едином вычислительном пространстве.

* Эта работа финансировалась частично Канадским советом по социальным и гуманитарным наукам, а частично Фондом образования и поддержки исследований.

В нашей работе мы развиваем Минималистский подход, стремясь показать, что при условии наличия только одного вычислительного пространства оно должно быть модульным. Таким образом, ее цель – выдвинуть понятие модульности, которое объединяло бы более традиционный взгляд на организацию грамматики с новейшими достижениями в этой области и было бы достаточно развитым для того, чтобы охватывать различные типы лингвистических выражений.

II. ПОСТУЛАТЫ

Допустим, что деривация *d* в данном вычислительном пространстве *c* концептуальной необходимостью приводится к конфигурациям этого пространства. Далее допустим, что существует только два типа конечных конфигураций: X'-структуры и структуры, состоящие из вершины и адъюнктов к ней. Кроме того, фокусируя внимание на интерфейсе между структурными описаниями и системой C-I, допустим, что типы конфигураций коррелируют с типами интерпретаций, а именно X'-структуры соответствуют описательному (descriptive) смыслу (референции и истинностным значениям), а вершинно-адъюнктные структуры соответствуют концептуальному смыслу, т.е. атрибутивным значениям, как это предлагается в [Di Sciullo в печати 1]. Эти корреляции обеспечивают оптимальную приемлемость структурных описаний, порождаемых грамматикой, для систем языкового употребления.

Основным нашим постулатом будет утверждение, что грамматика обеспечивает взаимодействие своих компонентов при выполнении главного условия ее организации, которое мы называем гипотезой Модульности Вычислительного Пространства:

(1) Модульность Вычислительного Пространства (MCS – Modularity of computational space). – Вычислительное пространство включает различные взаимодействующие типы дериваций, ведущие к оптимальным результирующим структурам.

Гипотеза MCS входит в определение организации грамматики и поддерживает динамический взгляд на модульность. Основным свойством MCS является то, что она не требует линейного порядка работы компонентов и допускает параллельные вычисления и виртуальную проекцию на интерфейсные уровни.

Эта гипотеза вместе с предположением, что применение принципов грамматики к интерфейсным уровням определяется их свойствами (гипотеза Относительной Модульности [Di Sciullo 1990a; 1990б; 1990в]), позволяет построить действительно модульную грамматическую теорию. При таком динамическом подходе к модульности компоненты и принципы грамматики взаимодействуют в процессе деривации различных типов лингвистических выражений, в частности, X^0 и XP.

(2) Относительная Модульность (RM – Relativized Modularity). – Принципы грамматики применимы к дериваций и интерфейсным уровням в соответствии с конфигурационными свойствами оптимальных результирующих структур.

Мы также, следуя [Di Sciullo 1993; 1994], предполагаем, что выражения типа X^0 получают свою интерпретацию на уровне Морфологической формы, которая представляет собой измерение X^0 Логической и Фонетической форм. Еще одно предположение заключается в том, что в деривации выражения типа X^0 существует точка, в которой она расходится по двум направлениям: одно ведет к интерпретации выражения в системе C-I, а другое – к интерпретации в системе A-P.

В следующих разделах мы приведем примеры того, как наши постулаты влияют на объяснение различий между X^0 и XP, а также их видимых сходств. Основное внимание будет уделено последствиям принятия гипотезы MCS для анализа выражений типа X^0 в языках с конкатенирующей морфологией.

III. АСИММЕТРИЯ X^0/XP

Такие языки, как английский, обнаруживают различие в формах выражений типа X^0 и XP. Эти различия включают распределение категорий внутри этих выражений, а именно: 1) положение вершины и 2) отношения между вершиной и невершинными

элементами. Мы покажем, что гипотеза MCS позволяет единым образом объяснить подобные различия, а также видимые сходства в поведении выражений типа X^0 и XP.

В примере (3) приведены некоторые из различий X^0/XP. В (3а) категориальная вершина (выделена) занимает конечную позицию; в (3б) она стоит в начале группы. В парах (3в, г) и (3д, е) похожее поведение демонстрируют адъюнкт и комплемент. В то же время в каждой паре выражений в примере (3) имеется частичное совпадение.

(3) а. англ. *writer*
"писа**тель**"
б. англ. ***a person*** *who writes books by profession*
"**человек**, который пишет книги"
в. англ. ***re****write*
"**пере**писать"
г. англ. *to write something* ***again***
"написать что-нибудь **заново**"
д. англ. ***novel****-reader*
"человек, который читает романы" (букв. "**романо**-читатель")
е. англ. *a person who habitually reads* ***novels***
"человек, который обычно читает **романы**"

С другой стороны, пример (4), по-видимому, демонстрирует сходство в распределении категорий внутри выражений X^0/XP по отношению к положению вершины (4а, б) и комплемента (4в, г).

(4) а. англ. *He likes* ***him***
"Он любит **его**"
б. англ. *He likes* ***himself***
"Он любит **себя** (самого)"
в. ит. *un porta-****documenti***
"портфель" (букв. "носи-**документы**")
г. ит. *porta* ***i documenti***
"носить **документы**"

Гипотеза MCS позволяет объяснить это явление в отличие от других подходов к модульности, которые могли только описать его. Так, в Стандартной теории положение вершины внутри слова и в группе, а также отношения между вершиной и невершинными элементами, определяются разными компонентами грамматики: правилами словообразования и правилами построения структур непосредственных составляющих. Например, правила словообразования определяют категорию слова и линейный порядок его составляющих для различных множеств выражений типа X^0. Подхо́д теории управления и связывания достигает более высокого уровня абстракции, при котором и позиция вершины группы, и позиция вершины слова описываются мета-правилами: правилами X'-теории в первом случае и правилом правой руки [Williams 1981] или в терминах относительной вершины [Di Sciullo 1987] во втором. При минималистском подходе к модульности позиция вершины выражения типа X^0 следует из свойств вершинно-адъюнктных структур, если считать, что Аксиома линейного соответствия[1] действует и при деривации линейного порядка выражений типа X^0, а также если принять, что универсальная базовая X'-структура имеет вид [Spec [Head Compl]][2].

При этих подходах необъясненным остается тот факт, что вообще существует какая-либо асимметрия в линейном порядке и внутренней структуре выражений типа X^0 и XP. Из наших же постулатов напрямую вытекает ее единое объяснение, о чем речь пойдет в следующих разделах.

---

[1] Аксиома линейного соответствия вводится и подробно обсуждается в [Kayne 1994]. Она подразумевает, что структура предложения однозначно определяет порядок слов в нем. – *Прим. пер.*

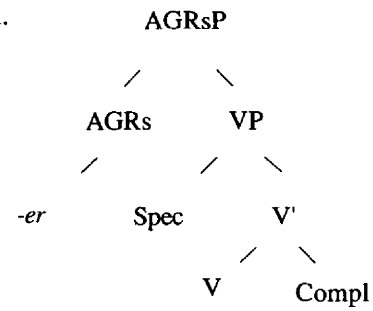
[2] Это означает, что вершина (Head) с комплементом (Compl) образует первую проекцию (внутренние скобки), а спецификатор (Spec) вместе с ней – максимальную (внешние скобки). – *Прим. пер.*

IV. СЛЕДСТВИЯ

Одно из следствий гипотезы MCS заключается в том, что оба типа структур, постулированных нами (X'-структуры и вершинно-адъюнктные структуры), должны проецироваться во время деривации лингвистических выражений. Это верно в случае деривации выражений типа X^0, как это будет видно далее.

Проецирование X'-структуры в процессе деривации выражения типа X^0 мотивируется тем, что деривационный аффикс имеет избирательную сочетаемость (selects), основанную на различиях, формулируемых в терминах X'-структуры (различие транзитивных, эргативных и неэргативных глаголов), см. [Di Sciullo в печати 2]. Например, именной суффикс *-er* (примерно соответствует русск. *-тель*) не может сочетаться с эргативными глаголами, а только с транзитивными и неэргативными ([Di Sciullo 1993] о французском языке). Этот суффикс в процессе деривации должен по крайней мере иметь глагольный (VP) комплемент, как показано на частичной схеме (5а), где суффиксальная вершина проецирует свою X'-структуру, а позиция ее комплемента также занята X'-структурой. В репрезентации (5) суффикс категории AGRs должен идентифицироваться со спецификатором глагольной группы, который проецируется транзитивными и неэргативными глаголами, но отсутствует при вершине – эргативном глаголе, с чем и связана дистрибуция суффикса *-er*.

(5) а.



б. англ. *John is a worker.*
"Джон – рабочий."
(неэргативный глагол *work* – "работать")

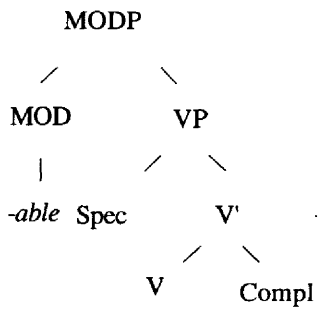
в. англ. **John is a faller.*
"Джон – падатель."
(эргативный глагол *fall* – "падать")

В этом примере именной суффикс составляет часть функциональной проекции. Вообще, деривационные аффиксы по своим свойствам во многом схожи с функциональными категориями, как они определены, например, в [Abney 1987]. Они представляют собой закрытый класс и, хотя они и имеют денотат, они не имеют описательного значения. С другой стороны, деривационные аффиксы сходны и с лексическими категориями, так как результатом деривации с их участием являются элементы лексических классов (N, V, A). Таким образом, мы принимаем, что деривационные аффиксы входят как в функциональные, так и в лексические проекции. Они представляют собой функциональные категории в X'-проекциях и лексические – в X^0-проекциях. Итак, при нашем подходе деривационные аффиксы имеют двойные проекции, что отражено в следующих спецификациях: *-er* (AGRs, N); *-able* (MOD, A); *en-* (ASP, P). Такой их статус вполне допустим при принятии гипотезы MCS, согласно которой при вычислении лингвистических выражений доступны различные типы деривaций и представлений, включая различные типы категорий: лексические и функциональные.

Дальнейшая мотивировка X'-структур на внутрисловном уровне связана с тем, что деривационный аффикс имплицирует наличие в слове определенных аспектуальных

свойств, которые выражаются в виде функциональных проекций (см. пример). В частности, в [Di Sciullo в печати 4] на материале французского языка продемонстрирован тот факт, что суффиксы, меняющие лексическую категорию слова, изменяют и темпоральные свойства событийной структуры своего комплемента (выбор ситуативного (stage-level) или индивидуального (individual-level) предиката[3]). В частичной проекции в примере (6) узел MOD (модальность) превращает ситуативный предикат в индивидуальный.

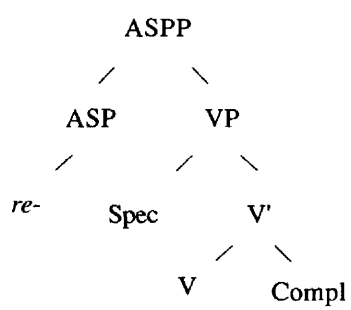
(6) а.



б. англ. *French is acquirable.*
"Французский язык изучаем."
(ситуативный предикат *acquire* – "изучать")
в. англ. **French is knowable.*
"Французский язык знаем."
(индивидуальный предикат *know* – "знать")

Более того, различие между внутренними и внешними префиксами (см. [Di Sciullo 1994] – на материале французского и итальянского языка) также свидительствует в пользу проецирования X'-структур в процессе деривации выражений типа X^0. Внешние префиксы, например итеративные, не изменяют способ действия (Aktionsart) (во внутренней структуре события), в то время как внутренние, например направительные (directional), могут его изменять. Так, глагольные группы во французских примерах (7б, в) обозначают деятельность (activity), а в примере (8б) – исполнение действия (accomplishment), как это видно из возможности модифицировать их различными обстоятельствами.

(7) а.

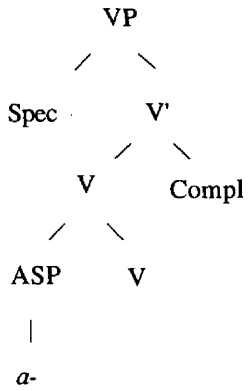


б. фр. *Il a couru (pendant cinq minutes/*en cinq minutes).*
"Он бегал (в течение пяти минут/*за пять минут)."
в. фр. *Il a recouru (pendant cinq minutes/*en cinq minutes).*

[3] О противопоставлении ситуативных и индивидуальных предикатов см. [Kratzer 1989]. В случае индивидуальных предикатов (например, быть умным, иметь, быть дорогостоящим) квантификация проводится по индивидам; в случае ситуативных (напр., быть рядом, видеть, быть в продаже) – по случаям, событиям, ситуациям. – *Прим. ред.*

"Он снова бегал (в течение пяти минут/*за пять минут)."

(8) а.

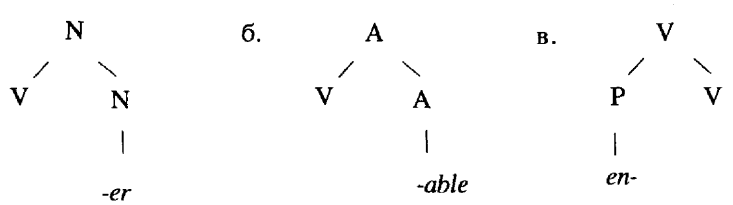


б. фр. *Il est accouru (*pendant cinq minutes/en cinq minutes).*
"Он прибежал (*в течение пяти минут/за пять минут)."

В структуре, изображенной в (7а), итеративный префикс определяет видовой признак всего события, описываемого максимальной проекцией глагольной группы, над которой он доминирует. Направительный префикс в структуре (8а) определяет вид одного только глагола-вершины, к которому он присоединен в качестве адъюнкта (adjoins). Будучи внутренним по отношению к глагольной группе, он может определять внутреннюю видовую характеристику глагола, превращая длительное действие в законченное. Внешний итеративный префикс не способен изменить внутреннюю видовую характеристику глагольной группы, но он определяет ее внешнюю видовую характеристику.

В то же время выражения типа X^0 представляют собой вершинно-адъюнктные структуры на уровне интерфейса с системами языкового употребления, как показывают структуры в примере (9). Если они на этом уровне могут включать только вершину и ее адъюнкты, это означает, что отношения вершина-комплемент и спецификатор-вершина невидимы, т.е. не интерпретируются системами языкового употребления.

(9) а. б. в.



Наличие вершинно-адъюнктных структур мотивируется на основе того факта, что внутрисловные позиции синтаксически непрозрачны. В результате этого внутрисловные элементы не могут явно передвигаться и вступать в анафорические отношения между собой или со внешними элементами, как это показано в [Di Sciullo 1987; Giorgi 1990].

(10) а. англ. **[How complete-ness] do you admire*
"[Насколько-полнотой] вы восхищаетесь"
б. англ. **the[who-killer] did the police catch*
"[кого-убийцу] поймала полиция"
(Примеры из [Di Sciullo 1987])
в. англ. *the informers of a person about himself*
"осведомители кого-то о нем самом"

г. англ. *a person's informer about himself*

д. англ. **a [person-informer] about himself*

"[кого-то-осведомитель] о нем самом"

(Примеры из [Giorgi 1990])

Далее, внутрисловные именные составляющие и референциально, и концептуально непрозрачны, как обсуждается в [Di Sciullo 1993; Di Sciullo в печати 5] и показано в примере из [Di Sciullo в печати 5].

(11) а. англ. *to shelve the books on that shelf/*a shelf/the windowsill*

"[ставить на полку] книги на ту полку/*на полку/на подоконник"

б. англ. *to saddle the horse with that saddle/*a saddle/a blanket*

"оседлать коня тем седлом/*седлом/попоной"

в. англ. **John has trouble shelving books, because they (the shelves) are often tall.*

"Джону трудно ставить на полки книги, потому что они (полки) часто очень высокие."

г. англ. **John likes saddling the cavalry, because they (the saddles) are ussually well-made.*

"Джону нравится седлать коней, потому что они (седла) обычно удачны."

Более того, если считать, что на уровне интерфейсов видимы только вершинно-адъюнктные структуры и что согласование всегда происходит между вершиной и спецификатором, мы можем предсказать, что на внутрисловном уровне согласование невозможно. Таким образом, если существует "согласование" между функциональной вершиной-аффиксом и спецификатором в X'-структурах примеров (5) и (6), то между суффиксальной вершиной и невершинным адъюнктом в вершинно-адъюнктных структурах типа (9) согласования нет. Это хорошо видно на примерах (11а) и (12в). Согласование отсутствует также между элементами выражения типа X^0 и другими элементами группы (XP), как это демонстрирует пример (12д), где именной компонент сложного слова не согласуется в числе с артиклем, находящимся вне этого слова.

(12) а. англ. *John is a writ(*es)er.*

"Джон – пи(*шет)сатель."

б. англ. *John writes.*

"Джон пиш**ет**."

в. англ. *Paul is a ball(*s)-throw(*s)er.*

"Павел – мяч(*и)еброса(*ет)тель."

г. англ. *Paul throws balls.*

"Павел броса**ет мячи**."

д. ит. ***un*** *[porta-documenti/**o**]*

"**один** портфель" (букв. носи-**документы/*документ**)

Еще одно следствие гипотезы MCS заключается в том, что выражения разных типов (X^0 и XP), будучи семантически сходными, на уровне интерфейса не изоморфны. Например, паразитические пробелы (parasitic gaps) не допускаются (may not be licensed) в контексте производных существительных, но разрешены в придаточном относительном (13а, б); предложная группа предлога by (by-phrase) допустима в группах, функциональная структура которых (модальность и пассивность) видима, но не в тех, где она скрыта в непрозрачной вершине – прилагательном на *-able* (13 в, г); локативный комплемент требуется при глаголе перемещения (change of locatum verb), например put, но запрещается при глаголе, образованном приставочным способом от существительного со значением места (13д, е).

(13) а. англ. *one who writes without publishing*

"тот, кто пишет, не публикуя"

б. англ. **a writer without publishing*

"писатель, не публикуя"

в. англ. *This can be read by John.*
"Это может быть прочитано Джоном."
г. англ. **This is readable by John.*
"Это читабельно Джоном."
д. англ. *to put a lion in a cage*
"посадить льва в клетку"
е. англ. **to encage a lion in a cage*
"[посадить в клетку] льва в клетку"

Таким образом, необходимо присутствие обоих типов прекций (X^0 и XP), чтобы выражение с аффиксом могло быть полностью интерпретировано на данном интерфейсном уровне. Проекции типа XP обеспечивают интерпретацию структурных отношений типа X' (т.е. вершина-комплемент), а проекции типа X^0 – интерпретацию отношений между адъюнктом и вершиной.

При нашем подходе, как было сказано выше, деривация X^0-структур обусловлена концептуальной необходимостью. Свойства интерфейса, соотносящего внутрисловную структуру с системой C-I, вынуждают нас распространить принципы грамматики и на X^0-структуры [Di Sciullo 1990a; 1990б; 1990в; Di Sciullo 1992]. Морфологическая форма (MF), будучи интерфейсом к системе C-I, соотносит внутрисловную структуру с концептуальным значением (образование концептов), в то время как логическая форма (LF) соотносит фразовую структуру с описательным значением (референция и истинностное значение). В дальнейшем мы будем использовать интерфейсы MF/LF и MF/PF при деривации X^0-структур, а также интерфейс MF/Spell-Out[4].

В этом разделе мы рассмотрели случаи, когда дистрибуция вершин и невершинных элементов в выражениях типа X^0 и XP не совпадает, хотя в остальном эти структуры связаны между собой. Эти факты следуют из гипотезы MCS. Теперь мы обратимся к двум видимым контрпримерам к этим различиям и покажем, что сходства, представленные в них, – только кажущиеся сходства и *все* X^0-структуры проявляют хотя бы скрытую асимметрию по отношению к соответствующим X'-структурам.

V. СОСТАВНЫЕ РЕФЛЕКСИВЫ

Выражения типа X^0 и XP демонстрируют видимое сходство по отношению к позиции вершины. Хотя в сложных словах (compounds) английского языка вершина располагается в крайне правой позиции, как это предсказывается правилом правой руки (см. [Williams 1981]), существует класс сложных слов, которые по нашим данным не отвечают этому правилу, по крайней мере внешне. Таковы, например, составные рефлексивы типа *himself*.

Мы будем считать элементы *-self* в этих образованиях проекциями N^0/NP, а местоимения – проекциями D^0/DP (ср. анализ местоимений и клитик в [Chomsky 1994]). Таким образом, мы считаем, что составные возвратные местоимения имеют двойственную категориальную принадлежность, будучи одновременно максимальной и минимальной проекцией. Мы не будем рассматривть их XP-структуру, а сфокусируем внимание на их X^0-структуре, не забывая о двойственной категориальной структуре этих выражений.

Есть причины считать, что составные рефлексивы являются выражениями типа X^0. Возвратный элемент *-self* не может быть выделен из всего местоимения, когда его референция определяется локальным антецедентом, как в примере (14). Однако он может быть вершиной собственной проекции в структурах типа (15). В [Di Sciullo в печати 3] мы доказываем, что проекция *self* – это типичная структура неотчуждаемой

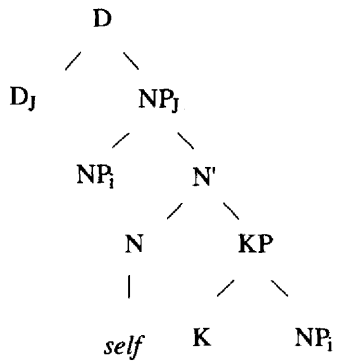
[4] Spell-Out – одна из операций вычислительного пространства языковых выражений, которая формирует из полученной ко времени ее применения структуры две новые; одна из них в дальнейшем трансформируется в LF, а другая – в PF. Поэтому поверхностную реализацию получают результаты только тех трансформаций, которые произошли до применения Spell-Out. (см. [Chomsky 1993]) – *Прим. пер.*

принадлежности. Таким образом, возвратное местоимение *himself* имеет структуру, изображенную в примере (16). В этой структуре местоимение *him* занимает свободную позицию при именном предикате *self*, тем самым получая смысловое наполнение посредством φ-признаков[5].

(14) а. англ. *John shaves himself.*
"Джон бреется."
б. англ. **John shaves self.*
в. англ. *John knows Mary herself.*
"Джон знает Мэри лично."
г. англ. **John knows Mary self*

(15) а. англ. *John's self*
б. англ. *the self of John's*
"личность Джона"

(16)



Мы будем считать, что составные возвратные местоимения типа *himself* – это объекты морфологии, т.е. их деривация происходит в морфологическом компоненте, отвечающем за производство выражений типа X^0.

Как и в случае других выражений типа X^0, части составных рефлексивов не могут перемещаться за пределы своего выражения, не нарушая при этом условия единообразия цепочек, определенного в [Chomsky 1994]. В примерах (17а, б) такое перемещение заканчивается в позиции спецификатора CP, а в (17в, г) – в позиции спецификатора AGRoP. Еще одно типичное свойство выражений X^0, которое имеют и составные рефлексивы, – это невозможность включения в их состав других лексических проекций (ср. [Di Sciullo 1987]).

(17) а. англ. **Who do you like [t self]*
б. англ. **Who do you like [him t]*
в. англ. **Him was liked [t self]*
г. англ. **Self was liked [him t]*

(18) а. англ. **John hates [him-of-self]*
б. англ. **John loves [him-true-self]*
в. англ. **John admires [him-own-self]*

Более того, составные возвратные местоимения имеют все свойства сложных слов на уровне фонетической формы (PF). Так, основное ударение падает не на местоимение, а на возвратный элемент. Это указывает на то, что местоимение является вершиной всего комплекса, так как в английских сложных словах главное ударение

[5] Под φ-признаками (или местоименными (pronominal) признаками) понимаются парадигматические (словоклассифицирующие) признаки имени или местоимения. Остальные формальные признаки, например, падеж, определяются структурой, в которой выступает это существительное, и являются синтагматическими. – *Прим. пер.*

никогда не падает на вершину (ср. [Cinque 1993]). Поэтому мы считаем, что вершиной составного рефлексива является местоимение.

Интересно, что в английском языке местоимения могут выступать как часть сложного слова только в сочетании с элементами типа *self*. С другой стороны, сами эти элементы могут, сочетаясь с существительными и прилагательными, образовывать новые существительные и прилагательные, в которых поверхностная вершина – крайний справа элемент (which are overtly right-headed), как это видно в примерах (19) – (21).

(19) а. англ. **Mary's her-esteem*
"ее-уважение Мэри"
б. англ. **them-educated people*
"они-учки"
в. англ. **a terrible you-destruction*
"ужасное тебя-убийство"

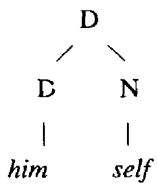
(20) а. англ. *She esteems herself.*
"Она уважает себя."
б. англ. *They educated themselves.*
"Они учились сами."
в. англ. *You destroy yourself.*
"Ты убиваешь (сам) себя"

(21) а. англ. *Mary's self-esteem*
"самоуважение Мэри"
б. англ. *self-educated people*
"самоучки"
в. англ. *self-destruction*
"самоубийство"

Этот феномен, как мы считаем, следует из предположения, что местоимение может входить в выражение типа X^0 только в том случае, когда оно может спроецировать свои φ-признаки (число, род и лицо) на всю структуру. А это возможно только тогда, когда местоимение является вершиной всего выражения.

φ-признаки местоимения должны быть видимыми вне комплекса, потому что оно согласуется с DP, обычно субъектной, но в некоторых случаях и с объектной, как в предложении *Mary met John himself* – "Мэри встретила самого Джона". В то же время элемент *self* неспецифицирован по φ-признакам. Значит, максимальная категория выражения X^0 в случае составных рефлексивов содержит φ-признаки, проецируемые из местоимения, как показано в структуре (22). Как и в общем случае, признаки максимальной проекции (сложного местоимения) проецируются из ее вершины.

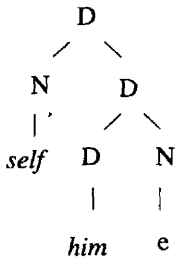
(22)



Мы утверждаем, что в составном возвратном местоимении, как *himself*, элемент *self* является адъюнктом на уровне интерфейса MF/LF, а личное местоимение – вершиной структуры. Из этого следует, что вопреки распространенному мнению (ср. [Pica в печати; Reinhart 1993]) составные рефлексивы являются местоимениями. При нашем подходе вершина составного рефлексива предшествует *self* на интерфейсе MF/Spell-Out, как в структуре (22), но *self* должен присоединяться слева от вершины на интерфейсе MF/LF, как в примере (23), чтобы удовлетворить ограничениям на конечные

конфигурации для выражений типа X^0 в соответствии с нашей теорией.

(23)



Интересно, что адъюнктивная структура, подобная (23), невозможна при деривации выражений типа XP, потому что такая деривация не сошлась бы (would crash) на LF. Мы считаем, что такие структуры возможны только при деривации X^0-структур и должны быть получены для того, чтобы удовлетворять свойствам интерфейса MF/LF.

Одним из эмпирических следствий нашего предложения будет то, что составные рефлексивы и именные группы, выражающие неотчуждаемую принадлежность, будут иметь единую, не зависящую от языка интерпретацию на уровне этого интерфейса, что связано с общими конфигурационными свойствами (ср. [Di Sciullo в печати 3]). См. пример (24).

(24) а. англ. *himself*

б. англ. *self (of) him*

в. англ. *hand (of) John's*

Составные рефлексивы – это проекции категории D, а не N, как это следует и из примеров в (25). Они не сочетаются с артиклями, притяжательными местоимениями, прилагательными, кванторами и числительными. Структура в (26), где составное возвратное местоимение представлено как проекция категории N, не может объяснить этих свойств.

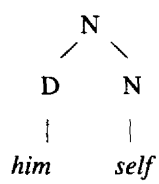
(25) а. англ. **He washes (*the) himself.*

б. англ. **He washes (*his) himself.*

в. англ. **He washes (*the tall) himself.*

г. англ. **He washes (*all/*one) himself.*

(26) *



Подводя итог, можно сказать, что, принимая гипотезу MCS, мы можем получить единое объяснение деривации выражений типа X^0, которые демонстрируют явные сходства на уровне интерфейса MF/Spell-Out в том, что касается распределения позиции вершины внутри XP-структур. На этом уровне вершина составного рефлексива занимает начальную позицию, но на уровне интерфейса MF/LF это не так, поскольку окончательной структурой составного рефлексива, как и всякой X^0-структуры, должна быть конфигурация "вершина-адъюнкт".

VI. СЛОЖНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДИКАТНО-ОБЪЕКТНОЙ СТРУКТУРЫ В РОМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Существуют и другие очевидные сходства в распределении категории в выражениях типа X^0 и XP. Они заметны в сложных существительных предикатно-объектной структуры (deverbal compounds) романских языков. В них исходный комплемент следует за глаголом так же, как и в случае выражений типа XP. В примере (27)

приведены также существительное (27а) и соответствующая ему глагольная группа (27б) из итальянского языка.

(27) а. ит. *porta-documenti*

"портфель"

б. ит. *porta i documenti*

"носить документы"

Хотя выражения из примера (27) имеют одинаковый поверхностный порядок составляющих, есть основания полагать, что они различаются своей структурой в какой-то точке деривации. Мы считаем, что линейный порядок в этих двух выражениях одинаков на уровне интерфейса MF/Spell-Out, а значит и MF/PF, но различается на MF/LF.

Предположим, что в языках для сложных слов на уровне интерфейса MF/Spell-Out может быть только одна из двух конфигураций: "вершина-комплемент" или "адъюнкт-вершина". В итальянском наблюдается первый тип структур, а в английском – второй. Тот факт, что в английских сложных словах допустима левая рекурсия, а в итальянских – нет, следует именно из этого конфигурационного противопоставления.

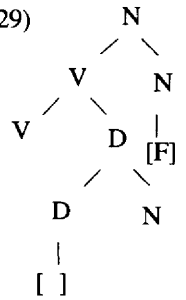
(28) *student-exam-giver*

**studenti-esami-datore*

"студентоэкзаменатором" (букв. "дающий экзамен студенту")

Требование к итальянским предикатно-объектным сложным существительным иметь конфигурацию "вершина-комплемент" на интерфейсе MF/Spell-Out следует, как мы предполагаем, из наличия сильных D-признаков в итальянском языке, которые вынуждают существительное явно переместиться в пустую позицию D (ср. [Longobardi 1994]) до Spell-Out. Таким образом, комплемент остается внутри глагольной проекции на MF/Spell-Out, как показано на частичной структуре в примере (29)

(29)



Здесь пустая именная категория разрешена благодаря определенным φ-признакам глагола, не показанным для упрощения схемы, которые включают признаки императива единственного числа. То, что это так, демонстрирует пример (30), где в предикатно-объектных составных существительных использованы глаголы итальянского второго спряжения.

(30) а. ит. *apri-bottiglie*

ит. *apri* (императив, ед.ч.)

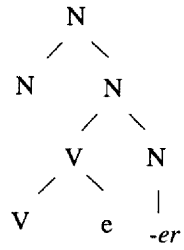
"штопор" (букв. "открой-бутылки")

б. ит. **apre-bottiglie*

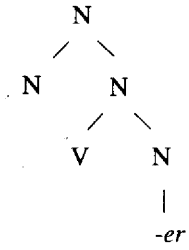
ит. *apre* (наст вр., 3-е лицо, ед.ч.)

В английском же языке D-признаки слабые, и существительное не может явно перемещаться в пустую позицию D. Вместо этого оно становится адъюнктом производного имени, как в примере (31), и образует сложное отглагольное существительное. Структура (31) удовлетворяет ограничениям на конфигурации вида X^0 на уровне интерфейсов MF/Spell-Out и MF/LF. На интерфейсе MF/PF будет видимой вершинно-адъюнктная структура (см. пример (32)), в которой пустой позиции e уже не будет видно, т.е. она не будет интерпретироваться системой A-P.

(31)

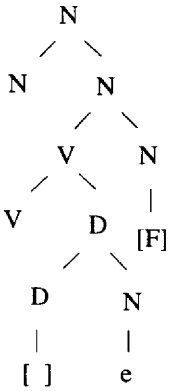


(32)

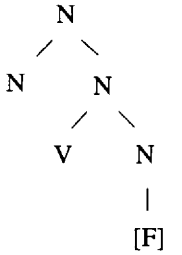


В итальянском языке адъюнкция происходит скрыто (неявно) для того, чтобы именное выражение удовлетворяло результирующей структуре X^0 на MF/LF. Структура таких слов на этом уровне, как показано в (33), принципиально совпадает с аналогичной структурой в английском. Таким образом, на уровне MF/LF сложные отглагольные существительные предикатно-объектной структуры в обоих языках получают общую, не зависящую от языка интерпретацию на основе их конфигурационных свойств. Далее, в итальянском чисто вершинно-адъюнктная структура, показанная в (34), не содержит ни одной пустой категории, видимой на MF/PF. Так различие между структурами в (32) и (34) сводится к различию в морфологии: в английском вершиной образовавшегося существительного будет суффикс *-er*, а в итальянском – определенные φ-признаки глагола. Как мы предложили выше, деривационные суффиксы рассматриваются как функциональные категории и, тем самым, оказываются на равных с грамматическими признаками глагола.

(33)



(34)



Итак, принимая гипотезу MCS, мы можем единообразно объяснить случаи видимых сходств между XP и X^0 в том, что касается распределения комплементов. Тот факт, что комплемент глагольной вершины в составе итальянских сложных существительных предикатно-объектной структуры следует за глаголом так же, как и в составе глагольной группы, – это сходство только на уровне интерфейса MF/Spell-Out. Мы предлагаем считать, что асимметрия X^0/XP достигается на MF/LF, где вершинно-адъюнктная результирующая структура является оптимальной для выражений типа X^0.

VII. РЕЗЮМЕ

Наше предложение ведет к дальнейшему развитию грамматики в части исчисления (computation) различных типов лингвистических выражений, в частности, выражений типа X^0 и XP, устраняя необходимость строить для них особые правила и сохраняя уникальные особенности каждого типа выражений.

Принимая гипотезу MCS, можно дать единое объяснение свойств как суффиксов, изменяющих категорию языкового выражения, так и префиксов, не изменяющих ее.

Суффикс, способный менять категорию слова, к которому присоединяется, является вершиной и проецирует X'-структуру, а также имеет другую X'-структуру в качестве комплемента. Он одновременно является вершиной вершинно-адъюнктной структуры в той результирующей конфигурации, куда он входит, на интерфейсе между морфологическим уровнем и системами языкового употребления. В то же время префикс не меняет категории, потому что на интерфейсе MF/LF он должен быть адъюнктом, даже если в процессе деривации он входил в X'-структуру. Существование различий между выражениями типа X^0/XP, касающихся дистрибуции вершинных и невершинных категорий в рассмотренных языках, а также очевидная связь между выражениями этих типов находят свое объяснение, как мы полагаем, в базовом свойстве грамматики, которое мы сформулировали как гипотезу MCS.

Наша гипотеза также дает единое объяснение фактам, которые будто бы указывают на сходство выражений типа X^0 и XP, например, положению невершинной составляющей в составных рефлексивах английского языка (и, возможно, других языков, имеющих подобные выражения) и позиции комплемента в составных предикатно-объектных существительных итальянского и других романских языков. В этих X^0-выражениях невершинная составляющая следует за вершинной, как и в выражениях типа XP. Гипотеза MCS дает им единое объяснение: деривация составных рефлексивов аналогична деривации составных предикатно-объектных существительных в романских языках, при которой конфигурация "вершина-комплемент" создается на интерфейсе MF/LF, а конфигурация "адъюнкт-вершина" – на MF/Spell-Out.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Abney S. 1987 – Noun phrase in its sentential aspect. Ph.D. dissertation. MIT, 1987.

Chomsky N. 1965 – Aspects of the theory of syntax. Cambridge (Mass.), 1965.

Chomsky N. 1993 – Minimalist program for linguistics theory. // The view from building 20 / Ed. by K. Hale and J. Keyser. Cambridge (Mass.), 1993.

Chomsky N. 1994 – Bare phrase structure. // MIT occasional papers in linguistics. N 5: MIT working papers in linguistics. Cambridge (Mass.), 1994.

Cinque G. 1993 – A null theory of phrase and compound stress. // Linguistic inquiry, XXIV, 1993.

Di Sciullo A.M., Williams E. 1987 – On the definitions of word. Cambridge (Mass.), 1987.

Di Sciullo A.M. 1990a – Formal relations and argument structure. // Contemporary morphology / Ed. by U. Dressler, H.C. Luschutzky, O.E. Pfeiffer, J.R. Rennison. Cambridge (Mass.), 1990.

Di Sciullo A.M. 1990б – Multi-level saturation. // Lexicon Project Working papers. N 33. Cambridge (Mass.), 1990.

Di Sciullo A.M. 1990в – Modularity and the mapping from the lexicon to the syntax. // Probus. 2-3, 1990.

Di Sciullo A.M. 1992 – Interfaces in a modular grammar. // GLOW Newsletter. 28. Tilburg, 1992.

Di Sciullo A.M. 1993 – The complement domain of a head at morphological form. // Probus. V. 2, 1993.

Di Sciullo A.M. (в печати 1) – Prefixes and suffixes. // LSRL, XXIV.

Di Sciullo A.M. (в печати 2) – X'-Selection // Proceeding of the Indiana phrase-structure colloguium / Ed. by L. Zaring, J. Roorick, Chicago.

Di Sciullo A.M. (в печати 3) – Word-internal pronouns and reflexives. // Proceeding of the conference on anaphoric relations and (in)coherence. Antwerp.

Di Sciullo A.M. (в печати 4) – Selection and derivational affixes. // Progress in morphology, B.

Di Sciullo A.M., Gruber J. (в печати 5) – X^0/XP relativity. // UQAM.

Di Sciullo A.M., Klipple E. 1994 – Modifying affixes // Proceedings of WECOL. XXIII. Seattle, 1994.

Giorgi A., Longobardi G. 1990 – The syntax of noun phrases. Cambridge, 1990.

Kayne R. 1994 – The antisymmetry of syntax. Cambridge (Mass.), 1994.

Kratzer A. 1989 – Stage-level and individual-level predicates. // Papers on quantification. NSF report. University of Massachusetts, 1989.

Longobardi G. 1994 – Reference and proper names. // Linguistic inquiry, XXV, 1994.

Pica P., Snyder W. (в печати) – On the syntax and semantics of local anaphors in French and English. // Modules and interface conditions / Ed. by A.M. Di Sciullo, Oxford.

Reinhart T., Reuland E. 1993 – Reflexivity. // Linguistic inquiry, XXIV, 1993.

Williams E. 1981 – Argument structure and morphology. // The linguistic review, 1981.

Перевел с английского *А.А. Арефьев*,
под редакцией *И.М. Кобозевой*

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 2 1996

© 1996 г. К. ЛЕМАН

ДОКУМЕНТАЦИЯ ЯЗЫКОВ, НАХОДЯЩИХСЯ ПОД УГРОЗОЙ ВЫМИРАНИЯ

(Первоочередная задача лингвистики)

За последние десятилетия заметный прогресс был сделан в грамматическом описании языков мира. Однако эти достижения далеко не достаточны:

1. Многие описания по сути не являются полными в том отношении, что они ограничиваются одной областью (по большей части это грамматика языка), но и эту область они документируют не полностью.

2. Многие описания сделаны на основе более или менее идиосинкратической модели, которая либо не отдает должное описываемому языку, либо непонятна для других лингвистов.

3. Число недокументированных языков все еще превышает число хотя бы частично документированных.

Хотя усилий в международных масштабах, направленных на улучшение сложившейся ситуации, прикладывается в последнее время все больше и больше, языки вымирают быстрее, чем лингвисты успевают их описывать. Ситуацию можно спасти, но для этого должен быть выполнен ряд условий. Одно из них — сознание масштабов и неотложности проблемы. Многие лингвисты до сих пор не понимают, что описание вымирающих языков — единственная действительно безотлагательная задача лингвистики, тогда как прочие профессиональные лингвистические занятия, как бы ценны они ни были сами по себе, могут осуществляться и после того, как вымрет большинство человеческих языков. И пока лингвисты-профессионалы не принимают такой точки зрения, мы не можем ожидать, что это сделают люди, не связанные с лингвистикой.

Другое условие из тех, что должны быть выполнены — это совершенствование будущих исследователей в искусстве лингвистической полевой работы. Во многих странах и учебных заведениях просто не существует никакой традиции в данной области. Следует предлагать студентам-лингвистам больше хороших курсов по лингвистической полевой работе.

Это, в свою очередь, предполагает решительное улучшение методологии лингвистического описания. Здесь предлагается схема полной документации и описания языка, обладающая следующими преимуществами:

— она является полной (comprehensive), так как обеспечивает трехуровневый подход:

1. Документация: корпус текстов
2. Описание
   2.1. Состояние языка в целом
   2.2. Система языка
3. Пояснения к описанию

— Она учитывает предварительные универсальные ограничения на лингвистическую структуру, но в то же время достаточно гибка и может быть легко приспособлена к структуре любого языка.

— Это становится возможным благодаря тому, что в данной модели лингвистическая форма и функция равным образом значимы и независимы друг от друга.

— Эта модель может быть использована новичками в полевой работе, так как она включает раздел, содержащий методологические указания.

— Данная модель облегчает лингвистический анализ, поскольку существует в компьютерном варианте.

Есть надежда, что такого рода система даст возможность большему числу лингвистов описать большее число языков с лучшим качеством и с меньшими затратами времени.

* * *

1. ЯЗЫКИ ПОД УГРОЗОЙ ВЫМИРАНИЯ

1.1. Развитие языкового многообразия

Многообразие языков в мире находится во власти противодействующих сил. Разделение языковых общностей ведет к расщеплению языков. Интенсивные контакты языковых общностей, их слияние, различные виды подавления одного языкового коллектива другим ведут к потере языков. Если мы принимаем гипотезу о моногенезисе человеческого языка, то, следовательно, число языков росло с течением тысячелетий в доисторические времена. А это значит, что в течение долгого времени силы, порождающие разнообразие, доминировали над силами сокращения.

Число языков мира, вероятно, достигло своего наибольшего значения в XV столетии н.э., то есть, до того, как началась колонизация Африки, Америки и Австралии. С тех пор возобладали силы, стирающие языки с лица земли. Сотни языков уже вымерли, и этот процесс трагическим образом все больше и больше ускоряется во второй половине нашего столетия то есть, по сути, в течение нашей жизни. В настоящее время в мире существует более чем 6000 языков, на которых все еще говорят люди. По оценкам [Hale et al. 1992], только 10% из них уцелеют к концу следующего столетия. На данный момент, около десятка языков вымирает каждый год.

Вопрос, является ли этот процесс желанным или, наоборот, прискорбным для человечества, будет кратко затронут в разделе 3.3. Здесь же я только скажу, что считаю этот процесс крайне пагубным, так как он с необходимостью влечет обеднение культурного разнообразия и потерю источников интеллектуального вдохновения. Из этого следует, что силы, направленные на сохранение языков, в принципе заслуживают нашей поддержки. Однако, каждый случай такого рода должен рассматриваться отдельно, сам по себе, и никакое общее правило здесь неприменимо.

Можно соглашаться и не соглашаться с тем, что языковое многообразие должно быть спасено, но бесспорным является то, что описание и документация языков мира — одна из коренных задач лингвистической науки. Лингвистика должна этим заниматься по ряду различных причин.

Во-первых, эта задача является общественным заказом лингвистике. Хотя общество редко облекает свои требования наукам в эксплицитую форму, ясно, что документация и описание языков — это как раз один из тех объектов, которыми, согласно ожиданиям широкой публики, должны заниматься лингвисты. В частности, в случае с языковым коллективом, язык которого находится под угрозой вымирания, это будет большой услугой тем его членам, которые еще сохраняют свой язык и желают знать о своих корнях. Во-вторых, документация и описание языков обеспечивают эмпирическую базу для общей лингвистики. Если мы не будем этим заниматься, зависимость лингвистических теорий будущего от свойств тех языков, которым удастся дожить до того времени, окажется гораздо сильнее, чем она была до сих пор.

1.2. Критерии нахождения языка под угрозой вымирания

Когда лингвист выбирает некоторый язык объектом своего описания, решающим критерием выбора в последние годы нередко становилась крайняя необходимость это сделать, так как этому языку грозило исчезновение с лица земли. Важность этого критерия будет возрастать, пока скорость исчезновения языков превышает скорость описания.

К несчастью, степень опасности, грозящей языку, нелегко измерить с помощью объективных критериев. Самый важный фактор здесь, пожалуй, — положение этого языка в социальном коллективе. Если данный язык конкурирует с другим языком, и этот последний вытесняет его из общественного использования и выталкивает на задворки личного общения, сужая тем самым сферу его употребления, то уже есть повод для тревоги. В число ключевых для выживания языка входят такие важные факторы, как его использование в системе школьного образования, в работе средств массовой коммуникации, для письменного сообщения. Еще один аспект положения языка в обществе — отношение людей, говорящих на этом языке, к нему и к языкам, с ним конкурирующим. Ситуация становится драматической для языка в тот момент, когда подрастающее поколение больше не осваивает его как родной. Тогда этот язык обречен умереть вместе с последним поколением говорящих на нем людей. Опять же, само по себе количество говорящих, которое часто используют как показатель способности языка к выживанию, не так важно. Даже большие языковые общности могут сменить свой язык за несколько поколений, если они считают его непрестижным с социальной точки зрения.

2. ПОЛОЖЕНИЕ С ДОКУМЕНТАЦИЕЙ ЯЗЫКОВ

Не существует точных данных о числе уже описанных языков. Общие соображения позволяют предположить, что о половине языков мира известно только то, как они называются. Что же касается другой половины, то, может быть, около тысячи языков представлены описаниями, включающими по крайней мере грамматику. За последние десятилетия не только возросло количество публикуемых описаний малых языков, но сами описания стали лучше и полнее. Пока дескриптивная лингвистика не может пожаловаться на то, как идет ее развитие в данный момент. Однако успокаиваться также еще рано. Большинство доступных описаний до сих пор не удовлетворяют требованиям полноты (comprehensiveness), понятности и адекватности.

По поводу требования полноты необходимы пояснения. Представьте себе, что объект изучения структурирован иерархически таким образом, что он распадается на небольшое количество областей, каждая из которых в свою очередь распадается на некоторое количество подобластей, и так далее, так что на каждом более низком уровне достигается более высокая степень детализации. В некоторых случаях, например, в случае со словарем, самый низкий уровень может состоять из огромного инвентаря единиц, которые в принципе не могут быть даже перечислены, не говоря уже об исчерпывающем описании. Требование полноты в случае с объектом такого рода не предполагает, что в описании будут представлены даже мельчайшие детали. С одной стороны, это невозможно для человека; с другой стороны, это может быть неинтересно с научной точки зрения. Под полнотой имеется в виду то, что в описании должны быть учтены все основные области, находящиеся на высших уровнях иерархической структуры.

Практически ни одно из имеющихся описаний не принимает во внимание всех главных аспектов языка. Традиционные и структуралистские грамматики часто ограничиваются фонологией и морфологией. С другой стороны, современные грамматики зачастую сводятся к синтаксису. Многие грамматики не содержат при себе словаря; есть, правда, случаи, когда словарь существует отдельно. Более половины существующих описаний не приводят ни одного текста, который иллюстрировал бы грамматические правила или давал бы живую картину того, как этот язык работает.

Непреодолимая пропасть также разделяет описание системы языка и информацию об этом языке исторического и социологического характера. По многим грамматикам, изданным в структуралистскую эпоху, трудно себе представить, что на том языке, который они описывают, когда-либо осуществлялось общение.

Укоренившееся предубеждение по поводу разделения на центр и периферию привели к тому, что даже на уровне грамматики некоторые области не получили достаточного внимания в большом количестве уже опубликованных описаний. Это, например, имена собственные, словообразование, дискурсивные частицы, квантификация и таксис (синтаксис глагольного вида). В разделе 5 я вернусь к обсуждению такой системы описания, которая обеспечивает его полноту.

Требование понятности описания означает то, что описание должно быть таким, чтобы всякий человек, знающий язык, на котором оно написано и имеющий лингвистическое образование, смог бы его понять. Конкретное лингвистическое описание может нарушать эту заповедь в разных отношениях. Если описание следует некоторой модели, то оно перестает быть понятным, как только данная модель исчезает из лингвистики. Вследствие этого, непосредственный доступ ко многим описаниям, созданным в шестидесятые годы на основе тагмемики и трансформационной грамматики, в настоящий момент невозможен, так как для использования этих описаний требуется предварительное изучение дескриптивных моделей, бывших в те годы в ходу в лингвистике. Использование грамматического описания окажется затруднительным и в том случае, если придерживаться постулата, согласно которому описательные категории должны выводиться из особенностей структуры данного конкретного языка и обозначаться с помощью идиосинкратических терминов. Написание понятной грамматики требует некоторых знаний в области общей сопоставительной грамматики.

Требование адекватности предполагает правильность в фактическом отношении. Помимо этого, оно включает две задачи: во-первых, описание должно быть универсально-ориентированным, чтобы оно само и описываемый язык были сравнимы с другими и к ним мог бы быть применен типологический подход. Во-вторых, описание должно быть конкретно-ориентированным, чтобы выявить уникальность языка. Мы увидим в разделе 5.3, что обе эти противоположные друг другу задачи могут быть решены только в том случае, если описание основано на двух независимых системах, одна из которых — формальная, а другая — функциональная. Однако снова становится ясным, что многие из существующих описаний неадекватны в том плане, что они либо отстаивают общие принципы за счет специфики языка, укладывая язык в прокрустово ложе какой-нибудь универсальной грамматики, либо, наоборот, отстаивают специфику, делая описываемый язык непохожим ни на что на свете.

Итог настоящему положению дел в области документации языков мира может быть подведен следующим образом: о более чем половине языков мира известно только то, как они называются. Другая половина описана очень неровно. Только небольшой процент существующих описаний удовлетворяет требованиям полноты, понятности и адекватности. Однако важнее, наверное, тот факт, что в центре внимания дескриптивной лингвистики оказывались как раз те языки, про которые с уверенностью можно сказать, что они доживут до конца следующего столетия, тогда как языки, находящиеся под несомненной угрозой вымирания, так и остались неописанными.

После того, как качество существующей документации некоторого данного языка получает надлежащую оценку, можно применить к языку следующий критерий, а именно, критерий его уникальности. При том, что каждый язык уникален, одни языки в некотором смысле более уникальны, чем другие. Это "в некотором смысле" можно пояснить, как я предполагаю, следующим образом: генетически изолированный язык имеет бóльшую ценность для лингвистики, чем член большой и однородной языковой семьи; сходным образом, необычный с типологической точки зрения язык ценнее, чем тот, который относится к хорошо изученному типу. Следует, однако, помнить, что все это лишь узконаучные критерии, которые никак не влияют на заинтересованность носителей языка в его документации.

3. ТЕКУЩАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

3.1. Неотложность настоящей задачи

Грамматики и словари языков, находящихся за пределами европейской цивилизации, создаются уже на протяжении нескольких столетий. Было бы возможным, при условии привлечения всех сил в лингвистике, целиком и полностью описать и документировать все языки мира. Этого сделано не было. Лингвистическая наука имеет и другие задачи, некоторые из которых отнимают больше энергии, чем описание неизвестных языков.

Однако лингвисты должны осознать тот факт, что объект их изучения обладает своей собственной динамикой, контролировать которую лингвистам далеко не под силу. Хотя язык и будет существовать все время, пока существуют лингвисты, разнообразие языков быстро сокращается. Природа человеческого языка состоит в вариации: *Язык* проявляет себя в виде конкретных языков. Лингвистическое многообразие, таким образом, является источником нашего проникновения в природу человеческого языка.

У лингвистов есть выбор: воспользоваться этим источником проникновения или позволить ему умереть так и не будучи исследованным. Это вопрос приоритетов. Лингвистическая теория, типология языков, математическая лингвистика, психолингвистика и т.д. являются весьма важными областями лингвистики, которые необходимо всячески развивать. Однако всем этим можно беспрепятственно заниматься и тогда, когда большинство языков мира уже вымрет; в некоторых же областях лингвистики, а именно, в области теоретической лингвистики и типологии языков, научные занятия будут тем более плодотворны, чем более языков будет описано. Описание языков, находящихся под угрозой вымирания — единственная действительно неотложная задача лингвистики. Центр внимания лингвистов и сфера приложения лингвистических сил должны сместиться. Простая экстраполяция производительности лингвистов прошлых столетий в последующее столетие, в котором предстоит увидеть исчезновение большей части языков мира, позволяет предсказать, что мы должны удвоить наши усилия, если мы наконец хотим иметь данные о достаточно представительном числе языков. Если такая переоценка не произойдет внутри лингвистики, мы не можем ожидать, что широкая публика, включая организации, выделяющие средства на научные исследования, проникнется всей важностью этого вопроса.

3.2. Проекты, связанные с языками, находящимися под угрозой вымирания

Начало последнего десятилетия совпало с внезапным ростом внимания к языкам, которым угрожает вымирание, со стороны лингвистической общественности: лингвисты осознали, наконец, что в этом отношении надо что-то предпринимать [Robins, Uhlenbeck (eds.) 1991; Lehmann 1993]. Эта проблема стояла в повестке дня Международного Конгресса лингвистов в 1992 году. Примерно в это же время несколько комитетов по вымирающим языкам были основаны на государственном уровне.

Постоянный Международный Комитет лингвистов также открыл Проект по языкам, находящимся под угрозой вымирания, и содействовал основанию Информационного центра, который недавно был основан в Токио. На настоящий момент его директором является проф. Цунода. Это учреждение будет координировать всю деятельности на государственном и региональном уровнях. Немецкий Комитет по вымирающим языкам провел летнюю школу по лингвистической полевой работе и документации языков и в настоящее время планирует открыть большой проект по документации [ABS 1993]. Такого же рода деятельность осуществляется и в других странах.

3.3. Лингвистика и общественное мнение

Представления о лингвистике у широкой публики гораздо хуже, чем они могли бы быть. В то время как посторонние люди обычно живо интересуются разными аспектами языка [Lehmann 1992], многие излюбленные области деятельности профессиональных лингвистов мало что могут дать этому внешнему интересу. Наша наука приобрела репутацию отвлеченного и праздного хобби, не имеющего никакого отношения к действительности. Вследствие этого лингвисты часто не внушают особого доверия, когда они запрашивают огромные суммы денег на решение какой-либо проблемы, о которой до этого никто в обществе не слышал.

Положение осложняется еще и тем, что среди широкой публики встречается двойственное отношение к языковому многообразию. С одной стороны, образованные люди обычно согласны с тем, что стоит постараться сохранить человечество хотя бы за удивительное богатство его интеллектуальных, культурных и художественных ценностей. Как только такие люди понимают, что языковое многообразие — это неотъемлемая часть многообразия человечества, становится возможным убедить их в необходимости поддержать материально описание, а может быть, и сохранение, малых языков. С другой стороны, многие люди, среди которых некоторые даже считают себя интеллектуалами, страдают от разнообразия языков, потому что оно ставит их перед выбором: либо — ограниченные коммуникативные возможности, либо — вынужденное изучение иностранных языков. Счастье человечества видится им в "обществе массовой коммуникации", в котором все пользуются одним и тем же языком. Для них забота о языковом разнообразии — это вчерашний день, это нечто противоположное техническому прогрессу. Наблюдается некоторая корреляция между обладанием властью и финансовыми возможностями, с одной стороны, и стремлением к всеобщей унификации — с другой. Первое должно понуждать лингвистов к попытке переубедить этих людей, но второй коррелят делает это весьма затруднительным.

4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ

4.1. Статус методологии в лингвистике на данный момент

Структурная лингвистика, особенно в своей американской разновидности, много занималась объективными процедурами, которые позволили бы обнаруживать структуру языка, неизвестного исследователю. Хотя лингвисты этого направления предложили ряд методов, которые ценятся и до сих пор, они, к несчастью, в конце концов зашли в тупик, потому что важным было, по их мнению, то, что лингвист не должен интересоваться языковым значением и действовать независимо от него. Выход из тупика состоял в отказе от этой неадекватной предпосылки, однако вместо этого наша наука подпала под влияние главы 1 п. 4 книги Хомского 1965 года, названной им "Justification of grammars" ("Оправдание грамматик"). Автор исходит из того, что интерес лингвистики лежит в области "компетенции говорящего-слушающего" и при этом утверждает: "...не известны никакие адекватные формализуемые техники получения надежной информации о фактах лингвистической структуры... Другими словами, существует очень мало надежных экспериментальных процедур, или процедур обработки данных, для получения значимой информации о лингвистической интуиции носителя языка... Более того, нет причин ожидать, что надежные операционные критерии для более глубоких и более важных теоретических понятий лингвистики когда-либо появятся вообще..." [Chomsky 1965 : 18].

Дальше Хомский утверждает, что это вовсе не страшно, так как существует "огромное количество" уже имеющихся данных. Задача состоит только в том, чтобы составить для них грамматику. Это, однако, вопрос теоретических, а не методологических споров, тем более что лингвист и носитель языка, об интуиции которого говорит Н. Хомский, часто совпадают в одном лице [Chomsky 1965 : 18].

Такое истолкование методологической ситуации в лингвистике владело умами вплоть до сегодняшнего дня. Это привело к полному пренебрежению лингвистической методологией. В результате был нанесен серьезный ущерб науке и качеству существующих лингвистических данных. До сих пор остро стоит проблема того, как мы можем в рамках имеющихся у нас возможностей получать надежные, представительные и интересные данные малоизвестных языков, и затем обрабатывать, анализировать и документировать эти данные, чтобы ими могли пользоваться и будущие поколения лингвистов, и даже интересующиеся лингвистикой посторонние люди. Влиянием порождающей грамматики можно объяснить то, что мы так же плохо подготовлены к решению этой проблемы сегодня, как и 30 лет тому назад.

4.2. Лингвистическая полевая работа

Лингвистические методы должны помочь ответить на следующие вопросы:

— Какого рода данные следует собирать? Какой тип данных представляет культуру, какой тип данных представляет лингвистическую структуру? Если некоторая часть данных является текстами, то какими жанрами они должны быть представлены?

— Как выявить информантов, наилучшим образом подходящих для тех или иных целей?

— Как собирать надежные данные, не оставляющие желать лучшего?

— Какие методы обработки, представления и фиксации надо применять к таким данным, чтобы они могли служить первичной документацией языка?

— Каковы методы получения и проверки их данных во всех областях языковой системы? С помощью каких тестов, экспериментов и аналитических процедур можно выявить стоящую за этими данными языковую структуру? Какие существуют перепроверки полученных результатов?

— Исходя из реальных ограничений, какие части документации и описания имеют приоритетный статус, а какие могут быть разработаны в будущем на основе нашей документации?

— Каков формат полного понятного и адекватного описания, которое мы хотим получить?

Помимо методов структурной лингвистики более чем тридцатилетней давности, самые ценные советы, которые могут помочь решить эти проблемы, можно найти в учебниках по полевой работе. Благодаря различным несчастным обстоятельствам в истории нашей дисциплины, только одно из которых было упомянуто выше, во многих странах, имеющих сильную лингвистику, не сложилось никакой традиции в искусстве лингвистической полевой работы. Среди таких стран — Япония, Германия и Италия. Одна из наших безотлагательных задач — это разработка учебных курсов по полевой работе для студентов-лингвистов, которые и будут работать с вымирающим языком в поле. Эта задача будет требовать пересмотра многих лигвистических учебных программ в странах, подобных вышеназванным.

Есть некоторая опасность того, что не только теоретики, но и люди, которые вообще-то хотят заниматься полевой работой, сочтут лингвистическую методологию пустяком. Но это не так по крайней мере по двум причинам. Во-первых, лингвистическая методология не сводится к технике полевой работы. Предполагается, что вышеприведенный список вопросов показывает, что функция лингвистической методологии — перекинуть мост между практическими основаниями лингвистики и научными сообщениями о языке и его системе. Большинство имеющихся учебников по полевой работе в этом отношении являются недостаточными, так как ограничиваются практической стороной дела. Нам же требуется всесторонняя (comprehensive) методология, которая помогала бы исследователю-аналитику объединить свои результаты в связное описание.

Во-вторых, если бы мы обладали неограниченным количеством времени и рабочей силы, мы могли бы пренебрегать методологическими вопросами, так как рано или

поздно необходимые факты всплыли бы, несмотря на неумелые действия неопытных лингвистов. Однако наша посылка неверна, и на деле все обстоит прямо противоположным образом. Наблюдается большой разброс в количестве энергии, расходуемой на описание языков (ср. работу лингвистов нескольких поколений над английским и латинским языками и усилия одиноких лингвистов, описывающих малые языки). Мы просто не можем себе позволить продолжать в том же духе в следующем столетии. Языки вымирают у нас на глазах. На повестку дня выходит эффективность. Нам требуется такая методология, которая позволяла бы лингвисту или группе лингвистов и этнографов создавать адекватную документацию и описание языка не более чем за пять лет. Разработать такую методологию — все, что угодно, но не пустяки. Для этого требуются совместные усилия ученых, которые имеют большой опыт полевой работы и должны предоставить его в распоряжение молодых людей, желающих работать в полевых условиях. Нет нужды напоминать, что такая методология немыслима без компьютера, который необходим для эффективной манипуляции большими массивами данных и их последовательной обработки.

5. СИСТЕМА ОПИСАНИЯ ЯЗЫКА

5.1. Документация и описание языка

К идее документирования языка лингвистика еще не привыкла. Лингвисты имели обыкновение думать, что данные — всегда в изобилии, что их даже больше, чем нужно, и, следовательно, нет необходимости беспокоиться о поиске лингвистического факта как такового. В то время как другие науки, такие как археология или зоология, обладают высокоразвитой техникой получения, обработки, хранения и экспонирования своих объектов, культура такого рода не получила своего развития в лингвистике. Самое близкое, что приходит на ум в данной связи, это фонографические архивы диалектов европейских языков и, в меньших масштабах, малых языков третьего мира. Вдруг мы внезапно осознали, что гарантии на получение в любой момент данных в необходимом объеме распространяются только на количественный аспект, делать же ставку на то, что нам гарантированы их разнообразие или представительность — чистая иллюзия. Нам необходимо развивать культуру поиска лингвистического факта и его обработки.

Документация языка — это деятельность (и, сооветственно результат этой деятельности) по сбору, обработке и фиксации выборки данных некоторого языка, репрезентативной с точки зрения его структуры и дающей четкое представление о том, как и в каких целях используется этот язык. Цель этой деятельности — ознакомить с языком тех, кто не имеет к нему непосредственного доступа. Описание языка — это деятельность (и, соответственно, ее результат) по экспликации в самом общем, насколько это возможно, виде структур, лежащих в основе полученных лингвистических данных. Цель этой деятельности состоит в том, чтобы человек, пользующийся данным описанием, понимал, как работает описываемый язык.

Теоретически, документация и описание независимы друг от друга. На самом деле, следует документировать язык таким образом, чтобы будущие лингвисты могли на этой основе строить свое описание [Himmelmann 1993]; описание языка, в свою очередь, должно быть таким, чтобы служить источником данных для будущих лингвистов. На практике, однако, эти требования к качеству документации и описания превосходят возможности людей-лингвистов. Более того, граница между документацией и описанием размыта. Документация несводима к корпусу сырых данных в том виде, в каком их порождают носители языка. Документация включает тип представления данных, то есть тип лингвистического представления, например, фонетическая транскрипция, подстрочный поморфемный анализ, перевод. В этом случае документация содержит еще и анализ. Документация предполагает наличие описания, и наоборот. По этим причинам, невозможно и не нужно отделять документацию от описания. Полное описание имеет структуру, изображенную в Таблице 1.

Таблица 1

Структура описания языка

1. Документация
   1.1. Монологические тексты
   1.2. Полилогические тексты
2. Описание
2.1. Состояние языка в целом
   2.1.0. Названия языка
   2.1.1. Этнографическая ситуация
   2.1.2. Социальная ситуация
   2.1.3. Генетическая ситуация
   2.1.4. Историческая ситуация
2.2. Система языка
   2.2.1. Семантическая система
      2.2.1.1. Словарь
      2.2.1.2. Грамматика
   2.2.2. Системы выражения
      2.2.2.1. Первичная: фонология
      2.2.2.2. Вторичная: письмо
3. Пояснения к описанию
   3.1. История исследования языка
   3.2. Место настоящего описания в лингвистике.

Не все части данной структуры равнозначны. Следует, однако, осознать тот факт, что описание языка не исчерпывается описанием грамматики и что перед грамматикой в нашей схеме имеются еще три уровня.

5.2. Модели лингвистического описания

На рынке нет недостатка в лингвистических моделях. Некоторые из них в теоретическом плане достаточно адекватны или интересны. Однако в какой мере описания, выполненные на основе этих моделей, удовлетворяют требованиям полноты, понятности и адекватности, изложенным в разделе 2? Я не намерен здесь критиковать какую-либо конкретную лингвистическую модель. Достаточным будет заметить, что в действительности ни одна из существующих ныне моделей не обеспечивает полноты описания в том виде, в каком она охарактеризована в разделе 2 и пространно изложена в Таблице 1. И это неудивительно, так как почти все модели были задуманы как модели грамматики. Более того, большинство моделей не выдерживают и проверки на понятность по той причине, что они были задуманы как формальные модели, и грамматики, порождаемые ими, нужны не для того, чтобы человек их понимал, они просто не рассчитаны на это. Наибольшее беспокойство, однако, внушают неудачи этих моделей в плане адекватности. Ни одна из существующих моделей не может послужить основой для описания, которое носило бы в равной мере общий и конкретный характер в том смысле, в каком это изложено в разделе 2. Причина состоит в том, что большинство из них исходят из допущения об универсальном характере определенных грамматических категорий и отношений. То есть, в построении модели такого рода кроется попытка удовлетворить требованию универсальной ориентированности, принося в жертву требование конкретной ориентированности. Остальные модели, среди которых преобладают модели американских структуралистов, вообще не признают никаких универсальных категорий и отношений и, таким образом, приносят универсальность в жертву языковой специфике.

Значит ли это, что единая схема лингвистического описания невозможна? В некотором смысле, да, а именно, в смысле универсальной грамматики. Поскольку грамматика по своей природе специфична для каждого отдельного языка, то не существует такой модели грамматики, из которой бы выводились грамматики всех языков мира. Попытки построить такую модель исходят из ложных теоретических предпосылок. То, к чему следует стремиться, это система, обладающая следующими свойствами: во-первых: эта система должна содержать понятия, являющиеся универсальными в человеческом языке, то есть, выражаясь методологически, понятия, которые лингвистика берет как исходные. Во-вторых, в ней должен быть такой набор понятий и процедур методологического уровня, который бы позволял характеризовать любой язык.

5.3. Форма и функция

Мы уже поняли из раздела 2, что адекватное лингвистическое описание должно удовлетворять противоречащим друг другу требованиям — универсальной и конкретной ориентированности. Помимо этого, описание должно быть последовательным — то, что сходно в языке, должно сходным образом выглядеть в описании. Это требование может быть понято как зовущее к описательным формулировкам в максимально общих терминах, и в этом случае оно относится к уровню адекватности. Или же это требование может быть понято как имеющее в виду практичность и экономность использования данного описания, и тогда оно относится к уровню понятности. Как же удовлетворить эти требования?

Разгадка состоит в следующем: в основе той части дескриптивной модели, которая касается семантической системы языка, не должны лежать предположения об универсальном характере некоторых соответствий между когнитивными и коммуникативными функциями, с одной стороны, и структурными средствами — с другой. Такие соответствия устроены по-разному в каждом конкретном языке, а значит, не являются универсальными. Далее, существует универсальная система понятий когнитивного и коммуникативного уровней; равным образом, существует универсальная система понятий на уровне чисто формальной структуры. Однако такие понятия, как грамматические категории и отношения, являются воплощением конкретных соответствий между когнитивными и коммуникативными функциями, с одной стороны, и формальными средствами выражения, с другой. Их нельзя назвать универсальными. Вместо этого, они в совокупности образуют инвентарь аналитических понятий, определенных прототипически, которые в силу этого допускают "настройку" и применение к самым различным языкам.

Такая модель удовлетворяет противоречащим друг другу требованиям — опираться на общие принципы и отражать языковую специфику. Она опирается на общие принципы в силу универсальности своих оснований, которые позволяют пользователю иметь систематический доступ к материалу независимо от описываемого языка. Эта модель также отражает языкую специфику, так как затрагивает такие и только такие связи содержания и выражения, которые сложились в данном языке. Сходные явления в языке также будут сходно выглядеть и в данной модели, потому что это сходство выражается либо в когнитивных / коммуникативных, либо в формальных терминах; эта модель также обеспечивает независимый доступ к данным с точки зрения обоих подходов.

Существующие трафареты для описания произвольного языка в своем обычном варианте часто выглядят как анкеты, которые заполняются шаг за шагом. Пользователи склонны считать их слишком стесняющими. Им больше нужен гибкий формат, который можно было бы менять в соответствии со структурой конкретного языка. Трафарет, в котором разделены форма и функция, и который позволяет исследователю самому задавать связи между ними, вполне удовлетворяет этому требованию — требованию гибкости [Lehmann 1989].

5.4. Система Описания Языка

Международный совместный проект, в котором участвовали в различное время Бернард Комри и Билл Крофт, с одной стороны, и Кристиан Леман и Дитмар Цеффер — с другой, занимается разработкой такой рамки для описания произвольного языка, которая бы удовлетворяла выдвинутым требованиям [Comrie et al. 1995]. Последняя ее версия, созданная в Билефельде, носит название Системы Описания Языка (СОЯ). Ее структура изображена в Таблице 2.

Таблица 2

Система Описания Языка

Справочная часть
1. Словарь терминов
2. Общие принципы подхода (Universal frameworks)
    2.1. Коммуникация и познавательная деятельность (cognition)
    2.2. Формальная структура
3. Библиография
4. Руководство для пользователя

Собственно описательная часть

1. Документация
2. Описание
    2.1. Состояние языка в целом
    2.2. Система языка
3. Пояснение к описанию

Справочная часть СОЯ представляет собой набор компонентов, содержащих необходимую информацию по разным аспектам лингвистической деятельности. Она соответствует "помощнику" в современных коммерческих системах программного обеспечения. Собственно описательная часть представляет собой пустой каркас, имеющий точно такую же структуру, какая изображена в Таблице 1. Пользователь будет опираться на справочную секцию, используя ее методологический инструментарий и содержащиеся в ней методологические указания. От него требуется только заполнить часть собственно описания данными описываемого конкретного языка и описательными формулировками.

Для облегчения этой задачи СОЯ реализована на компьютере. Там имеется обширная система индексов и ссылок по всем частям описания, которые необходимо соотнести между собой, функции поиска, инструментарий по созданию стандартных элементов лингвистического описания, таких как словарные статьи, морфологические парадигмы или многоуровневые репрезентации примеров. Предложения СОЯ по структурированию каждой части описания могут быть использованы и неопытными новичками, но более опытный лингвист-пользователь может с тем же успехом их проигнорировать и построить описание в соотвествии со своими представлениями. Окончательное описание может быть записано в базу данных, к которой обеспечивается постоянный доступ и которая может быть использована для сравнительного анализа языков, документированных таким образом; с помощью компьютера это описание также может быть подготовлено к печати.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ситуация, сложившаяся в лингвистике на данный момент, характеризуется острой потребностью в инструментах эффективного описания языков. Система Описания Языка даст возможность большему числу лингвистов описать большее число языков с лучшим качеством и за более короткое время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ABS 1993 — Arbeitsgruppe Bedrohte Sprachen der Deutschen Gesellschaft fuer Sprachwissenschaft. Koeln, 1993.

Chomsky N. 1965 — Aspects of the theory of syntax. Cambridge (Mass.), 1965.

Comrie B., Croft W., Lehmann Chr., Zaeffer D. 1995 — A framework for descriptive grammars // Proceedings of the XVth International Congress of Linguists / Ed. by B. Crochetiere et al. V. 1. Quebec City, 1955.

Hale K. et al. 1992 — Endangered languages // Language. V. 68. 1992.

Himmelmann N. 1993 — Material ambitions // Languages of the World. V. 7, 2. 1993.

Lehmann Chr. 1989 — Language description and general comparative grammar // Reference grammars and modern linguistic theory / Ed. by G. Graustein, G. Leitner. Tuebingen, 1989.

Lehmann Chr. 1992 — Das Sprachmuseum // Linguistische Berichte. V. 142. 1992.

Lehmann Chr. 1993 — Sprachen sterben aus. // Forschung an der Universitaet Bielefield. V. 8. 1993.

Robins R., Uhlenbeck E. (eds.). 1991 — Endangered languages. Oxford; New York. 1991.

Перевела с английского *Е.Ю. Калинина*

CONTENTS

A.E. Kibrik (Moscow). On the International conference "Linguistics in the end of the XX century": results and trends; **General dynamics in the development of linguistics theory:** P.B. Paršin (Moscow). Theoretical revolutions and a methodologican coup in XX century linguistics; F.J. Newmeyer (Seattle). Controversy on formalism and functionalism in linguistics and its solution; R. M. Frumkina (Moscow). "The middle-level theories" in contemporary linguistics; **History of different linguistic schools:** A. Cienki (Atlanta). Contemporary cognitively oriented approaches in semantics: similarities and differences in theories and goals; T. M. Nikolaeva (Moscow). Theories of language-origin and its evolution — a new trend in contemporary linguistics; F. Plank (Constance). A catalogue of allegations concerning the co-variation of sound and of meaningful form; Z. M. Šaljapina (Moscow). Machine translation: evolution and contemporary trends; **"Hot spots" in linguistics:** D. Gil (Singapore). Knowledge of grammar, knowledge of language; D. Luchjenbroers (Melbourne). Discursive analysis and schematic structure; K. Bibok (Szeged). Conceptual semantic investigations in Russian and Hungarian; A.-M. di Sciullo (Montreal). Modularity; K. Lehmann (Bielefeld). Documentation on languages under threat of extinction (a topical task of linguistics).

Технический редактор *Н.С. Евсеева*

Сдано в набор 28.12.95 Подписано к печати 19.02.96 Формат бумаги 70×100 $^{1}/_{16}$
Офсетная печать Усл.печ.л. 15,6 Усл.кр.-отт. 32,6 тыс. Уч.-изд.л. 19,5 Бум.л. 6,0
Тираж 2059 экз. Зак. 3936

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, ул. Волхонка 18/2. Институт русского языка, телефон 201-74-42
Московская типография № 2 РАН, 121099 Москва, Г-99, Шубинский пер., 6